

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

**ТАЙНЫЙ СОВЕТНИК
В.П. КРАВКОВ**

**ВЕЛИКАЯ ВОЙНА
БЕЗ РЕТУШИ
Записки
корпусного врача**

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524
К78

Кравков, В.П.

К78 Великая война без ретуши. Записки корпусного врача / В.П. Кравков. — М. : Вече, 2014. — 416 с., ил. — (Военные мемуары).

ISBN 978-5-4444-2223-6

Знак информационной продукции 12+

Записки военного врача Русской императорской армии тайного советника В.П. Кравкова о Первой мировой войне публикуются впервые. Это уникальный памятник эпохи, доносящий до читателя живой голос непосредственного участника военных событий. Автору довелось стать свидетелем сражений Галицийской битвы 1914 г., Августовской операции 1915 г., стратегического отступления русских войск летом—осенью 1915 г., боев под Ригой весной и летом 1916 г. и неудачного июньского наступления 1917 г. на Юго-Западном фронте. На страницах книги — множество ранее неизвестных подробностей значимых исторических событий, почерпнутых автором из личных бесед с великими князьями, военачальниками русской армии, общественными деятелями, офицерами и солдатами.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-4444-2223-6

© Российский М.А., комментарии, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2014

Чем дальше отстоит от нас крупное историческое событие, тем ценнее свидетельства его современников, отразившие неповторимый дух, характер и атмосферу эпохи. А если их автор, оказавшийся в самом центре общественных потрясений, — человек высоко образованный, литературно одаренный, тонко чувствующий, склонный к саморефлексии, а главное — способный на глубокое осмысление происходящих вокруг событий, анализ их причин и возможных последствий, — это источник поистине уникальный. Таковы дневники участника Первой мировой войны, военного врача высокого ранга Василия Павловича Кравкова — настоящая находка для историка и любого вдумчивого читателя.

*Е.С. Сенявская, доктор исторических наук,
профессор, лауреат Государственной премии
Российской Федерации,
член Союза писателей России*

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ КРАВКОВ И ЕГО ВЗГЛЯД НА ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Первая мировая война стала одним из переломных моментов в мировой истории. Для нашей страны она ознаменовалась одновременно и подвигом русского оружия, и национальной катастрофой. Сегодня, накануне 100-летия Первой мировой войны, на повестке дня все еще стоит вопрос о выработке многоплановой картины этого сложнейшего исторического феномена, во многом заслоненного в общественном сознании более поздними по времени событиями бурного XX в. Особую ценность в этом процессе приобретают живые голоса современников, свидетелей и непосредственных участников событий вековой давности, сохраненные во фронтовых дневниках и мемуарных записках, особенно еще не изданных и малоизвестных, но обладающих несомненной историко-ведческой ценностью.

В полной мере это утверждение относится к дневникам русского военного врача Василия Павловича Кравкова, которые он вел с 8 (21) августа 1914 по 3 (16) августа 1917 г. Этот примечательный памятник эпохи, сохраненный в фондах Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) и ранее доступный лишь немногочисленным исследователям, впервые предлагается вниманию широкого круга читателей.

Кто вы, доктор Кравков?

Василий Павлович Кравков — представитель семьи, хорошо известной как историкам отечественной науки, так и знатокам прошлого Рязанского края. В плане исторической памяти, однако, ему не повезло: образы выдающихся братьев-ученых полностью

затмили фигуру высокопоставленного военного медика. И лишь ныне публикуемый исторический памятник позволяет внимательнее присмотреться к жизненному пути его автора.

В.П. Кравков родился 20 февраля (3 марта) 1859 г. в Рязани. Он стал четвертым ребенком в семье унтер-офицера Павла Алексеевича Кравкова (1826—1910), служившего старшим писарем в Управлении рязанского губернского воинского начальника. Его мать, Авдотья Ивановна (1834—1891), была дочерью крепостной крестьянки калужских помещиков Кавелиных и по семейному преданию — внебрачной дочерью К.Д. Кавелина (1818—1885), известного историка, правоведа и социолога, пользовавшегося славой талантливого публициста и общественного деятеля в годы реформ Александра II.

Всего в семье военного писаря Кравкова было девять детей — шестеро сыновей и три дочери. Несмотря на более чем скромный достаток родителей, несколько увеличившийся лишь в 1869 г., после выхода П.А. Кравкова в отставку и перехода на работу по частному найму с сохранением военной пенсии, почти всем им удалось получить хорошее по тем временам образование. Некоторым из них впоследствии удалось оставить свои имена на скрижалях истории. Значительный вклад в развитие отечественной науки внесли младшие братья В.П. Кравкова — выдающийся русский ученый, академик Николай Павлович Кравков (1865—1924), основоположник советской школы фармакологии и первый лауреат Ленинской премии (1926, посмертно), а также один из пионеров отечественного почвоведения профессор Сергей Павлович Кравков (1873—1938)¹.

В 1871—1878 гг. вместе с братьями В.П. Кравков учился в 1-й Рязанской мужской гимназии, которую окончил с серебряной медалью. В 1878—1883 гг., следуя примеру старшего брата Алексея, он продолжал обучение в Императорской Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге.

В ноябре 1883 г. В.П. Кравков начал действительную службу по военному ведомству в должности младшего врача 26-го пехотного Могилевского полка, откуда до конца того же года он был переведен в 159-й пехотный Гурийский полк. В 1884—1885 гг. молодой военный медик был прикомандирован к Оренбургскому военному госпиталю. В это время он активно занимался научной

работой, основой для которой стал его собственный врачебный опыт. В 1885 г. в Оренбурге вышел в свет первый печатный труд В.П. Кравкова — «К вопросу об участии лимфатических желез и костного мозга в острой малярийной инфекции».

В 1886 г. В.П. Кравков был прикомандирован к Оренбургскому местному батальону, в котором со следующего года исполнял обязанности старшего врача. С февраля 1888 г. он нес службу в Казанском военном госпитале, где стал врачом-ординатором. В феврале 1888 г. В.П. Кравков был произведен в титулярные советники² (со старшинством с 1883 г.), в мае за выслугу лет — в коллежские асессоры (со старшинством с 1886 г.), а в августе был награжден своим первым орденом — Св. Станислава 3-й ст. В том же году подающий надежды военный врач успешно сдал экзамен на степень доктора медицины при Императорском Казанском университете.

В 1889 г. В.П. Кравков был откомандирован в Императорскую Военно-медицинскую академию «для усовершенствования в науках». В столице вышли в свет его работа «О деятельности желудка в течении разлитого воспаления почек» (1890), а также диссертационное исследование «К вопросу о деятельности желудка в течении затяжных заболеваний почек» (1891). 31 января (11 февраля) 1891 г. постановлением конференции Императорской Военно-медицинской академии коллежский асессор Кравков, старший врач 11-го гренадерского Фанагорийского полка, был удостоен степени доктора медицины. В марте 1891 г. его произвели в надворные советники.

В последующие годы В.П. Кравков занимал должности старшего врача 137-го пехотного Нежинского полка (1892—1895), Брянского местного арсенала (1895—1896), 138-го пехотного Болховского полка (1896—1899). Не оставлял он и научных трудов — в 1894 г. в Москве была издана его работа «Случай гнойного воспаления печени на почве малярийного заболевания». Безупречная служба Василия Павловича в этот период была отмечена орденами Св. Анны 3-й ст. (декабрь 1895) и Св. Станислава 2-й ст. (декабрь 1899). В 1899—1900 гг. он продолжал службу в качестве старшего врача сводного лазарета 1-й бригады 35-й пехотной дивизии в Рязани.

В 1892 г. В.П. Кравков женился на Елене Алексеевне Лукиной (1871 — ок. 1922), потомственной дворянке Рязанской губернии. В его семье было двое детей — сын Сергей (1893—1951) и дочь

Елизавета (1895—1972). С.В. Кравков впоследствии стал известным советским ученым, психологом и психофизиологом, членом-корреспондентом АН и АМН СССР (1946). Он считается одним из основоположников физиологической оптики — научной дисциплины, представляющей собой синтез знаний о физиологических, физических и психологических закономерностях, характеризующих функцию органов зрения³.

В 1900—1905 гг. В.П. Кравков служил дивизионным врачом 35-й пехотной дивизии XVII армейского корпуса, штаб которой располагался в Рязани. В январе 1901 г. он был произведен в статские советники, в декабре 1903 г. — награжден орденом Св. Анны 2-й ст.

1904—1906 гг. Василий Павлович провел в рядах действующей армии на Русско-японской войне. В августе 1904 г., во время Ляоянского сражения, ему пришлось несколько дней работать под огнем противника. Война стала этапным событием в жизни В.П. Кравкова, перевернувшим многие взгляды на привычные вещи. Еще по пути в Маньчжурию он начал вести дневниковые записи, в которых суммировал свои наблюдения и оценки пережитого. Его работа в боевой обстановке была отмечена мечами к ордену Св. Анны 2-й ст. (1904), орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1904), а также орденом Св. Владимира 3-й ст. с мечами (1905).

В октябре 1906 г. В.П. Кравков был произведен в действительные статские советники — гражданский чин 4-го класса по Табели о рангах, соответствовавший армейскому генерал-майору. По достижении этого чина он, согласно законам Российской империи, получил возможность претендовать на права потомственного дворянства и в 1908 г. был вписан в III часть Дворянской родословной книги Рязанской губернии как основатель нового рода.

В 1906—1908 гг. В.П. Кравков служил в Москве в должности корпусного врача, в 1908—1910 гг. — в Ярославле, где стал бригадным врачом 53-й, а позднее 62-й пехотной резервной бригады. Причиной перевода в Ярославль с понижением по службе явился арест проживавшего в июле 1908 г. в доме Василия Павловича племянника — Максимилиана Алексеевича Кравкова (1887—1937), студента Императорского Санкт-Петербургского университета, оказавшегося членом боевой группы революционеров, готовившей покушение на московского генерал-губернатора С.К. Гершельмана⁴.

В Ярославле В.П. Кравков начал работу над научно-популярной книгой о сущности заразных болезней и мерах их профилактики, о санитарно-эпидемиологическом состоянии многих российских городов, содержание которой базировалось на его собственном большом опыте практического и войскового врача. Эта работа вышла в свет в 1910 г. в Ярославле под заглавием «Заразные факторы людского злополучия и рациональные формы практической постановки мер личной, общественной и правительственной борьбы с ними». Книга оказалась востребованным пособием для врачей-гигиенистов начала XX в.

В 1910 г. Василий Павлович был перемещен на должность корпусного врача XXV армейского корпуса и вернулся в Москву. С лета 1914 г. город стал постоянным местом жительства всей его семьи.

В 1914—1917 гг. В.П. Кравков принимал участие в Первой мировой войне. В августе — сентябре 1914 г. в составе XXV армейского корпуса (4-я армия, Юго-Западный фронт) он участвовал в Галицийской битве. Его деятельность в начальный период войны была отмечена орденом Св. Станислава 1-й ст. (февраль 1915) и Св. Анны 1-й ст. (май 1915). С сентября 1914 по декабрь 1915 г. Василий Павлович занимал должность помощника начальника санитарного отдела штаба 10-й армии (Северо-Западный, затем Северный фронт), в декабре 1915 г. был назначен корпусным врачом XLIV («Осовецкого») армейского корпуса, в январе 1916 г. — переведен на ту же должность в XXXVII армейский корпус. С апреля 1916 г. и до увольнения из армии В.П. Кравков служил корпусным врачом VII Сибирского корпуса, воевавшего на Северном, а затем на Юго-Западном фронте.

В.П. Кравков приветствовал Февральскую революцию 1917 г. и был востребован в период пребывания у власти Временного правительства. В апреле 1917 г. его произвели в тайные советники — гражданский чин 3-го класса, соответствовавший армейскому генерал-лейтенанту. В июне 1917 г. Н.Н. Бурденко предлагал его кандидатуру для замещения вакантной должности Московского окружного военно-санитарного инспектора, однако это назначение так и не состоялось.

В июле 1917 г. В.П. Кравков был уволен из армии приказом начальника санитарного управления Юго-Западного фронта, за которым стояли интриги Совета санитаров Упанюзов, подозревав-

шего заслуженного военного врача в «недостаточном углублении демократических начал» в своей работе. В августе 1917 г. он вернулся в Москву.

Сведения о следующем годе жизни В.П. Кравкова крайне скудны. Неизвестно, где он встретил Октябрьскую революцию 1917 г., как воспринял установление советской власти, где служил и чем занимался все это время. Первые сведения о деятельности Василия Павловича после Октябрьской революции относятся лишь к осени 1918 г., когда заслуженного военного врача привлекли к организации военно-санитарных служб советского государства. В октябре 1918 г. под его руководством была создана амбулатория управления делами Реввоенсовета Республики. Он возглавлял ее до осени 1919 г., в дальнейшем продолжал сотрудничество с советскими военно-санитарными учреждениями.

Жизнь В.П. Кравкова оборвалась трагически. В июле 1920 г. он был арестован органами ВЧК по обвинению в злоупотреблениях при оформлении освобождений от призыва в РККА. 13 июля 1920 г. Василий Павлович был осужден Президиумом ВЧК и приговорен к высшей мере наказания. Скорее всего, согласно традициям того жестокого времени, его расстреляли в тот же день. Место его захоронения неизвестно и поныне.

Дневники военные и не военные

Привычка вести дневниковые записи выработалась у В.П. Кравкова в годы Русско-японской войны. Мобилизация, затронувшая и стоявшие в Рязани войска 35-й пехотной дивизии, совпала по времени с глубоким внутренним кризисом в семье Кравковых. Несовместимость жизненных позиций супругов создавала все новые и новые поводы для взаимной конфронтации. Отправляясь на фронт с тяжелым предчувствием, что с войны уже не вернется, Василий Павлович серьезно беспокоился за воспитание детей, оставшихся на попечении жены. Так и появилась у него идея хоть опосредованно, через текст дневника, но донести до 11-летнего сына Сергея и 9-летней дочери Ляли, когда те повзрослеют, свои мысли и переживания, призванные стать для них нравственным ориентиром во взрослой жизни.

Однако с войны В. П. Кравков вернулся живым, здоровым, с тремя боевыми орденами и чином «штатского генерала». Несмотря на длительное отсутствие дома, частая переписка позволила ему оказать достаточное влияние на воспитание сына и дочери, во многом ставших его единомышленниками. Дневниковые записи, задуманные как «загробное напутствие» отца детям, таким образом, не были использованы по прямому назначению. Но ставшие итогом ежедневных наблюдений и размышлений записки, очевидно, были интересны не только родственникам и друзьям автора. Они были подвергнуты литературной обработке и, судя по написанному в 1912 г. предисловию, готовились к печати. Однако при жизни Василия Павловича их издание так и не было осуществлено. До настоящего времени из дневника Русско-японской войны опубликован лишь значительный фрагмент, повествующий о Ляоянском сражении, который появился в 1991 г. на страницах альманаха «Время и судьбы» благодаря усилиям В. Ф. Молчанова⁵. Основной же массив дневников В. П. Кравкова периода Русско-японской войны еще ждет своих исследователей и публикаторов.

Интересно отметить, что привычка вести дневниковые записи сохранилась у Василия Павловича и в мирное время. В фондах НИОР РГБ имеется ряд его записок, датируемых 1907–1914 гг. В основном они посвящены отношениям с супругой, ставшим в эти годы еще более проблемными.

Неудивительно, что в августе 1914 г., оказавшись на фронтах новой войны — Первой мировой, — В. П. Кравков без труда вернулся к практике письменной фиксации впечатлений переживаемого момента. Итогом его ежевечерних бдений стал интересный письменный памятник, доносящий до нас живой голос непосредственного участника масштабного исторического события.

Кампанию 1914 г. В. П. Кравков начал в должности корпусного врача XXV армейского корпуса. В составе 4-й армии Юго-Западного фронта он участвовал в сражениях Галицийской битвы на территории Холмской, а затем Люблинской губернии, обеспечивал эвакуацию раненых в ходе сражения у Замостья в августе — сентябре 1914 г., затем вместе с частями корпуса вошел в австрийскую Галицию.

Дневниковые записи Василия Павловича за август 1914 г. носят отрывочный, порой схематичный характер. Чувствуется, что фрагменты, посвященные первым дням войны, он планировал впоследствии отшлифовать и дополнить, однако сделать этого так и не успел. Обстановку в штабе XXV армейского корпуса В.П. Кравков рисует преимущественно через призму своих не очень приятных отношений с командиром корпуса генералом от инфантерии Д.П. Зуевым и начальником штаба генерал-майором Л.В. Федяем. Им хорошо передано замешательство штабных чинов в первые дни военных действий, атмосфера подозрительности и шпиономании (не всегда, впрочем, обосновательных), недостаточное внимание корпусного начальства к вопросам санитарного обеспечения и снабжения войск, сумятица и неразбериха поспешного отступления частей корпуса от Замостья на Красностав, а затем и на Избицу. Горький опыт неудачной для русского оружия войны в Маньчжурии заставил автора дневника быстро пасть духом, увидев в действиях корпуса знакомые по прошлой кампании признаки военного поражения. Видимо, воспоминаниями о пережитом на Русско-японской войне вызвано то крайнее недоверие, с которым В.П. Кравков относился к известиям об успехах русских войск в Восточной Пруссии и на львовском направлении. Однако возвращение взятого было австрийцами Красностава, а затем Замостья, и уверенное продвижение частей корпуса к русско-австрийской границе подействовало на него воодушевляюще.

2 (15) сентября 1914 г. В.П. Кравков, следуя со штабными чинами в обозе корпуса, пересек государственную границу Австро-Венгрии у деревни Мощаницы. «Сердце замирает от сознания, что австрийцы из нашей земли изгнаны, и мы ступаем на их землю», — записал он вечером того же дня. Страницы дневника точно отражают обстановку, в которой проходило вступление русских войск в Галицию: толпы австрийских пленных, масса брошенного отступавшим противником имущества, проблемы с продовольствием и ночлегом в бедных польских деревушках. Большое впечатление произвело на автора пребывание в Сеняве, роскошном и богатом памятниками духовной и материальной культуры имени князей Чарторыйских.

Однако долго находиться в австрийской Галиции ему не пришлось — через две недели телеграммой из штаба 4-й армии

В.П. Кравков был извещен о назначении на должность начальника санитарного отдела штаба 10-й армии Северо-Западного фронта. Для переезда к новому месту службы ему пришлось предпринять длительное путешествие через занятые русскими войсками австрийские земли, Люблинскую и Холмскую губернии Царства Польского. Описание этой поездки, встреч и разговоров с местным населением, картины прифронтового Люблина и тылового Холма содержат немало интересных заметок, раскрывающих панораму жизни в западных губерниях Российской империи осенью 1914 г.

На новом месте службы — в штабе 10-й армии, располагавшемся в октябре 1914 г. в Красностоцком Рождествено-Богородицком женском монастыре, В.П. Кравкову пришлось фактически взять на себя основные заботы по созданию и налаживанию функционирования санитарного отдела. Неприятной для него особенностью организации санитарных отделов армий оказались положения исправленного в августе 1914 г. Устава о полевой службе (1912), согласно которым руководителями этих учреждений вместо военных врачей назначались строевые офицеры, зачастую обладавшие весьма приблизительными представлениями о санитарии. Возникла также некомфортная для автора ситуация, когда он, действительный статский советник, т.е. «штатский генерал», оказался подчиненным начальника санитарного отдела — армейского полковника. Сложившееся положение стало причиной постоянных трений в служебных отношениях В.П. Кравкова с А.О. Завитневичем, а в 1915 г. — и с его преемником В.П. Евстафьевым.

Фоном для событий конца 1914 — начала 1915 г., описанных в дневнике В.П. Кравкова, стала Лодзинская операция, проводившаяся войсками 1-й, 2-й и 5-й армий Северо-Западного фронта генерала от инфантерии Н.В. Рузского. 10-я армия генерала от инфантерии Ф.В. Сиверса прикрывала тыл операции со стороны Восточной Пруссии. Перед ней была поставлена задача овладеть районом Мазурских озер.

Фронтальное наступление в лесисто-болотистой местности Восточной Пруссии развивалось тяжело. Его условия усугубились еще тем, что к концу первой недели ноября 1914 г. установилась морозная погода, русские же войска оказались без теплой одежды. Итогом продвижения частей 10-й армии по германской территории

стал выход на линию Мазурских озер, овладеть же этим районом так и не удалось. В середине ноября события на Висле потребовали переброски резервов армии к Варшаве.

Лодзинская операция завершилась с неопределенным исходом. С одной стороны, удалось предотвратить осуществление плана германского командования по окружению 2-й и 5-й русских армий. С другой стороны, планировавшееся наступление русских войск вглубь Германии также было сорвано. По окончании операции лишились своих постов командующие 1-й и 2-й армиями генералы от кавалерии П.К. фон Ренненкампф и С.М. Шейдеман.

Дневниковые записи В.П. Кравкова отразили циркулировавшие в среде генералитета и офицерства слухи, обвинявшие П.К. фон Ренненкампфа в преступном бездействии в дни катастрофы 2-й армии А.В. Самсонова в августе 1914 г. Негативное отношение автора к личности командующего 1-й армией во многом подогревалось его постоянным собеседником генерал-майором Г.Д. Яновым, начальником этапно-хозяйственного отдела штаба 10-й армии, которому за время службы в штабе П.К. фон Ренненкампфа удалось накопить немало компромата на своего бывшего шефа.

В ноябре 1914 года штаб армии вслед за наступающими войсками переместился на территорию Восточной Пруссии и расположился в городке Маргграбов (ныне Олецко в Польше). 7 (20) ноября в дневнике В.П. Кравкова появились первые впечатления от пребывания в Германии: «Боже мой, какая потрясающая картина всеобщего разрушения; в селениях ни одной живой души; здания все исковерканы как после землетрясения. Около часу дня прибыл в Маргграбово, бывшее, очевидно, до войны весьма благоустроенным местечком, а теперь... теперь представляющ[ее] все ту же надрывающую душу картину опустошения и разгрома; выбиты зеркальные стекла в магазинах, все в них переверочено, разбито, перековеркано; по улицам разбросаны зонты, манекены, шляпы, платки, битые бутылки, лампы, вазы, изорванные книги, ноты, картины, всякая утварь. Здания с пробитыми крышами и зияющими без рам и стекол окнами; водопроводные, электрическ[ие] осветительные и обогревательные сооружения в домах все приведены в негодность злобно-мстительной рукой удалившегося врага; жизнь, когда-то бившая ключом, здесь совершенно замерла; и как-то

странно видеть, что среди всеобщего разрушения часы на костеле продолжают ходить и бить».

В Маргтрабове В.П. Кравкову довелось задержаться надолго. Здесь, вместе с приехавшим навестить его сыном Сергеем, он встретил новый, 1915 год. Частые поездки по военно-санитарным учреждениям, расположенным в городках Восточной Пруссии, оставили на страницах его дневника много интересных заметок о жизни этого региона в период пребывания в нем русских войск.

Вскоре после начала Августовской операции в январе 1915 г. штабу 10-й армии пришлось поспешно эвакуироваться из Маргтрабовы. «Отступаем в большом беспорядке, — отмечал Василий Павлович в первых числах февраля, — много утеряно обозов, интендантск[ого] имущества, скота и пр. Не со всеми частями штаб вошел в связь... Положение наших войск в отношении продовольствия — отчаянное».

Вину за беспорядочный характер отступления, повлекшего за собой гибель в окружении 20-го армейского корпуса генерал-лейтенанта П.И. Булгакова, автор дневника возлагал преимущественно на командование 10-й армии — Ф.В. Сиверса и начальника штаба генерал-майора барона А.П. фон Будберга. В этом плане интересно сопоставить дневник В.П. Кравкова с «самооправдательными» мемуарными записками самого А.П. фон Будберга, впоследствии видного деятеля Белого движения и русской эмиграции, в которых он освящал действия штаба 10-й армии в период зимних боев 1915 г. под Августовом в подчеркнуто выгодном для себя ключе, обвиняя в произошедшем одного лишь Ф.В. Сиверса⁶.

С февраля 1915 г. новым пристанищем штаба 10-й армии стал губернский город Гродно. Здесь В.П. Кравкову довелось неоднократно быть застольным собеседником великого князя Андрея Владимировича, приехавшего для выяснения причин отступления 10-й армии. Заслуживают также внимания отзывы автора дневника о новом командующем армией — генерале от инфантерии Е.А. Радкевиче, о начальнике штаба генерал-майоре И.И. Попове, о других чинах штаба и их взаимоотношениях.

В Гродно В.П. Кравков узнал, что его работа в начальный период войны была отмечена орденом Св. Станислава 1-й ст., пожалованным ему высочайшим приказом от 25 января (7 февраля) 1915 г. «Теперь я, значит, генерал настоящий, — с юмором комментировал

свое награждение Василий Павлович, — со звездой и лентой через плечо». Вскоре последовало и новое отличие — 3 (16) мая 1915 г. он стал кавалером ордена Св. Анны 1-й ст.

Пасхальные дни 1915 г. В.П. Кравков провел в отпуске в Москве. Наведывался он также и в Петроград по делам службы, встречался с братьями Николаем и Сергеем. Однако пребывание среди родных не принесло ему душевного успокоения: мысли о здоровье дочери, с 1907 г. страдавшей прогрессирующей глухотой, отравляли все его существование. Видимо, в них прежде всего стоит искать причины минорного настроения автора дневника в последовавшие летние месяцы.

Все лето 1915 г. прошло под знаком начавшегося «великого отступления» русской армии из польских и прибалтийских губерний. В.П. Кравков тяжело переживал неуспехи российского оружия, видя его основную причину в несовершенстве государственного устройства империи, бесталанности полководцев, равнодушии военно-бюрократической машины к судьбам простых защитников Родины.

В августе 1915 г. в Гродно к отцу приехал сын Сергей. 11 (24) августа 1915 г. В.П. Кравков записал: «Мой Сергунюшка уже не первый день как живет со мной и наблюдает во всех характерных особенностях все творящееся у нас здесь на передовом театре; он с начала войны считал меня за мрачного пессимиста в предсказаниях и предвидениях относител[ьно] могущего и долженствующего (логически) быть для нас прескандального по позору оборота боевых действий с немцами; свою скорбную прогностику я всегда старался обосновать в его глазах путем индуктивным, с обращением каждый раз его внимания на каждую мелочь — как на микрокосм. Теперь для его взора открылось более широкое поле размышлений на проклятую тему наших частых споров о первопричине и законосообразности того, что действительность во всех изгибах российской истории не может быть иной, как лишь очень и очень безотраднo грустной. Здесь, на театре войны, он неожиданно оказался в положении Данте в аду, по к[ото]рому вожу его я в качестве Вергилия. Смотри, слушай, внимай, анализируй и делай выводы...»

До конца августа 1915 г. санитарный отдел штаба 10-й армии был эвакуирован из Гродно в Вилейку, а осенью был переведен к осталь-

ным штабным учреждениям в Минск. Вращение в специфической среде высокопоставленных кадровых военных, не отличавшихся широтой интеллектуальных горизонтов, угнетало В.П. Кравкова. Ежедневно видя перед глазами картины нравственного разложения штабного офицерства и генералитета, он все больше приходил к выводу о необходимости поиска иного места службы, пусть и на более низком уровне, чем штаб армии. Воспользовавшись отпуском на Рождество и новый, 1916 год, проведенным, как и прежде, в Петрограде и Москве, Василий Павлович добился своего перемещения на менее престижную, но более соответствовавшую его жизненной позиции должность корпусного врача.

В ходе непродолжительной службы в штабе XLIV армейского корпуса, располагавшегося в селе Ивенец Минского уезда и губернии, В.П. Кравкову довелось познакомиться с генерал-лейтенантом Н.А. Бржозовским, бывшим комендантом крепости Осовец и руководителем ее обороны в минувшем году, а также с будущим советским военачальником и военным историком М.С. Свечниковым, в то время — подполковником, исполнявшим обязанности начальника штаба корпуса. Люди и обстановка в прифронтовом штабе корпуса разительно отличались в лучшую сторону от той, которую Василий Павлович наблюдал в штабе армии. Это позволило ему несколько успокоиться душой.

В конце января 1916 г. В.П. Кравков узнал о своем переводе в 12-ю армию Северного фронта на должность корпусного врача XXXVII армейского корпуса, который формировался в Риге. Столица Прибалтийского края очаровала его. «Вкушаю своеобразные прелести жить в большом культурном центре при отсутствии в нем людского кипения, — писал Василий Павлович 14 (27) февраля 1916 г. — Тишина и покой — нет суетолики, нет снующей массы людей, да и солдаты попадаются не на каждом шагу, скромно погромыхивают трамваи под аккомпанемент редкой артиллерийской канонады, музыкально как-то звучат бубенчики изящных фурманщиков; здесь люди иной нации, по привычке ошибочно иногда в обращении их назовешь “пане”. Все-все здесь пропитано немецким духом».

Одной из основных забот В.П. Кравкова в это время была организация противогАЗОВОЙ защиты вверенных его попечению во-

инских частей. Также пристальное внимание уделялось борьбе с цингой и тифом.

Теплые, дружеские отношения сложились у В.П. Кравкова с корпусным командиром — генерал-лейтенантом Д.А. Долговым, с которым он был знаком еще по службе в XXV армейском корпусе. Человек разносторонних интересов, он разделял и либеральные политические взгляды Василия Павловича. Поэтому, когда в апреле 1916 г. Д.А. Долгов был переведен на должность командира VII Сибирского армейского корпуса, также державшего оборону в окрестностях Риги, за ним вскоре последовал и корпусной врач.

В июле 1916 г. военно-санитарные учреждения VII Сибирского корпуса успешно справились с массовым потоком раненых, вызванным неудачным наступлением частей 12-й армии на Бауском направлении под руководством давнего знакомого Василия Павловича по Русско-японской войне — генерала от инфантерии А.Н. Куропаткина, с февраля 1916 г. занимавшего должность главнокомандующего армиями Северного фронта. Командир корпуса Д.А. Долгов «за боевые отличия» представил В.П. Кравкова к производству в следующий чин — тайного советника, соответствовавший армейскому генерал-лейтенанту. Однако в штабе 12-й армии документу не дали ход, и корпусной врач был награжден лишь мечами к имевшемуся у него ордену Св. Анны 1-й ст. Этого отличия В.П. Кравков был удостоен высочайшим приказом от 1 (14) января 1917 г.

Записки «рижского периода» службы Василия Павловича также интересны его оценками командующего 12-й армии генерала от инфантерии Р.Д. Радко-Дмитриева, начальника штаба армии генерал-лейтенанта В.В. Беляева, сведениями о деятельности общественных организаций, содействовавших работе военно-медицинских учреждений.

В августе 1916 г. VII Сибирский корпус был переведен на Юго-Западный фронт и включен в 7-ю армию генерала от инфантерии Д.Г. Щербачева⁷. В.П. Кравков вновь оказался в занятой русскими войсками австрийской Галиции. После элегантной Риги местом его пребывания стало захолустное местечко Завалов (ныне село в Подгаецком районе Тернопольской области Украины). Здесь в октябре 1916 г. ему довелось пережить неудачную попытку на-

ступления войск 7-й армии, стоявшую поста командиру корпуса Д.А. Долгову. По дневниковым записям этого времени видно, как все отчетливее проявлялись грозные симптомы разложения армии, а политическая обстановка в России, за которой на фронте следили по газетам, становилась день ото дня все напряженнее.

В декабре 1916 г. В.П. Кравков отправился в очередной отпуск домой. Накануне его отъезда вся русская пресса говорила лишь об одном — о загадочном убийстве фаворита царской семьи Г.Е. Распутина. Василий Павлович искренне возмущался: «Смерть какого-то проходимца Распутина заслонила, по-видимому, все события фронта и тыла; и это — в момент великой трагедии, решающей судьбы русского народа! До какого падения дошла страна, доведенная бухарской системой управления!»

31 декабря 1916 г. (12 января 1917 г.) В.П. Кравков записал в свой дневник: «Последний день проклятого года. Прочитал на досуге литературу по истории французской революции. Как много похожего на переживаемый теперь кавардак во внутренней политической жизни России!»

В первые дни нового, 1917 года Василий Павлович посетил Петроград. Визит по служебным делам в Главное военно-санитарное управление произвел на него тягостное впечатление: «Карьерный пафос, протекционистское засилье без разбора средств достижения идут во всю ширь российского бесстыдства... Великие князья, великие княгини... наибольшие военные магнаты бесцеремонно расправляются ставленничеством на жирные и пухленькие местечки чуть ли не своих денщиков и камердинеров. Главный инспектор беспрекословно творит волю господ положения... Творятся подлости безо всякого оттенка благородства...» Общественные настроения в столице империи также оставляли желать лучшего: «По адресу “темных сил” и творящегося озорства в “сферах” все настроены возбужденно и озлобленно, можно сказать — революционно. Жадуют с нетерпением все дворцового переворота... с удовольствием это все смакуют». «Кошмарное ожидание имеющего совершиться чего-то катастрофического», — подытожил он свои впечатления от внутреннего положения в уставшей от войны стране. Минуты отдыха среди родных также не приносили успокоения,

напоминая Василию Павловичу о горе дочери, помочь которому он был не в силах.

Несмотря на то что во время отпуска В.П. Кравков констатировал назревание революционной ситуации в России, Февральская революция 1917 г. стала для него полной неожиданностью. Человек либеральных взглядов, симпатизировавший партии кадетов, поначалу он воспринял ее восторженно. 12 (25) марта 1917 года он писал: «Переживаю медовые дни нового мирозидания — российского возрождения! Теперь мы, россияне, на к[ото]рых наши культурные союзники вправе были смотреть брезгливо, делаемся равными среди них. Уж не будет теперь наш экс-бухарский режим находиться в кричащем противоречии с возвышенными освободительными началами, из к[ото]рых сложилась для союзников наших идеология текущей войны! Союзники наши уже не будут теперь в компании с “дурным обществом”... Самодержавие проклятое, как ни на какую из живых сил не опиравшееся, довело себя до логического конца: навеки сгнуло в атмосфере смрадных газов!»

Однако картины прогрессирующего разложения армии и падения воинской дисциплины уже в конце апреля заставили Василия Павловича разочароваться в «свободной России». Не помогло и запоздалое производство в чин тайного советника, о котором он был извещен телеграммой из Петрограда 11 (24) мая 1917 г. Словно по иронии судьбы, как раз в это время обращение «господин тайный советник», введенное вместо старорежимного «ваше превосходительство», уже активно вытеснялось новыми — «гражданин» и «товарищ»...

Заслуживают внимания запечатленные на страницах дневника взгляды В.П. Кравкова и окружающего его офицерства на политические процессы в стране, на их влияние на боеспособность армии. Весьма характерны для рассматриваемой эпохи и той социальной среды, к которой принадлежал Василий Павлович, критические оценки деятельности левых партий, и в частности — большевиков, появляющиеся в дневнике с апрельских дней 1917 г.⁸

В июне 1917 г. Н.Н. Бурденко, только что оставивший пост и.д. главного военно-санитарного инспектора, предлагал кандидатуру В.П. Кравкова для замещения вакантной должности Московского

окружного военно-санитарного инспектора, однако это назначение так и не состоялось. Василий Павлович грустно констатировал: «До революции существовал царский и бюрократический протекционизм и nepoтизм, теперь загулял во всю ширь протекционизм и nepoтизм “революционный!”»

Провал плохо подготовленного Временным правительством июньского наступления 1917 г., вызвавший отход полностью разложившихся соединений русской армии из последних оставшихся под ее контролем районов Австро-Венгрии, поверг В.П. Кравкова в еще большее уныние. «Русь теперь в параличе, из всех способностей сохранилась у нее еще единственная способность неистощимого словоговoreния, обусловленного неизлечимой болезнью зуда языка, и во власти разгула стихий, слившихся из фанатизма, невежества, авантюризма, провокации и предательства!..» — писал он в начале июля 1917 г. Разгулявшаяся солдатская вольница заставляла его задаваться вопросом: «Было ли в истории человеческих революций что-нибудь подобное нашей революции, чтобы свобода превращалась в безумный разврат и воины “революционной” армии теряли чувство чести, совести и любви к родине?!»

7 (20) июля 1917 года В.П. Кравков был уволен из армии приказом начальника санитарного управления Юго-Западного фронта. Как ему удалось выяснить, за ним стояли интриги Совета санитаров Упсанюз, подозревавшего заслуженного военного врача в «недостаточном углублении демократических начал» в работе. По этому поводу Василий Павлович пророчески писал: «Я так рад, что окончательно уезжаю с этого кровавого поля битв славной “революционной” всероссийской армии, оскверненного небывалой еще в истории человечества какой-то отвратительной мешаниной людского идиотизма с классическо-русским срамом, позором и бесчестьем. Еду теперь уже на третью кампанию — на гражданскую войну, ч[то]б[ы] умирать вместе с своей семьей».

С фронта В.П. Кравков отправился домой в Москву. Об окружавшей его действительности он с грустью писал: «Бюрократическая самодержавная сволочь прежнего режима сменилась самодержавной хамократической сволочью нового режима». Новые политические тенденции в жизни страны вызывали у него мрачные

предчувствия. «Чувствуется, что мы, взрослые люди, попали в плен к озорникам-гимназистам!.. — писал он в июле 1917 г. — Были раньше царские холуи, теперь — не оберешься холуев презренной черни, явочным порядком захватывающих себе вкусные жареные кусочки и теплые местечки... Одно утешение, что все эти проходимцы будут иметь продолжительность жизни мыльных пузырей».

3 (16) августа 1917 г. В.П. Кравков вернулся в Москву и прекратил ведение своего дневника. За три года войны из-под его пера вышел оригинальный исторический источник, полный ценных свидетельств очевидца важных исторических событий. Записки Василия Павловича содержат уникальные сведения «из первых рук» об обстановке в штабах русских армий и в войсках, повествуют о его встречах с великими князьями и видными военачальниками русской армии. Его талант ученого-медика, с присущими ему наблюдательностью, скрупулезной методичностью и аналитическим подходом к окружающей действительности, таким образом, сослужил хорошую службу также и отечественной исторической науке.

Весной 1919 г., чуть более чем за год до своего ареста и гибели в застенках ВЧК, В.П. Кравков передал Румянцевскому музею большую часть документов своего домашнего архива — военные дневники и многочисленные документальные приложения к ним, письма, газетные вырезки, карты и многое другое. Благополучно пережив десятилетия забвения в архивном хранилище «Ленинки» и в фондах НИОР РГБ, наиболее ценные из этих свидетельств минувшей эпохи теперь становятся доступными широкому кругу читателей.

Научная ценность дневников В.П. Кравкова

Военные дневники В.П. Кравкова — уникальный комплекс исторических документов, отличающихся ярким и образным языком. В них раскрываются картины жизни русской армии в ходе двух войн начала XX в., оказавших значительное влияние на дальнейшее развитие российского общества. Подмеченные автором дневников сцены прифронтовой жизни подвергаются осмыслению хорошо

информированным, думающим человеком с широкими интересами, обширным научным и общекультурным кругозором. Оценки видных деятелей и знаковых событий своего времени, даваемые автором, заслуживают внимания отечественных историков, которые в канун 100-летнего юбилей Первой мировой войны получают в свое распоряжение ранее малоизвестный и труднодоступный исторический источник.

Согласно предложенной А.С. Рейнгольдом классификации военных дневников, разделяющей подобного рода исторические документы на шесть категорий, записки В.П. Кравкова можно отнести ко второму типу — «дневники командиров средних соединений, описывающих военный опыт...»⁹ Однако такое определение не лишено некоторой доли условности: все же автор дневника, хотя и служил по военному ведомству, не был кадровым военным и в своих записках подчеркнуто дистанцируется от военной касты, неизменно акцентируя неприглядные моменты в поведении ее представителей. Данное обстоятельство, на наш взгляд, показывает, что предлагаемая А.С. Рейнгольдом классификация, при всех ее очевидных достоинствах, все же нуждается в дальнейшей проработке и уточнении, поскольку в нынешнем виде, к сожалению, не учитывает всего многообразия разновидностей жанра «военный дневник».

Как представляется, научная ценность военных дневников В.П. Кравкова заключается прежде всего в богатой информации о социально-психологической стороне Русско-японской и Первой мировой войн, о восприятии этих событий различными сегментами русского общества как на фронте, так и в тылу, в том числе — с оглядкой на происходившие в стране общественно-политические процессы. В этом контексте понятен интерес современных исследователей к наследию В.П. Кравкова. Показательным, на наш взгляд, является факт использования опубликованных на тот момент фрагментов его дневника периода Русско-японской войны в работах основоположника военно-исторической антропологии и психологии Е.С. Сенявской¹⁰. С публикацией записок В.П. Кравкова за 1914—1917 гг. существенно расширяется источниковая база для работы специалистов, занимающихся вопросами психологии участников вооруженных конфликтов.

Очевидно, что комплексное изучение дневников В.П. Кравкова принесет немало нового и в историографию собственно Первой мировой войны. Нельзя не согласиться с современным исследователем И.В. Образцовым, справедливо отметившим, что «история Первой мировой войны в отечественной и зарубежной литературе в основном представлена работами, анализирующими военно-политическую, оперативно-тактическую и социально-экономическую составляющие конфликта. Социологическая и социально-психологическая стороны проблемы оставались, как правило, вне поля зрения исследователей. А ведь сущность причин, по которым Россия по окончании Первой мировой войны не оказалась ни в лагере победителей, ни в стане побежденных, лежит именно в области анализа ее “живой силы” — психического состояния и социального самочувствия военнослужащих на фронте и гражданского населения в тылу»¹¹. Военные дневники В.П. Кравкова дают благодатный материал для анализа именно этих аспектов военного конфликта, пропущенного через призму личностного восприятия автора.

Таким образом, в настоящее время имеются все основания полагать, что дневники В.П. Кравкова, первым шагом к изучению которых является настоящая публикация, окажутся востребованными как российским и зарубежным научным сообществом, так и всеми, кто интересуется отечественной историей.

В заключение автор настоящей публикации хотел бы искренне поблагодарить заведующего НИОР РГБ В.Ф. Молчанова, чья работа 1991 г. послужила образцом для обработки и комментирования текста В.П. Кравкова, профессора Рязанского государственного медицинского университета им. И.П. Павлова Д.Г. Узбекову, автора первой комплексной биографии видных представителей семьи Кравковых, за постоянную консультативную поддержку, а также создателя интернет-проекта «Русская армия в Великой войне» А.А. Лихотворика за возможность использования картотеки проекта при составлении примечаний к тексту.

Текст дневников В.П. Кравкова воспроизводится по рукописному оригиналу (РГБ, НИОР, ф. 140, к. 6—7) с сокращениями.

М.А. Российский,
кандидат исторических наук

ДНЕВНИК В.П. КРАВКОВА

1914

АВГУСТ

8 августа¹². Светлое лазурное небо. Третий день нашей стоянки в *Холме*¹³. Не хотел было писать дневника, да и не мог от волнения при виде того, что все совершающееся вокруг является точной копией всего того, что пришлось наблюдать еще и в японскую кампанию¹⁴; уже не было и не чувствовал в себе захвата новизны от впечатлений бытия, к[ото]рого судьбе угодно было заставить меня проживать вторично. Но как ни тяжело мне браться за перо — не могу я молчать, ч[то]б[ы] хотя в слабых штрихах не отмечать всей бездны вставшей передо мной теперь кошмарной действительности, превзошедшей организационным развалом, моральной расстреленностью и умственным отупением высшего командного состава даже и то, что мне пришлось видеть в злополучные дни минувшей кампании. Передо мной неподдающаяся описанию мрачная картина полного разгула наглого самодурства, безбрежного невежества в своем деле, забубенного узколобого эгоизма, вопиющей бессовестности, совершенного отсутствия у власти стоящих людей и элементарного чувства долга, и чувства значительности переживаемого Россией момента. [...] Начальник штаба — полоумный Федяй¹⁵, вернее «Балдяй», говорит нелепые вещи, делает противоречивые приказания своим подчиненным, из к[ото]рых нек[ото]рые (Лебединский, Кузьминский и еще другие) готовы бы всей душой дело делать, но он их сбивает с толку. Посмотрю немного еще и думаю подать секретно рапорт командиру, что признаю «Балдяя» душевно-расстроенным, могущим натворить больших бед. [...]

9 августа. Выступили на господский двор *Джанне*¹⁶ на ЮЗ по большой дороге за 10—12 верст; дорога отвратительная и узкая, в случае поспешного отступления — мышеловка, проселочные еще хуже; кругом — топкие места.

Мой «на лету» разговор с Зуевым¹⁷ по содержанию моего доклада об организации санитарной части, где я признавал необходимость для пользы общего дела живое непосредственное общение со мной представителем штаба корпуса, а не бумажное... Атмосфера взаимной розни и озлобления — растет; уж не считают ли меня за немца? Плачь и стоны моего товарища по несчастью в отношении внутреннего врага — полковника Лебединского, который прямо ставит вопрос — нормальный ли умственно «Балдьяй»? Разделяет мою критику на стремление штаба вмешиваться в действия мелких начальников. Чины штаба мне чинят обструкцию; некому жаловаться, так как Зуев — пешка в руках окружающих и сам потерял голову; перспектива — страшная, таковы эти «прекрасные» командиры в мирное время! Нет, лучше иметь «собак», да знающих свое дело и умеющих дирижировать своими подчиненными. При внутреннем несогласии — я, как маленькая, но правильно действующая шестеренка, хоть 6 пядей во лбу — что могу сделать? Предвижу, что дело добром не кончится. Продолжается наслаждение мотоциклетом и автомобилями... «Тайны» от меня, но не от последнего шофера... [...]

Пролетел сегодня очень высоко неприятельский аэроплан — все всполошились, начали стрелять, кто — из пушки, кто — из пулемета, из ружей, а кто — из револьвера (!). Друг друга перестреляли, оказалось 4 раненых и 1 убитый — из пеших.

Я уехал раньше обоза и остановился в Жданском начальном общем гминном училище; штабные же — поодаль, в замке пана, которого священник считает австрийским шпионом. Но что пред нашими воеводами значит это, раз только представлены им личный комфорт и удобства?! Ведь Федяй один возит с собой всю домашнюю обстановку!

Не сегодня завтра может быть бой. Я рад был случаю побывать в штабе 46-й пехотной дивизии и говорить с начальником 3-й Гренадерской дивизии¹⁸ об организации перевязочных

пунктов и госпиталей; послал телеграмму о высылке санитарных транспортов. Мой разговор с плачущей полькой: муж — ушел, в предвидении смерти мрачные мысли в голове, от к[ото]рых ее спасает какая ни на есть работа... [...]

10 августа. Светлый райский день. Призывный зов колокола в убогонькой правосл[авной] церкви. Люди идут кто сюда, кто в костел за версту далее *Загруды*¹⁹. Общий стон от притеснения и жестокости пана Яна Смерчинского²⁰, замок к[ото]рого занял теперь штаб нашего корпуса (политично ли и практично ли?). Этому пана вся округа ищет убить, но он скрывается и прячется. Священник уверяет, что он шпион.

Вчера, оказывается, стреляли наши солдаты с офицерством в свой же аэроплан!! Эдакая импульсивность и нервность мало обещает утешительного.

[...] Выписка из приказа по этапам 5-й армии № 2: головной этап в *Войславице*²¹; завтра он переименовывается уже в промежуточный этап № 1, а головным этапом (III разряда) становятся *Чесники*. Военная дорога: *Войславице* — *Грабовец*²² — *Жуков*²³ — *Чесники*²².

В последнем приказе объявлено «энергичное» наступление наше. Что-то мало заметно это! После обеда сообщено официал[ьной] телеграмм[ой] о крупной победе Ренненкампфа²⁴, разбившего будто бы три германских корпуса. Завтра-послезавтра у нас д[олжен] быть бой; штабные с уверенностью рассчитывают пленить австрийского генерала Шемау²⁵, командира 2-го корпуса; ему будто бы теперь некуда деться. Дай Бог! А я все фома неверный, и в успехе-то Ренненкампфа я как-то сомневаюсь — не слишком ли преувеличено?

Завтра рано утром выступает штаб корпуса в *Скербешов*²⁶, за 21 версту к югу. Еще сообщают утешит[ельную] весть (а я все сомневаюсь тож), будто сегодня артилл[ерийским] огнем подстрелили австрийский аэроплан, к[ото]рый принужден был спуститься на нашу землю, летчики — убиты; еще — будто бы (этому я, пожалуй, верю) австрийский разезд в 16 человек напоролся на нашу заставу, часть была перебита, часть взята в плен; сообщают так уверенно друг другу, будто австрийск[им] солдат[ам] есть нечего, и они охотно попадают к нам в плен! Это для меня — басни. [...]

11 августа. Накануне пораньше лег спать ввиду раннего сегодня выступления; но ночью был разбужен прибудившим к нам врачом 70-й дивиз[ии], к[ото]рый несколько дней скитается, терпя всякие лишения, ища свою часть. Распорядился о его ужине и временн[ом] прикомандиров[ании]. [...]

*Замостье*²⁷ перешло в руки неприятеля. Говорят, вчера была слышна сильная вблизи перестрелка, не только пушечная, но и ружейная; недалеко — наши ложементы; не садятся ли в калошу наши воеводы, что торопятся двигаться т[а]к близко к позициям, не ведая бо, что творят? До сего времени с начала кампании не слышал еще ни одного боевого выстрела. Странно! А вот приехали вскоре после меня и наши автомобильные саврасы. [...]

Неприятель уклоняется от решительного боя и отступает, очистивши *Замостье*, перешедшее опять к нам. Пущен слух, что там евреи будто бы встречали австрийцев хлеб[ом]-солью; наши вечно в негодовании — измышляют теперь меры наказания раввину: кто настаивает безо всякого следствия и проверки слухов его — ни более, не менее — повесить, большинство же (в их числе — Лопатин²⁸) предлагает учинить ему сечение с помощью нагаек; все гогочут, смакуя прелесть сей процедуры над «пархатыми жидами»!.. Ужас берет слушать все эти дикости. Жестокость нравов нашего штабного офицера достигла своего апогея. О, как я страдаю!.. [...]

Доставлены три пленных австрийца — чехи-славяне: премилые физиономии, одеты не в защитный цвет²⁹. Кстати, о нем: при защитной тенденции резонно ли нам вывешивать флаги с обозначением №№ корпуса, дивизии и т.д.?! А тем более обозначать названия мелких частей на занимаемых нами помещениях?!

Вылетел наш аэроплан, когда уже темнело. Зуев телефонировал команд[ующем] у армией, что имеет быть разведка в стороне неприятеля с аэроплана. Не знаю и удивляюсь, что можно увидеть при таком летании. Бутафория! Большая бестолочь — много суеты, мало продукции; я думаю, и на войне можно установить известн[ый] порядок и для сна, и для дела. Русская безалаберность, отсутствие выдержки и методичности в работе: пользование машиной без обращения внимания на ее сохранность. Замотали и задергали писарей, и вообще нижн[их] чинов — «приказали порань-

ше вставать» — приказ же еще не вышел и ночью; неизвестно куда идти. Из *Скербешиова* бежали поп и дьякон; население выезжает...

Как повредят телефон[ную] проволоку — винят жидов. Стали брать из них в заложники знатных, и многие настаивают на примерном вешании.

Утром в 8 часов **12 августа** — на СВ — в *Избицу*³⁰; дорога с швейцарскими видами. Вчера была паника среди артиллер[ийских] обозов. Обозные без ружей: безобразия!

Сегодня ушел Лебединский на позиции, проклиная зловонную нашу клоаку. Вчера и сегодня — неудачный бой Гренадерского корпуса, к[ото]рый отступил; говорят, отступила и 4-я армия. Наш корпус по ошибочному приказу зашел в тыл не неприятелю, а Гренадерскому корпусу. «Балдяй» успокаивает Зуева, что в этом «особенной» беды нет. [...]

Из штаба 4-й армии приезжал офицер для переговор[ов] с корпусн[ым] нашим командиром по специальным делам совместного оперирования. Критикуют неправильно составленный план перевозки при мобилизации и неудачно придуманное сосредоточение 19-го, 17-го и 5-го корпусов, не имеющих перед собой противника, а между тем необходима поддержка теперь Гренадерскому корпусу, и начинают применять куропаткинскую манеру растаскивания частей и швыряние их с одной на противополо[жную] стор[ону] и обратно (с фланга на фланг). Надо бы их сразу по целым хоть корпусам сажать на желез[ную] дорогу!.. В неудачном для Гренадерского корпуса сражении им оставлено у неприятеля несколько орудий и пулеметов. Плеве³¹ требует немедленного же введения в бой 70-й дивизии, к[ото]рая, совершивши безо всяких дневок 150 верст форсиров[анным] маршем, — обессилена и страшно приутомлена, и пускать ее в бой — это значит готовить ей верное поражение. [...]

13 августа. Стоит прекрасная теплая погода. В Избицах, слава Богу, сегодня у нас дневка; спал ночью на «господской» кровати шириною чуть ли не в 4 аршина — испытал истинное в ней блаженство.

Не вижу я в военачальниках наших увлечения своим делом; нет у них дерзновения, уменья, знания, талантов... Идет все дубово.

Что ни делают — кажется, только бы исполнить №, и что бы они ни делали теперь, а совершится все само собой в силу логики вещей и в соответствии с тем, что может дать уже налаженный и установленный строй обществ[енно]-государств[енной] жизни, к[ото]рый отражается в каждом мелком действии солдата или офицера. Большой пока ресурс — это моральный подъем людей; боюсь, как бы не был скомпрометирован бессвязными действиями наших начальников: наши солдатики, кажется, еще и до сих пор находятся под впечатлением маньчжурских [...] отступлений, чтобы не доводить последние и теперь до крайности; необходима («куй железо, пока горячо») и весьма даже нам эффектная победа, хотя бы и в небольшом сравнит[ельно] масштабе. Вся ответственность за наши победы и поражения должна пасть на головы военачальников — от их умения маневрировать и использовать солдатск[ое] построение теперь зависит будущее России... Им многое дано — они жестоко должны быть и наказаны. [...]

14 августа. Райский по погоде день. Часов в 6 утра наши штабные воеводы отправились на автомобилях на позиции. Ожидаем большого боя; с 7—8 час[ов] утра стали подходить небольшими группами раненые. Слава Богу, прибыл, согласно моей телеграммы, на Избицу подвижной, не приданный дивизии госпиталь. Отвел ему место; там же — всех накормим и напоим. Картина умильная: евреи угощают раненых... Все евреи стали особенно низко кланяться. Заложники наши — евреи...

Излишнее секретничанье ведет к распростране[нию] всевозмож[ных] тревожных слухов, хотя уже прискорбн[ый] факт налицо: отошли от Замостья к Избицам две батареи 46-й артил[лерийской] бригады Шемуа, к[ото]рые рассчитывали наши воеводы пленить — отлично маневрирует, водя нас за нос: после победы под *Фрамполе*³² мы направились фронтом к западу, предполагая, что *Замостье* австрияками брошено совсем; оказалось, что они сегодня снова обходят его с востока... вот-вот охватит всех безумная паника³³. С юга слышится глухая редкая канонада. Разведывательная часть поставлена у нас отвратительно; убогая аэропланировка... [...]

Полдень... С юга, со стороны *Замостья*, канонада. Адский ужас. Мы разбиты, поспешное и паническое отступление. Нельзя ломать

фронта таких больших частей, как армия, и так скоро: с ЮЗ мы сразу перешли на 3 направл[ение] фронта, ч[то]б[ы] поддержать разбитую и отступившую 2-ю гренад[ерскую] дивиз[ию]. Австрийцы не дураки, воспользовались отходом войск наших, ударив нам в слабое место — на *Замостье*, к[ото]рое окружили³⁴. Теперь директива из штаба армии опять направить фронт на юг. Прибыли бессиленные начальник 46-й дивизии и его штаб. Рассказывают, какой у нас беспорядок от стремлен[ия] из центра управлять всеми.

Кавалерия австрийская — действует превосходно, разведка у них великолепная. Наша разведка прескверна, и нам постоянно создаются сюрпризы; снаряды же австрийск[ие] рвутся хуже наших; очевидцы передают, что из австрийцев в болотах разрывающ[иеся] снаряды делали суп, вода — кипела. Общая паника... В утешение наши воеводы говорят, что, хотя и побиты, но дивно стреляли; так врач, уморивши б[ольного], перед его смертью говорит, что все отлично. [...]

Среди дня прибыл командир отступившей под *Избицу* 5-й батар[еи] подп[олковник] Иванов. На мрачном фоне — светлая личность генер[ала] Парского³⁵, командира 2-й бриг[ады] 46-й п[ехотной] д[ивизии], доблестно руководивш[его] боем под *Бодачевым*³⁶; наш штаб ему вменяет многое в вину... [...]

3-я гренад[ерская] дивизия была сегодня взята в подкову чуть ли не двумя корпусами австрийцев и отступила без поддержки из-под *Замостья* в беспорядке, обоз почти весь сокрушен, начальник дивизии Добрышин был осыпаям снарядами, неизвестно где он сейчас (вечер) со штабом. Мортиры и гаубицы у австрийцев здорово действуют, у нас же их очень мало; кроме того, у австрийцев — какие-то ручные пулеметы, и они осыпают нас снарядами, действуя сильно на моральное состояние войск.

Командир Сибирск[ого] грен[адерского] полка убит. Приехавшие наши штабные на автомобилях из-под *Машова* (правый фланг) говорят о больших (!) своих успехах, потери нашего корпуса исчисляют около 1000 чел[овек], у австрийцев же — 3000 чел[овек]. Начальник штаба 46-й п[ехотной] див[изии] уверяет, что мы, рассчитывая встретить лишь 2-й и 10-й корпуса австрийцев, неожиданно увидели переброшенный еще 11-й кор-

пус. Приводят много пленных солдат и офицеров, исчисляют всего до 500 будто бы чехов[...]

Ко мне прибыл 351-й подвижн[ой] неприданн[ый] к дивизии госпиталь; расположил его за городом при въезде в кирпичном заводе; перевязано до 400 чел[овек] ранен[ых]. Проезжая городом, наблюдаются душераздирающие картины насильного выселения к северу женщин и детей еврейских; евреи низко кланяются; жалуются, плача, на солдат, что они разносят дома, требуя хлеба и друг[их] предметов необход[имост] и; окна в домах заколочены; траурный вид; умилительна также картина кормления евреями на пути наших раненых. Адская работа врачей Астраханского полка³⁷ и Фанагор[ийского]³⁸. Наши военачальники неуменем своим доведут, мне кажется, наших солдат до деморализации, когда они, как легавые собаки от плохого стрелка, будут от них бегать... [...]

12 час[ов] ночи. До сего времени с 4 часов утра не имеется никаких сведений, где находится Добрышин с своей 3-й грен[адерской] дивизией. Добрышина причисляют к «автомобильным» генералам и обвиняют его в том, что он из соревнования не дал двух батарей, ч[то]б[ы] устранить отход своего соседа генерала Парского. Взаимной выручки в войсках нет никакой. Передают, что 16-й корпус был в положении зрителя и смотрел лишь в бинокли, как трепали австрийцы Гренадерский корпус, не стукнувши пальцем о палец, ч[то]б[ы] ему помочь.

Разведыват[ельная] служба у австрийцев в сравнении с нашей доведена до совершенства; причина — евреи, к[ото]рым за шпионство больше платят, чем мы, да и евреям у австрийцев лучше живется, чем у нас. Сеяли мы ветер — пожинаем теперь бурю. [...]

15 августа. Измаявшись за весь день, около 12 час[ов] ночи заснул весьма крепко, едва довалился до кровати; но около 2-го был разбужен непрерывной трескотней, показавшейся мне спросонья как будто треском разваливающихся стен и потолка дома; оказалось — это была стрельба пачками возле штаба его охранной роты с своими же, принятыми ей за австрийцев (кто-то только крикнул, что идут австрияки, и сразу все обратились в безумных, расстреливая друг друга)³⁹; пальба продолжал[ась] минут 10. Поднялась страшная суматоха; мой адъютант тотчас же вскочил, оделся

и взволнова[нным] выбежал вон; мне так не хотелось вставать, что, повернувшись на другой бок с прекращением перестрелки, скоро же заснул. По ночам небезопасно становится выходить далеко от квартиры, рискуя быть принятым за неприятеля и быть своими же подстреленным.

В 8 часов утра предоставленный каждый своей самопомощи по движению и упряжке обозов догадался, что наступил момент к позорному нашему отступлению на север — на *Красностав*⁴⁰. Штабные⁴¹ наши пакостники (исключая порядоч[ого] человека — инспект[ор] а артиллерии Коханова⁴²) в растерянности поджали свои хвосты. О часе выступления обычно не оповещает никто... Наигрустнейшая картина массового переселения евреев с своим скарбом и детьми к северу; плач, крики отчаяния... Постыдная картина нашего бегства; стыдно было смотреть на евреев и выселяющихся обывателей. Зуев сбавил своего куражу; при встрече в автомобиле с частью варшавцев⁴³ даже, против обычного, не поздоровался с ними (не до того!). [...]

16 августа. Продолжается прекрасная сухая погода. Встали рано и ожидаем распоряжений командующ[его] армией трогаться с места и[ли] оставаться пока здесь. Тысячи всяких распоряжений летят от маленького до большого начальства, и все они не считаются с физиологической природой тех живых сил, к[ото]рыми призваны управлять. Люди измучены, впереди еще много трудностей, предстоит проходить по опустошенным загрязненным местам с загаженными источниками воды, люди в долгом ожидании горячей пищи удовлетвор[яют] чувство голода незрелыми яблоками и грушами; массы павших трупов; как еще хранит нас Господь от всяких эпидемий, но думается — быть беде!

Нерадостные вести о беспорядочном отступлении полков 3-й гренад[ерской] дивизии. Плохие действия ее начальника Добрышина... Провели еще несколько сотен пленных чехов и славян, как они, так и их раненые высказывают удивление, что не видят наших сил⁴⁴, — охотно нам сдаются. Их пули меньше причиняли нам вред, чем наши (остроконечн[ые]) им. С вечера до утра эвакуировано из *Красностава* наших до 900 раненых, большей частью не тяжелые, а с повреждени[ями] рук и ног пулями. У солдат на-

ших не хватает патронов и снарядов⁴⁵. Ой, перегнут палку наши воюки своими отступлениями да отступлениями, плохо учитывая психику сражающихся и преобладающее значение моральных сил над материальными...

До сего времени с выхода из Москвы не получил ни одного письма от своих, и не я один, но и многие. Обстоятельство многих очень удручающее: из-за пресловутого секретничания нельзя лишать нас существенн[ого] душевн[ого] подспорья из дому.. От штабных хунхузов своих продолжаю получать неприятности; ч[то] б[ы] им больше было свободы — отделили от штаба на расстоянии целого перехода чуть ли не все управления штаба, была попытка отделить и корпусн[ого] врача!! Много офицеров и врачей бродят в Красностае, разыскивая свои части. Часов лишь около 11 пришло распоряжение двигаться опять на *Избицу*; сели за стол — обедать; душевное настроение у наших Мольтке было приподнятое, они уверены, что австрийцы теперь у нас будут окружены: *Замостье* они оставили и идут на север к западу от *Красностава*. Этому отряду противопоставлена 3-я гренад[ерская] дивизия, не вполне еще собранная — для восстановления своего реноме. Остальные наши силы корпуса должны наступать на юг, а далее к югу будто бы успешно охватывают австрийцев наши 19-й, 5-й и 17-й корпуса. Не верится мне, чтобы мы могли перехитрить австрийцев. [...]

Все более и более выясняются подробности постыдного бегства на Холм 3-й гренад[ерской] дивизии, в к[ото]рой отцы-командиры теряли связь с своими полками, отыскивая их потом наравне с отбившимися от гостей нижними чинами. Начальник 3-й грен[адерской] дивизии Добрышин отстранен от должности (и поделом!), на место его назначен Парский (достойный человек!). Было бы теперь актом великой справедливости, если бы бегунцы-командиры частей были теперь же или расстреляны, или, по крайней мере, разжалованы в рядовые! Такого позора я не припомню и из японской войны. Вот они — революционеры-то, гасящие высокий дух войск, лишь в мирное время кажущиеся храбрецами!⁴⁶ [...]

17 августа. Теплый солнечный день. Обоз штаба не возвращали в *Красностав*, а, отойдя на север версты на 3 от *Избицы*, остановился

в одной деревне (вынужденно ли, вследствие затора в дороге, или преднамеренно, согласно данной директиве — не знаю). Во всяком случае, мне сегодня необходимо будет войти в связь со штабом. Рано утром зашли ко мне Раевский⁴⁷, уполномоченный Кр[асного] Креста, вместе с светлейшим [князем] Горчаковым⁴⁸ и еще к[аким]-то князем или графом⁴⁹ за указаниями, куда им теперь ехать на подвиги. Часов с 7 утра стала слышаться с ЗЗС (ССЗ?) от *Красностава* артиллерийск[ая] канонада, продолжавшаяся, с перерывом около полудня, почти весь день; слышалась канонада и со стороны *Избицы*; обоз штаба пришел лишь к полудню, и [его] держали часов до 4 невыпряженным, ч[то]б[ы] следовать на север к *Рейовцу*⁵⁰.

Общее положение, много напоминающее в несколько раз уменьшенном размере картину мукденского отступления, когда все собравшиеся части в *Телине*⁵¹, смешавшись, долгое время отыскивали друг друга. То же и теперь: масса отбившихся от частей командир[ов], врачей, нижних чинов; полная растерянность и паника; солдаты, предводимые своими начальниками, в ужасе бегут с поля брани. За 3-й гренад[ерской] дивизией закрепилась кличка «беговой» дивизии; виноват, конечно, не один ее начальник — Добрышин, а надо брать и выше его стоящих персон, и даже весь наш обществ[енно]-государствен[ный] распорядок; характерная для последнего получилась телеграмма от Плеве исправнику Красностава, что-де если он не устранил панические настроения среди жителей, то будет удален от должности.

К полудню *Горжков*⁵² был уже занят австрийцами, бьющими и гонящими нас нещадно; вот вам и австрийцы, «к[ото]рых-де редко кто не бил!» наших начальников следовало бы повесить на одну осину, а на эти роли нанимать бы немцев или англичан для руководства нашим прекрасным солдатом. [...]

Раздумал я подавать секретное письмо Зуеву о неполной вменяемости слабоумного Федяя, так к[а]к вижу из разговоров и наблюдений, что все они, черти, одинаковы.

Перевязочн[ые] пункты и госпиталя предоставлен[ы] были самопомощи и ставились обычно под расстрелом своего и неприятельск[ого] огня. Не ошибся я, предрекая, что надо до известной лишь степени палку перегибать: отступать — отступай, но

до известных лишь границ, а то выйдет, что было и в Маньчжурии. Раз битый петух другим петухом уже постоянно будет от него бегать. Пошли, Господи, мне сил вынести всю нравственную муку текущей войны. Буду, елико возможно, терпеть; ведь должна же когда-нибудь она и кончиться. [...]

18 августа. Часов в 8 утра выступили из *Рейовец*; так совершается до сих [пор] согласно приказу по армии «энергичное» наступление на неприятеля. Вчера, оказывается, только что я выехал из *Красностава*, последний стал обстреливаться неприятелем; по обыкновению в обозе произошла страшная паника. Третий день не вижу штаба, где он? Связи между частями никакой, всякий предоставлен самопомощи.

Я опередил обоз штаба и прибыл вместе с судейскими и с[анитарно]-гигиенич[еским] отрядом опять в *Холм* — в Красные казармы. Ужасная пыль... Я загрязнился к[а]к черт, две недели не могу переменить белья; оно уложено — в обозе. Некогда помыться и выстирать белье. Подходя к *Холму*, увидели мчащихся десятки автомобил[ей]: то поспешно выезжает на *Брест*⁵³ штаб армии нашей во главе [с] Плева⁵⁴. Упорно говорят, что он будто бы сменяется за нелепое и неумелое руководител[ьство] армией. Давно пора! Шум автомобилей, автобусов, мотоциклет[ов], канонада и общий гвалт, и вся кутерьма с неразберихой, какой не видел даже на японской войне, страшно напрягают нервы. [...] Федя называют «Пердяем» [...]

19 августа. Ночью был разбужен подъехав[шим] на автомобиле Никитиным, «зубным врачом» в долж[ности] аптечн[ого] фельдшера в 46-й дивизии, разыскивавш[им] будто бы по поручению штаба армии (?) местонахождение штаба 25-го корпуса, к[ото]рый будто бы не могли отыскать даже (!) на аэроплане (?!); отослал его к коменданту штаба. В *Холме*, к[ото]рый охраняется одним Николаем Чудотворцем, паника: все выселяются, магазины закрываются; циркулируют самые разнообразн[ые], друг другу противореч[ащие] рассказы и легенды, начиная с самых оптимист[ических], кончая ужасно пессимистич[ескими]. Роль в этом генерала Лопатина, председат[еля] суда, — пустой балалайки, первоклассн[ого] труса; он теперь критикует манифест Верховн[ого] главнокоманд[ующе]го⁵⁵ и высказывает-таки сентенции, за к[ото]рые в мирное время многих

приговаривали к каторге... При воображаемых успехах нашего оружия — говорит совсем в духе «[Союза] русского народа».

Настроение наше ежеминутно меняется. Отсутств[ие] надлежащей осведомленно[сти] плодит массу кривотолков, часто страшного свойства. Штаб армии оказывается — в *Дорохуске*⁵⁶. В *Травники*⁵⁷ будто бы подходит 3-я Гвардейская дивизия (козырная!) для охранения линии *Люблин*⁵⁸ — *Холм*; 5-й и 17-й корпуса будто бы уже в Львове⁵⁹, в Галицию уже назначен генерал-губернатором граф Бобринский⁶⁰. Наш корпус самый оказался злосчастный и пакостный. В общем, чувствует[ся] во всем отсутствие дирижера... Полная разрозненность и оторванность друг от друга: кто в лес, кто по дрова... Роль прапорщиков как первых виновников паники... То и дело слышишь то бодрые, то самые безотрадные вести. Потрясающая картина — обращаются с частыми жалобами на обиды и засилья солдат. Ведут много пленных, сдающихся будто бы часто добровольно... У австрийцев пулеметы на автомобилях... Плеве будто бы смещен, и вместо него — Мищенко⁶¹. Будто бы будет смещен и наш Зуев, и Федяй... *Холм* будто бы совсем не укреплен... Две роты наших утонуло в трясине... Люди истомлены и издерганы — живые полутрупы... «Видно, бес нас водит в поле и крутит по сторонам». Московский гренадер[ский] полк еще под Плевной зарекомендовал себя «кукурузниками». Люди болеют куриной слепотой. [...]

20 августа. Тишина в смысле батальном, но настроение у всех угнетенное. Говорят, говорят, и всяческое говорят... Третью неделю не сменяю белья... Холодно, ветрено, а теплые вещи уложены в обозе, откуда некогда их раздобыть. Зябну и голодаю за отсутств[ием] «горячего», от непрерывной трепатни не досыпаем.

Наконец-то совершилось то, чему надлежало бы совершиться еще и ранее во благовремени: сегодня прибыл Зуев ко мне мокрой курицей и со слезами на глазах сообщил, что он смещен с должности корпусного командира с приказом к штабу армии, а «Пердяй» совсем отчислен в резерв за то, что Зуев «недостаточно энергично действовал и недостат[очно] широко развил данную ему задачу». «Пердяй» сегодня уже вперед приветствовал меня: «Здравствуйте, В[асилий] П[авлович]» (обыкнов[енно] не замечал), и с первого слова нагло заявил мне, что-де штаб его главным образ[ом] об-

виняет за недостаточно полное функционирование госпиталей!! Мое ему разъяснение. Действие И. Архангельского с госпиталями, к[ото]рые пропали! Зуев и «Пердяй», по-видимому, не чувствуют себя ни в чем виноватыми. Это поистине трагедия для России, что наши военные начальники, «автомобильные» генералы имеют особую дубовую совесть!! Поговорили с Зуевым, я ему раскрыл глаза на многое, что совершалось нехорошего в его штабе; относительно «Пердяя» он ответил: «Я его хорошо узнал... Где надо было показать Москву — он указывал Петербург, любил лишь побольше и вкуснее пожрать, да попросторнее и шикарнее занять для себя помещение...» О, какой бы эффект имело мое секретное письмо, к[ото]рое я собирался писать Зуеву насчет «Балдяя»!.. [...]

Австрийцы упорно лезут на север, вклинившись и разъединивши 5-ю от 4-й армии; уже завладели *Травниками*; путь железнодорож[ный] от *Люблина* на *Холм*, так[им] обр[азом], перехвач[ен]. Как ни хвастаются мои маршалы, что они много накрошили австрийцев («целые горы трупов»), но отдают должную справедливость их начальникам — «генералы-де их отличные, прекрасно владеют тактикой и умением охватывать», а наши? Командир Гренадерского корпуса Мрозовский⁶² (из 70 тысяч к[ото]рого, как передает Зуев, остались в живых лишь 8 тысяч!!) получил благодарность свыше из штаба за то, что собственноручно застрелил трех австрийцев! Это ли не пошехонщина?! Дело ли это корпусн[ого] командира? [...]

21 августа. Светлый свеженький день. Слава Богу, выпался наконец, переменял белье; ч[то]б[ы] не забыть об этом, приурочива[ю]сь к семидневкам... В 8 часов утра уже выступил из *Холма* вместе с обозом, сначала направившись к *Загруде*, в господарский двор Утер⁶³, но по пути маршрут нашего следования к штабу корпуса меняли — сначала проехали на *Сургов*⁶⁴ к фольварку *Августовка*, но здесь оказался лишь штаб отряда Фогеля⁶⁵, переходившего в наступление, и меня проперли (к сожалению, я опередил пред тем обоз) на *Сенницу Крулевскую*⁶⁶, откуда на *Красностав*, вчера лишь горевший и бывший в руках австрийцев. До слез грустная картина разрушения вместе с картиной самого жестокого разграбления; мимоездом видел плавающий дворец в Жданове пана

Смерчевского⁶⁷ — какая масса драгоценностей сделалась жертвой огня и грабительства нижних чинов!..

Приехал в *Красностав* уже [за]темно: светила застланная тучами луна, заканчивал[ась] работа по погребению в братские могилы убитых русских и австрийцев, интенсивн[о] запаха[ло] гарью; картина разрушения Помпей⁶⁸. Учитель реального училища поведал о своих злоключениях с семьей, констатировал случаи мародерства исключител[ьно] со стороны наших солдат, а не австрийцев, к[ото]рые великодушно позволили даже раздать оставшиеся запасы хлеба и сахара местным жителям. Мы все колесим кругом да около...

Безалаберность наша российская: сразу объявляют о сборах к выступлению, напр[имер], в 7 часов утра, торопят, не дают возможн[ости] людям выпить чаю, а затем заставля[ют] их часа 2 стоять в ожидании приказа к движению; без карты следует даже начальник обоза штаба. [...]

Австрийцы плохо принимают штыковой бой и вообще — напор всяких колющих орудий (пик и т.п.), поднимая руки вверх в знак готовности к сдаче. Куда как совершеннее их снаряжение, патронов носят более, чем мы (100 и 600). Бедные жители городов, к[ото]рые переходят из рук в руки то нам, то австрийцам — не знают, какому богу молиться. [...]

22 августа. С раннего утра обложной дождь. Из *Красностава* почти все разбежались, побросавши в домах всякие запасы и даже дорогие предметы — остатки варенья, разносолы, зонтики, шляпки, книги, настойки и т.п. В господарских же дворах (Жданово⁶⁹ и др.) — разносолы, гобелены, ковры, ноты фонолы — разтрепленные по комнате; чего не сжег огонь, то старались растащить мародеры наши; по общему отзыву австрийцы в этом отношении значительн[о] уступают нашим. Один псаломщик так урезонивал наших грабителей из солдат: «Ведь я русский — ну, грабьте у поляков да у жидов, а у меня-то грешно вам!» Собираются применять драконовские меры к виновникам. А все же в основе этого преступления лежат невежество и непросвещенность нашего солдата, не отдающего себе отчет в осмысливании того, что делает. Прегрустная картина разоренных и пылающих в огне гнезд. Появился у меня насморк от постоянных сквозняков в разоренных, с выбитыми стеклами и окнами домах.

С раннего утра энергичная канонада артиллерийск[ая] с СЗ, стихшая лишь к ночи. Огромные массы раненых с офицерами и врачами. Дружелюбные разговоры нашего казака с австрийцем, посменно курящим одну и ту же сигару. Чудное снаряжение — прекрасная обувь с чистыми портянками, ранец, резина для каблуков... То и дело слышатся добродушные окрики наших солдатиков, ведущих пленных: «Хóди, хóди, пане». [...]

Настроение с утра бодрое: австрийцы будто бы в панике отступают, много сдается; *Травники* опять в наших руках. [...]

23 августа. Ведрено. Сильный ветер, с воем и гулом гуляющий в занятом нами помещении с выбитыми рамами и стеклами. 9 часов утра, а на позициях тихо: не слышно ни одного выстрела. Ждем оттуда донесений, ч[то]б[ы] сообразовать с этим время нашего выступления из *Красностава*. [...]

Решено переночевать в том же *Красноставе*, ч[то]б[ы] пока не двигаться всем штабом и обозом опять на Горшков, т[а]к к[а]к наш корпус почти достиг надлежащей позиции, ч[то]б[ы] подошли остальные корпуса с юга в обхват противнику. Влились в нашу и 4-ю армию пришедшие 1-я и 2-я Гвардейские дивизии; идет еще 3-я. В городе после полудня появились власти: бежавшие уездный начальник (исправник) со всем сонмом урядников и городских; на развалины и пепелище возвращаются мало-помалу также и жители. Пронизывающий сильный холодн[ый] ветер гуляет по комнатам; завешиваем все дыры и щели оставшимися юбками, кофтами и пр. Приводят много пленных, из к[ото]рых все охотно сдаются. Конвойный солдатик объяснил мне причину такой массовой сдачи неприятеля: «Знамо, в-ство, как не сдаваться, когда этих пане кормят только горохом да луком с морковью!» Вот если бы наши военачальники да уразумели бы глубокий смысл сказанных т[а]к наивно слов этого серенького человека, тогда они знали бы, в чем лежит главный рычаг победы — не в одном лишь количестве штыков да пушек!.. Брюхо, брюхо для массы великий вопрос, с к[ото]рым прежде всего надо считаться...

Посмотрю я на Рябушинского⁷⁰, недосыпающего, недоедающего⁷¹, развозящего всю нашу штабную знать на автомобилях и денно и ночью, — и диву даюсь, какой мотив руководит этим миллионером, добровольно ушедшим от своей комфортабельной жизни

буржуа в этот крошечный ад. Я бы, будучи миллионером, так не поступил, и вместо себя сделал бы шофером к[акого]-н[и] б[удь] наемника. Но нет ли у него большого горя, к[ото]рого он бежал, ч[то] б[ы] забыть его? Как-нибудь разговорюсь с ним по душам. [...]

24 августа. Воскресенье; знаю это потому, что хотел было сдать накопившееся грязное белье в стирку и получил ответ, что стирать по случаю праздника никто не согласится! Погода дивная; прохладно; солнышко греет по-осеннему. Отправил сегодня с писарем штаба, командиремым в Ярославль за теплыми вещами для офицеров, письмо своим ребятишкам, снабдивши его адресом.

Командующий армией на Западном фронте Самсонов⁷² по официальным источникам застрелился. По какой причине? Дела наши на германской границе, говорят, неважны[е], будто бы два корпуса разбиты.

Проходит масса пленных австрийцев. Захвачен большой обоз, рассматриваем и разбираем добычу⁷³... На чердаке дома нашего найден зарывшийся в солому австриец, ничего не евший несколько дней, спрятавшийся несомненно из боязни, ч[то]б[ы] не попасться в плен воображаемым им мучителям.

Сегодня — дневка для войск. Слава Богу; она должна значительно укрепить силы наши и солдатские. А завтра переходим в наступление, предстоит переход через горный кряж и брать весьма укрепленные позиции. Ожидается большой убой. Все человеческое, кажется, вытеснено из людей, и осталось, орудуя всем, в них только одно звериное⁷⁴.

Распределение штабов на нынешний день: 3-й гренад[ерской] дивизии — *Жолкевка*⁷⁵, 46-й — *Майдан Верховский*⁷⁶ и 70-й — *Бзовец*⁷⁷, южнее дер[евни] *Мосциска*.

Замостье уже занято 19-м корпусом, остальные корпуса армии едва ли успеют продвинуться в тыл отступающим теперь австрийцам, ч[то]б[ы] устроить им Седан. Появляются заболевшие дизентерией, к[а]к среди наших, так и австрийцев. [...] Оперирую распределением полевых госпиталей, транспортировкой раненых, деятельностью дезинфекцион[ных] отрядов. [...]

25 августа. В 9 утра выступили на Запад за 12 верст в *Горжков*; местность гористая и лесистая; дивная природа. Опасение, что

австрийцы будто бы с трех сторон нас обходят. Капитан Смирнов командует, ч[то]б[ы] все брошенные бумаги в Красностае сжечь. Давно бы пора последовать моему совету. Значит, Красностав не застрахован перейти опять к другим хозяевам!

Несвязанность, некоординированность поразительная. Командир Лохвицкого полка⁷⁸ в отчаянии, что требований от него много, а средств дано мало: нет у него делопроизводит[елей], писарей, *etc.*, т[а]к к[а]к полк формировал[ся] по лит[ере] «Б»... Пленные офицеры австрийские не верят, ч[то]б[ы] были нами уже взяты *Львов* и *Галич*⁷⁹. [...]

Около 4 часов дня пришли в многострадальный *Горшков*, из к[ото]рого только вчера вышли австрийцы. Пообедавши, собрались поглазеть за взламываемыми денежными мешками австрий[цев], взятыми в плен, насчитали десятки тысяч крон, *etc.* Получена телеграмма, что *Щебрешин*⁸⁰ взят нами. [...]

26 августа. Чуть свет на автомобиле поехали на передовые позиции через *Жолкевку* на *Вержховину*⁸¹, куда прибыли к 9 часам утра. Предстоит атака *Туробина*⁸². [В *Вержховине*] остановились в господарском дворе, большой сад-парк.

Предстоят бои, могущие иметь решающее значение на наши дальнейшие операции. С утра до ночи без перерыва ожесточенная канонада к З и СЗ от *Вержховины*. Большое значение придают вырубке со стороны Горбатовского⁸³ (19-й корпус), с к[ото]рым стараются войти в связь. Перед *Жолкевкой* — главн[ый] перев[язочный] пункт 3-й гренад[ерской] дивизии — масса раненых. Впервые встречаются здесь пленные человек 6 немцев, хмурые и надменные, их вид. В *Вержховине* — штаб также Варшавского полка, в к[ото]ром сегодня и полковой праздник. Никак не могу наладить поешелонное расположение и развертывание госпиталей, приданных дивизии...

10-й австрийский корпус уже уничтожен, теперь против нас вместо него действует 4-й венгерский корпус. Большими силами напирают австрийцы на Гренадерский корпус, стремясь прорваться на соединение с германцами через линию *Люблин — Холм*. С минуты на минуту ожидаем, чем кончится настоящий бой; при неудаче нашей — нам предстоит отходить на *Красностав* и начинать

все сначала! Вся суть теперь на нашем правом фланге со стороны Гренадерского корпуса. Нам самое желательное было бы прижать австрийцев к Висле и зайти им с юга в тыл, а в крайнем случае хотя бы прогнать их в Галицию. В 4-й нашей армии действует пришедший недавно 3-й Кавказск[ий] корпус и Гвардейский. Идет еще Туркестанский. В течение 3—4 дней результат боя должен выясниться. [...]

27 августа. Стоим в *Вержховине*. Чудный осенний денек. С раннего утра — усиленная канонада с нашего крайнего фланга (3-я гренадерская дивизия) и Гренадерского корпуса. Вчера с вечера стал гореть *Туробин*, оставленный австрийцами. Получены сведения, что 3-й Кавказский корпус взял 40 орудий и до 1000 пленных. Кормимся очень неважно в офицерск[ой] столовой. [...]

Прочитал «Русское слово» от 21 августа и удивился статье Михайловского, в которой он описывает полный якобы разгром нашими войсками Русского⁸⁴ австрияков под *Львовом*. Да неужели мы здесь победили? Что-то все не верится в прочность наших успехов. [...]

28 августа. Светлый день. С раннего утра слышна ожесточенная далекая ружейная трескотня с западной стороны; очевидно, наши ползут, всячески укрываясь, на высоты, откуда их осыпают снарядами австрийцы; убой предвидится большой. Стоим все в *Вержховинах*, в кипении битв и сражений. По донесениям, австрийцы энергично отступают, мы же, к сожалению, не развиваем должной энергии в их преследовании на *Грудки*⁸⁵ — *Горай*⁸⁶ и дальше. В *Янове*⁸⁷ австрийцы, предполагается, должны сильно укрепиться, т[а]к к[а]к там замечены осадные орудия. [...]

3-й Кавказский корпус прибыл на театр военных действий без лечебных заведений. Обозы, парковые бригады многих частей — без ружей. Снабжение зарядами 3-го Кавказского корпуса идет за счет нашего, так же, как и подача пособия бывшим раненым, проходившим через глав[ный] перев[язочный] пункт 3-й гренадерской дивизии, лишившейся к тому же своих двух госпиталей. Кавказский корпус, одержавший победу, затем сам оказался было в критическ[ом] положении. Получаю телеграммы о случае оспы, то — случае дизентерии, в том или другом полку... [...]

29 августа. В 8 часов утра при прекрасной погоде выступили на *Туробин* через *Жабно*⁸⁸. Дорога гористая. По пути большие кресты... Библейская типичность картины переселения евреев. Массы разбросанных австрийск[их] снарядов со снарядными ящиками. Часа через 2 прибыли в погоревший и разрушенный *Туробин*, представляющ[ий] собой большей частью одни торчащие трубы, головешки, почерневшие столбы, груды пепла и мусора. [...]

Дела Рузского несколько было оплошали, и на выручку ему даны два корпуса нашей армии: 5-й и 17-й; наша армия понемногу разделяется по другим армиям; останется в конце концов, как говорят шутники, один квартет в Холме: Плеве, Зуев, Федяй и Добрышин (к[ото]рых всех надо на одной осине повесить). Не ожидал я сегодня услышать открытую правдивую критику по адресу наших преступников — Зуева и Федяя — со стороны капитана Смирнова, подтвердившего лишь то, о чем я говорил раньше — вся стратегия у них была возложена на Богословского⁸⁹, слушали они голоса всякого фендрика, своего царя в голове не имели. Федяя, говорят, также передают суду, как и Добрышина. «Пердяй», как передают очевидцы, нисколько не унывает и, сидя в *Холме*, трижды жрет обеды и столько же — завтраки и ужины; живет с комфортом, в жертву к[ото]рому раньше приносил все вверенное ему дело; останавливались не там, где требовали обстоятельства, а там, где можно было бы пошире разместиться и получше полопать (у богатых панов, хотя они и были бы подозрительны в смысле шпионства). [...]

30 августа. Серенький денек. Часов в 8 утра тронулись на *Горай*, штабные в автомобиле, я с интендантом впереди обоза. Дорога гористая с «орлиными гнездами», с подъемами на высоту около ста шестидесяти футов над уровн[ем] моря. На выезде из *Туробина* — дивная статуя молящейся Мадонны, затем — отлично устроенное кладбище с изгородью из каменных столбов. [...]

Около часу дня прибыли в *Горай*; остановились возле костела, в доме ксендза; штаб — в гмине. Изящные изразцы в печах... В Сибирском гренадерском полку сопровождает на войне штабс-капитана (ротн[ый] командир) его супруга, переряжен[ная] в мужской костюм — верхом на коне. Красота формы австрийских улан.

Таскается за нами Добрышин... Как и другие бестолковые генералы, он рассчитывал отыграться позой за счет целесообр[азности]

действия и планомерного выполнения общей задачи, били на это и наши вахлаки — Зуев с Федяем; а смерть Самсонова и Мартоса⁹⁰ разве не замаскированное самоубийство? Головой и умом не взял — так, мол, положу живот свой!.. [...]

31 августа. Ночью и с утра дождь и хмуры; дороги раскисли. С 8 утра выехали из *Горая* на *Гедвижин*⁹¹, верст за 30 к югу — ЮВ. Оставили *Фрамполь* по правой, а *Щебрешин* — по левой стороне. Очищаем землю русскую от врага, к[ото]рый поспешно отходит в свои пределы. К сожалению, действуем мы без игры ума и без артистического вдохновения, не сумевши врагу устроить Седана; привыкли мы действовать лишь стеной да закидывать шапками, не ухитрившись воспользоваться дорогим моментом, ч[то]б[ы] окружить противника и захватить его в мышеловку! А он теперь подсоберется в *Перемышле*⁹², к[ото]рый нам предстоит осаждать, и положит еще много десятков тысяч жизней. Живое дело делаем, к[а]к пишем бумаги⁹³... Дорога до *Гедвижина* — по пескам, по каменистым горам и хвойным лесам. Полным вздохом упиваюсь чистотой лесного воздуха. Благодать! По дороге попадаются своеобразной конструкции высокие кресты, а также памятники, напр[имер], с такой надписью по-польски: «Боже, смилуйся над нами!» Душа моя, при виде такой картины, воспаряет ввысь. Встречаются положительно кавказские ландшафты. Следую в обозе вместе с интендантом, милейшим Анатолием Петров[ичем] Мартыновым⁹⁴, сопровождаемый движущейся на юг массой войсковых частей корпуса, без спешки, без паники, в чаянии завтра-послезавтра ступить уже на землю врага. Утром узнал о сообщении Верховного главнокомандующ[его], что французы после пятидневного сражения отбросили с большими потерями немцев по всему фронту. Ура! Как ни мрачна погода, но она показалась светлой-пресветлой. Штабс-ротмистр интенданта от восторга заиграл на разбитом рояле ксендза плясовую...

Смешной вид представляют наши солдатики, уже перерядившиеся в австрийские шинели и снаряженные австрийскими ранцами и другими доспехами... А как сравнить нашего солдатика и австрийского, то досада берет: наш в отношении пригонки мундири[ой] одежды — медведь-медведем, австриец же — картинка! [...]

СЕНТЯБРЬ

1 сентября. Хмуро и дождливо. Всю ночь тревожился массой мух и тараканов. Достал кружечку молока; утром поблаженствовал чаем с молоком. Давно этого не было.

В 9 утра выехали, опередивши обозы, на *Хмелек*⁹⁵ через *Белгорай*⁹⁶, *Княжнополь*⁹⁷ и *Раковку*⁹⁸. Дорога пролегает почти все время через пески и сосновые леса; много рубленых деревьев; чудный ароматный воздух; под *Княжнополе*[м] — взорванный и погорелый мост; переезжали вброд. *Белгорай* — лучше *Красностава*, на улицах по тротуарам столы с самоварами, евреи угощают солдатиков. Трудно купить хлеб или к[акой]-л[ибо] другой продукт. Солдаты больше хотят табаку, чем хлеба... Избы в деревнях с одинарными рамами — очевидно, зимы здесь теплые. [...]

2 сентября. Всю ночь лил дождь; люди все намокли, и за поздним прибытием обоза с кухней и утомлением вследствие ежедневн[ых] переходов до 20—30 верст — мало ели. Вообще люди наши переутомлены. Дня не проходит, ч[то]б[ы] мы не передвигались.

Сытно нас покормили вчера и сегодня у батюшки (поросенок жареный с кашей, вареники, простокваша, молоко...); ели мы с волчьим аппетитом. Заночевали двумя группами: я с интендантами, а остальные штабные — в фольварке у одного пана, арендатора гр[афа] Замойского⁹⁹. [...]

К 9 часам разведрилось. Двигаемся сегодня за границу — в *Мощаницы*¹⁰⁰; сердце замирает от сознания, что австрийцы из нашей земли изгнаны, и мы ступаем на их землю.

Отправились около 12 дня из *Хмелика* через *Бабице* и *Волю-Общанску*¹⁰¹ на *Мощаницы*. Погода прояснилась, и солнышко приветливо грело — по-весеннему, и окружающая природа носила весенний колорит. Дружный хор галок, крик гусей и уток, быстрый поток ручьев после вчерашнего дождя... Казалось, что и природа ликовала с нами перед перспективой быть скоро за границей. Но вот мы около 3 часов дня и у пограничного кордона, межевых знаков, проехали нейтральную зону и вступили в австрийскую землю — Червонную Русь — Галицию. Прокричали «ура!», друг друга поздравили с праздником перевала через границу. Радост-

ные приветств[ия]. Вторая половина пути пролегла по Божьей шири и глади; поля зеленели, и на деревьях — ни одного желтого листика... [...]

3 сентября. [...] Наш корпус, по-видимому, действит[ельно] будет пока осью вращения для других войск... [...] Австрийцы цепляются за *Сеняву*¹⁰², *Ярослав*¹⁰³ и *Перемышль*, высылая из этих укрепленных пунктов отряды. Вероятно, простоим здесь даже и несколько дней, т[а]к к[а]к главнокомандующ[ий]¹⁰⁴ признал необходимым приостановиться для пополнения личного некомплекта и исправления дорог тыла... Война принимает характер позиционный (более гигиенический!). [...]

4 сентября. Погода хмурая, сырая, с склонностью к дождю, но теплая; к полудню разведрилось. Весьма упорно в штабе держится уверенность, что австрийцы в большой панике и, пожалуй, без особенного сопротивления готовы будут бросить и *Сеняву*, и даже *Ярослав*. Я с своей стороны — человека-неспециалиста — все же напоминаю кому ведать надлежит, нет ли здесь со стороны противника коварной игры в поддавки?.. *Цешанув*¹⁰⁵ очищен и весь выгорел, осталась одна церковь. Удивительно, что во всех погоревших и разрушенных городах церкви остались целыми! [...]

Начальником штаба корпуса назначен генерал Парский¹⁰⁶, а командир[ом] его какой-то Рагоза¹⁰⁷. Прочитал № «Нового времени» от 25 августа. Чреватое благодетельными последствиями явление: прекращенная продажа крепких напитков, предпринятая было лишь на время мобилизации, продлена высочайшим повелением на все время военных действий. А за время войны — Господь пошлет — укрепится у нас и привычка к трезвости; благодетельные последствия сего неисчислимы (особый журнал Сов[ета] Мин[истров] от 23 августа).

Вчера казаками донесено, что у *Радавы*¹⁰⁸ переправа занята была неприятелем, когда на самом деле она занималась 10-й дивизией 5-го корпуса!! После обеда вплоть до темноты с запада пушечная и мортирная пальба. Пари за обедом между Кохановым и Галкиным¹⁰⁹: первый утверждал, что через месяц мы будем за Карпатами, Галкин не соглашался.

5 сентября. Преотвратительная дождливая погода, хотя и не холодная¹¹⁰. Листья осыпаются... Испытываю усугубленную тоску

по родине и усиленную потребность в домашнем уюте; слава Богу, что эти душевные слабости заглушаются физической усталостью и крепким сном... С ночи идет энергичная канонада с ЮЗ... Один из старших врачей полка не выдержал ужасов боевой жизни и заболел душевным расстройством. 11-й и 12-й полев[ые] госпитали уже поставлены на ноги — большинство повозок и лошадей, утраченных при пленении под *Замостьем*, — пополнено. [...]

Рябушинский представлен к награждению солдатским «Георгием» за подвоз патронов под выстрелами; но почему «Георгий» дается лишь за один момент отваги, а не за длительную, к[ото]рую обнаруживают все, сражающиеся в окопах?! Большой вред для дела, что наши военачальники в стремлении сорвать «Георгий» по статуту забывают общую задачу и действуют в ущерб ей... [...]

Прибыл вечером новый командир корпуса; первое впечатление — благоприятное и говорящее в его пользу; видно, что человек серьезный, не из шаркунов-моншеров, и с лицом. Последующее покажет, насколько я оказался проницательным.

6 сентября. Облачно. Сильнейший ЮВ ветер. В 9 час[ов] утра выступили на *Добры*¹¹¹. Дорога по пескам, холмам, лесам и перелескам; по пути на *Красне*¹¹², *Ковале*¹¹³ — приличная [...] «*Szkala*». Следующее в приподнятом настроении духа; вот что значит взять инициативу в свои руки и быть в роли наступающего, а не отступающего. Проходимые деревни «подъяремной» Руси — бедны, и обитатели их живут убого¹¹⁴; вот, говорят, перешагнем через Карпаты в Венгрию — там будут места побогаче. Наши штабные очень досадают, что не поддержал наш корпус генерал Горбатовский, ч[то]б[ы] после взятия *Сенявы* налетом следовать на плечах неприятеля в *Ярослав*, к[ото]рый теперь легче бы было взять, чем потом. [...]

7 сентября. [...] Сейчас приходил ко мне врач дезинфекционного отряда 46-й дивизии, с чистой душой поведавший мне в отчаянии, что он в состоянии сделать... Мой ему дружеский совет и моя моральная ему поддержка. Хоть что-н[и]будь надо делать положительного, если нельзя объять необъятного.

Сегодня — воскресенье, и в прилегающей церкви обедню служил униатский священник, имевший гражданское мужество после обедни

провозгласить многолетие нашему царствующ[ему] дому; после же евангелия обратился к собравшимся с речью, что-де теперь они переходят в новое подданство, но вера их останется у них, тоже и религиозным главой у них останется тот же папа; стоявший в алтаре наш полковой попик тут же прервал его, сказавши, что насчет сохранения веры их — «что Бог даст!» Поступок был не из тактичных.

Возвратилась 1-я бригада 46-й дивизии, бывшая в 4-й армии. Бодрые рассказы офицера относитель[ьно] систематического погрома ими австрийцев, у к[ото]рых им пришлось видеть постоянно одни лишь пятки. Так как с верхушек колоколен была произведена евреями сигнализация, то с благословения нашего епископа войска наши стали палить по главам и крестам церквей. *Ярослав*, оказывается, предстоит нам взять не так-то легко, как *Сеняву*, к[ото]рая, будучи очень укреплена, сдалась нам без особенного сопротивления; австрийцы здесь воспользовались нашим природным ротозейством, выставивши в передовых окопах несколько человек, махавших белыми флагами в знак сдачи, и как-то успели вывезти из города много осадных орудий и людей, так что *Сенява* нам досталась без пролития крови с 30—40 челова[еками] австрийцев. [...]

8 сентября. [...] Совершаем передвижение на *Сеняву*, верст за 6—7 к западу. Дорога песчаная. Перед самой *Сенявой* — гора, вся укрытая укрепленными позициями. Еще до въезда в *Сеняву* — запах гари. В *Сеняве* — картина пожарища и разрушения. Остановился со штабом за городом, в роскошном замке князя Чарторыйского¹¹⁵, бежавшего куда-то; замок — в роскошном парке, верх великолепия; огромное здание; чудная исковерканная, разгромленная обстановка; весьма ценная и богатая библиотека с древними историческ[ими] книгами (напр[имер], подлинные сочинения чуть ли не самого Коперника и пр.), масса дневников, писем, письменных актов — все разбросано, растоптано; многотысячные картины знаменитых художников — выпачканы, у нек[ото]рых изображенных лиц — глаза и носы проколоты!! Дивный буфет с великолепными вазами и пр. Все брошено, полуразбито, расхищено¹¹⁶... Господи, Боже мой! Какая грустная картина разрушения и опустошения. Сколько исторических ценностей погибает в жертву проклятой человеконенавистническ[ой] бойне. [...]

Страдаю от исключительно почти мясной пищи; терпим недостаток в яйцах, молочных и хлебных продуктах; все опустошено впереди, до перехода в Венгрию, вероятно, предстоят еще большие лишения. Хуже в отношении питания, чем в японскую войну. Нижние чины едят в течение месяца наполовину хлеб, а наполовину — сухари¹¹⁷. Сильно задерживается наша переправа через Сан: за дождями река сильно поднялась и наведение моста, взорванного австрийцами, замедляется, что на руку нашему противнику.

Сенява, оказывается, родина Мицкевича, к[ото]рому у почты поставлена статуя.

Сегодня день Рождества Богородицы, полный для меня поэтического содержания в родных палестинах.

9 сентября. Погода хмурая. Прочел в панских-княжеских хоромах вполне «по-господарски». По донесению Крещатицкого и Полякова, нынешней ночью занят нашими войсками *Ярослав*, к[ото]рый австрийцы оставили без боя и сами бегут, «бросая орудия и обозы», жители же усиленно грабят город! Что за штука? Штабные мои смотрят на дело более просто, чем я: они убеждены в панике и упадке духа австрийцев, я же подозреваю, не играют ли они с нами в поддавки и не готовят ли нам какой-н[иб]удь сюрприз, психологически верно учитывая нашу обычную халатность и ротозейство. [...]

Наши крестьяне живут бедно, но беднее еще живут, по-видимому, галичане; удивил меня вопрос мальчугана, мало-мальски говорящего по-русски: «А что, жида перестанут теперь над нами пановать?» Жида-то над вами, пожалуй, перестанут пановать, грустно думалось мне, зато будут над вами господствовать наши урядники, земские начальники и наши самобытные паны!.. Во всей глубине теперь постигаю всю неправду, в к[ото]рой живет мир! Лишь внешний лоск какой-то культуры, цивилизации, а внутри-то нас все те же звериные вождения животной борьбы за существование на принципе засилия силы над правом.

В занятом нами *Ярославе* австрийцами брошено 150 пушек — следы загадочного поспешного отступления; говорят, будто умер Франц-Иосиф¹¹⁸ и в Венгрии теперь революция, для укрощения к[ото]рой оттягиваются войска в тыл. А на германском-то фрон-

те дела наши, видно, неважны: поднятый было Ренненкампом бум его стремительного наступления обратился в последние дни в столь же, кажется, его стремительное отступление. Не уместается в моем сознании мысль, ч[то]б[ы] мы могли победить германцев: ведь у них всякое изделие совершеннее нашего, а, следоват[ельно], и методика, и техника ведения боя должны превосходить наши; разве только нам помогут возникшие к[акие]-л[ибо] восстания в стране неприятеля, морозы и проч. стихийные явления, как вот теперь — с австрийцами, к[ото]рые будто бы бегут и бегут от нас. Случайно попадающихся под руку наших газет и не хочется читать — пишется в них лишь одно нам приятное, без минусов — одни плюсы, а душа жаждет правды. Русская по апартаментам замка, нашел растоптанную и изорванную на полу среди сора — папскую буллу, удалось прочитать лишь «*pontifex*»¹¹⁹... Мучаются у нас с наведением мостов через Сан.

С 1 часу до 5 дня производил санитарный осмотр 1-й бригады 46-й п[ехотной] дивизии. Потрясающе грустная картина: дождь, промокли палатки, мокры сами солдатики, площадь стоянки загажена; солдаты по несколько дней не видят хлеба, да и сухарей не хватает, каши тоже не едят; сапоги у многих совсем развалились; испробованные же мною щи с порцией мяса были вкусны; во многих ротах не хватает сахара, чаю, соли. Недостаток в хлебе восполняют употреблением картошки и овощей, по большей части сырых. Золотой наш солдатик: настроение в общем благодушное, даже веселое; «дайте нам, в-ство, только хлебушка сколько следует, и мы будем хоть куда», — говорят они, а то «в церкви просфоры дают больше, чем нам хлеба» — оттого-де мы несколько и ослабли... [...]

10 сентября. [...] Стоим в том же замке-музее. Большое количество уцелевших картин наша публика собирает для отсылки в Румянцевский музей; сколько до него дойдет, а сколько — в частную собственность, лишь Богу известно; последнее было бы не так отвратительно, если бы не имело меркантильной цели. [...]

Саперы все возятся с устройством мостов через Сан, к[ото]рые оказываются непрочными, т[а]к к[а]к быстротекущ[ая] река выворачивает камни и сваи; объясняют последнее спущенными будто бы шлюзами со стороны австрийцев; но, вероятнее всего, это зависит от характера реки, бегущей с Карпат.

4-я армия отходит на германский фронт. 17-й корпус — в резерв. Несчастливая судьба, преследующая Нежинский полк¹²⁰, потерпевший большую катастрофу и в текущую кампанию. В обилии получаю всякие предписания и циркуляры для зависящих распоряжений, полный трюизмов и маниловщины, вроде того, что солдаты должны перед пищей тщательно мыть руки, пить только кипяченую воду и т.п. Получена нелепая телеграмма от главнокомандующего, к[ото]рую привожу в текстуальной точности: «В видах предупреждения желудочных заболеваний главнокомандующий разрешил по 1 ноября отпуск бутылки красного вина на каждого нижнего чина армии для прибавления к чаю или теплой отварной воде; интендантству приказано ускорить приобретение и отпуск вина; впредь до отпуска вина натурой таковое приобретать покупкою с представлен[ием] счетов... Главкомандующ[ий] приказал командующему армией установить наивысшую предельную стоимость покупки вина...»¹²¹ (*sic!*) Типичное немышление в кабинете сидящих людей, не видящих действительность в глаза и в лучшем случае играющих в руку кому-то, к[ото]рый при означенной операции наживет большие гешефты!! Действительность же неприкрашенная такова, что солдаты наши (сегодня осматривал остальные два полка 46-й див[изии]) буквально голодают, получая уже в счастливые дни не более фунта хлеба, а то все время — на сухарях, да и тех-то [не] в полной даче; в один голос несчастные вопиют: «Дайте, в-ство, только хлебушка!»¹²² Трагическая картина. Кроме того, солдату не дают чаю и сахару, а также каши. Самое большее — если иногда дадут по одному пиленому куску сахару в день! Солдаты все обрвались; у многих нет шинелей, сапоги развалились, нет белья, кроме того, к[ото]рое на теле преет. Все обовшивели, исчезались! Один ужас и ужас. Второй раз сегодня обо всем этом докладывал новому командиру. Надо еще удивляться, что пока не появляется пандемических заболева[ний], но они, кажется, недалеко! Бивуаки загрязняются до невероятия. [...] Вот где во всем апофеозе чувствует врач свое одиночество и бессилие, а вследствие этого и глубокую душевную муку... «Серая скотинушка» наша поражает меня своей выносливостью и терпением!! То, что теперь я вижу, не испытывали солдаты даже и в дни мукденских отступлений! [...]

11 сентября. [...] Слухи ходят, что очищаются форты у *Перемышля*, Венгрия со смертью Франца-Иосифа намерена отделиться от Австрии... Штаб нашей армии уже перемещен в *Ярослав*... Возмутительно-безобразная работа полевой почты, через к[ото]рую неделями не доходят, а то и совсем пропадают даже служебные пакеты! Приказом по армиям введена и у нас с 3 сентября военная цензура всех корреспонденций; цензором назначен Лопатин — преотвратительная, бездушная говорильная машина — типичный светский человек... Говорят, что в бинокль можно теперь видеть комету у Большой Медведицы¹²³. [...]

12 сентября. Прекрасная погода. Выступаем верст на 20 на запад — к *Гродзиске*¹²⁴, и далее предположено идти в том же направлении вплоть до *Кракова*¹²⁵, чтобы достигнуть его дней через 10. Это — в лучшем случае, в худшем же мы можем еще раньше перейти опять в пределы России, к границам Германии.

Получена телеграмма главнокоманд[ующ] его о неизбежной необходимости заменить солдатам хлеб картофелем, так к[а]к источники первого иссякли. Нам предстоит серьезное голодание; положение в санитарном отношении угрожающее.

Рад очень слышать из уст начальника штаба Галкина, что Куропаткин¹²⁶ — гений, и при нем настолько бы был обеспечен тыл, что солдаты и мы с ними не находились бы в таком бедственном положении относит[ельно] довольствия хлебом, сахаром и др. видами довольствия. Мой адъютант перед выездом из замка не выдержал характера: хотя других осуждал, а сегодня не вытерпел и «взял на память себе, как другие», два бронзовых роскошных подсвечника. Подозрительны частые легкие случаи в боях ранений в левые руки и в ноги... Очень хорошо устроены в селениях колодцы с цементирован[ным] срубом. [...]

Около 2 часов дня прибыли в назначен[ное] место, переехавши два моста — один через Сан, понтонный, а другой — через Вислок, плотовой. Командир Пултусского полка Малеев¹²⁷ до сих пор неизвестно где — на небе или на земле; Несвижского же гренад[ерского] полка — мой знакомый Герцик Николай¹²⁸ — во время паники полка 13—15 августа покончил с собой самоубийством. Штаб остановился в школе; я с адъютантом в избушке против. Хозяин добродушный;

достал у него яиц, за десяток к[ото]рых он просил «рупь», но когда я дал ему три монеты по 20 геллер[ов], он с признательностью благодарил. Лошадки мои опали в теле от недокорма. Все меры употребляю по покупке овса и сена, ч[то]б[ы] только лошади были сыты. Досужие разговоры моих штабных о всыпании нагайками и мордобитии, к[ото]рое они совершают с особенным вкусом [с] изголодавшимися солдатами.

13 сентября. Стоим на том же месте, т[а]к к[а]к не все части корпуса подтянулись к назначенным им пунктам. Погода хорошая¹²⁹. [...] Много канители по приближению головных этапов к войсковым частям. Прошу телеграммой уже не в первый раз заведующего этапно-хозяйств[енным] отделом армии, ч[то]б[ы] он прикомандиров[ал] к корпусу хотя бы два неприданных дивизии полевых госпиталя для действия их в качестве промежуточных предголовных этапов или же придвигал гораздо ближе этапный пункт. [...]

14 сентября. [...] В полдень пришли в *Жолыню*¹³⁰ — местечко вроде нашего уездного городка. Грандиозный костел, к[ото]рый мог бы быть украшением и любой нашей столицы. Зашел туда. Масса молящихся — целая, показалось мне, тысяча: справа — женщины, слева — мужчины; все хором пели, но пение унисонное и без органа, т[а]к к[а]к органист забран на австрийскую службу... [...]

Против костела стоит изящный крест каменный на постаменте с изваянием распятия Христа, под ним надпись: «*Grunwald, 1410—1910*». В квартире же ксендза — картина, изображающая «*Polonia, Konstytucya 3-go maja 1791 roku*»¹³¹.

Наши солдатики очень нуждаются, между прочим, в табаке; трут теперь в порошок дубовые листья и их курят; «добре только от этого табака кашляется», — заявляют они. Из подвалов ксендза достали несколько бочонков превосходного пива. [...]

15 сентября. Погода хмурая, с полудня же — слезливая. Воспользовавшись дневками и нашего штаба, и всех частей корпуса, поехал в санитарную инспекцию 70-й пех[отной] и 3-й грен[адерской] дивизий в *Стоберне*¹³², верст за 25 от *Жолыни* через *Ракшаву*¹³³, *Веглиске*¹³⁴, *Залесье*¹³⁵, *Медынь*¹³⁶ в сопровождении двух казаков; дорога пролегла по лесам, перелескам, простокам и холмистой открытой местности, с левой руки — к югу — виднелись в туманной

дымке очертания высившихся к небу Карпатских гор; лес по преимуществу — хвойный. Ехал руководимый картой-десятиверсткой да расспросами крестьян, указывавших мне направление, названия и расстояние попутных деревень («тенде», «просто» — значит «прямо», «километр», «пулкилометра»). В *Стоберне* — большой камень, на к[ото]ром иссечена надпись: «*Grunwald, 1410—1910*».

Осмотр нижних чинов означенных дивизий представил столь же потрясающую по трагизму картину, как и чинов 46-й дивизии: люди положительно голодают — недостает положенного количества хлеба, сухарей, крупы, даже соли и мяса. Жители теперь все от солдат прячут и зарывают. Выражение лиц у солдат — как у сфинкса, устрашающе-загадочное. Такое бедственное положение относительно питания долго продолжаться не может и должно разразиться катастрофой! Все это следствие полной неустроенности тыла; вопиющее также положение относит[ельно] эвакуации раненых, оказывается, до сего времени нет полевой эвакуационной комиссии, вследствие чего безо всякой сортировки и отбора раненые легко, напр[имер] в палец, наравне с тяжело ранеными засылаются далеко в тыл. Вот плоды евдокимовской милитаризации военных врачей! Врачи как офицеры — что, по-моему и нужно было ожидать — с трезвоном провалились! [...]

Только что приехал обратно в *Жолыню*, как неожиданно для меня предъявлена мне была следующего содержания телеграмма, посланная Главным военно-санитарным управлением еще 28 августа: «Высочайшим приказом 17 авг[уста] д[ействительный] с[татский] с[оветник] Кравков назначен заведующим санитарной частью 10-й армии»... Где эта армия — наверное, только вновь формирующаяся — неизвестно, секрет, и, прежде чем ехать в ее штаб, предстоит предварительно съездить в штаб главнокомандующего — в Холм. В общем, новым своим назначением я доволен — меньше буду испытывать трепатни, к[ото]рая стала меня сильно утомлять, выйду из этой грязи постоянной, от которой начинаю вшиветь, и буду жить более оседло, а главное — не буду воочию видеть и мучительно созерцать людское горе, к[ото]рому также не могу помочь, как ковшом вычерпать море; кроме того — вырвусь я окончательно из этой ненавистной мне банды штаба 25-го корпуса! [...]

16 сентября. Преотвратительная осенняя дождливая и слякотная погода при сильном ветре, пронизывающ[ем] буквально до костей. В 9 часов выступил со штабом на СЗ — *Ранишув*¹³⁷, верст за 25, через *Подлесье*¹³⁸, *Соколув*¹³⁹. Дорога раскисла до необычайн[ости], но благодаря песчаному грунту оказалась более сносной, чем в Маньчжурии; пролегла по большей части по хвойным лесам и перелескам; дождь с градом и ужасным ветром лил все время. Солдатики, очевидно голодные, шли кто покрывшись клеенкой из-под шахматн[ого] стола, кто какой-н[и]б[удь] женской кацавейкой, кто на одну ногу обутый в австрийские штиблеты; до слез жалкое зрелище! Во взглядах их я читал что-то зловещее и укоризненное по нашему адресу, едущих в экипажах, и даже как бы постигающее, знаем-де мы вас, заставляющих-де нас, навозников, ради ваших барских прихотей теперь жертвовать своей жизнью... [...]

Предполагаю к послезавтра ликвидировать свои дела в штабе и поеду в ставку главнокоманд[ующ] его для разыскивания местонахожден[ия] штаба моей армии. [...]

Залег в кровать часов в 9 вечера. Свалился от усталости как сноп. Ночью от тревожных дум — к[а]к-то я один, без переводчика, буду скитаться по австрийским деревням, со скрытым неудовольствием и враждебностью нас встречающим, — в розысках штаба 10-й армии, о к[ото]рой только известно, что она формируется из сибирских войск («японская» армия!), а где пункт формиров[ан]ия ее, никто не знает (все «секреты»!). [...]

17 сентября. Офицерство друг друга поздравляет с днем ангела кто Верочки, кто Любви, кто Наденьки и пр. Как хорошо теперь в Рязани... [...]

Ночью прошелся мимо палаток; только и разговоров у солдат, что о своей еде... К пищевому голоданию присоединяется теперь и снарядное голодание пушек. Подам доклад командиру корпуса о хроническом голодании солдат и о могущих из этого произойти последствиях. Ч[то]б[ы] избежать лишнего путешествия в штаб главнокоманд[ующ]его, я решил было послать предварительно следующую телеграмму начальнику санитарной части штаба главнокомандующего армий Юго-Западного фронта: «Будучи назначен заведующим санитарной частью 10-й армии, прошу

указания, в какой пункт мне выехать». Но командир корпуса настоятельно советовал не откладывать мне своего отъезда и не трудиться посылать означенной телеграммы, на к[ото]рую-де ответ может прийти не ранее двух-трех и более недель, да и не ответят-де прямо на мой вопрос ввиду секретного характера места формирования 10-й армии. Подумавши еще как следует, порешил не посылать означенной телеграммы, а прямо ехать на *Холм* через *Люблин* по шоссе. Колебания мои насчет вопроса, сколько брать с собой солдатиков: если трех, то надо специально нанимать фурманку, к[ото]рую так трудно иногда достать, а с одним — возницей, ввиду могущих быть случайностей, не так удобно. Порешил на последнем, ч[то]б[ы] не возиться с поисками фурманок, не прибегать к принудительным мерам и быть покойнее. Всеми силами души стремлюсь поскорее прошмыгнуть, как какой-то контрабандист, через границу в пределы своей России, ч[то]б[ы] чувствовать себя как-никак у себя дома и следовать по своим деревням с большими удобствами в смысле нахождения фронта, питания, ночлега, т[а]к к[а]к все-таки хоть кого-нибудь, да найдешь там говорящего по-русски, ч[то]б[ы] тебя понять и объясниться. [...]

18 сентября. Унылая осенняя погода с перемежающ[имся] по несколь[ку] раз на дню дождем. Сильный ветер. Взял из полевого хозяйства деньги; заготавливают мне всякие бумаги по случаю отъезда, к[ото]рый я определил на завтра. Дневка, и стоим в тех же *Станах*¹⁴⁰, откуда по кратчайшему пути верст 30—35 до нашей границы. Но не скоро еще я выберусь из областей со всеми этими «пане» да «дзинькуем». [...]

Еду завтра на *Розвадув*¹⁴¹ верст за 20 к СВ, уже один, отделяясь от корпуса; чуть ли не более половины придется проезжать глухими местами. Револьвер, как и в прошлую кампанию, у меня всегда мирно покоится на дне чемодана.

19 сентября. В 10 час[ов] утра, откланявшись своему начальству, отправился к месту своего нового служения; на прощанье пришлось откровенно побеседовать с Рагозой о недавнем прошлом нашего штаба, когда подвизались наши герои-стратеги Зуев и Федяй, — о той затхлой атмосфере, к[ото]рую создавали с оставшимися еще здесь фендриками эти преступники. На прощанье Р[агоза]

мне объявил, что поручил начальнику штаба составить для отдачи в приказе благодарности за мою совместную деятельность с ним; я, конечно, поблагодарил, [сказал], что-де очень тронут. [...]

20 сентября. [...] Из *Брандвицы*¹⁴² выехал около 7 часов утра по дамбе на СЗ к *Чекай*¹⁴³. Погода прекрасная; по обеим сторонам насыпи — масса разбросанных жестянок из-под консервов, раскрывшихся шрапнелей и окопов, к[ото]рыми перерыта оказалась вскоре и сама дамба; ехать пришлось окольно. По пути бегали, как домашние куры, фазаны... По выезде из *Вилька Туребска*¹⁴⁴ волей-неволей пришлось влиться в массу движущихся войск и их обозов по направл[ению] к *Сандомиру*¹⁴⁵; части принадлежали 14-му корпусу; то обгоняя, то следуя в обозах, доехал до *Горжице*¹⁴⁶; на горизонте белел издали *Сандомир*, но я круто должен был повернуть к СВ на *Чекай*, обрадовавшись, что опять, Бог даст, буду ехать один, не в водовороте войск. Около 11 часов утра — у переправы через бурливый Сан; в ожидании окончания совершавшейся наводки моста пришлось простоять около часу. Скопилось немало обозов, следовавших на ту сторону. От сердца отлегло, когда переехал мост; направление взял, руководствуясь картой и расспросами «панов», на *Радомысль*¹⁴⁷, где предполагал было остановиться лишь на 1—1½ часа, ч[то]б[ы] покормить лошадей и затем тронуться через границу на *Луну*¹⁴⁸. Дорога шла на ЮВ опять дамбой среди дубняка, по сторонам селения как будто без признаков войны: на полях — пахали, паслись стада коров. Ввиду утомления моих лошадок (из к[ото]рых пристяжка уже несколько дней заметно стала худеть) и ч[то]б[ы] легче достать им корму, я решил временно приостановиться, еще не доезжая *Радомысля*, в одной показавшейся мне небольшой деревушке; въехавши в нее, узнал, что это — самый *Радомысль* и есть. За лучшее счел остановиться у ксендза, давшего мне приют и скудную трапезу, разделивши со мной пополам небольшую свиную котлету в бураках и картошке, к[ото]рую я проглотил с жадностью крокодила; хлеба, к сожалению, у него не оказалось ни крошки. *Радомысль* считается за местечко, будучи небольшим селением, но с костелом, без костела же селения называются просто деревнями — весями. Это местечко оказалось, как и до сего времени мне встречавшиеся, также буквально все объединенным и выбранным как австрийск[ими] войсками, два раза прошедшими

его, так и нашими («Австрияки ходили туда и сюда, да русские — сюда и туда», — объясняют причину своего оскудения бедные поляки.). [...] В местечке *Радомысль* еще существуют следы разрушений, произведен[ных] артиллерий[скими] снарядами. Каким-то чудом уцелели ветхий деревянный костел и памятник «Адаму Мицкевичу, 1910 г.». Оказывается, что памятники Мицкевичу имеются во многих деревнях и местечках¹⁴⁹, и я ошибся, предположивши ранее, увидав этот памятник в *Сеняве*, что она — его родина; его родина, как объяснил мне ксендз, — *Новогрудков*¹⁵⁰. Ксендз заметил во мне необычайную особенность: что я очень заботливо отношусь к питанию и доставлению возможных удобств своему вознице. Скорее бы мне Господь привел вырваться из этого голодного района! Познакомился с австрийским коллегой Становским — земским врачом в Галиции, владеющим настолько русск[им] языком, что можно понимать его. Взаимоотношения врачей и сих последних к пациентам у них, оказывается, отлично урегулированы в этическом смысле в противоположность нашей российской разъединенности¹⁵¹.

21 сентября. Погода днем гнусная, по прекрасной лунной звездной ночи никак не предвидимая. Заплатил ксендзу за взятый у него пуд с небольшим сена, немного молока и картошку 1 р[убль] плюс 1 крону плюс 10 геллер[ов] и в 8 часов пустился в путь-дорогу. Еду, удаляясь от кромешного ада; дорога не представляла обычного запружения войсками, лишь встретил идущие к *Радомысли* 18-й саперн[ый] батальон, 18-ю артилл[ерийскую] бригаду, а еще далее — артиллерийские части 83-й дивизии и 45-й. Проехал *Жабно*¹⁵², затем *Домброву*¹⁵³, откуда повернул к западу на *Липу*; последняя дорога была убийственная по своей трясуности, т[а]к к[а]к была устлана поперек дороги уложенными бревнами; непосредственно перед *Липой* — трясины, из к[ото]рой еле вытаскивали мои кони.

Около 11 дня были уже в *Липах* — на своей земле. Селение это представляет сплошные развалины — следы артиллерийск[ого] огня, справа и слева все окопы и позиции; сложенные в штабели и так валяющиеся рельсы декавильки, лежавшие всю дорогу, в *Закликове*¹⁵⁴ же — целое депо вагонеток; очевидно, дело австрийских рук. [...]

22 сентября. Погода премерзейшая — дождь и невылазная грязь. Слава Богу, что нет большого ветра. Переночевал у любезного ксендза довольно удобно, предупредительности его ко мне не было границ. [...] Пан ксендз именуется настоятелем римско-католического прихода в *Закликове* Виктор[ом] Игнатьевич[ем] Суским; очень беспокоится и просит ему откровенно сообщить, дабы принять необходимые меры к самоохранению, — могут ли сюда прийти германцы, к[ото]рые-де прут теперь стеной на Вислу и хотят отрезать нашу Галицийскую армию, — или нет?¹⁵⁵ Я ему объяснил, что имеются наибольшие шансы этого не опасаться. В другой половине у ксендза поместились врачи госпиталей 83-й пех[отной] дивизии, жаловавшиеся мне на свою бездеятельность и безостановочное их мотание с места на место.

[...] Около 2 часов дня приехал в *Красник*¹⁵⁶; грязь, не поддающаяся ни описанию, ни даже воображению. Город внутри — чисто еврейский, по окраинам же — польский; евреи заняты более торговлей, поляки же — земледелием. Остановился по указанию магистрата заночевать в одном еврейском семействе, принявшем меня со всеми выражениями преданности[...]

Выбрасываю скоплавшиеся у меня про черный день засохшие куски белого и черного хлеба, так как имею возможность пользоваться мягким. Поехал за город к «казачьим казармам», где расположился штаб 9-й армии, ч[то]б[ы] навести справки о месте нахождения штаба моей армии; с положительностью уверяют меня, что она входит в группу армий Северо-Западного фронта и штаб ее или в *Белостоке*¹⁵⁷, или же в *Гродно*¹⁵⁸. Говорят, что начальником санитарной части армий упомянутого фронта назначили вместо Савицкого (врача) некоего известного Рейнбота!¹⁵⁹ Что учинило военное ведомство над военными врачами в текущую кампанию — это уму непостижимо!! Умалением наших прав и ущемлением чувства нашего служебного достоинства за счет уширения первых и возвышения последних у чисто военных чинов — деградацией и подчинением заведующих санитарной частью армии (назначаемых по большей части из корпусных врачей и помощн[иков] окружн[ых] в[оенно]-санит[арных] инспекторов мирного времени) какому-либо, подчас завалящему полковни-

ку в роли заведующего этапно-хозяйственным отделом армии, а также внесением щекотливо-странных взаимоотношений между корпусн[ыми] врачами коронными (кадровыми) и заведующими санитарной частью армии, назначаемыми из дивизион[ных] врачей — ведомство военное грубо и зло надглумилось над нами введением нового устава о полевой службе (уже после объявления войны), ответивши на все домогательства Евдокимова¹⁶⁰ сделать врачей офицерами и на его несчастную реформу, учиненную над Воен[но]-медицинской академией!

23 сентября. Проснулся рано; мои услужливые еврейчики уже изготовили мне чай, подали белый хлеб и даже со сливочным маслом и на придачу сварили всмятку два яйца¹⁶¹. Распинаются передо мной и призывают Всевышнего в свидетели, что они во всю жизнь свою в первый раз видят такого большого начальника, к[ото]рый бы так заботился о своем солдате, как я; им кажется необычайным то, что я старался и накормить к[а]к следует своего Лепорелло, и положить его на ночь в тепле, а то «все офицеры крепко ругают своих солдат и не дают им помешаться в одном доме» (*sic!*). Что ж, это правда и это великое зло, что наше офицерство слишком узколобо смотрит на поддержание дисциплины, полагая, что чем грубей обращение с солдатом, тем крепче-де дисциплина.

[...] Под *Собещанами*¹⁶² навстречу попался идущий к Краснику 3-й Стрелковый гвардейский полк¹⁶³, люди все — народ свежий, рослый, довольно чистенько одетый; видно, что еще не принявший боевого крещения. Немного далее нагнал взвод Новоингерманландского полка¹⁶⁴, идущий на присоединение к своей части. Это из 3-й дивизии 17-го корпуса! От солдатиков моего когда-то корпуса узнал, что он весь движется теперь к *Люблину*. [...]

24 сентября. Ночь провели плохо, так как чуть ли не каждый час проходившие солдаты стучали в окна и ломились в двери, прося ночлега или хотя бы отогреться; но все избы были переполнены; один бедный солдатик кричал белугой, что замерзает; на расспросы — какие солдаты идут? — отвечают: «Нежинского полка». [...]

В 12 часов дня прибыл в *Люблин*. С большим трудом, и то благодаря случайности, застал номер в одной из приличных гостиниц («Европейской»); все гостиницы переполнены военны-

ми, для гражданских в них нет доступа. Город очень красивый и благоустроенный, весь обратился в стан русских воинов. В своем засаленном и загрязненном костюме я нисколько не выделялся от других, а потому решил не облекаться в новое пальто, к[ото]рое у меня мирно покоится в сундуке. Завтра и послезавтра поотдохну здесь, а то чувствую себя совершенно разбитым. № мой великолепно, и после всех мытарств пребывание мое в нем так сладко и приятно. Жаль лишь, что никак не удалось найти подходящее помещение для моих лошадок: занятая ими общая конюшня при гостинице до чрезвычайности грязна, и подстелить им под ноги нет соломы. С затруднением приходится покупать им сено и овес. Цены тройные! При всей ненависти моей к ресторанной кухне поданный мне обед показался верхом совершенства.

Среди военных мелькают фигуры и мужские, и женские с красными крестами. Какой-то, очевидно, уполномоченный почтенных осанки и возраста приветствовал нек[ото]рых сестер милосердия поцелуями их ручек. Что их влекло сюда, на войну? Многие ли из них приехали сюда только ради служения страждущему человечеству? А не только — в лучшем случае — лишь занять себя, если не ради своих чисто личных интересов. Сегодня молодая жена одного офицера так наивно обратилась ко мне с просьбой определить ее в сестры милосердия, так как-де она не может оставить своего мужа без себя!

Виделся мимолетно с нек[ото]рыми из штабных 17-го корпуса: Яковлевым¹⁶⁵ и Ив[аном] В[асильевичем] Ильиным¹⁶⁶. Разговориться с ними не пришлось, уж очень я устал; что Бог даст завтра? Передают, что *Радом*¹⁶⁷ взят немцами, Зуев же получил 26-й корпус; наверное, и «Пердяя» устроят на теплое местечко... Война, война, в каком священном ореоле юное воображение себе ее рисует, а она, в сущности, для командного состава сверху донизу есть только ресурс кормления, и всякий из офицерских чинов старается быть ей заинтересованным не более как дойной коровушкой, к[ото]рая дает много молока. [...]

25 сентября. Расправил и поуспокоил свое разбитое и изможденное тело в просторной мягкой постельке в хорошо согретой чистенькой комнатке. Проснулся — уже светло, взглянул в окно — на

улицах мокро, падает снег, усиленное движение массы войсковых частей, шум, гомон людской, гудение автомобилей и все та же опять безотрадная картина встревоженного людского муравейника...

Купил от 22 сентября «Речь», «Новое время» и «Рус[ское] слово». От штаба Верховного главнокомандующего сообщаются хорошие вести, будто германцы после Августовского сражения, закончившегося для нас 20 сентября победой, покидают пределы Ломжинской и Сувалкской губерний. Дай-то, Господи, ч[то]б[ы] это не было для нас лишь эпизодическим успехом! Как-то не верится... Но... но даже и «Речь» в Августовском поражении левофланговой германской армии видит полное крушение основных принципов германской стратегии и тактики; не нам-де учиться у германских стратегов военному искусству, а им следует заглянуть в русскую науку побеждать (*sic!*). Как представишь себе всех этих автомобильных генералов наших, вроде Зуева, «Пердя», Потоцкого¹⁶⁸, Добрышина и *tutti quanti*¹⁶⁹, и диву даешься, что по адресу наших военачальников расточаются дифирамбы, что при таких презренных и ничтожных начальниках наших войска наши еще могут одерживать победы... [...]

26 сентября. Погода то захмурится, то разведется; то же и на душе. Предполагал было сегодня же выехать на Холм в ставку главнокоманд[ующ] его; но не бывать бы счастьем, да несчастье помогло: мою бедную лошадку — пристяжную — искусила жестоко стоявшая с ней рядом на общей отвратительной конюшне злая — очевидно, с голода — лошадь, и мне пришлось задержаться ради помещения несчастной пациентки в ветеринарный лазарет для наложения на раны швов; этим обстоятель[ством] я воспользовался для помещения и другой лошадки — корневика — вместе с экипажем и конюхом в тот же лазарет, где пребывание их будет обеспечено несравненно лучшей обстановкой, при к[ото]рой не разворуют — как здесь, при гостинице — ни жалкого запаса корма, ни всяких принадлежностей экипажного и лошадиного обмундирования, а то была сущая беда при ротозействе и неповоротливости моего возницы. Больших хлопот мне стоит дело фуражирования — сено и овес за недостатком их продаются на вес золота; прибегаю к посредничеству жидов и плачу им большие куртажные... Лишний

день, так[им] образом, я и поблагодуществую в чистом № с электрическим освещением, уже не говоря о том, что и покормлюсь сам по-человечески. Если не прибегнуть к содействию жидов, то и хлеба нельзя достать в городе ни черного, ни белого. [...]

27 сентября. Погода хмурая, но не дождливая. Устроил своих лошадей с экипажем и конюхом в отдельный товарный вагон, к[ото]рый выхлопотал прицепить к вечернему почтовому поезду, с к[ото]рым сегодня я сам отправляюсь на Холм. Вопрос фуражировки лошадей для меня приобретает характер трагический — я так измучился заботой, ч[то]б[ы] мои кони были сыты при затруднительности купить все для них необходимое, что, право, чувствую на плечах своих такую обузу, точно имею несколько семейств на содержании. Скорее бы добраться до места — тогда не придется мне самому заниматься и отвлекаться этим тягостным для меня делом. [...]

Отправляюсь на новую должность в скорбном сознании предстоящей мне роли — искупительной жертвы за грехи авторов, составлявших новый устав о полевой службе, а также того стрелочника, на к[ото]ром имели бы возможность разряжаться все громы и молнии сильных мира сего за общее неустройство военного быта.

Около 11 часов ночи выехал на Холм, в 1 час ночи уже был там. Заночевал в уборной, но спал плохо от холода и от сильного запаха карболки.

28 сентября. Рано утром, чуть забрезжил свет, выгрузил лошадей из вагона. Через этапного коменданта магистрат отвел мне помещение; в выборе его я больше всего считался с тем, ч[то]б[ы] лошадям была удобная стоянка и ч[то]б[ы] она была поближе ко мне. Поместили меня на краю города в одной избе в соседстве с магазином, имевшим вывеску, на к[ото]рой большими буквами выведена надпись «Склад гробов». После тех районов, из к[ото]рых я выехал, г[ород] Холм с первого же взгляда производит впечатление мирного города, в к[ото]ром не видно ни бешеной военной суматохи, ни облыжности в смысле возможности приобретения в нем необходимых предметов довольствия¹⁷⁰. Можно здесь купить и молока, и свечей, и масла, и т.д. Нет здесь встречавшей[ся]

до сего времени картины объединенности. Только что расположился в квартире — слышался призывный звон колокола¹⁷¹; очевидно, сегодня праздник.

Отыскал штаб главнокоманд[ующего] Юго-Западного фронта, где в оперативном отчаянии навел справку о нахождении штаба главнокоманд[ующ] его Северо-Западного фронта — в *Гродно*. Уже там я узнаю точно, где расположен штаб моей армии; ехать придется на *Брест — Белосток — Гродно*. Сегодня — «День креста», по городу ходит молодежь обоего пола и продает флажки с красным крестом в пользу раненых.

Пообедал на вокзале — вполне хорошо и недорого. Случайно встретился там с Федяем, к[ото]рый, как и Зуев, реабилитировался и получил бригаду в одном из запасных корпусов, предназначенных для осаждения *Перемышля*. Настроен в отношении меня откровенно и покаянно, необычайно был ко мне любезен и утащил меня к себе в вагон чай пить, откуда вместе пошли в Моск[овское] экономич[еское] офицерск[ое] общ[еств]о. Ругает свой штаб 25-го корпуса как нельзя более, все-де работали из-под палки и ничего не знали, кроме Богословского. Не поздоровилось от него и по адресу Зуева. Передавал мне, что Плеве, вместо того, ч[то]б[ы] быть самому свергнутому за директивы, имевшие для него и Зуева столь неприятные последствия¹⁷², награжден недавно Георгиевским крестом¹⁷³; Добрышину-де не оправдаться в том, что он бросил свою дивизию и, в растерянности потерявши с ней всякую связь, бежал прямо на *Холм* в штаб армии. Вопрос возникал об отрешении от должности и корпусного командира 17-го корп[уса] Яковлева, но он слишком будто бы в очень хороших отношениях с Плеве.

29 сентября. Погода, почти не переставая, стоит гнусная — мрак, дожди и слякоть. Но эта атмосферическая непорядочность значительно для меня теперь смягчается в этом почти глубоком тылу человеческого коловращения, где все штабные расположились даже совсем по-домашнему. Странно, что из штаба Юго-Западн[ого] фронта, стоящего теперь в *Холме*, совсем выделены санитарная часть и другие отделы, стоящие в *Бресте*. Зачем такая разобщенность и расколотовость штаба?

Получил все нужные документы на перевозку и себя, и всего моего инвентаря в *Гродно*, куда я завтра отправляюсь только ради узнания из штаба фронта о месторасположении штаба моей армии; досадно будет, если придется туда ехать опять назад, напр[имер] — в *Белосток* или *Брест*; вероятнее всего, мне кажется, что в *Варшаву*¹⁷⁴, в группу войск, действующих по правую сторону Вислы. [...]

30 сентября. Преотвратительная погода. Посадил лошадей с тарантасом в вагон, прицепленный к отходящему со мной поезду на *Брест* около 6 час[ов] вечера. В *Брест* прибыл уже ночью. Толчея, что негде яблоку упасть, ужинал за неимением мест стоя; масса выселяющихся из *Варшавы*, к[ото]рые, объятые ужасом войны, стараются поспешно эвакуироваться вовнутрь России. Варшавская публика настроена крайне нервно. Напрасно и нерезонно власти призывают жителей к спокойствию, обнадеживая их перспективой полного благополучия и беря на себя, так[им] обр[азом], большой риск быть дискредитированными в глазах несчастной публики, если бы *Варшава* была взята и публика бы сразу всей массой бежала из города. Заночевал в холодном вагоне, т[а]к что продрог здорово. Верную мысль я подслушал на вокзале из уст одного молодого человека, к[ото]рый высказывается за неприобретение людьми массы драгоценностей и всякого вообще имущества, дабы не чувствовать себя, лишившись их, уж очень несчастным. [...]

ОКТАБРЬ

1 октября. Незабываемый мной никогда день Покрова Пресвятыя Богородицы. Утром слышится благовест колокольный в церквах. Около 3-х дня сел в поезд, отходящий на *Белосток*; публики туда едет мало, а больше все в Киев, Москву, Брянск. От случайного моего спутника — фельдгегера Гончарова — узнал, что штаб 10-й армии в *Красностоке*¹⁷⁵, верстах в 30 к СЗ от *Гродно*. Путь к *Гродно* местами пролегает среди болот, к востоку — Беложевская пуца.

Продолжаю аккуратно прочитывать газеты; потопление немцами нашей «Паллады»¹⁷⁶ лишний раз доказывает, что враг наш слишком силен.

Вагон мой с лошадьми прицепили к санитарному поезду, к[ото]рый больше стоял, чем шел. Прибыл в *Гродно* лишь в 6 утра, всю ночь не спал.

2 октября. Светлая погода. Узнаю, что штаб СЗ фронта переезжает в Седлец¹⁷⁷. От жандарма и коменданта станции узнал, что штаб моей армии — в *Красностоке*; для вящей же достоверности постарался узнать об этом у к[ото]-либо из оставшихся пока чинов штаба; мои разговоры с Рейнботом¹⁷⁸, ответили мне по-хамски: «Я вам не справочная контора...»¹⁷⁹ Из *Гродно* до *Белян*¹⁸⁰ по машине, а с *Белян* на лошадях. Шоссе превосходное, гладкое как скатерть. Часов в 7 вечера прибыл-таки наконец в штаб, расположенный в Красностокском женском монастыре¹⁸¹, проскитавшись в розысках его около почти двух недель, и это в век пара и радиотелеграфов... Знакомство с новыми сослуживцами. Новости о происшедших переменах в воен[но]-санитарной организации, при к[ото]рой все вышло наоборот с нашими чаяниями военных врачей, созданной как будто со злым намерением нас унизить и предать в руки и на дискреционное усмотрение хулиганствующих рейнботов и им подобной сволочи, когда подпоручик Богданович в должности начальника эвакуационного пункта в *Августове*¹⁸² «подтягивает» главных врачей госпиталей угрозами отрешения их от должностей...

3 октября. Чудная погода, светлый день, дивная красота монастырской обители, к[ото]рую теперь занимает штаб 10-й армии. Но... на душе так тяжело, так тяжело — и не от предвидения и предчувствия всевозможных катастрофических сюрпризов, к[ото]рые нам готовят германцы, а от террора перед разнузданным произволом властвующей теперь вовсю и со зверским остервенением над нами рейнботовщины, для к[ото]рой и в трудную годину, переживаемую родиной, остается все тот же руководящий принцип в жизни — *l'état c'est moi*¹⁸³ и к[ото]рая в своем утробном ослеплении и неистовстве все спасение для России продолжает видеть только в ежовых рукавицах да кузькиной матери за счет попрания всяких самых элементарных норм закона...

Ознакомился сегодня со всеми штабными; командующий армией — Сиверс¹⁸⁴ (недавно лишь назначенный после смены двух предшественников), начальник штаба — Одишелидзе¹⁸⁵; дежурный

генерал — Эггерт¹⁸⁶, генерал-квартирмейстер — Будберг¹⁸⁷ и заведующий этапно-хозяйст[венным] отделом — генерал фон Таубе¹⁸⁸!! Ни одной русской фамилии! Дела предстоит мне масса, и самого тревожного и трудного — формирование по новому положению «санитарного отдела», распорядительная деятельность по части эвакуации и проч. в гнусной атмосфере ежеминутного чувствования над собой грубого полицейского произвола и хамства. Неужели, если Господь благословит нас победой над врагом, то она послужит для большего еще торжества рейнботствующей лишь России, а не подлинной, дорогой всем нам России?! [...]

4 октября. [...] В штабе почерпнул сведения, что под Граевом¹⁸⁹ и на фронтах под Варшавой идет бой, на нас наступают в больших силах пруссаки — со стороны *Торна*¹⁹⁰ два корпуса, на *Варшаву* пять корпус[ов], по линии *Ивангород*¹⁹¹ — *Сандомир* пять корпус[ов], и по Восточной Пруссии — не менее трех корпусов. Фронт нашей армии растянут от *Сувалков*¹⁹² до *Остроленки*¹⁹³. *Лык*¹⁹⁴ нами очищен. 1-й Туркестанский и 6-й армейск[ий] корпуса из нашей армии выделяются, 26-й же — придается. Нашей армии предписано упорно обороняться. [...]

Прибыл генерал-майор Бендерев¹⁹⁵, был он перед этим — начальник штаба 1-го Туркест[анского] копуса, но, очевидно, оказался неспособным, а потому назначен «начальником санитарного отдела» 10-й армии!! Я буду его помощником. Познакомился с ним; впечатление на меня произвел хорошее откровенным признанием, что будет состоять в означенной должности лишь временно, впредь до получения или бригадного командира, или начальника дивизии, и что по санитарной части он ровно ничего не знает. [...]

5 октября. Погода мокрая. Приступили к формированию «санитарного отдела» при штабе 10-й армии согласно приказу Верховного главнокомандующего; поставлен во главе этого отдела не врач, а генерал-майор, вследствие чего и штат установлен довольно пухленький. Пока еще сформируются «санит[арные] отделы» в армиях, а теперь идет страшный сумбур во взаимоотношениях и в деле ясного разграничения круга ведения каждого. Рейнбот же — озорствует! [...]

6 октября. [...] Генерал Бендерев пробыл у нас как мимолетное видение, так как благодаря содействию своего сотоварища — на-

чальника штаба — получил новое назначение в штаб 3-го армейского корпуса. Какими удобствами — посмотрел я — обставлено было его отправление: даны и подводы под уйму вещей, и автомобиль персонально под него — своей корпорации человек! А уезжай я, хотя бы был и в чине действит[ельного] тайного советника — ноль бы на меня внимания. Все же, благодарение Господу Богу, я в штабе армии хоть не вижу к себе того грубого и наглого отношения, к[ото]рое пришлось испытать в штабе 25-го корпуса.

Назревает стратегический кризис в нашем единоборстве с пруссаками; в районе нашей армии между *Граевом* и *Осовцом*¹⁹⁶ начались бои; железная дорога между ними разрушена. [...]

Бомбардируют меня главные врачи подвижных госпиталей телеграммами такого содержания, что-де корпусные продовольств[енные] магазины не выдают им ни фуража для лошадей, ни съестных припасов для команд, купить же их невозможно... Интендант армии Краевский¹⁹⁷ (полковник, по-видимому, дельный, разумный и порядочный) откровенно признался, что помочь горю не в состоянии, так как ожидаемый из *Гродно* груз около 150 тысяч пудов в пути застрял. Задержка доставки всякого довольствия и людям, и лошадям из тыла — явление не случайное, а уже давно принявшее общий и постоянный характер, и притом трагический. Без преувеличения можно сказать, что войска со всеми входящими в них учреждениями, кроме штабов армий, — голодают в буквальном смысле слова, кроме того — терпят крайнюю нужду в надлежащем обмундировании и снаряжении. Если условия снабжения армии всем необходимым не улучшатся, то, мне кажется, должен будет наступить общий мор. [...]

7 октября. Хорошая погода. С утра с запада слышалось сильное артиллерийское буханье. Идет бой между *Осовцом* и *Августовом*. Целый день мечусь как угорелый в стараниях как можно лучше обеспечить войск[о]вые части в санитарном и эвакуацион[ном] отношении; разослал тысячи телеграмм и начальнику санитарной части фронта, и главноуполномоченному Красного Креста Гучкову¹⁹⁸, и особоуполномоченному — князю Куракину¹⁹⁹, и главным врачам госпиталей, и т.д. Бомбардируют и меня со всех сторон телеграммами. Душа страдает от сознания, что зла и несчастий так

много, а даже и смягчить их я не в состоянии!.. Хоть и все время треплешься, а видишь, что делаешь-то «ничего»; лучше ли это, чем ничего не делать?! [...]

Блокада с *Перемышля* нами снята; значит, дела наши в Галиции неважны. [...]

8 октября. Чувствуется дыхание глубокой осени; деревья расцветают багрянцем; земля покрылась густым ковром опавших кленовых листьев; небо покрыто свинцовыми тучами; пронизывающий сильный ветер; грозно шумит лес; жутко завывают и визжат телеграфные и телефонные проволоки. Как красивы здесь придорожные кресты! 6-й уж день как живу безвыездно в святой обители²⁰⁰. Хорошо бы пожить здесь в мирное время, без этой кошмарной действительности, сковывающей и ум, и сердце. [...]

9 октября. Ветреная, дождливая погода. Рано утром отправился на ненавистном мне автомобиле в *Августов* познакомиться с деятельностью там сборного эвакуацион[ного] пункта и входящих в его состав госпиталей, в число к[ото]рых произволом Рейнбота попал и приданный дивизии № 132, о необходимости возвращения к[ото]рого в свою дивизию я только что телеграфировал сему помпадuru. Дорога все время гролегалa по чудному шоссе среди болот, трясин, озер и хвойных лесов. Около 40 верст пролетел в течение 1¹/₂ часов! По пути навстречу тянулись обозы; бедные лошади от страха мчащегося самоката шарахали в сторону, опрокидывали повозки. С болью в сердце всю эту картину я беспомощно созерцал и думал, уравнивается ли внесенный моим автомобилем беспорядок в обозы той пользой, к[ото]рую я должен принести своей поездкой по осмотру полевых госпиталей? А польза, мне кажется, могла исчерпываться только разве тем, что я всех подведомстве[нных] мне коллег лишь обласкал и приободрил в противовес примененным к ним рейнботовским карательным мерам, вроде, напр[имер], отчисления от должностей некоторых главных врачей. Свою злобу от общего неустройства и несорганизованности во всем наши начальствующие лица так любят вымещать на своих подчиненных, особенно же — на врачах! И вместо того, ч[то]б[ы] быть руководителями, выступают исключительно лишь в роли карателей, видя в этом все свое назначение. В стороне *Граево* и западней слышалась артиллерийск[ая] канонада. [...]

10 октября. [...] От начальника штаба узнал, что мы собираемся переходить в наступление. Не верится мне, ч[то]б[ы] мы могли победить пруссаков; при совершенстве их техники, аккуратности и взвешенности ума не выручит, пожалуй, нас и «серый».

Командир 2-го Кавк[азского] корпуса Мищенко, хотя и порядочно надоедает моей канцелярии всякими телеграммами по санитарной части касающимися, но мне он очень нравится: таким и должен быть строевой начальник, к[ото]рый при учете «числа штыков и сабель» никогда не должен забывать и о носителях этих орудий... [...]

11 октября. День — серый. *Граево* — опять в наших руках. Идет сегодня большой бой между *Боржемен*²⁰¹ и *Дуткен*²⁰². В нашу армию скоро вольется 1-я, состоящая из двух корпусов. Вследствие последовавшей во время самой войны реорганизации в[оенно]-санит[арной] части²⁰³ — большой кавардак, путаница в понятиях, терминах; за отсутствием же надлежащей связи между частями и учреждениями многими из них не получается совсем никаких ни циркуляров, ни приказов. Только бы быстро и безостановочно двигаться и мотаться из стороны в сторону, хотя бы и безо всякого толку — отлично сходит за деловитость... [...]

12 октября. [...] Почти каждый день слышалась усиленная глухая канонада с запада. Командующий войск[ами], начальник штаба и квартирмейстер выехали на бранное поле. Как наши дела обстоят — неизвестно пока. О нашем же сражении под *Варшавой* в течение 1—7 октября газеты трубят как об имеющей решительное значение нашей победе, даже как «о начале конца» для германцев. Дома у нас теперь все ликуют. Но мне представляется, что рано еще нам [тру]бить в фанфары, еще много нам предстоит преодолеть трудностей, ч[то]б[ы] сломить врага, от к[ото]рого Варшава еще не застрахована. В действиях наших военачальников что-то видно много ремесленности и нет вдохновенного дерзания в отступление от шаблона.

В нашу армию вливается теперь 1-я армия Ренненкампа, состоящая из 3-го и 20-го корпусов; за упразднением этой отдельной армии бесталанному ее вождю дается, ч[то]б[ы] не обидеть его, командование над формируемой, кажется, особой армией, куда будет входить «маргариновые» корпуса... [...]

13 октября. [...] Идет страшный бой к западу и юго-западу от линии *Августов — Сувалки*. Вчера мы с кн[язем] Куракиным уже сговорились о размещении наших врачебных учреждений. Не лучше ли было бы для боевого дела, ч[то]б[ы] Красный Крест работал, по крайней мере, хоть лишь в тылу, а не в войсковом районе, где он является помехой и обузой, отвлекая на себя слишком много внимания строевого начальства, к[ото]рое прямо-таки боится не устроить поудобнее его лучшие отряды и лазареты (изволь-ка не угодить хоть тому же Пуришкевичу²⁰⁴, стоящему во главе целой группы лечебных заведений, к[ото]рый чуть что — и жалобу в Петербург!..); бывает так, что скорее пропустят поезд с ранеными Красн[ого] Креста, а задержат солдат, к[ото]рые должны скорее бы следовать на пополнение...

Единственная возможность узнать о всяких совершающихся у нас операциях в армии — это за обедом и ужином, когда все бывают свободны и сам командующий армией вкупе с начальн[иком] штаба, генерал-квартирмейстером, дежурным генералом и др. непринужденно беседует о том о сем, но при общем гомоне и привычке командующего тихо говорить я, сидя от него четвертым по порядку, ничего не могу расслышать. Мешает мне и японец, садящийся обычно около меня и старающийся меня на полупонятном для меня коверканном русском языке развлекать!.. [...]

14 октября. Погода туманная, хмурая. [...] В 10-ю армию включено столько новых частей, что она численностью доходит теперь до полумиллиона, и санитарное состояние ее — на моей ответственности. К западу от *Августова* дерутся во всю мочь, германцы настойчиво тщатся прорваться между 22-м и 26-м корпусами — в самом их стыке; послано подкрепление; завтра будет там и наша тяжелая артиллерия.

За ужином узнали, что пришла телеграмма из штаба главнокомандую[щего] об успешных наших действиях по линии *Зволень*²⁰⁵ — *Новая Александрия*²⁰⁶; взято в плен 50 офицеров и около 3 тысяч нижних чинов, кроме того — несколько пушек и пулеметов. Не наступил ли передкритический стадий решения общеевропейского вопроса? События назревают. Пошли, Господи, им скорее совершиться! Продолжаться долго война, мне кажется, не может:

мы все, от высших чинов, кончая тем более — низшими, прямо-таки переутомлены и физически, [и] психически! А впереди еще... призраки всевозможных эпидемий! И виноватыми в них, конечно, окажутся одни лишь врачи!! [...]

15 октября. [...] Дивизион[ный] врач 8-й Сибирск[ой] дивизии Михалевич отрешен от должности за письмо к своей жене, где имел глупую неосторожность критиковать действия наших военачальников и восхищаться действиями германцев, этих поистине каких-то во плоти дьяволов, так упорно и искусно сражающихся. Прискорбно при этом, что и германская наука «нахлобучила на лоб каску прусского фельдфебеля и ушла в казармы», а германское искусство «взяло в руки винтовку и стало стрелять по “вражеским” художникам и писателям»!! А мы? Разве с целью сокрушить тяготеющее над Европой иго германского милитаризма сами не милитаризуемся?! [...]

16 октября. Хорошая погода, ветрено и морозно. У *Сувалок* идет ужасающий бой²⁰⁷; командующ[ий] армией не возвращался оттуда до сего времени, а уж 9 час[ов] вечера. Слышится весь день глухая пальба. Дергают меня во все стороны. Маневрирую распределением и передвижением санитарных транспортов и полевых госпиталей. Представители Красн[ого] Креста вносят лишь одну сумятицу, вон из кожи лезут, ч[то]б[ы] только показать свою неусыпную деятельность, докладами строев[ому] начальству о «скоплении раненых», смущая его более, чем как[им]-либо жупелом. Князь Куракин (а он один еще из лучших) сегодня козырял, как он за недостатком медицинск[ого] персонала сам хлороформировал раненых при операции. На переднем плане у всех этих благотворителей — только «я, я» да «мы, мы». Чтобы внести хоть нек[ото]рый порядок в работу, сделал распоряжение о распределении времени для докладов мне по делопроизводствам — госпитальному, врачебно-гигиеническому, эвакуационному, бухгалтерскому, секретарскому; спешные же доклады делаются во всякое время. Часа два я сегодня имел терпение выслушать объяснения бухгалтера о кредитных операциях; признаюсь, очень мало понял.

17 октября. Светлый день, мороз. Щемит сердце при одном представлении, как только наши солдатики теперь себя чувствуют

на позициях в подбитой ветром рвани, в изношенной обуви, голодные... В 20-м, 3-м, 22-м, 26-м, 3-м Сибир[ском] и 2-м Кавказс[ком] корпусах идут горячие бои. Командующий армией с генер[ал]-квартирмейст[ером] Будбергом еще не возвращались из Августова. С раннего утра — первые телеграммы от командующего, что большие скопления раненых в *Августове* и *Сувалках*, получены также телеграммы от крепостного врача *Гродно* и корпусного врача 20-го корпуса, что больные накопились и требуют скорейшего вывоза по железн[ой] дороге. Взволновался этим обстоятельством начальник штаба; успокоил его, что все зависящее от меня сделаю. На мою телеграмму во фронт начальнику санитар[арной] части о необходимости скорейшего вывоза тифозных больных с главных пунктов последовал ответ, что поезд будет выслан для их подъема, когда будут изготовлены специальные вагоны!! Хаос, хаос, во всем хаос! [...]

За расформированием штаба 1-й армии понаехали к нам излишствующие чины из этой армии, из них один полковник, рекомендуемый бывшим протеже Самсонова и Флуга²⁰⁸ и состоявший до последнего времени каким-то «командиром нестроевой роты обозного батальона», не без лоддержки, по-видимому, и со стороны начальника штаба к[а]к бывшего сослуживца в Туркестанск[ом] крае²⁰⁹. Этот полковничек моншерского типа серьезно, я вижу, мечтает быть назначенным не более и не менее как... начальником санитарного отдела штаба нашей армии, а я, заслуженный врач-генерал, буду его тогда помощником!! Это ли не верх цинизма?! Цинизма, к[ото]рый проделывают над нами, врачами, хозяева теперешнего положения, г[оспо]да военные начальники. [...]

Яростные атаки германцев нами отражаются; навалены горы тел. Сиверс не решается еще перейти в наступление. Передают, будто турки на днях бомбардировали наши нек[ото]рые черноморские города. Начинается всемирная война, обещающая, как полагают мои превосходительные соседи по обеденному столу, затянуться надолго. «А хватит ли надолго у нас запаса снарядов?» — спросил прямодушно генерал Янов²¹⁰. Оказывается — не хватит.

Русского, нашего главнокоманд[ующ]его, все хвалят; ценят особенно его спокойствие, к[ото]рое уже на 90 %, по признанию

наших генералов, обеспечивает успех дела. По газетам видно, что народилось у нас новое центральное учреждение — Всероссийский комитет по оказанию помощи беженцам. Растет наша общественность; Бог даст, война и потом благоприятно отразится на строительстве земли русской... [...]

18 октября. [...] Все больше и больше начинают одолевать телеграммами о накоплении раненых и больных в *Августове* и *Сувалках* вследствие недостаточной их эвакуации, особенно же в *Сувалках* (до 6 тысяч чел[овек]!). Вижу, что независимо от посланных мной по означенной злобе телеграмм во все части света, надо будет проехать самому, воочию удостовериться, как идет эвакуация. В 2 часа пополудни выехал на автомобиле прямо на *Сувалки* — штаб-квартиру 2-го Кавк[азского] корпуса, к[ото]рым командует Мищенко. В *Августове* пока решил не останавливаться, а проехать через него безостановочно до *Ольшанки*²¹¹, где расположился 22-й корпус. Переговоривши с Азаревичем — корпусным врачом этого корпуса — о чем нужно, продолжил путь по превосходному шоссе в *Сувалки*, куда прибыл уже при огнях. Зашел в штаб. Познакомился с Мищенко; впечатление произвел на меня обаятельное: благодушный, прямой, простой безо всякой рисовки и спеси старик (несколько оглохший) — настоящий солдат, любящий его и прекрасно относящийся к врачам. Штаб его — это сплоченная тесно родная семья. Усадили меня ужинать, усердно угощали, особенно сам Мищенко, посадивши меня одесную себя. От корпусн[ого] врача Гопадзе²¹² к удивлению своему узнал, что никакого главного эвакуационного пункта в *Сувалках* нет, нет и руководящего лица, к[ото]рое бы ведало и регулировало распределение и движение раненых и б[ольн]ых. Хотя Мищенко настоятельно предлагал мне расположиться спать у него в кабинете, но я предпочел устроиться вместе с Гопадзе.

19 октября. [...] Чуть свет встал, и после чая с почтеннейшим д[октор]ом Гопадзе отправились на автомобиле в объезд войсковых и армейских, а также краснокрестских заведений. К ужасу моему, слухи, к[ото]рые я считал сплетнями профанов, оправдались — на *Сувалках* не было и нет главного эвакуационного пункта, а он все время регистрировался под № 8 с входящими в состав

его госпитал[ями] №№ 317 и 319; отсюда — весь кавардак в деле эвакуации, не было дирижера, к[ото]рый бы объединял деятельность госпиталей; но госпиталей №№ 317, 319, а равно и №№ 373, 379, 380 — нет и неизвестно где они обретаются; командует ими Рейнбот, к[ото]рому я сто раз телеграфировал; в его управлении до последнего времени смешивали названия «подвижной» и «запасной», и получалась кутерьма.

Осматривал госпиталя, зачисленные в армии №№ 347, 382, 333, 504 и 505; главные врачи №№ 504 и 482 (Дамаскин и Габуня) — достойны предания суду за их нерадение к святому делу, особенно первый из них... Заявлены мне жалобы раненых и больных... Обо всем виденном буду писать донесение. На первых же порах послал телеграмму, гласящую: «Лично убедился необычайном переполнении *Суваляк* всех лечебных заведений ранены[ми] и больными, число к[ото]рых превышает 5000 чел[овек]. Вопиющая необходимость в скорейшей доставке санитарных поездов для эвакуации. К удивлению моему, никакого главного эвакуационного пункта здесь не было и нет. Принял меры к временному его учреждению из наличных госпиталей... и одного старшего из главн[ых] врачей за начальника под общим руководством корпусн[ого] врача Гопадзе». Созвал экстренное собрание из главных врачей и представителей Красн[ого] Креста, коим высказал мои директивы. На собрании увиделся с профессор[ом] А.В. Мартыновым²¹³.

[...] Не успели докончить обед, как доложили, что приехал Трепов²¹⁴ и приглашает меня сейчас же к нему приехать на вокзал; помчался в автомобиле. Увиделся с Р.Р. Вреденом²¹⁵, к[ото]рый сопровождает Трепова; последний хотел было перейти на меня в наступление за царящие здесь беспорядки по эвакуации, но был сразу обезоружен моим исполненным сознания достоинства докладом, из к[ото]рого мог видеть, что все из замеченного им мной уже ранее было констатиров[ано] и приняты чрезвычайные меры к устранению безобразия. Импонирующим образом подействовала на него уже отправленная мной Рейнботу вышеприведенная телеграмма. Расстались с ним по-хорошему.

Под редкое буханье пушек выехал около 4 часов из *Суваляк* и прибыл часам к 7 в свою святую обитель, сильно продрогши.

Так устал, что не пошел и ужинать. Завтра буду делать подробный доклад командующему, предстоит много писать; накопилась за мое отсутствие целая кипа телеграмм и всяких бумаг. Интересная получена от бывшего арестанта Рейнбота ко мне телеграмма по поводу подробного моего донесения о результате осмотра несколько дней тому назад лечебных заведений в *Августове*; вот текст ее: «Госпиталь № 132 будет заменен, прошу донести основании каких положений вы инспектировали госпиталя пункта. Рейнбот, 7965». Отвечу на нее, немного подумавши, ч[то]б[ы] было и мягко, и вразумительно.

В яростных атаках немцев у *Бакаларжево*²¹⁶, к[ото]рые они ведут с удивительной настойчивостью, говорят, наколочена масса тел целыми горами, за к[ото]рыми неприятели как за бруствером прячутся и мешают нам еще больше их набить. Среди трупов вперемежку с ними навалено неисчислимое количество стонущих раненых²¹⁷. Во многих участках на нашем фронте наши войска разделяются от немецких как[ой]-н[и]б[удь] полосой в 200–300 шагов.

20 октября. Сухо, ветрено и холодно. Я немного простудился от вчерашней поездки — потерял аппетит, болит голова и тягивает. Но только что я успел выпить утреннего чаю, меня потребовали в квартирмейстерскую: едет главнокомандующий (Рузский)! В ожидании его успел доложить своему начальству о результатах моей поездки в *Сувалки*. Высказал уверенность я, что дня через два все б[ольн]ые и раненые успеют быть эвакуированы, поручкой тому — вмешательство Трепова. После часового ожидания наконец приехал Рузский — наш первый и единственный пока «герой» за эту кампанию; человек сухопарый, серьезным видом, спокойствием и деловитостью произвел на меня и всех очень хорошее впечатление; не чета, говорят шепотком промеж себя, бывшему главноком[андующем]у — аферисту Жилинскому!²¹⁸ С Рузским приехал между прочей свитой и великий князь Андрей Владимирович²¹⁹. Поздоровался с нами и тотчас же ушел с командующим и начальником штаба на совещание в отдельную комнату, оставивши нас опять в положении ожидающих: может быть, потребуется кто-ниб[удь] из нас, заведующих отделами. Письменных же дел накопилась у меня целая уйма; пропало мое

утро, к[ото]рое я рассчитывал посвятить на их разборку и исполнение; прождал до самого обеда — говорили, что трапезу разделит с нами и Рузский, но в последний момент окончания совещания он от обеда уклонился и уехал.

Засели за обед, Сиверс торопился поесть, ч[то]б[ы] поскорее выехать на *Августов*; зачем приезжал Рузский? По истолкованию Одишелидзе — побудить командующего нашего к наступлению; но Сиверс очень и очень колеблется и не решается; его смущает риск положить десятки тысяч людей — и безо всякого успеха; подбивает к наступлению начальник штаба. Сиверс указывает на Ренненкампа, у которого совесть не заговорила бы положить ни за понюшку табаку и сотню тысяч людей. [...] О штабе Ренненкампа прямо говорят как о банде разбойников и аферистов. 1-я армия, бывшая у него за последнее время под командой, влилась в нашу; но даны были ему несколько корпусов из Наревской группы, составившие теперь 1-ю новую армию. Очень критически и осудительно относятся про прошумевшее в августе наступление Ренненкампа до Кёнигсберга²²⁰, откуда армия так позорно вернулась вспять. Гибель же 2-й армии Самсонова (13-й и 15-й корпуса коей были совсем уничтожены) до сего времени еще дает чувствовать и отзывается на нашем стратегическом положении. Оказывается, Самсонов был буквально брошен на произвол судьбы бежавшим его штабом!

В первый раз в жизни испытал отвратительное чувство административного человека, подписавшего как бы смертный приговор: телеграфировал куда следует, что мной удален от должности главный врач 504-го госпиталя Дамаскин за нерадивое отношение к больным и раненым.

21 октября. [...] Послал донесение Рейнботу на его телеграфное требование, почему я позволил себе якобы инспектировать эвакуационный пункт в *Августове*; вот текст донесения от 21 октября за № 428: «по предписанию... в первых строках моего рапорта от 10 октября № 2072 было упомянуто, что я посетил под *Августовом* эвакуационный пункт для осмотра больных и раненых, так как забота о санитарном благосостоянии частей армии и установление подачи помощи больным и раненым и их призрения входит в круг важнейших моих обязанностей. Что же касается отмеченных

мной в рапорте нек[ото]рых недостатков эвакуационного пункта, то я счел долгом службы об этом донести в-ству, хорошо памятуя наказ Его Императорского Величества ныне здравствующего Государя Императора (разумею известную Ходынскую катастрофу!), ч[то]б[ы] не только все ведомства, но и части их управлений в своей деятельности не обособлялись, а всячески старались бы друг другу помогать и содействовать на пользу общего государева дела. В доказательство того, что мое посещение пункта не носило характера инспекции, говорят последние строки моего рапорта, что об устранении санитарных недостатков я заведующего сборным эвакуационным пунктом просил, а не предлагал или предписывал ему» (*sic!*). Вот изволь-ка, укуси теперь меня!

В приказе по штабу армии и его отдела цитируется: «...Не подлежит оглашению. Приказ главнокомандующего армиями Сев[еро]-Зап[адного] фронта № 104 от 7 октября 1914 г. ...Разрешаю для нижних чинов, состоящих хлебопеками и кашеварами, увеличить на время военных действий отпуск мыла до 1 фунта на человека в месяц». О, Россия ты моя матушка!..

Возвратился из *Августова* Сиверс, а с ним и Будберг — лица повеселевшие: пруссаки по всему нашему фронту отступают, хотя и не под напором наших корпусов, а по своей доброй воле; предполагается поэтому наше движение вперед, но ничего в наших действиях не замечается громкого, эффектного, все как-то происходит вяло и скучно. *Лык*²²¹ все в руках неприятеля²²². [...]

22 октября. [...] Приходил уволенный мной от должности д-р Дамаскин, туго слышащий, умолял меня оставить его на этой должности. Мне стало его так жаль, и я обещал ходатайствовать за него.

К провокационным назначениям на неподобающие места разных пижонов я внушаю себе относиться с философским спокойствием. Момент не такой, ч[то]б[ы] ревниво отстаивать свои личные прерогативы; надо посылить каждому из нас тушить пожар, объявший пламенем всю матушку Россию... Зато уж мы потом серьезно посчитаемся со всей этой революционной рейнбововщиной и треповщиной²²³...

Немцы продолжают отступать к западу²²⁴. Большая для нас работа: захоронение массы трупов. Уже и строевые начальники

обращают внимание на большое количество легкораненых в левые руки (в пальцы и кисти их). В штабе единогласно высказывается мнение, что великое было бы благо для армии, если бы Ренненкампф хотя бы был взят в плен!..

23 октября. Потонул совсем в текущих делах; некогда было даже прочитать к[а]к следует от Коли²²⁵, Сережи²²⁶ и Рубцова откровенные письма, привезенные мне из Петерб[урга] возвратившимся оттуда командированным врачом Щадриним. Никак не могут понять мои братья, что невыносимо тяжелым бременем для меня здесь являются не трудности боевой жизни, а провокационно-революционная деятельность по отношению к врачам²²⁷ хозяев теперешнего положения — развращенной до мозга костей нашей правящей бюрократии, и в войне-то видящей лишь одну цель удовлетворения своих узкоутобных хищнических вожделений; вот уж правильно, что война людям мор, а собакам корм.

24 октября. Мороз; поля покрылись инеем. Светлое бирюзовое небо. *Лыж*, оставленный немцами, нами занят. Квартирмейстерская часть вчера выехала совсем в *Августов*, куда на днях переходят и проч[ие] отделы штаба.

25 октября. [...] Ведренный день; восхитительная погода, а на душе скверно-прескверно; от чувства внутренней обиды не нахожу места, ничем его не могу разрядить. В *Августов* сегодня переехал этапно-хозяйственный отдел, завтра переедет отдел дежурного генерала; останемся здесь на неопределенное время лишь мы — санитарный отдел, почта да казначейство. Публика редеет. Столовая, где так прекрасно кормили, уехала с командующим; остаемся мы предоставленными самим себе в отношении довольствия и нек[ото]рых других удобств. Монашенки ждут — не дождутся, когда и мы уедем. Орудийной симфонии не слышно уже несколько дней.

26 октября. Сегодня в *Августов* выступает полностью и наш санитарный отдел; вещи погружены в обоз, а сами выехали на автомобилях. Прощай, тихий, покойный уют монастыря, где я несколько поотдохнул и телесно, и морально; неизвестно, долго ли простоим в *Августове*, по квартирам условия там прескверные.

Приехали в город около полудня, заняли препоганое ветхое здание — деревянный флигель с выбитыми окнами, загрязненный

до невероятности, масса валяющегося окровавленного белья. В довершение — масса крыс и мышей. Когда протопили помещение — ожили мириады мух. Вода в городе — неважная; жительствоуют преимуществ[енно] евреи; ни в одном доме нет удобств по части клозетов: надо ходить через двор на открытый воздух.

В штабе узнал, что под *Вержболовым*²²⁸ второй день идут бои, участвуют наши 3-й и 20-й корпуса; немцев налегло на нас до двух корпусов; с правого фланга какая-то наша дивизия отступила. Хочу завтра съездить к местам боя, хотя далеко: придется в автомобиле совершить в один конец до 100 верст. А он меня так разбивает ужасно. [...]

27 октября. [...] Все более и более отвратительной становится мне рожа полковника, поставленного во главе санитарной части армии!! С особенным удовольствием поеду завтра в *Ломжу*²²⁹, хотя и по случаю развивающегося в войсках сыпного тифа, но зато эти 2—3 дня моей поездки не буду я видеть упомянутого сына Марса, коему уместнее бы было быть в строю с мечом в руках, да и вообще поотдохну от всей этой писанины, к[ото]рой губится живое дело.

Получил сегодня я полевую записку Рейнбота [...] полную полицейской придирчивости, начинающуюся: «Предлагаю донести, на каком праве Вы позволили...» и пр.

28 октября. Осенний мелкий дождичек, туман. В 10 утра выехал с капитаном Боголюбовым на автомобиле через *Райгород*²³⁰ — *Граево* — *Щучин*²³¹ — *Стависки*²³²; расстояние около 90 верст по прекрасному шоссе прокатили в течение 4 часов, из них почти час употребили на обмен лопнувшей шины на свежую. Вчера еще с вечера мне занедужилось — поднялся сильный кашель, прибег к обычному купирующему средству — принял в два приема около 30 гран *Dr. Alp*-овых порошков; до сих пор еще голова от них одурманенная. Еле-еле пересилил себя отправиться в *Ломжу*, где мне сегодня необходимо быть по случаю появившегося сыпного тифа в войсках. Страшно меня разбивает езда на автомобиле; еле-еле добрались, так как не взяли «пропуска», и при выезде из *Стависок* и въезде в *Ломжу* нас часовой поэтому не пропускал. С трудом разузнали пароль — «Медоль».

Ломжа — городок маленький, чистенький; в руках немцев не бывший, но они доходили до него верст на 6—7. [...] От губернатора поехали к начальнику 6-й Сибирской дивизии фон Геннингсу²³³, в одном из полков к[ото]рой имелись случаи заболевания сыпным тифом; побеседовали на злобу дня; старая песенка о нашей дезорганизованности, когда имеется, напр[имер], корпус, но без его органов, без казначейства, без прочих необход[имых] учреждений и без личного персонала; в армии отражается вся Россия — велика она и обильна, а порядка нет. Завтра выезжаю из *Ломжи* в месторасположение злополучного батальона и вообще всего 22-го Сибирского полка — на *Бялы*²³⁴, на немецкую землю, куда путь пролегает через *Щучин* к СЗ через *Хойно*²³⁵, *Швандерн*²³⁶, *Ролькен*²³⁷, в *Козухино*²³⁸; надо будет спросить бригадного генерала Быкова²³⁹. Фон Геннингс с радостью сообщил мне весть, что сегодня его частями занят *Иоганисбург*²⁴⁰.

29 октября. Утром рано выехал на *Щучин*, откуда сделал заезд на *Бялу*. Дорога от *Чарновек*²⁴¹ вплоть до самой *Бялы* представляет преграду и никогда не забываемую по трагичности картину разрушения и разграбления селений, попрания грубой, дикой силой всего культурного, драгоценного для человека; в *Бялы* целой осталась одна только ратуша, в к[ото]рой поместился штаб отряда генерала Быкова²⁴²; видны следы поспешного выселения нашего противника²⁴³. Не знаю, вынесу ли я до конца посланное мне испытание; кругом лишь зверство и цинизм. Поставление всяких завалыщих полковников начальниками санитарн[ой] части армии я считаю положительно актом революционным.

Настроение солдат бодрое. Чувствуется, что поднялась вся матушка Русь. Пошли ей, Господи, победы и одоления, нашим же управителям-«псарям» — всех самых страшных на свете зол.

30 октября. Стоим все в том же *Августове*. Погода прегнусная; на душе отвратительно; болит голова, бьет сильный кашель, лихорадит. [...]

31 октября. Я совершенно никуда не годен; лишился способности думать, чувствовать, желать, чем-либо интересоваться. Переписка административ[ная] меня окончательно задавила — некогда прочитать приходящих писем от своих, газет.

Война! Для кого она священна? Для серой массы на позициях, но никак не для сверху стоящих, она для них — объект наживы, выгоды и личного интереса. Сегодня за обедом услышал высказанную полковн[иком] Генерал[ьного] штаба уверенность, что более 1½ месяцев война не продлится. Почему? Я думаю, потому, что все мы к тому времени дойдем до полного истощения нервных сил и обратимся в живые трупы.

Получена тревожная телеграмма о появившемся случае сыпного тифа еще в 24-м Сибирск[ом] полку. Беда! Помилуй Бог, если вспыхнет эпидемия, и кто будет виновником? Конечно — одни лишь врачи! Раз во главе санитарной части армии находят подходящим назначение всякой строевой завали, то пусть бы вся профилактическая медицина вместе с эвакуационной частью на войне была бы на полной ответственности лишь строевых начальников, а на ответственности врачей следовало бы оставить лишь одну лечебную медицину!

НОЯБРЬ

1 ноября. [...] Столпотворение вавилонское у нас всюду идет *crescendo*²⁴⁴: за переутомлением всех идет ужасная путаница в телеграфных сношениях, в бумагах; невообразимая перегруженность писаниной; по несколько раз следуют одно отменяющее другое предписания касательно форм составления наградных списков и проч. Многие части и учреждения за отсутствием правильных сношений до сего времени пребывают как в темном лесу, не зная, какие вышли новые положения, приказы, циркуляры; мне многие из врачей адресуют «полевому инспектору»... Красный Крест на войне устроил себе настоящий спорт в погоне за всем эффективным²⁴⁵ и чураясь, поднимая гвалт, если попадут к нему несколько человек б[ольн]ых тифом, сифилитиков и т.п., сваливая всю черную работу на воен[но]-лечебн[ые] зав[еден]ия. Представители его всюду имеют доступ и мутят верхи, восстанавливая и натравливая их на бедную военную медицину!

2 ноября. После обеда выехал в *Марграбово (Олецко*²⁴⁶) оперативный отдел штаба; завтра начнут туда перебираться и прочие

отделы. Вступаем на немецкую землю, вследствие оставления ее коренными жителями представляющую полную пустыню; жизнь там нам предстоит тяжелая. Я лично завтра отправляюсь через *Сувалки* на *Симно*²⁴⁷ для осмотра 112-го полев[ого] госпиталя, а по пути и других, после чего только двинусь на соединение со штабом в *Марграбово*. [...]

3 ноября. День погожий. До *Сувалок* решил ехать на лошадях, оставить их там при одном из госпиталей, а самому проехать дальше уже по железной дороге, ч[то]б[ы], возвратившись из своего санитарного турне, на своих же лошадках ехать в *Марграбово*, куда только еще проводится жел[езно]дорожн[ая] линия.

Остановился в госпит[але] № 339, где и заночевал. Пресимпатичный состав молодых врачей: лекаря Пумпяна, Лопот и Краузе со всей откровенностью свеженьких людей поделились со мной своими взглядами на текущее дело и критикой на существующ[ие] в воен[но]-санит[арном] ведомстве категории медикамент[ов] и инструментов, а также переизбыток писанины и формалистики в ущерб интересов обслуживаемого дела. [...]

4 ноября. Чуть свет отправились на желез[ную] дорогу; в 7 утра уже выехали на *Симно*; ехали по-черепаши, долго задерживаясь на разъездах; около 12 дня был в госпит[але] № 312, расположен[ном] у станции в премерзких условиях местности и квартирного удобства. С отходом войск к западу — последнюю неделю больных и раненых стало прибывать мало; стоянка здесь для госпиталя делается никчемной; надо перевести!

Около 2-х дня на госпитальных лошадях поехал верст за 30 шоссе на *Лодзее*²⁴⁸, где стоит госпиталь № 316; приехал — уже темно. Городишко еврейский, грязный. Госпиталь, как и первый, оказался в бездействии последние две недели. И его надо будет передвинуть. [...]

5 ноября. Переночевавши в *Лодзее*, рано выехал обратно на *Симно*, ч[то]б[ы] оттуда отправиться на *Сувалки*. Всю дорогу моросил мелкий дождь, поля тонули в тумане, местами бороздились плугом мирный пейзаж. Около полудня был в *Симно*, откуда, позавтракавши, отправились в товарном поезде на *Сувалки*, где ночью в вагоне и пробыли до рассвета.

6 ноября. Дождит и морозит. Приехал в госпит[аль] № 339 в *Сувалках*, где и остановился; осмотрел госпит[аль] № 504, «тифозный». Одна грусть; Боже мой, как плохо б[ольн]ым! Старший врач этого госпиталя тот, к[ото]рого я сместил было, а затем помиловал: он такой жалкий — глухой! От ужасного зрелища в означенном госпитале меня весь день душили слезы...

Был еще в госпитале № 397; мерзкое содержание б[ольн]ых, мерзкое отношение главного врача Лавриновича к коллегам; разбирательство их взаимных жалоб, а также сестер милосердия; полная противоположн[ость] не оставляющим желать ничего лучшего во взаимных отношениях, виденных мной в госпит[але] № 316 (*Лодзее*) ... [...]

7 ноября. Часов в 9 утра выехал из гостеприимного госпиталя № 339 на *Марграбово*. Погода сухая; морозец. Ехал на своих серых по прекрасному шоссе; в 11 часов был уже в *Рачках*²⁴⁹, откуда версты через 2 переехал и границу. Боже мой, какая потрясающая картина всеобщего разрушения; в селениях ни одной живой души; здания все исковерканы как после землетрясения. Около часу дня прибыл в *Марграбово*, бывшее, очевидно, до войны весьма благоустроенным местечком, а теперь... [...]

Наш отдел остановился около «Отеля Кронпринца» против костела. Внизу — разгромленный ресторан. Мне лично кое-как удалось устроиться в комнатке какого-то коммерсанта Фрица, бросившего здесь весь свой скарб и бежавшего. Размещаемся потеснее друг около друга, не разрознившись во избежание всяких внезапных нападений хитроумного врага. Находимся в гиблом районе Мазурских озер; для армии нашей поставлена очередная задача — взять *Летцен*²⁵⁰.

Головные эвакуационные пункты: *Вержболово*, *Сувалки*, *Лык*, *Граево* и *Остроленка*. Из *Симно* и *Лодзее* госпитали перетаскиваю в *Филипово*²⁵¹ и *Марграбово*... В *Вильковишки*²⁵² и *Кибарты*²⁵³ уже продвинуты для 3-го армейского корпуса, действующего на правом фланге в направлении к *Тильзиту*²⁵⁴.

8 ноября. Выпал снег, тоскливо потянуло на родину из этого омута вандализма, душа так и рвется в мир красоты, света, взаимной любви. Не могу, положительно, удержаться от слез при виде

окружающей картины разрушения и расхищения; в шкафу сегодня нашел брошенные детские игрушки, ученические тетрадки, семейные фотографич[еские] карточки; жили, очевидно, здесь люди мирно, тихо, растили своих деток — и вот, все перековырнулось. Так грустно, так грустно, что, право, можно сойти с ума. [...]

9 ноября. [...] Прошла колонна солдат. Боже мой, что за картина: многие укутали свои головы цветными платками, кто укрылся коридорной дорожкой (половиком), идут озябшие, еле плетутся, постукивая ногой об ногу. Такой вид имеет наша надежда — защита родины! Мерзнут люди на позициях, мерзнут больные и раненые в транспортах. Теплой одеждой снабдят только к весне! А мы, правящие, сытно жрем, пьем и не зябнем!

Навестил нас проездом со своим корпусом сегодня почтеннейший корпусн[ой] врач 2-го Кавк[азского] корп[уса] Гопадзе. У него в корпусе убито четыре врача. Теперь корпус его следует на подкрепление по случаю произведенного немцами у нас грандиозного прорыва между 1-й и 2-й армиями под Варшавой; положение для последней — угрожающее. Никто толком не знает, исправлена ли уже наша промашка. Командующий нашей армией ходит весьма хмурым и задумчивым. Вели речь о мерах, необходимых для ограничения усиленного стремления офицеров эвакуироваться в тыл; говорили о назревшей потребности для этого учредить, как и в японскую войну, «вышибательную» комиссию. [...]

10 ноября. [...] Наш санитарный отдел сегодня перебрался ближе к штабу с его прочими отделами, занявшими три больших здания, в коих помещался ранее какой-то большой немецкий начальник с административной своей частью; наш отдел с интендантством — в особом большом здании — рабочем доме, состоящем из многочисленных квартирок. Слава Богу, что отопление не центральное, а печное, а то первое во всех зданиях попорчено. Поселились у берега озера, так очаровательно отливающего в солнечном отблеске своей стальной рябью, кругом белоснежная равнина, на горизонте окаймляемая угрюмым темным лесом; возле — костел с кладбищем; так тихо на нем — хорошо; на крестах надписи: «*Ruhe in Frieden*²⁵⁵» или «*Auf Widersehn*²⁵⁶», стоят скамеечки, запорошенные снегом, посидел на одной из них в устремлении души «горé»... [...]

11 ноября. [...] Военно-врачебн[ые] заведения и военные врачи созданы на войне как бы с исключительной целью служить объектами разряда мстительно-злых чувств, накапливаемых у военачальник[ов], к[ото]рые с большей бы производительностью и по надлежащему бы адресу должны быть изливаемы ими уж никак [не] на нас, врачей, а на врагов, против кого идет война!! Содействия живому делу санитарии сверху не видно, средств для осуществлен[ия] не дается, но тысяча начальников, к[ото]рые только умеют цукать, кричать, ругаться: для всех штабных имеются к услугам автомобили, даже для приезжающих к нам дам, для врачей же получить по экстренной надобности это перевозочное средство составляет целую эпоху! Черт с вами — я готов отказаться от всяких прерогатив власти, если того требует общая польза дела, но возглавляют же наш санитарный отдел военными чинами, к[ото]рые перед военными же имели известный удельный вес, с какими бы считались, а не так, как теперь — «командирами нестроевых рот обозных батальонов», к[ото]рые дальше передних боятся пройти с докладами к власть имущим... Постановка санитарн[ой] части на войне требует коренной реформы; для санитарии должны быть сверху донизу представители — знающие свое дело и имеющие престиж, а не завалившие офицеры, коим нет места в строю. [...]

12 ноября. Мороз 6°R^{257} , погода серая. Зашел в Красный Крест, поместившийся весьма удобно в немецкой больнице «*Kreuzkranchenhaus*». Удручающая картина транспортировки раненых и б[ольн]ых безо всякой защиты от холода. Прошла партия солдат; многие из них укутали свои головы женскими платками, а ноги сверх сапогов рваными тряпками; вид воинства — времен [князя] Игоря!.. [...]

В «*Berliner Tageblatt*» от 3 ноябр[я] 1914 [года] напечатано, будто бы наших солдат побуждают драться лишь стоящие сзади с направленными в них дулами заряженных револьверов и ружей гг. офицеры и казаки! [...]

13 ноября. [...] Рано утром зашел в 494-й полевой госпиталь; главн[ый] врач — Евсеев; работа идет дружно, прекрасно; высказал всем благодарность, моими ласками врачи до слез тронуты, они их ни от кого до сих пор не видали, привыкли лишь скрепя

сердце переносить от массы начальствующ[их] лиц одно цуканье и угрозы: «Разнесу!» А начальство наше из ложно понимаемых своих обязанностей считает своим долгом быть более враждебно настроенным к медицинскому персоналу госпиталей, чем к пруссакам! Своими огульными разносами и противоестественными требованиями, вместо того ч[то]б[ы] подбодрить врачей, сеют между ними лишь одно уныние и мешают их покойной деятельности, отсюда резкая разница в типе красн[о]крестск[их] врачей и наших военно-санит[арного] ведомства: первые душевно приподняты, последние — забиты, и признаются мне чистосердечно, что только от меня они и впервые за время кампании видят человеческое к ним отношение. [...]

Все больше убеждаюсь, что главные революционеры, губящие Россию, — это наш правящий класс и военная бюрократия с пресытившимся, туго набитым доверху и совершенно глухим к элементарным нуждам народа брюхом. По ампутации гангрены немецкого милитаризма очередной задачей России должна была бы быть и ампутация нашей полицейско-бюрократическо-хамской гангрены правящих слоев, на околпачивании и эксплуатации невежественных масс строящих все свое благополучие.

Случилось, что я и ожидал: считавшиеся окруженными нами сначала якобы два корпуса немецких, затем дивизия, преблагополучно вышли из нашего кольца под Варшавой; не из артистов наши стратеги!²⁵⁸

14 ноября. Небольшой морозец, хороший серенький денек. Часов в 9 утра выехал в санитарное турне на автомобиле с капитаном Пономаренко по шоссе на север — в *Ковален*²⁵⁹. Переговорил с корпусн[ым] врачом 20-го корп[уса] обо всем; он «премного остался доволен», если его корпус будут обслуживать санит[арные] транспорты №№ 7 и 8, да еще будет поставлено по госпиталю в *Ковалене* и *Филипове*.

Из *Гольдана*²⁶⁰ поехал верст за 8—9 к СЗ, в штаб 53-й дивизии²⁶¹. Оригинал — начальник дивизии, весьма дружно живущи[й] с своим дивиз[ионным] врачом; как он устроил ретирад из комнаты в окно! Штаб, видимо, съюченый; слухи о мире; в Москве будто о нем сильно поговаривают; генерал думает, что к Рождеству война

кончится, т[а]к к[а]к-де больше и воевать нельзя: люди перемерзнут за отсутствием теплой одежды и переутомления, от к[ото]рого они прямо засыпают в окопах! [...]

15 ноября. [...] Сильная пальба орудийная к СЗ. Приступают к бомбардировке *Летцена*. 16 осадных уже подвезли, ждут из *Осовца* еще 14 штук. Истожили бензин; достать в штабе мой адъютант не мог, пока не предложил шоферу 30 коп[еек], за что дали около пуда его. Выехали в полдень в 26-й корпус на *Клейн-Тоблен*; дорога путаная; густой сплошной красный лес²⁶², масса диких коз, кабанов; по дороге встретили много немецких взятых нами фурманок и лошадей... [...]

Уже стемнело, когда прибыли в штаб 26-го корпуса; познакомился с Гернгроссом²⁶³; корпусной врач в отделе от штаба!

Назад на *Марграбово*. Леса, озера... плутание; по дороге стая волков около павших лошадей... По пути останавливал[ся] во врачебн[ых] заведениях²⁶⁴. Мой капитан Пономаренко ведет себя как к[акой]-нибудь ключарь или келейник, сопровождающий по епархии преосвященного.

В *Орловене* попали в 140-й полев[ой] госпиталь, приданный к дивизии. Шла всенощная. Прекрасное пение; регент — сам врач Острогорский²⁶⁵, ученик Николая²⁶⁶. Служил истово батюшка Ириной из Валаамского монастыря; трогательное пение «не имамы иныя помощи — не имамы иныя надежды, разве Тебе, Владычица...» Сами выпекают просфоры. Уже поздно ночью добрались до *Марграбова*²⁶⁷.

16 ноября. 0°R²⁶⁸, тихо. После объезда 20-го, 22-го и 26-го корпусов еще не приду в себя — в голове хаос; такая масса заявленных и обнаруженных нужд [...], что просто ужас. Не развивается ли у меня уж старческое слабоумие — память и соображение в большом ущербе, рассеянность необычайная. Кроме того, чувствую такую физическую слабость, что не в состоянии ходить, и очень тяжело подняться с кровати. [...]

1-я армия прохвоста Ренненкампфа почти на целый переход отступила! Наша армия перешла в общее наступление. [...]

17 ноября. [...] Слава Богу, мошеник Ренненкампф отстранен от командования армией и на место его назначен командир 5-го кор-

пуса Литвинов²⁶⁹; по словам нашего командующего Сиверса, все, что ни говорится пакостного о Ренненкампфе, никоим образом не следует считать преувеличенным, а напротив — лишь приуменьшенным!! Давно надо было понять кому ведать надлежит, что этот аферист мог быть, положим, и разудалым начальником кавалерийской дивизии, но не больше, нельзя же было его назначать командующим армией! В штаб 1-й армии уехал сегодня и Одишелидзе, назначенный туда на ту же должность начальника штаба армии. Пообчистится, может быть, теперь несколько и состав штаба, бывший при Ренненкампфе — этой «банды разбойничьей». [...]

18 ноября. Оттепель. Около 8 ч[асов] утра огненный солнечный шар только что выкатывался из-за холмов на горизонте, бросая светлые лучи по скованной тонким льдом поверхности озера. Глухо слышится с запада дьявольская канонада.

Ренненкампф отстранен от должности, но кто с него должным образом взыщет за десятки тысяч напрасно погибших жизней?²⁷⁰ По общему признанию, он еще с начала кампании должен был быть удален. Роль командующего на войне мне представляется аналогичной роли врача при постели б[ольно] го; в том и другом случае нельзя отрицать значения личности. [...]

От *Гольдана* до *Марграбова*, а от последнего — до *Лька*, *Граева* еще ранее — восстановлено желез[но]дорожн[ое] движение; сегодня был первый транспорт раненых в теплушках Земского союза. К 1 декабря, говорят, будут ходить поезда от *Марграбова* до *Сувалок* через *Рачки*.

19 ноября. [...] Вчера поднялся было наш аэроплан, но... по обыкновению — не высоко, не надолго и при спуске поломался!! Так характерно в моем представлении этим аэропланом символизируются всякие у нас на матушке Руси начинания!.. Все сводится к лаптеплетству, а не к художественности в работе. [...]

К обеду приехал командир 3-й кавал[ерийской] дивизии, жаловался, что люди без сапог, лошади не кованы, и на многое другое, о чем в газетах не пишут. Поинтересовался он знать, куда денут теперь «Вяземскую лавру», как принято называть штаб Ренненкампфа... Порассказал, как там фабриковались всякие подвиги и отличия, включительно до таких шулерских поступков, что нароч-

но подстреливали свою лошадь, ч[то]б[ы] козырнуть, что пронзила ее неприятельская пуля. [...]

Завтра и особенно послезавтра вплотную начнут бомбардировать *Летцен*; условился с «Николаем Ивановичем» (японским офицером) вместе туда поехать на автомобиле. Мой попутчик в объездах Пономаренко ухитрился достать немецкую точную карту-двухверстку через раненого нашего офицера от убитого немца-командира; теперь уж, Бог даст, не заплутаемся в наших экскурсиях.

Наблюдая сверхроскошь в лечебных заведениях Красн[ого] Креста и сравнит[ельную] убогость обстановки в наших военно-врачебных учреждениях, хочется все это снивелировать и установить лишь один тип помощи страждущим из простого арифметического и практического соображения: что лучше пустить в обиход многомиллионной массы — тысячу ли собольих шуб, или же по стоимости их — сотни тысяч простых полушубков?!

20 ноября. [...] В *Сохачев*²⁷¹ уже прибыл наш 2-й Кавк[азский] корпус; бои под *Лодзью* продолжаются уже дней 20 непрерывно; мне представляется, что дерутся не люди, а какие-то тени. [...]

21 ноября. [...] Дошли до меня слухи, что мой адъютант по поездкам капитан Пономаренко уже слишком позволяет себе эксплуатировать подведомственн[ые] мне санитарн[ые] учреждения в смысле приема всяких даяний... Форменный мошенник, но для эвакуационного дела человек расторопный и полезный; каждое утро он усердно с молитвенником в руках молится перед иконой. Отлично уживаются в человеке религиозность с греховодничеством! И чем плутоватее он, тем набожней!

Ощущается большой недостаток в офицерах, и солдаты остаются в положении овец без необходимого числа пастырей; прапорщики — народ все ненадежный; для увеличения комплекта нижних чинов сокращают число денщиков, доводя их до одного на двух обер- или штаб-офицеров.

Сегодня — Введение во храм Божией Матери; сходил к обедне в костел, где совершал богослужение наш православный священник; хор телеграфистов недурно пел. Солдатики, ставя каждый свечку, преусердно молились. [...]

22 ноября. Погода хорошая, 1° тепла²⁷². Из *Гольдана* прибыл санитарный поезд с ранеными. Бои разгораются. Командующий армией сегодня в хорошем настроении. Получил от своих из Москвы тревожную телеграмму со справкой о моем здоровье. Давно им не писал; было не до того, и времени не видишь, как оно бежит; а трепатни так много, что голова идет кругом. Отягчающим фактором безрадостной жизни здесь является наша российская склонность друг под друга подкладывать всякую пакость — стремление положить на лопатки не столько неприятеля, против кого ведется война, сколько своего брата сослуживца.

В Россию многие из офицерских чинов усиленно пересылают награбленное в неприятельских городах имущество... [...]

23 ноября. [...] Встретился с комендантом; передавал мне, что нынешней ночью производил он дозор и обыски по домам, в нек[ото]рых из них оказались скрывавшиеся пруссаки, в подземельях попрятавшие свой живой и мертвый инвентарь; обнаружены подземные кабели, по к[ото]рым неприятелю сообщается все, что у нас делается. Не думаю, ч[то]б[ы] мы могли скоро отсюда продвинуться вперед, а опасение имею, что могут нам устроить то же, что и для армии Самсонова. [...]

Приехали представители Петерб[ургского] купеческого общ[ест]ва, привезшие солдатикам и теплую одежду, и всякую всячину. Прибыл на обслуживание армии еще передовой отряд имени русского учительства с уполномоченным Генрихом Фальборком²⁷³ и старш[им] врачом Гольдбергом, объявившие, что желают работать «на самых передовых позициях»; состав[лен] отряд из интеллигентн[ых] молодых людей; я им объяснил, где они должны находиться, ч[то]б[ы] принести наибольшую пользу для той цели, ради которой предназначен отряд. [...]

24 ноября. [...] Посетил один из госпиталей, расположившийся здесь в «*Hotel Conditorei*» со зрительным залом и сценой; в первом размещены б[ольн]ые и раненые, во второй же устраивается батюшкой церковка. По телеграфным донесениям и по наличию приток раненых и б[ольн]ых поражающе пал. По пути встретил группу немецких женщин с детьми, к[ото]рых приветствовал «гут морген», они жалобно просили дать им хлеба и соли. [...]

Смещенным от должности оказывается еще и командующий 2-й армией Шейдеман²⁷⁴, недавно получивший «Георгия»; упорно передают, что великий князь — Верх[овный] главнокомандующий — Ренненкампфу в гневе за его неудачные действия побил морду. Давно бы следовало! [...]

Вышел приказ главноком[андующ]его армиями С[еверо]-З[ападного] фронта № 235 (секретно) от 18 ноября, предписывающий принятие самых энергичных и суровых мер (до расстрела по полевому суду) относительно бегунцов — воинских чинов всех категорий — для возвращения их в пополнение рядов частей войск; указывается в этом приказе, что в числе раненых нижних чинов имеется немалый процент членовредителей. Ох, эти «чудо-богатыри», «витязи», как называются наши «серые» в газетах! Во внутренних губерниях имеется, как мне передавали верные люди, масса эвакуированных этих «чудо-богатырей» с легчайшими ранениями рук, составляющих объект нежных миндальничаний со стороны наших акробатов благотворительности.

Прискорбное событие²⁷⁵: в *Брест-Литовске* произошел внезапный взрыв 40 тысяч снарядов в складе! Где зарыта собака? Газеты пестрят разжигательскими сведениями о «зверствах» германцев; не верил и не верю я в специальные германские зверства (эти легенды, может быть, и необходимы для подъема духа наших масс!), я верю лишь — в зверства вообще войны!

Комизмом дышит от сообщения о переименовании разных немецких колоний у нас в России на русские названия. Говорят, будто и бывший арестант Рейнбот испросил высочайшее разрешение именоваться по-иному — «Резвым»! [...]

25 ноября. [...] Разговорился со встретившимся мне интендантом Краевским: он в отчаянии, что мы, и войска в особенности, очутились в пустыне (за разрушением городов и селений), где недели через полторы-две нельзя будет достать уже ни корма, ни других предметов первой необходимости; все надо привозить и привозить; сооружение же у нас подъездных путей — еще в стадии благих пожеланий; все — видно — страшно издергались и дьявольски утомлены. [...]

По поводу слухов о мире издан приказ командующего № 203 от 23 ноября, гласящий так: «За последнее время с легкой руки разных

зловредных болтунов среди офицеров и нижних чинов нек[ото]рых частей идут разговоры о скором якобы заключении мира, причем называются даже и сроки его заключения. Приказываю объявить для всеобщего сведения, что по воле государя императора мир будет заключен только тогда, когда неприятель будет окончательно разбит и сам запросит мира и пощады. Всякий воинский чин должен думать» и т.д.

А вот приказ еще более интересный — № 204 от 23 ноября: «Из доклада о нападении немцев на окопы одного из полков 84-й дивизии выяснилось, что занимавшие окопы нижние чины оказались почти в беспомощном состоянии, так как окопы были вырыты настолько глубокими, что из них было невозможно стрелять. Напоминаю, что всякий окоп должен быть приспособлен, прежде всего, для удобной стрельбы, и затем уже для укрытия. Приказываю пересмотреть все окопы и устранить замеченные недостатки в отношении удобства стрельбы из них. Сиверс». О Святая Русь — это ты!!

А немцы здорово укрепились, наступление наше приостановлено. *Лодзь, Прасныш*²⁷⁶ — в руках немцев; от *Кракова* они оттягивают значительные силы к югу; фронт наш под Варшавой слишком выровнен по флангам, а не по центру. Вопрос «что думают предпринять немцы?», говорят, очень беспокоит главнокомандующего. Очень жаль, что приходится нам ломать головы над тем, что думают немцы, а не им [над тем], что думаем мы! Сиверс как-то выразился, что он очень бы охотно променял одного немца за трех австрийцев! Относительно немцев и их мощи все мои предвидения сбываются.

На место Шейдемана назначен командир 20-го корпуса Смирнов²⁷⁷. Смена командующего и вообще полководцев очень аналогична со сменой публикой врачей, лечащих тяжело больного; ответственная роль и тех, и других совершенно одинакова, и не всегда лавры одержанной победы должны принадлежать последнему в ряде смененных. К[а]к бы личность их сама по себе и не играла значения, отрицать к[ото]рого нельзя; но больше чем личность — полководца ли, врача ли — играет роль общее состояние и физиологическая крепость организма с хорошо действующей нервно-психической системой²⁷⁸. Наш солдат хорош при наших,

еще был бы лучше — при немецких начальниках; начальники же наши мыслимы лишь при нашем солдате, при немецком же были бы, думаю, нетерпимы. Правящее наше сословие следовало бы жестоко избить, как революционное, и я от всей души радовался бы его поражению, если бы оно не было сопряжено с большими жертвами для родины. [...]

26 ноября. [...] За обедом командующего не было — уехал по войскам. За трапезой сидел отставленный от должности один полковник кавалерийский, фон Веттер-Розенталь²⁷⁹, к[ото]рого мы сегодня свидетельствовали на предмет установления его негодности по состоян[ию] здоровья продолжать в данный момент военную службу, ч[то]б[ы] не так уж позорно было этому витязю уезжать в Россию. Среди моих превосходительных соседей по столу велись интимные разговоры; упоминалась фамилия Скоропадского²⁸⁰; удивлялись, как ему дали какую-то крупную часть; оказывается — место было создано для него; «дело», говорят, простое: поезжай в ставку Верховного главнокоман[дующ]его, если есть там заручка — дадут любое место, и это теперь гораздо легче-де делается, чем в японскую войну — теперь безо всякой необходимо[сти] сноситься с министром финансов, контролем внутренних дел и пр. И передавалось это беседующими благодушным тоном, безо всяких признаков раздражения и возмущения, когда у меня все нутро перевертывалось. Молодцом еще считают того, к[ото]рый какими бы то ни было подлыми средствами и путями, но лишь только бы добился теплого местечка или такого назначения, к[ото]рое по сравнительн[ой] своей высоте возможно более бы контрастировало и не соответствовало убогости его служебных достоинств. Это ли не цинизм и не моральное растрепание?! Такие ли порядки и у «варваров»-немцев? Не думаю. А казнокрадство, жульничество и недобросовестность в исполнении обществ[енн]ого или государств[енного] дела доходят ли до таких Геркулесовых столпов у этих «варваров», как у нас? Тоже сомневаюсь. Был ли бы так долго терпим у «варваров» на своем ответственном посту такой всеми также уже давно признанный мерзавец и негодяй как Ренненкампф, до погубления им двух армий еще в мирное время содеявший так много зла²⁸¹? [...]

27 ноября. [...] Стоим все в той же Помпее, где суждено нам, пожалуй, прозимовать. Для наступлен[ия] нашего германцы противопоставили, очевидно, непреодолимые преграды. В полдень — очаровательный вид озера и окружающей природы; наши солдатики катаются на лодках, да еще с парусами; Боже, как хорошо! Забываешь, что осень, чувствуешь дыхание весны. Относительно нашего положения на театре военных действий в газетах — сплошное вранье и бахвальство. Немцы бросают нашим солдатам воззвания, приглашающие их сдаваться, с обещанием, что «мы будем вас пропитывать»!

28 ноября. [...] Поступило донесение — жалоба командира 26-го стрелкового Сибирск[ого] полка на то, что немцы стреляют разрывными пулями, да еще по санитарам с ранеными! При приказе командующего приложено объявление штаба Верховн[ого] главн[окомандующ]его, гласящее: «В штаб Верх[овного] главн[окомандующ]его поступили от родителей просьбы возвратить им детей, бежавших на театр военных действий. Сим объявляется, что все лица, к[ото]рым известно местопребывание нижеупомянутых детей, обязаны передать таковых или указать местной полиции для отправления детей на родину» (следует список, все 4 — гимназисты, из коих трое — 13, а один — 15 лет).

Прибыл генерал-квартирмейстер при главнокомандующем Данилов²⁸². Произвел на меня весьма хорошее впечатление.

Господи Ты мой милостивый! Что я узнал сегодня от командующего: прохвост Ренненкампф в последнем сражении уложил 56 тысяч человек, потерял 149 пушек и весь обоз!! Это ли не кошмар действительности?! Воображаю, как торжествуют германцы! Много рассказано было о мошенничестве этого бубнового туза, к[ото]рого лишили под конец права заключения четырехмиллионного контракта с жидами на поставку фуража и проч. У генерала Янова имеются все обличающие означенного мерзавца документы. И передаются рассказы о всех художествах его безо всякого раздражения, а так покойно, как какой-либо анекдот²⁸³. Вот где надо искать истинных революционеров России!! Уверяют, что он, назначенный пока в распоряжение военного министра, впредь до высочайшего приказа, «еще выплывет» (*sic!*) и в Сибирь не пойдет. [...]

29 ноября. [...] Приказ командующего за № 201, весьма показательный для переживаемого нами гнусного момента: войска наши недели через две обречены будут на новую голодовку, также и лошади, а если грянут морозы, то перемерзнут все! Интендант признается по душе, что он и представить себе не может, как в занимаемых нами пустынях в ближайшем будущем можно хоть мало-мальски обеспечить войска провиантом и фуражом; выручить может только какой-нибудь *deus ex machina*²⁸⁴, а то страшно и заглядывать вперед, т[а]к к[а]к для нас обстоятельства складываются безнадежно; до половины солдат сапоги носят совсем развалившимися. Обмундирование и снаряжение заготовливалось-то на 2 миллиона людей, а явилась-то потребность для 8 миллионов! [...]

Вечером отправился по кромешной тьме в церковь Св. Марка, где наш священник служил всенощную; солдатики усердно молились, каждый из них ставил свечу и клал посильную лепту на тарелку. [...] Силен наш солдатик²⁸⁵, по-видимому, цельностью своего миропонимания, чуждой всяких сомнений и колебаний. А открой ему глаза на действительность — и получится то же, что с верховой вьючной лошадью, к[ото]рая осознала бы свои силы и перестала бы слепо подчиняться велению вожжей и кнута! [...]

30 ноября. [...] С запада целый день доносились глухие раскаты артиллерийской пальбы. За всю текущую кампанию не слышу среди солдат ни песен, ни звуков родной гармоникки; вместе с тем не вижу у них и той подавленности и уныния, что наблюдались в японскую войну. К вечеру слышались сильные взрывы; сначала думали, что это бомбы с немецких аэропланов, но потом объяснили, что это дело наших рук: что-то разрушали. Трусишка д-р Щадрин поспешно стал надевать на рукав повязку Красного Креста!

К ужину возвратился командующий, бывший весь день в объезде. Только почти и разговору было, что о босоножии наших вятязей и об изыскании скорейших способов снабжения их сапогами. В армии теперь у нас до 350 тысяч чел[овек]; телеграфировали сначала о высылке 200 тысяч сапогов, теперь просим выслать хотя бы 100 тысяч. В России, говорят, нет в настоящее время ни достаточн[ого] количества кож, ни рук для изготовления из них обуви. Трагедия!

ДЕКАБРЬ

1 декабря. [...] Легкий морозец при продолжающемся беснежии²⁸⁶. Что за дикий приказ главнокомандующего от 8 ноября за № 183: «ввиду полезного действия риса на желудок, в особенности при некоторых родах желудочных заболеваний, приказываю ежедневно на одну из варок делать суп, в к[ото]рый, кроме овощей и других приварочных припасов, класть по шести фунтов риса на каждые сто чел[овек], каковое количество с 15 ноября сего года отпускать сверх указанной дачи круп того или другого сорта...» [...]

2 декабря. [...] Продолжаю осмотр госпиталей. Завтра чуть свет еду в *Августов* для осмотра госпиталя № 495 с таким расчетом, ч[то]б[ы] на автомобиле успеть к вечеру того же дня возвратиться в *Марграбово*. Нелепые требования, ч[то]б[ы] госпиталя при погрузке в санитарн[ые] вагоны б[ольных]х и раненых обязательно снабжали их полной амуницией и сапогами, хотя бы раненые были с ампутирован[ными] ногами, и это в такое время, когда на позициях люди — босые!! Наша своеобразная российская приверженность «к порядку»! [...]

3 декабря. Серый день. В 9 часов выехал в *Августов*, куда лихо прикатил уже через час. Госпиталь нашел в большом порядке. Главный врач Авербург на высоте своего положения.

В госпитале лежит 13-летний малыш, бежавший от родителей на войну. Вчера же были еле-еле выпровожены на позиции из госпиталя офицеры со столь часто у них развивающейся болезнью *febris loderans*²⁸⁷.

После обеда выехал прямо на *Марграбово*, пролетевши расстояние верст в 70 в течение как[их]-либо 2 часов. Ужасно я разбиваюсь в этом шумном автомобиле! Хотя и очень устал, но пошел ужинать. За столом сидел прибывший Каульбарс²⁸⁸. Смотрел я на сего старца, взысканного судьбой, и думал, болеет ли он душой и сердцем хоть в малейшей степени за переживаемые матушкой Россией невзгоды?! Увы! Патриотизм нашей высшей бюрократии не выходит за рамки ее карманного благополучия.

По необходимости пришлось беседовать с «гнидой»²⁸⁹... Эта сволочь, держащая нос по ветру, не преминула поставить точку

над «і», заметивши, что-де Будберг, наш теперешний начальник штаба, не любит врачей! Отсюда, значит, разумеи и держи себя «смирно»! [...]

4 декабря. [...] Сейчас только получил потрясающее известие: застрелился полковник Краевский, наш интендант, человек, безусловно, хороший; я не обманулся в предвидении: мне за последнее время при встречах с ним всегда казалось, что он или сойдет с ума, или покончит с собой; он страшно болел душой за необеспеченность нашего солдата предметами первой необходимости и мрачно взирал на ближайшее безотрадное и безнадежное в этом отношении его будущее²⁹⁰; застрелился он на моем любимом для прогулок месте — кладбище! Это именно он был той фигурой, к[ото]рая рано утром ежедневно прогуливалась внизу по берегу озера, когда я постоянно в это время прохаживался возле кладбища к обрыву. Да будет тебе земля пухом, несчастный страдалец, не обладавший толстой кожей переживших тебя сослуживцев! [...]

5 декабря. [...] Заехал ко мне уполномоченный Всероссийского союза Н. Н. Ковалевский и сообщил, что дела наши под *Варшавой* — неважны; позавчера взят немцами *Сохачев*. Насколько предусмотрительными оказались немцы, устроившие заблаговременно в каждом селении у себя крепости и редуты, обеспечившие себя целой сетью жел[езно]дорожных и шоссейных путей, приведя в оборонительное состояние все проходы между озер и лесов, настолько лаптеплетами оказались мы, срывши крепости, защищавшие когда-то Варшаву; я не сомневаюсь, что здесь действовали высокосановные предатели... [...]

6 декабря. [...] Есть ли надежда по окончании войны на ослабление полицейского характера нашей государственности? Едва ли, мне кажется, особенно если окончится победой для нас; *post hoc ergo propter hoc*²⁹¹ будет неизбежным логически заключением для нашего правящего класса. Глубоко обидно и больно. Поставленная во главе медицинской части полиция вон из кожи лезет, ч[то]б[ы] с садическим сладострастием натешиться здесь над нами — врачами; этого чувства не чужд и властный элемент. Свое порабощение тем не менее переносу я терпеливо, как ни противно мне постоянное лицемерие этой полицейской сволочи... [...]

7 декабря. [...] Наступившее затишье в боевых действиях заметно усилило писанину. Сегодня или завтра отправляюсь, между прочим, в местечко *Шиткемен*²⁹² для осмотра немецкого лазарета, ч[то]б[ы] выяснить, согласно данное мне предписани., выполняет ли он свое прямое назначение и «не занимается ли другим делом». [...]

8 декабря. [...] Рано утром на автомобиле с Пономаренко выехал проводить инспекторский смотр госпиталей — в *Ковален, Гольдап, Шиткемен, Филипово*. Сначала отправился через *Ковален* в *Шиткемен* осматривать немецкий лазарет, внушивший нашему начальству подозрение относительно своей благонадежности. Из *Гольдапа* на *Шиткемен* дорога, между прочим, пролегла по королевскому охотничьему лесу с обильно водящимися в нем оленями, кабанями, сернами и т.п. живностью. [...]

Настоящая война открыла дорогу многим из опороченных по суду сановник[ов] вроде Курлова²⁹³, назначенного куда-то чуть ли не генерал-губернатором. А наш «Резвой»?! [...]

9 декабря. Запорошило снежком. Окончил осмотр 501-го госпит[аля]. Пообедал в Рижском питат[ельно]-перевяз[очном] отряде, вся администрация коего говорит на ломаном русском языке; представители ее перед отправлением на войну представлялись государыне императрице. Расставаясь с деятелями этого отряда, я спрашивал себя: враги они наши или друзья?

Выехал на *Ковален*, откуда — на *Филипово*, в 316-й госпиталь. Хороший ансамбль работников; главн[ый] врач — тьюфак! Ночевка ужасно утомляет меня предупредительностью ко мне всех чинов посещаемых мной учреждений. [...]

10 декабря. Зимний пейзаж; выпало порядочно снега, буксующего колеса автомобиля. Выехали утром на *Ковален*; на пути, как и вчера, сплошные картины Помпей. Горят мельницы и немецкие промышленные заведения.

Осмотрел 397-й госпиталь — прекрасно поставленный. У врачей в комнате летает канарейка, к[ото]рую они спасли от холода и голода. [...]

Пообедавши в дружной и хорошей компании, выехал восвояси. Снег и вьюга. Уже стемнело, когда прибыл в *Марграбово*.

Раненых в госпиталях сравнит[ельно] очень мало. Боевое затишье. Тифозных прибывает порядочно. [...]

11 декабря. [...] С наступившим затишьем наши всеильные преторианцы накопившуюся в них энергию злобы и ненависти разряжают не на внешнем, а на внутреннем своем враге — на подчиненных, среди них не на последнем месте оказываются врачи²⁹⁴, являющиеся всегда весьма подходящим объектом травли... У нас в России, кажется, к[а]к нигде, охотятся на людей, как на куропаток. Наш «Кувшинное рыло», полицмейстер-начальник отдела, дал мне «добрый совет» не особенно-то в разговоре с начальником штаба и командующим защищать врачей, т[а]к к[а]к-де получают от этого лишь невыгодные для них результаты!.. [...]

За обедом в отсутствие Сиверса и Будберга — свободный разговор о немецком засилье — о немыслимости коренной эмансипации от него, когда при самом дворе-то властвуют немцы — всякие фредериксы и проч. Ренненкампф свободно себе разгуливает по Невскому проспекту... А его давно бы следовало повесить... [...]

12 декабря. [...] Буханье оказалось действительностью: объявлено, что мы сегодня перешли в наступление. Приток раненых ожидается на *Видмины*²⁹⁵ и *Арис*²⁹⁶. Не вижу я и на этот раз в этом наступлении ничего художественного: ухлопаем целую уйму своих и такую же — немцев, и опять останемся на своих местах²⁹⁷.

Утром был на молебне по случаю открытия лазарета имени русского учительства. Прекрасная погода. Солдатики катаются на салазках с горы.

13 декабря. [...]. Канонады не слышно. Разослали автомобили и [с] наряди[ли] поезд за ранеными. [...]

Вышло так, как я и ожидал: вчерашнее наше наступление окончилось для нас печально: в двух Сибирских стрелков[ых] дивизиях 3-го корпуса ухлопано до 3 тысяч человек; 26-й полк²⁹⁸ должен был перейти версты в 2—3 ширины болото, что и совершил, но запутался в лесу и попал в засаду — два батальона расстреляны; теперь опять предстоит переходить это же болото... Все как-то делается у нас несвязно, несогласованно, недружно... Суеты же беспредметной слишком много, все горячатся, потому что горячится начальство²⁹⁹; как это все похоже на ту суету, к[ото]рую приходится

наблюдать врачу у постели серьезно б[ольно] го среди окружающих его лиц; несчастный врач, поддающийся воздействию этой суеты, забывающий вследств[ие] того правильно вести свою линию, заменяющийся на компромиссы вместо того, ч[то]б[ы] властной рукой устранять всякую ярмарку и бессмысленный гвалт. При боях у нас начальство вместо того, ч[то]б[ы] вести свое прямое дело к сокрушению противника, начинает совершенно иногда зря быть очень внимательным к тому, что там-то и там-то не моментально вывозятся раненые, что виноваты в этом случае только одни врачи, и начинает писать губерния!.. У семи нянек остается дитя без глазу... Сепаратное, в сущности, действие Красн[ого] Креста вносит еще больше путаницы и суматохи. Нет у нас спокойствия, выдержки, обдуманности...

Дивизии наши теперь растаяли до 9—10-тысячного состава, и во всей армии лишь до 175 тысяч штыков. А каких штыков? Некомплект в частях пополняется людьми из запасных батальонов безо всякого соображения, а чисто механически; партии не сортируются, а разбиваются; в результате получается, что в пехоту назначаются кавалеристы и артиллеристы, в артиллери[ю] — пехотинцы и кавалеристы, в кавалери[ю] — артиллеристы и пехотинцы. [...]

14 декабря. Отличная погода; небольшой мороз; холмы и долины укрылись снежной пеленой. В 9 часов утра на автомобиле выехал на *Лык*, ч[то]б[ы] через него попасть в *Грабник*³⁰⁰ в штаб 3-го Сибирск[ого] корпуса; около полудня был уже в штабе. С корпусным врачом отправились на осмотр двух лазаретов 8-й дивизии, стоящих один — недалеко от *Грабника*, другой же — в *Росткене*³⁰¹ (к СЗ), а также и главного перевяз[очного] пункта той же дивизии в *Талькене*³⁰². Уже стало темнеть, когда выехал на *Видминен*, где расположился Саратовский лазарет Красн[ого] Кр[еста] и лазарет 64-й пех[отной] дивизии. Поездку на главн[ый] перев[язочный] пункт в *Талькен* пришлось совершить в двуколке, так как с шоссе нельзя было туда уже ехать в автомобиле; в воздухе реял привязной аэростат 8-й Сиб[ирской] дивизии, по к[ото]рому шла мерная артиллерийская канонада со стороны неприятеля.

В *Видминене* заночевал. При лазарете 64-й дивизии служит доброволкой-сестрой г-жа Гурко, супруга командира 6-го корпу-

са³⁰³ — вопреки закону! Врачи очень бы желали от нее отделаться, терпя от нее засилье. Советовал врачам «терпение и терпение»; после войны сочтемся! Теперь же будем хоть в качестве денщиков у наших марсов, только бы они победили! [...]

15 декабря. Долго отогрели замерзшую машину автомобиля, на к[ото]ром лишь около 2 часов дня удалось выехать на *Арис* через *Лык* (около 60 верст). Природа кругом — дивная: хвойные леса, озера, холмы, долины... На полдороге от *Лыка* — местечко *Клаусен*³⁰⁴, где питательный пункт.

В *Арис* приехал в 4 часа. Осмотрел два лазарета 7-й Сиб[ирской] дивизии. Скоро смеркалось. Пришлось заночевать, ч[то]б[ы] завтра чуть свет отправиться на главный перевяз[очный] пункт 7-й Сиб[ирской] дивизии в *Пьянкен*³⁰⁵ верстах в 5 к северу от *Ариса* и в передовые перевяз[очные] пункты 27-го и 28-го полков в деревню *Дроздовен*³⁰⁶. Мой коллега передает, что он только тогда и был покоен, когда был старшим врачом полка, т[а]к к[а]к находился вне пределов досягаемости для всякого начальства, к[ото]рое на передов[ые] пункты никогда уже не заглянет; высказывает удивление, что я — первый из начальств[ующих] лиц еду туда... [...]

16 декабря. [...] Просткенские высоты и перешеек Пржикоп в руках еще неприятеля. Рано утром на лошадях (так как в автомобиле не по шоссе ехать было невозможно) отправился в *Пьянкен* на главный перевязочный пункт 7-й пех[отной] Сибирск[ой] дивизии, откуда заехал в штаб ее, расположенн[ый] в *Гурах*³⁰⁷. Познакомился с начальником дивизии (Трофимовым?)³⁰⁸. Поразговорились с ним; настроение его, вследствие неудачной затеи 12 декабря, стоившей крупных напрасных жертв людьми, было мрачное; уверяет, что он был против нее, к[а]к весьма рискованного предприятия; все проделанное имело мотивом, ч[то]б[ы] хотя что-н[и]б[удь], да делать, только бы не стоять в бездействии; известная, не раз повторяющаяся история, практикуемая нашими военачальниками, коим так свойственны непродуманность в средствах и конвульсивность в действиях! Им чуждо золотое правило *ne poseas*³⁰⁹, к[ото]рое так часто нарушается неопытным, невыдержанным, неуверенным в себе врачом³¹⁰!

Около полудня возвратился в *Арис*, откуда уже на автомобиле по шоссе покотился через *Экерсберг*³¹¹ на *Дроздовен*, где расположе-

ны передовые перевязочн[ые] пункты 27-го и 28-го стрелк[овых] полков. Пешим порядком добрался почти до *Домбровкена*³¹², где находятся позиции; слазил в землянки-пещеры, где помещался резерв 28-го полка. Отрадное впечатление производят врачи, работающие не за страх, а за совесть, с полнейшим пренебрежением к рвущимся возле них снарядам. [...]

17 декабря. [...] Бывший арестант, ныне благополучно властвующий начальник санит[арной] части Рейнбот теперь подписывается уже «Резвой»! Пошли, Господи, ему с переменной клички переменить и свою душу...

Штабные уверяют, что немцы пускают теперь в ход и истощают последние свои плюсы, а дальше же-де им будет мат. Пошли, Господи! Я, грешный человек, только больно в этом сомневаюсь и удивляюсь наивной доверчивости нашей публики в сообщаемые сведения «Вестника X армии», годного для чтения лишь для детей младшего возраста.

Поднялась письменная горячка³¹³ по поводу появившихся в 1-й армии случаев холерных заболеваний³¹⁴. Пришла телеграмма из штаба главнокомандующего с предложением высказаться относит[ельно] упразднения должности врача дивизионного обоза и одного лазарета в дивизии; на первое ответил утвердительно, на второе — отрицательно. [...]

18 декабря. [...] Затрещали опять автомобили и зажужжали наши два аэроплана, к[ото]рым жалобно вторит гудение телеграфной проволоки. Приходя на обед, заглядываю в оперативное отделение и грустно посматриваю на висящую большую карту с отмеченными красным и синим карандашами на ней местами расположения наших и неприятельских позиций. И без слов понимаю... [...]

Познакомился с приехавшим ко мне за указаниями старш[им] врачом санит[арно]-гигиеническ[ого] отряда приват-доцентом академии д[окото]ром Караффа-Корбут³¹⁵ — приятно было поговорить с человеком, от к[ото]рого так и брызжет наукой; еще больше обрадовался, когда он мне сообщил свой лестный отзыв о моей книге, к[ото]рой он в последнее время даже пользовался при чтении лекций (являлся — как он выразился — постоянным плагиатором вашего сочинения!). «Нет, весь я не умру!..» [...]

Подал сегодня донесение о результатах осмотра 3-го Сибирского корпуса, отчасти 26-го армейского, а также госпиталя № 500 в *Лыке*. Врачи продолжают ко мне обращаться как к «доброму» человеку; таким кажусь я и нашему держиморде, к[ото]рый с наслаждением мне передавал, как сегодня на аудиенции у него «трепетал» один главный врач госпиталя. [...]

19 декабря. [...] Приезд великого князя Георгия Михайловича³¹⁶, посла государева, для объявления его благодарности войскам армии. Совместный с ним изысканный ужин. Разговоры о Вильгельме³¹⁷, обманувшемся будто бы в расчете при объявлении России войны, случившейся для всех так неожиданно. Успокаиваются, что если у нас нет зарядов, то их нет будто бы и у немцев. Если произойдет перемещение теперешней ставки командующего, то не иначе, как в *Летцен*. Пошли, Господи! У убитых немцев находили письма от их жен, в к[ото]рых они наказывали беспощадно истреблять русских.

20 декабря. [...] Выехал утром по своей епархии, на этот раз в район расположения 3-го армейского корпуса по прекрасному шоссе в автомобиле на *Гольдап*, откуда через *Тракишкен*³¹⁸, *Макунишкен*³¹⁹, *Тольминкемен*³²⁰, *Бобельн*³²¹, *Касовен*³²², *Тилупонен*³²³, *Скитучен* — в *Сталюпенен*³²⁴, где стоит штаб корпуса. Расстояние от *Марграбова* до последнего пункта — около 100 верст — проехали в течение 7 часов, при этом около часу ушло на поправку сломавшегося колеса в автомобиле, столько же на остановку в *Гольдапе* (для осмотра лазар[ета] № 2 53-й дивиз[ии]). Слава Богу, что взял в эту дальнюю дорогу немецкую карту-двухверстку, а то так легко было бы запутаться.

Вечером засветло был уже в *Сталюпенене*. Боже мой, какую грустную картину разрушения он представляет; а город лучше и больше *Марграбова* и *Гольдана*. У штаба корпуса слышались продолжительные крики «ура!»; это солдатики с детской радостью выражали свой восторг по случаю получения присланных им подарков из России.

Остановился для ночлега в подвижном лазарете Ковенской общины Красного Креста, куда меня затащил мой знакомый по Петербургу д[окто]р Константинович — серб³²⁵, до мозга костей

славянин-фанатик, уверявший меня, что нашу Россию и армию губят немцы — все эти стоящие у нас во главе армий и штабов сиверсы, будберги и пр., хитро играющие-де в руку нашим врагам. [...]

21 декабря. [...] Утром осмотрел расположенн[ый] в *Сталюпенене* один лазарет 56-й дивизии и побывал на станции, где работает Ковенский отряд Красного Креста. Установилось особое название для известн[ой] категории раненых — «пальцевики»! А для отступления — «выравнивание фронта»!

Познакомился с корпусн[ым] команд[иром] Епанчиным³²⁶ — грозой для его подчиненных, к[ото]рых он третирует *un canalle*³²⁷! После обеда вместе с корпусным врачом Макаровым поехали в *Петрикашен*³²⁸ версты за 3 к востоку для осмотра поместившегося в отдельном фольварке одного лазарета 73-й дивизии. Из *Петрикашена* я уже один покатил на *Эйдкунен*³²⁹ в *Кибарты*, где наметил осмотреть 311-й полев[ой] госпиталь. Картина разрушения здесь еще, кажется, ужаснее. По пути в тыл дружно все возят и возят сено, к[ото]рого теперь на занятой нами немецкой земле масса, да и самого наилучшего — клеверного. [...]

22 декабря. Целую ночь и по сие время бушует свирепый ветер. Докончил осмотр 311-го полев[ого] госпиталя и посетил еще второй лазарет 56-й дивизии, а также французский подвижной лазарет, во главе к[ото]рого стоит старший врач Керзон³³⁰, бывший когда-то учеником, к[ото]рого репетировал мой Николай в бытность студентом.

Рейнбот награжден Св. Влад[имиром] 3-й степени с мечами!! В Петербурге до сих пор заседает комиссия, придумывающая, как переименовать на русский язык Кронштадт!! Боже мой, какая у нас пошехонщина! [...]

Из *Кибартов* выехал около 1 часу дня и, не останавливаясь нигде, прикатил в *Марграбово* уже в 4 часа пополудни. На расстоянии к[аких]-либо 120—125 верст — разные времена года: там — поздняя осень, здесь — малоснежная хотя, но уже зима.

Получил, наконец, письмо от Рубцова из Главн[ого] в[оенно]-с[анитарного] управления малоутешительного содержания, также и открытку от брата Сергея. [...]

23 декабря. [...] В штабе сообщили, что имеется сообщение от Верховного главнокоманд[ующ]его, будто на Кавказском фронте

под *Сарокамьшем*³³¹ нами взят в плен 9-й турецкий корпус³³². Благодарение Господу Богу, если это — правда! Но... но... не очередная ли это утка?! [...]

24 декабря. [...] Вечером сходил к всенощной в лютеранскую церковь Св. Марка, где отправлялось православное богослужение нашим священником. Чувствуется влияние наступающих светлых праздников Рождества Христова и сугубая грусть, что находишься вдали от родины, разлученный с своими близкими³³³.

После всенощной приглашен был на елку в Елизаветинский Красный Крест; в компании сестер и врачей непринужденно провели время по-семейному; с нами же был и особоуполномоченный князь Куракин. Уже перевалило за полночь, когда стали расходиться по домам; слышалась как будто артиллерийская канонада со стороны *Летцена*; кое-где в жильях горели еще огоньки и слышалось пение: это публика наша из стана воинов по группам встречала у себя праздник...

25 декабря. [...] Под *Варшавой*, говорят, идут упорные бои. Все мне сдается, что не удержать нам этой жемчужины польского края!.. Наши военные все рассчитывают на дух «серого», но... но... надо же ведь считаться и с техникой, и материальной частью противника, к[ото]рый в последнем отношении несомненно сильнее нас, да — думается мне — и по степени горения духа уж, во всяком случае, не уступит нам. [...]

В минувшую ночь немцы произвели атаку на 55-ю дивизию. Последовало распоряжение Верховного главнокоманд[ующ]его, ч[то]б[ы] офицерские чины, эвакуированные по болезни в Россию, увольнялись совсем от службы, если не выздоровеют через 1½ месяца. Результаты благодетельные этого распоряжения немедленно же сказались: началось быстрое массовое возвращение наших «витязей»!!

В штабе с отъездом Одишелидзе и вступлением в его должность фон Будберга на врачей и медицинский персонал началось методическое гонение — нет пакости, к[ото]рую бы не записали на приход по их адресу наши вояки. [...] Сегодня хитрый японец «Николай Иванович» в разговоре со мной, любуясь моими орденами с мечами и воздавая им должную оценку, выразил удивление, как это так вышло, что я с этими отличиями и в генеральском чине состою помощником у полковника, не имеющего притом никаких

крупных орденов?! Но... «Россию умом не понять, и в ней имеется особая статья...»

26 декабря. [...] Говорят, что у фон Бринкена³³⁴, командира 22-го корпуса, имеется брат, тоже генерал, который сражается против нас в германских войсках. У фон Будберга же вся семья говорит лишь по-немецки! И все эти фоны верховодят нами, «русскими свиньями»!! А все эти стоящие у трона фредериксы? Вот в отношении кого надо принимать меры эмансипации от германского засилья, а не против детских радостей на елках!! Интересно бы знать, где теперь сукин сын Ренненкампф? [...]

27 декабря. 0 °R³³⁵. Сильный ветер. Навалило сугробы снега. При штабе сегодня заседание Георгиевской думы; понаехало до 21-го ее члена. [...] Представитель учительского отряда Фальборк (Боже мой, как много все немецких фамилий!) с нахальной и беззастенчивой слащавостью все время терся среди явно игнорированного его генералитета. [...]

С Варшавского фронта утешительных сведений не имеется. Проклятие нашим воеводам, если они отдадут немцам *Варшаву!*

28 декабря. [...] По нашему и Варшавскому фронту водворилось «шипкинское спокойствие». В тишине этой назревает что-то решающее. Количественный состав войск, совершенство их вооружения, личная храбрость сражающихся, стойкость и выносливость их (крепость нервов), а также искусство маневрирования со стороны высшего командного состава — вот комплекс элементов победы, к[ото]рый судьба кидает на чашку весов, неведомо — в пользу ли нашу, в пользу ли швабо-тевтонов. Тевтоны ни по одному из элементов, во всяком случае, я думаю, нам не уступают, а по не к[ото]рым из них даже и превосходят нас. По логике вещей, при дуэлировании лишь нашим с тевтонами все шансы боевого успеха должны бы были быть на стороне последних. Но поможет нам, вероятно, то, что мы не одни. [...]

29 декабря. [...] Еще не было и 7 часов утра, как я в автомобиле помчался за Сережей³³⁶ в *Сувалки*, вернулся с ним около 11 часов. Приехали и были приняты в штабе человек 12 представителей Союза российских городов, к[ото]рые привезли 11 вагонов всяких вещей для армии; люди преимущественно из зеленой молодежи, одушевленной фанатизмом добра.

30 декабря. [...] Неожиданная новость: наш начальник санитарного отдела полковник Завитневич с своей должности слетает, так как на его место возжелал провести своего ставленника наш всесильный фон Будберг, забравший в руки самого Сиверса. Так изменчива в плохую сторону бывает судьба даже человека, к[ото]рый только об одном и старался, ч[то]б[ы] угодить начальству³³⁷. [...]

31 декабря. [...] В штабе настроение верхов приподнято-неунывающее; представители Союза российских городов еще не разъехались. С одним из них обсуждали мы вопрос о желательности установлен[ия] для защиты России от проникновен[ия] в нее всяких зараз из армии — массовой дезинфекц[ии] по японскому способу, к[ото]рую Союз готов устроить, как уже это он сделал на Юго-Западном фронте...

С Сереей побродили по городу. Вечером были у всенощной, а Новый год встречали с ним в 495-м пол[евом] госпитале и Елизаветинской общине Красного Креста [...]

1915

ЯНВАРЬ

1 января. [...] Чувствование праздника. Относительный отдых. Приказ главнокомандующего, объявляющий нижним чинам, что семьи сдавшихся из них в плен не ранеными будут лишены казенного пайка. Сегодня имел кислый разговор с командующим по поводу недостатков, наденных им в 397-м госпитале в *Ковалене*, куда завтра отправляюсь с Сереей.

2 января. [...] Приезжал сегодня в штаб Рузский. Побуждает всех командующих переходить в наступление, а им совсем не до того: только бы самих Господь уберег от наступления противника; недостаток в людях и в боевых средствах. После полудня — мокропогодица³³⁷.

3 января. [...] Прекрасная погода, позволившая Серее заняться фотографическими снимками. Мы «накануне великих событий». Думаем наступать! «Да, хорошо наступать, — говорят наши штабные генералы, — когда тебя подталкивают да подпирают!» Дело пахнет, значит, исполнением очередного № исходящего журнала!

Стукнемся лбом — и опять стойка. Вот Плеве с 5-й армией стал наступать и уложил до 60 % людей! Паршивые команды прибывают на пополнение с такими бойцами, к[ото]рые учились всего-навсего недели лишь 2—3!

Масса всякой телеграфной и письменной работы. Вечером с санитар[арным] поездом приехал «Резвой»; выезжал встречать. Сверх ожидания был со мной необычайно вежлив и любезен. [...]

4 января. [...] В штабе циркулируют слухи о предстоящем переводе Сиверса на Млавский фронт, недовольны им сверху за то, что он все стоит и не наступает. В обращение пущено новое слово: «марграбировать»...

5 января. [...] Приехал из Петрограда Караффа-Корбут, привез сенсационную весть: Белорецкий эвакуировался, и начальником санитар[ной] части Юго-Западного фронта назначается некий прославленный по хищениям и судимый по ним Ухач-Огорович!¹³³⁸ Мало того: во вспомогательные органы по управлению к Рейнботу будто бы назначается д-р Губерт³³⁹, тоже известный по мошенничеству к[а]к председатель санитарной комиссии в Петербурге. Что это — действительность или сплошной кошмар? На место нашего полковника Завитневича назначается бывший командир полка (Анастасьев?), за что-то бывший под судом... Очевидна тенденция: военно-санитарную часть возглавлять бывшими арестантами или кандидатами на них.

К нам в санитарный отдел прибыл на должность секретаря некто Васютинский, протеже фон Будберга, до войны служивший во Владивостоке в какой-то немецкой фирме, у к[ото]рой кредитовался наш барон. Теперь передают, что глава этой фирмы — немец — за шпионаж казнен... Какой процент из нашей правящей клики можно было бы отнести в категорию изменников и предателей России?!

6 января. [...] За обедом сообщил, что начальн[иком] санитар[арной] части Юго-Запад[ного] фронта будет назначен Ухач-Огорович. Фон Будберг не удивился возможности этого, пояснивши, что, очевидно, этот арестант дал порядочную взятку кому-либо из клики верховного начальника санитар[арно]-эвакуац[ионной] части принца Ольденбургского³⁴⁰, добавивши, что наше санитарн[ое] ведомство на войне является своего рода к[акой]-то сушилкой для субъектов с подмоченной репутацией!! Да одно ли, пожалуй, лишь санитарн[ое] ведом[ств]о?! [...]

7 января. [...] В штабе у нас настроение суетливо-озабоченное; фон Будберг чуть не кусается; к представителям Красн[ого] Креста наши военачальники любезны и обходительны, к представител[ям] же военн[о]-санитарн[ого] ведомства — хамски небрежны и невнимательны. [...]

8 января. —8 °R³⁴¹. Погода благостная. В штабе замечается больше и больше шевеления. Съезжаются всякие генералы для совещания. Кажется, собираемся наступать! Ночью уезжает Сережа восвояси, и я остаюсь опять один.

9 января. [...] Под туманным покровом наступившего относительного спокойствия, при выжидательно-наблюдательном положении враждующих сторон зреют для разрешения какие-то крупные стратегические планы, и кризис, по-видимому, недалек, а теперь пока интересы для непосвященных поневоле сосредотачиваются лишь на мелких деталях боевого значения. Наша армия все более и более ослабляется: из состава ее выделяется 22-й армейск[ий] корпус. Усиление войск продолжает идти на *Варшаву*. [...]

Приехал новый полковник на должность начальника санитарного отдела — Евстафьев³⁴²; впечатление после полицейской рожи [сво]его предшественника произвел благоприятное. [...]

11 января. [...] Совершаем усиленную эвакуацию из госпиталей и лазарет[ов] больных и раненых; ожидается со дня на день большая бойня. Командующ[ий] не выносит, когда видит за столом меня вдвоем с полковником: так, бедняга, изнервничал, что требует, ч[то]б[ы] и мы поочередно непременно были в разъезде. [...]

12 января. [...] Попытка к наступлению нашему на правом фланге идет, очевидно, не особенно-то важно; немцы успели здорово укрепиться; пока известно, что у нас до 250 чел[овек] убитых. Продолжают прибывать молодые солдаты, к[ото]рые еще ни разу не стреляли! Спросил, почему? Покойно ответили мне, что, вероятно, за отсутствием ружей! [...]

13 января. [...] Наш бывший начальник санитарного отдела полковник Завитневич отыскал-таки себе место: его назначили командиром нестроевой роты при штабе Верховного главнокоманд[ующ]его. *Sic transit*³⁴³... [...]

14 января. [...] 22-й Финляндский корпус, оказывается, уходит из нашей армии во *Львов*. [...]

15 января. [...] Новый наш полковник — порядочный мужчина, держит себя в отношении врачей с должным респектом, и, будучи протеже фон Будберга, является полезным для меня буфером, умеряющим и смягчающим всякие на нас кавалерийские набег со стороны и командующего, и начальника штаба, закоренелых мизантропов по отношению к военным врачам. [...]

16 января. [...]. Встаю по обыкновению рано; предрассветные сумерки еще не рассеялись, как я, напившись чаю, выхожу уже на прогулку; снаружи у дверей меня неизменно поджидает мой верный немец, заменяющий мне рязанского Полкана. [...]

17 января. [...] На правом нашем фланге наши части в районе *Пилькалена* — «ничего себе: продвигаются»... Сегодня ожидается особенно энергичный бой.

Верховным главнокоманд[ующ]им воспрещен прием в лазареты и госпиталя всякой корреспонденции от Вольно-экономич[еского] общ[еств]а и библиотечной его комиссии. [...]

18 января. [...] В районе лесов к северу от *Пилькалена*³⁴⁴ и *Гумбинена*³⁴⁵ продолжают бои. Физиономии командующего и фон Будберга нерадостные. И тот, и другой нервничают и делают нелепые приказания: сцена у меня с командующим насчет эксперимента с нафталином над вшами³⁴⁶. Объезжавший передовые части генерал для поручений Огородников³⁴⁷ привез невеселые вести: солдаты не получают того, что пишется на бумаге, — голодают, человек по 30 из роты не имеют обуви, более половины из роты без сорочек и штанов, многие нуждаются в теплой одежде.

Станный приказ главнокоман[дующего] от 10 января за № 423 касательно противохолерных мер. Бумага все вытерпит! Малому нас научили японцы! В приказах главноком[андующего] сначала предписывались для употребления из могучих противохолерных предупредительных мер (!) прибавка к горячей пище риса, теперь же еще и возможно обильная прибавка к чаю черничного и клюквенного экстракта (!). [...]

19 января. [...] Телеграммами предписано всем частям войск озаботиться приобретением против вшей нафталина для засыпки по чайной ложке его каждому солдату за шею, в рубашку, и за пояс, в штаны.

Представление к наградам нас — смертных обставлено такими трудностями в составлении наградных списков, что отбивает всякую даже охоту к получению этих наград. Мои штаб-офицеры пользуются моей простотой в обхождении с ними, обращаются ко мне чисто по-гоголевски — грибоедовски с просьбами, ч[то]б[ы] представить их: одного сразу к высшему ордену, минуя постепенство, другого же к ордену с мечами, якобы за действия «под шрапнельным огнем» и «на позициях», коих они никогда и не видели! Я, конечно, любезно обещал (!) оказать им всяческое содействие в осуществлении их вожделий. [...]

20 января. [...] «В лесах севернее *Гумбинена* и *Пилькалена* наши войска, продолжая вести бой, продвигаются местами вперед». Так гласит монотонно изо дня в день сообщение из штаба Верховн[ого] главнок[омандующ] его. В нашем же штабе касательно этого продвижения ничего не говорится ни радостного, ни печального. [...] Над *Лыком* летал цеппелин, сбросивший несколько бомб [и] направивший дальнейший свой путь неизвестно куда. *Марграбово* продолжает быть в этом отношении Богом хранимым. Да неужели немцы не знают о местонахождении нашего штаба? [...]

21 января. [...] С полковником новым дела у нас идут ладно, по-хорошему; верхи не обнаруживают несправедливого наседания на меня; это обстоятельство культивирует во мне готовность пробыть на войне до последнего издыхания. [...]

22 января. [...] По сведениям из штаба Верх[овного] главнок[омандующ] его, «наши войска в Восточной Пруссии утвердились у г. *Гросс-Медунишкен*³⁴⁸ на левом берегу Ангерапа».

Поправка: у нас в армии действует перевяз[очно] -питательный отряд не принцессы Ольденбургской, а принцессы Альтенбургской!³⁴⁹

23 января. [...] Продолжаются бои за обладание лесами в районе *Ласденена*³⁵⁰. Одиозное отношение к врачам в сферах чувствуется несколько ослабевающим в своей напряженности, уже официально регистрируются «виновники» в антисанитарном состоянии корпусных районов — в лице командиров частей и генерал-майоров...

24 января. — 5 °R³⁵¹. Снежно, но тихо. «Наши войска в Восточной Пруссии... с боем несколько продвинулись вперед по обоим

берегам Шелупы в районе Ласденена». Через несколько часов по случайной ложке! Дай Бог, ч[то]б[ы] этим хоть уравнивались приносимые жертвы людьми...

Пришло приказание свыше о выселении всех евреев из Сувалкской губернии и вообще с театра военных действий; штабные наши людоеды в восторге от одного представления, как это будет «гнать жидов»!! Преблагодарушно в *pendant*³⁵² передают о Гернгроссе, у к[ото]рого-де «рука так и тянется к жидовской морде»!! Боже мой, как я далек от той дикой среды, в к[ото]рой принужден возвращаться! [...]

25 января. [...] Вечером тревога по санитарному отделу: *Иоганисбург* подвергся обстрелу неприятеля, ожидаются раненые; приняли меры к наряду поезда из *Лыка* до *Бялы*, где устраивается сборный пункт. Никак нельзя было ожидать, что немцы в такую пургу что-либо решат предпринять. Автомобили перестали ходить; поезда жел[езной] дор[оги] сильно запаздывают; заносы снежные до трехаршинной глубины.

26 января. [...] Пришло известие, что немцы поперли на *Кольно*³⁵³ и *Ломжу*, — известие, как ни странно, явившееся совершенной неожиданностью для наших штабных заправил, обязанных более обращать внимание на свои бы прямые задачи, а не на то, ч[то]б[ы] заниматься маневрированием госпиталей да охотой на медицинский персонал!..³⁵⁴ Нам же, профанам, уже давно бросалась в глаза незащитность нашего левого фланга, где расположены были невысокого качества три лишь полка 57-й дивизии, да 1-я кавалерийская бригада. Как было не знать нашим войскам повадку немцев совершать обходные движения с флангов, ч[то]б[ы] держать на них самые надежные части в должном количестве?! Действуем мы теперь безо всяких армейских резервов; были таковыми недавно 2-й Кавказский корпус или 5-я стрелков[ая] бригада, к[ото]рые скоро же из нашей армии убирались в другие армии. На правом фланге в районе *Пилькален* — *Ласденен* мы только, по-видимому, раздрадили немцев, не сделавши ничего путного. Так смотрят на дело и мои генералы-однокомпанейцы Янов и Жнов³⁵⁵. [...]

За обедом Сиверс и фон Будберг сидели с вытянутыми растерянными физиономиями³⁵⁶; а немцы прут на *Кольно* не налегке,

а с обозами; бьют, очевидно, наверняка; мы все лишь, может быть, только думали переходить в наступление на этом фронте, как подмерзнут болота и озера, немцы же предупредили нас! Фон Будберг слишком, показалось мне, уж делано хорохорится, говорит, что немцы действуют по-свински и что-де ничего они, кроме плохого для себя, не достигнут, если даже дойдут и до *Остроленки*.

О, позор и срам! 57-я дивизия бежала; немцы энергично в составе двух корпусов прут на *Лык*; *Иоганисбург* нами оставлен; *Видминен* готовится к очищению; завтра надо ожидать, что и *Лык* будет в руках неприятеля. Спешно дал телеграммы, ч[то]б[ы] из *Лыка* все лечебн[ые] учрежд[ен]ия эвакуировались. Через день-два придется нам убираться и из *Марграбова*. [...]

27 января. [...] Ночь провел тревожно. Как будто бы меня публично кто-н[и]б[удь] отхлестал по щекам. Такое самочувствие. Теперь я понимаю, как и от чего возникают революции. Долой наш правящий класс, да подчинится представителям народным наша административн[ая] машина, вся в настоящее время прожжавевшая!..

На редкость сегодня чудесная солнечная погода. 3-й армейский корпус Епанчина (правый фланг армии) также отступил; это положивши только перед тем на «успешное продвижение вперед» до 2¹/₂— 3 тысяч людей! Немцы остановились у *Бялы*, сделавши переход в 45 верст, где, очевидно, устроили себе дневку; завтра ожидается бой под *Лыком*; в *Иоганисбурге* — Вильгельм. 57-ю дивизию, так постыдно бежавшую, ожидает, вероятно, участь 54-й дивизии, расформированной после такого же бегства [...]

28 января. [...]

Пришли сравнительно успокоительные сведения: немцы уж не так энергично наступают; из *Лыка* все лечебн[ые] учреждения эвакуированы; наш штаб рассчитывает остаться в *Марграбова*, и все, что из него эвакуировалось так поспешно вчера, должно обратно прийти. Наши фальстафы немного поприободрились. Слава Богу, что есть надежда задержаться еще в *Марграбова*, с к[ото]рым мы сжились; [...]

С вечера обстановка переменялась: пришли грустные вести, что 3-й наш корпус Епанчина под давлением больших сил неприятеля

отступает на *Пильвишки*³⁵⁷ и далее; теперь очевидно, что движение на *Лык* немцев было чистой демонстрацией, главный же кулак они занесли на наш правый фланг. До тошноты немцы стереотипны в обхватах, а наши вожди все-таки этого не предусмотрели, занятые своим обычным крохоборчеством, лишённые всякой способности к широкому размаху артистов своего дела, зато — мастера великие они на писание... [...]

29 января. [...] Немцы уже в *Гольдапе*. С ЮЗ сильная артиллерийская канонада, люди настраиваются панически. В *Дригалене*³⁵⁸ ужасное кровопролитие.

[...] За столом соизволили присутств[овать] командующи[й] и фон Будберг; вели себя, особенно последний, к[а]к оскандалившиеся игроки... Сиверс держал себя тише воды ниже травы, упавшим голосом лишь повторяя: «Лык, я почти наверное могу сказать, останется нашим», и еще: «Только бы отвести нам 20-й корпус». Будберг же с напускной приподнятостью и циничной развязностью рассуждал, что-де так и эдак, а немцы все-таки останутся в дураках, даже если бы нам пришлось оставить и *Варшаву*; для меня, профана, казалось из слов барона, что как будто мы наносим поражение противнику, а не он нам; когда ушел наш барон, генерал Янов не без иронии прошелся по адресу... Генерал Огородников старается быть веселым...

В вагоне словоохотливый капитан-топограф пересказал секретно то, что случилось ночью: пришла телеграмма от Епанчина с вопросом, где находятся тыловые позиции, на к[ото]рые ему предписано было отступить. Затем другие телеграммы, что начальник отряда Юзефович³⁵⁹ и другой генерал (Макаев?)³⁶⁰ пропали, отряды их рассеяны и отступают на *Пильвишки* и *Ковно*³⁶¹. Последовала телеграмма Сиверса Рузскому, что-де отступление 3-го армей[ского] корпуса поставило его армию в отчаянное положение, и он убедительно просит для защиты переправы через Неман подкрепления двумя корпусами; затем, что ответил Рузский Сиверсу, капитан уже не знает, т[а]к к[а]к разговор шел не по Морзе, а по Юзу, к[ото]рым владеет один чиновник при отсутствии прочих чинов штаба; но этот-де чиновник обязательно ему потом порасскажет и о дальнейшем разговоре... Фронт ответил в конце концов Сиверсу действовать

сообразно с установкой по своему-де усмотрению и переходить в наступление.

Паническое бегство 57-й дивизии скверно отразилось и на прочих войсках. Говорят, что Рузский под предлогом сильного переутомления отказывается от главнокоманд[овани]я.

Происшедшая катастрофа несколько не сбила спеси и надменности с наших фальстафов... Генерал Огородников критикует и возмущается недочетами, неизбежными в этом общем хаосе, со стороны санитарн[ой] части (видели-де идущего пешком солдат[а] с подвязан[ными] глазами и проч.). Мое разъяснение генералу о причинах всех причин, о необходимости судебного расследования каждого случая, и тогда окажется — причина-то общего порядка; уж слишком наши марсы отвлекают свое внимание на не прямые свои задачи. Какая-то тупость в психике офицерства, не сознающего оплошностей своих военачальников... [...]

Выехали из *Марграбова* в 5 вечера, приехали в *Сувалки* лишь в 11 часов утра следующего дня; простояли в *Рачках* несколько часов; следовавший за нами поезд главноком[андующ]его на закруглении сошел с рельсов. И это в век аэропланов мы совершаем движение по жел[езной] дороге со скоростью [ю] 1 в[ерста] в час! Теперь опять беремся за российские карты. [...]

30 января. [...] О немцах передают, что они, совершенно пьяные, лезут в штыки, наши провалились по горло в озера, не замерзшие в местах, где камыши...

Удивительная складка психики у полковника и вообще у военных: слово начальства непререкаемо... На наше несчастье — снежные заносы.

Рассказы генерала Огородникова (откровенные) о фокусничестве и очковтирательстве наших Мищенко и Бринкена, а также других.

В *Сувалках* комендант с револьвером в руках заставляет погрузать и разгрузать поезда.

Говорят, что немцами взят уже *Мариамполь*³⁶², подходят к *Кальвариш*³⁶³; штаб 20-го корпуса в *Сувалках*; корпус отходит завтра еще восточнее; мы оказываемся в мешке. Идет массовое выселение обывателей. Мне стыдно смотреть им в глаза. Быть большой беде с нами!

По-видимому, железн[о]дорожн[ое] сообщен[ие] к северу от *Сувалок* и к югу от *Августова* не сегодня-завтра будет отрезано немцами; мы — обреченные. За день страшно устал. Еле-еле хожу...

[...]. Мой полковник сильно нервничает, истерично кричит, всех задержал; я, елико возможно, его сдерживаю. Пришел он только что с доклада начальнику штаба, фон-барон наш чуть не рыдает и льет крокодиловы слезы, обвиняя Сиверса за катастрофу, что он всех слушается, кроме него!! Все наши вожди попрытали головы и действуют как сомнамбулы. Страшно доверять жизнь таким поводырям, к[ото]рые в минуты опасности оказываются хуже трусливых баб... [...]

Сегодня должно быть взято *Марграбово*. Положение врачей очень походит на положение Верещагина из «Войны и мира», на к[ото]рого нужно было хитрому правителю излить народный гнев за свои неудачи...

31 января. В поездах отправил три эшелона. Я с полковн[иком] и д-ром Щадриным сели в поезд, где поместился дежурный генерал Жнов, не забывший в такую критическ[ую] минуту прихватить с собой одну завалящую француженку. Хорошо уже ее ориентировали в том, кто он такой, кто комендант и проч. Сильная оттепель, а я в валенках и полушубке; более легкую одежду уложил и отправил в обоз. Вырос как из земли мой пес Немец, бежавший из *Марграбова*. *Лык* еще держится. [...]

ФЕВРАЛЬ

1 февраля. Около 8 утра — *Гродно*. Приехал уже командующий с фоном³⁶⁴. Обоз наш с лошадьми и вещами еще не приходил. В городе разместили штаб разбросанно; друг друга не найдем. Я остановился в гостинице «Московской»; тут же мой полковник и д-р Щадрин. [...]

Пошел на ужин в квартирмейстерскую; офицеров было мало — много разбрелось по ресторанам. Сухо поздоровался с Сиверсом и Будбергом и демонстративно сел не возле них, а нейтрально-отдельно между высшими и низшими генералами, ни с кем не разговаривая, неподдельно грустно настроенный и безучастный, когда

вокруг велись пустые разговоры. Рожи и командующего, и барона представлялись мне какими-то непристойно-помятыми; хотелось и от себя на них плюнуть. Вставят в очередном порядке и этим прохвостам перья в заднюю часть, назначат на место них таких же, которые повторят все то же, что и их предшественники, ухлопают еще тысячи жизней зря³⁶⁵, ч[то]б[ы] опять быть сменными, пока все не кончится естеств[енным] путем... Рояль солдатский сделан из хорошего материала, но система в устройстве его слишком плоха, а еще хуже — игроки. [...]

2 февраля. Первый день Великого поста. Погода слякотная, t выше 0° ³⁶⁶. Живем на вулкане в неизвестности, когда нас попрут немцы еще далее во глубину России. Отступаем в большом беспорядке; много утеряно обозов, интендантск[ого] имущества, скота и пр. Не со всеми частями штаб вошел в связь, напр[имер], до сего времени неизвестно, где штаб 20-го корпуса, а тем более — штабы его дивизий, полков и т.д. Уполномоченный князь Ливен³⁶⁷, Барановский, французск[ий] отряд с д-ром Керзоном³⁶⁸ во главе попали в лапы неприятеля. Положение наших войск в отношении продовольствия — отчаянное.

Сегодня посылают две дружины в *Сопоцкин*³⁶⁹ на передовые позиции. Дружины «крестonosцев» (ополченцы) — самый ненадежный войсковой элемент. Всеобщая суета и растерянность. Наскоро везут чем хоть кое-как можно защитить крепость, в к[ото]рой совсем нет гарнизона и многого из того, что было бы теперь весьма необходимо. Начальником крепости, говорят, здесь фактически является не сам старик-генерал Кайгородов³⁷⁰, а его молодая жена — умная, властная, энергичная и распорядительная.

Из-под *Лька* и *Райгорода* продолжают приходиться теплушечные поезда с ранеными; сегодня привезли около 800 чело[век]. Неврастенический транс нашего полковника, потерявшего всякое самообладание; объявляет мне отчаянным голосом, что-де нас теперь всех отдадут под суд: из *Августова*-де преждевремен[но] снялись 495-й и 500-й госпитали, понадеявшись на Елизавет[инский] Кр[асный] Крест, в поезде-де много раненых совсем не перевязанных, и, кроме того, несколько человек в нем по дороге умерло!! Я его успокоил и обещал все проверить. Я себя веду с невозмутимым спокойствием.

Упрекает меня за д-ра Авербуха, к[ото]рого я рекомендовал как надежного и знающего главного врача, к[ото]рый-де «удрал» преждевременно из *Августова*, грозит его предать суду и отрешить от должности!! Данилову уже стало известно о наплыве раненых в *Августов*, им командирован Резвой для упорядоче[ния] эвакуации. Краснокрестск[ие] представит[ели] всячески стараются себя выдвинуть, а нас обесславить. Интрига ведется деликатно и тонко... [...]

Завтра нужно ожидать больших боев под *Августовом*, а следовательно, и обильного наплыва сюда раненых, за к[ото]рым[и] отряжены санитарн[ые] поезда. В общую теперешнюю сумятицу, когда все бессмысленно мечутся из стороны в сторону как угорелые, уже большую пользу может принести человек, умеющий казаться покойным³⁷¹. [...]

3 февраля. [...] По сведениям из штаба армии, от нашей армии не осталось почти ничего. Потеряна связь со штабами 3-го арм[ейского] корпуса, 20-го и 26-го. Неизвестно, где находятся Епанчин, Булгаков³⁷² и Гернгросс. Корпусной врач 20-го корпуса Булычев попал в плен, и много др. врачей развезены и распылены немцами. Является масса врачей, отбившихся от своих частей и учреждений.

Сопоткин занят неприятелем. Сегодня пришел последний санитарный поезд из *Августова*. От главных врачей госпиталей буду ожидать подробных донесений о претерпленных ими перипетиях, где весьма позорную роль в поддержании паники среди обозов играют наши «витязи», при одних только выстрелах со стороны неприятельск[их] разъездов командующих «рубить постромки» и «спасаться кто может»; нет никакого руководства при движении обозов. «Витязи», не владеющие собой от страха и не могущие своим спокойств[ием] водворить порядок в обозах, — главные виновники поддерживания паники среди нижних чинов; они же и виновники обстрела неприятелем наших санитарных учреждений и поездов, к[ото]рым они льнут, под прикрытия Красного Креста ставя свои артиллерийск[ие] парки и проч. Разъезды немецкие — все с пулеметами: обсыпят ими нас, произведут панику и скачут дальше. Неизвестно, стоим ли в *Гродно* до завтра³⁷³. Дорога на *Вильно*³⁷⁴ перегружена; все движения направляются нами на ЮВ...

Телеграмма от фронта с предписанием производства противохолерных прививок!.. Служивцы мои по отделу настроены беспокойно, о чем-то они группами перешептываются. Конюх мой, чисто, по-видимому, интуитивно, запряг лошадей и доложил мне, что он уже готов... Я его отечески выбрал... [...]

4 февраля. Большая оттепель. Идет энергичное скалывание в городе льда. Ночь прошла спокойно. С раннего утра и до послеобеденного времени слышалась с фортов крепости артиллерийск[ая] стрельба. Зашел с Щадриним на короткое время в собор, где шло молебствие, и в католический костел на мессу. В костеле было чудное пение под орган, масса усердно молящихся плачущих женщин; картина трогательная и никогда не забываемая.

Пришел в крепость 15-й корпус, хотя и не полностью, с двумя перевяз[очными] отрядами. Уже проводится телефонное сообщение с *Волковыском*³⁷⁵, куда предполагает переходить наш штаб. Растерянности в штабе сегодня меньше, а спокойствия больше, чем вчера. Связи с корпусами еще не установлено — за неизвестностью их нахождения; 3-й Сибирский, 26-й армейский, по-видимому, вылезают, 20-й же — где и как он — покрыто мраком неизвестности; между прочим, уже достоверно установлено, что корпусной его врач Булыгин попался в плен, а врач санит[арно]-гигиенич[еского] отряда Гедройц — ранен. Приходят поодиночке или небольшими группами офицерские и нижние чины, отбившиеся от своих частей и учреждений, потерпевших крушение. [...]

Фон Будберг заболел медвежьей б[олезн]ью³⁷⁶, вероятно — эвакуируется. Штукмейстеры! Подлецы! Замечаю, что и наш полковник начинает обнаруживать тенденции на утек...

Вильгельм и Гинденбург³⁷⁷ теперь пожинаят заслуженные лавры своего гения; в сопоставлении с нами — как скудоумен наш Генеральный штаб без малейших проявлений мыслительного творчества, художественности — артистичности в планах; своего рода фельдшеризм! О, как бы изобразил теперешние наши военные нравы к[акой]-л[ибо] большой писатель, вроде Толстого, Куприна и пр.?! Как далеки теперешние типы офицеров от описанных в «Войне и мире»! [...]

5 февраля. [...] Прибывают бранные остатки — одиночки 20-го корпуса; до сего времени не знают, где он находится³⁷⁸; к несчастью

своему, он при отступлении усрал вперед свою радиотелеграфную станцию! Бежавшие из плена солдатики утверждают, что немцы с нашими пленными, не исключая офицеров, обходятся очень грубо и безжалостно глумятся.

[...] В *Волковыске* для ставки командующего не оказалось подходящего места среди расположенных вокруг госпиталей с тифозными. Двигаемся — в *Мосты*³⁷⁹. О моменте движения стараются умалчивать друг от друга, втихомолку — уже грузятся; о взаимной поддержке никто и не думает...

Поздно вечером, когда уже стемнело, небо осветилось заревом вспыхнувшего где-то пожара. Несмотря на пальбу — по улицам масса гуляющих, отчаянно флиртующих. *Липск*³⁸⁰ занят неприятелем. Штаб 3-го Сиб[ирского] корпуса — в *Сидрах*³⁸¹, 26-го корпуса — в *Грбово*³⁸². К ужину прибыли командиры корпусов 2-го и 15-го.

6 февраля. С раннего утра забухали пушки на фортах. Наш полковник в недоумении, что «сей сон значит», спрашивает, не кажется ли это, и не верит в действительность. Для наших вахлаков-фальстафов много неприятного теперь в том, что делают артисты своего дела — наши противники. 20-й корпус целиком погиб. Послать конную разведку нет возможности, т[а]к к[а]к конница наша обезножена и изнурена! Между тем немецкая кавалерия проделывает чудеса и бьет рекорд в быстроте и натиске. Да и не одна ее кавалерия, а и пехота. До сих пор не могут прийти в себя наши вояки от того, как нас жиганули из своих пределов немцы, молниеносно очутившиеся под стенами *Гродно*. Полковник мой, дрожа, все спрашивает меня, не отрежут ли нас немцы в отходе из-под *Гродно*? Мне приходится его успокаивать! В штабе армии, мне передавали, хранится большое дело о производстве расследования о бегстве нашего героя с Камским полком³⁸³ во время октябрьских боев.

Фон Будберг уже удрал с поля брани в Петроград — «расстроился нервами»! Не куплен ли он немцами? Адъютант командующего передает, что последний телеграфировал, чтобы скорее убрали от него этого фона.

За обедом отсутствовал Сиверс; разговоры велись поразвязнее. Капитан Генерального штаба Гамер с искренним негодованием критиковал преступное поведение Епанчина, Леонтовича³⁸⁴, Лашке-

вича³⁸⁵, Гернгросса и проч. сволочи, требуя над ними строжайшего суда. Есть хоть офицеры, к[ото]рые могут болеть и страдать душой за позор, к[ото]рый учинили наши полководцы с армией! [...]

Хороший отзыв о действиях начальника 7-й Сибирской дивизии Трофимова... От 20-го корпуса собралось, наконец, части 28-й дивизии... Дух в армии сильно подорван нашими революционером-военачальниками. Мы все измотались душой и телом. Нужны новые — свежие силы, новые войска, новые вожди. Теперешняя боевая машина требует коренного ремонта. [...]

За ужиным столом не пришлось, к сожалению, мне присутствов[ать] вместе со штабом, т[а]к к[а]к не по форме было идти по случаю приезда великого князя Андрея Владимировича. Узнал, что Епанчин отрешен от командования корпусом, относительно же Гернгросса и Радкевича³⁸⁶ пришел запрос, не подлежат ли и они отрешению. В немецких газетах уже появились известия о том, что взято наших в плен 24 тысячи чел[овек] и 70 с лишком орудий. Наши дурни замышляют завтра повести атаку на *Липск* и *Сопоцкин*, имея неприятеля с левого фланга! Вспоминаются пошехонцы, втаскивавшие корову на крышу кормить...

Радкевича-то все хвалят как хорошего человека и начальника. Да какое, в сущности, воздействие могут оказывать на наших крупных начальников их отрешения от должностей и последующие назначения с течением времени их на равнозначные же места? Необходимо было бы таких, как Епанчин и *tutti quanti*³⁸⁷, прямо деградировать, если не по-николаевски — в рядовые, а хотя бы в бригадные командиры, в командиры полков-батальонов! Да производить при этом урезку во всех «видах их денежного довольствия»! Вот такая бы мера оказалась бы куда как внушительней. [...]

7 февраля. Погода слякотная. Около 3 часов пополудни в предшестве первого эшелона с этапно-хозяйств[енным] отдел[ом] и отделом дежурного генерала тронулся по железн[ой] дороге. Второй эшелон с нашим санитарн[ым] отделом — на *Мосты*. Поля совсем почти оголены от снега, места кругом болотистые. Сердце замирает от радости, что хоть немного, но приближаюсь к моей дорогой родине.

Около 5 часов вечера приехали в *Мосты*, где узнали, что первый эшелон уже собирается обратно в *Гродно*, а за ним скоро последуем

и мы. С продолжительными остановками на разъездах прибыли обратно в *Гродно* на рассвете лишь — утром. В *Мостах* успел написать открытку своим эзоповской формы изложения касательно переживаемого момента.

8 февраля. [...] Встретившись с полковником, узнал от него, что штабные наши мудрецы потеряли немцев и не найдут их, и не знают, где их главные силы и сколько их; в полных потьмах относительно намерений противника. Символично для наших растяпов, загадочная в карикатуру картинка: «Где немцы?»

Повели все же войска на *Сопоцкин*, *Курьянку*³⁸⁸, *Гожу*³⁸⁹ и *Липск*. Каждый из наших военачальников — молодец среди овец, умели храбро в мирное время лишь расстреливать своих россиян. Будет им страшный, грозный суд Божий и народный! [...]

В городе — осадное положение; развешены приличествующие сему обязательные постановления коменданта. Вчера прибежал со стороны *Августова* мальчуган Миша Власьев, 13 лет, прокрававшийся через ряд цепей немецких, и обстоятельно сообщил штабу армии, что 20-й корпус изо всех сил пробивается около *Липун*, прося выручки. Великий князь Андрей Владимирович, слыша показания этого мальчика, выразился, что-де так основательно информировать не сумел бы любой офицер Генерального штаба!

Последние телеграммы гласят, что французы на несколько метров продвинулись вперед!! Немцы прут на *Осовец* и *Ломжу*. [...]

Обед. Внезапно пришла телеграмма от генерала Российского³⁹⁰, извещающая, что 20-й корпус по пояс в болотах пробивается и идет авангардом через Пашкинские броды, главными же силами на *Гродно*, и везет с собой до 200 орудий! Все с радостью обомлели; командующий дрожащими руками взялся за телеграмму и распорядился, ч[то]б[ы] навстречу отправить кухни. Слава Богу, корпус вылезает из петли!

Ужин. Увы! Пришло известие, что 20-й корпус сложил оружие и сдался за израсходованием провианта и особенно снарядов. Сутками раньше пришло бы подкрепление, и корпус, может быть, был бы спасен. [...]

За ужином был великий князь Андрей Владимирович, а с ним генерал-адъютант Сирелиус³⁹¹. В разговорах, где заходила речь

о медицинских вопросах, неслась ужасная чепуха; между прочим, князь обратил наше внимание на прочитанное им в «Новом врем[ени]» сообщение, что-де лучшее средство сделать ранения в желудок неопасными — это питаться маслом!! Я с князем сидел визави и в пределах возможности старался вносить коррективы в обсуждаемые г-дами генералами вопросы по медицине. Воображаю, какой вздор порют в этом отношении при дворе! [...]

Под *Ломжей* наш Гвардейский корпус понес огромные потери. Вера в наших вождей, чувствуется мне, у нашего «серого» значительно поколеблена. При всем моем неуважительном отношении еще до войны к искусству наших стратегов, приходится теперь еще более разочаровываться в них — «как ни садитесь, а в музыканты не годитесь». Быть народному гневу и народной расправе с захребетниками, паразитами, кровопийцами! Жертвы эксплуататорск[их] appetitов вопиют к небу!

9 февраля. [...] Канада из крепостных орудий слышится сегодня реже. Лечебные заведения в городе все переполнены ранеными и больными; прибывает еще масса; эвакуационный же аппарат работает медленно и слабо.

Вследствие нахождения в *Гродно* штаба армии возникает масса недоразумений с управлением коменданта крепости. Предполагается передвинуться нам в *Соколку*³⁹², где условия для помещения не обещают быть хорошими.

За ужином разговоры между нашими генералами, наводящими критику на Сиверса, что он не решился вчера же хотя бы дорогой ценой оказать выручку 20-му корпусу, к[ото]рый, по нек[ото]рым сведениям, будто бы и до сего времени пытается пробиться; но беда еще в том, что не знают где он. 28-я дивизия, хотя почти вся растаявшая, два полка 29-й и один сводный полк 53-й дивизии вылезли из петли, остальные же — увы! А при них будто бы до 1700 пленных немцев. [...]

По имеющимся сведениям, сегодня к СВ от *Липска* шел бой; возможно, что с пробивающимися частями 20-го корпуса. «Для выручки доблестных товарищей, уже несколько дней ведущих неравную борьбу, приказываю завтра 10 февраля на рассвете перейти в решительное наступление... Действия должны носить самый реши-

тельный характер...» Будем, значит, по обыкновению переть в лоб да стеной, чуть ли не церемониальным маршем! Людей на святой Руси-де много, жалеть их нечего, жарь прямо, чего там ломать свои деревянные головы на к[акие]-либо маневренные действия!!

10 февраля. Погода стоит все слякотная. Крепостная пальба сегодня имела особенно интенсивный характер. Много прибывает раненых. *Красносток*, слава Богу, еще в наших руках.

Сиверс по телефону просил Рузского освободить его от командования армией; Рузский чувствует себя больным и очень желает тоже освободиться от командования армиями фронта. В критическую минуту наши вояки, потерявши головы, все не прочь утечь с поля брани. У каждого из них имеются резервные болезни, к[ото]рые в мирное время не мешают им нести службу и доить казну, в военное же время являются хорошей отдушиной, ч[то]б[ы] во благовремени удрать. Все наши вожди — фокусники, мазурики и штукмейстеры без капли истинного патриотизма. Отвратительные твари! [...]

Раненые наши переносят свои несчастья без стонов, без тени ропота и недовольства. Тем возмутительней, что поводыри их — гробы повапленные! [...]

11 февраля. С раннего утра до поздней ночи артиллерийск[ая] пальба из фортов. Все та же суета и бестолковщина. Все двигаются, бегают, мечутся из стороны в сторону не для того, ч[то]б[ы] что-н[и]б[удь] сделалось, а так, ч[то]б[ы] только выходило как будто дело делают. [...]

Лечебные заведения *Гродно* переполнены ранеными и больными, коих скопилось более 5 тысяч; вывозка их затруднена за невозможнос[тью] подачи надлежащего количества поездов. Более чем половину командного состава надо было бы признать невменяемыми по нервному истощению и расстройству.

Потрясающая картина на питательном пункте при эвакуац[ионном] пункте; по городу, как тени, плетутся раненые с позиций. Заявились остатки из 27-й дивизии: дивиз[ионный врач] и интендант, а также несколько санитаров. Дела наши сегодня ухудшились, и мы потеряли то, что взяли было вчера. Выручить 20-й корпус не удалось.

Приехали новый начальник штаба Попов³⁹³ и временно командующий армией генерал Радкевич. Сиверс после ужина, еле сдерживаясь от слез, распрощался со всеми и отправился на ожидавший его поезд в Петербург. Начинать теперь будем опять сказку сначала! И у Сиверса обострилась резервная б[олез]нь: увеличилось количество ацетона и сахару в моче!!! Все штабные поехали на вокзал провожать, я же — нет: не видел я от него крупных неприятностей, но и никакой не испытал от него приязни ни к себе, ни к врачам. Следовало бы всех офицерских чинов с расстроившимися нервами на войне и со всякими содержаниями в моче ацетонов и т.п. нещадно теперь же вовсе увольнять от службы.

Познакомился сегодня поближе с Мишей Власевым — тип интересный, на войне могущий быть геройским, в мирное же время — карманным вором, хулиганом и к[аким] угодно разбойником... [...]

12 февраля. Хорошая солнечная погода; немного утром подморозило.

Весь день с фронтов — ожесточенная канонада. Длинной вереницей идут по городу раненые, массу везут в подводах и несут в носилках. На вопрос, как наши дела, вояки штабные отвечают, что «так себе — как и вчера», много-де положили немцев! Но ведь не меньше же положено и наших?! Выходит какая-то бессмысленная бойня.

Наше выступление из *Гродно* отложено на неопределенное время. Наряду с крепостными госпиталями здесь развернули и четыре лазарета 15-го корпуса. Лечебные заведения переполнены — крошечный ад!

За обедом разговаривал с временно командующим армией Радкевичем; затронули, между прочим, еврейский вопрос и гигиену труда; своим гуманным и довольно просвещенным взглядом на вещи произвел на меня прекрасное впечатление; подкупает в нем еще простота обращения и отсутствие дутого снобизма. Он — не Генерального штаба, а артиллерист по образованию. [...]

Командиры полков Старорусского³⁹⁴ и Новоторжского³⁹⁵, успевшие «продрать» из железного кольца, рассчитывают получить «Георгия»! В Старорусском осталось около 700 чел[овек],

в Новоторжск[ом] же около 1200 чел[овек]. В газетах — все те же хвастливые убаюкивающие сведения о наших доблестях!

Познакомился с г-жой Кайгородовой в ее госпитале. Уверяют, что она — немка по рождению; кроме того, в ее госпитале главным врачом состоит чистойшей воды немец. Здесь же, в передовом районе, войска продолжают обслуживаться Рижским отрядом, весь медицинский и хозяйств[енный] персонал коего состоит из плохо говорящих по-русски немцев!! Заведующий отрядом князь Кропоткин³⁹⁶, к[ото]рого совсем не видно, сам женат на немке! А у нас в России всё стараются освободиться от внешнего и внутреннего немца!

Генерал Жнов — да будет ему Господь судья! — очень занят позированием своей персоны с «Георгием» на фотографиях. О, как бы я обожал всех этих георгиевских кавалеров, если бы не стоял я так близко ко всему, ч[то]б[ы] видеть, как у нас получаются всякие внешние отличия!!³⁹⁷

13 февраля. Лазурное небо, ласковый призыв солнца, весна... весна идет... [...] В довершение благостности узнал, что высочайш[им] приказом от 25 января я награжден орденом Св. Станислава 1-й степени. Теперь я, значит, генерал настоящий — со звездой и лентой через плечо. [...]

14 февраля. Всю ночь продолжалась ужасная канонада из крепости; почему-то плохо спалось. Большой убой. Слава Богу: говорят, что «высоту 103» мы взяли; надо теперь стараться лишь удержать ее; взято нами будто бы три батареи немецких, из коих одну только успели вывезти; есть пленные. [...]

15 февраля. [...] В боевом отношении что-то тихо. Не слышно целый день артиллерийской пальбы с фортов крепости.

Перед обедом зашел на вокзал. Над головой совсем невысоко взвился немецкий аэроплан; никто по нему не стрелял; вот-вот, думалось, будет сброшена на тебя бомба, но, по счастью, она слетела немного подальше, слышен был сильный взрыв; солдатики, в группе к[ото]рых я стоял, даже видели летчика, как он нагибался и спускал «какой-то кулек». Надо еще удивляться, что немцы не засыпают нас такими гостинцами, угощая ими лишь изредка.

На рассвете пресловутая «высота 103» была взята обратно немцами; мы ее, говорят, «прозевали»; предстоит ее вновь брать;

назначено для этого 17-е число! Уже ухлопали на нее несколько тысяч; уложат еще новые гекатомбы человеческих тел; в данном случае — «без чувства, без толку, но с расстановкой!» По частям даем себя разбивать противнику, к[ото]рый с каждым часом времени все более и более укрепляется, и нам будет все труднее и труднее его вышибать. [...]

В корпусах у нас очень малый состав; на бумаге же выходит много. Штабные заправила поражают меня теперь своим самодовольством, развязностью и какой-то моральной и умственной тупостью, позволяющими им оперировать человеческими жизнями как какими-то пешками, и оперировать-то так грубо — ремесленно и шаблонно (куда уж до артистичности), как пишутся входящие и исходящие №№ бумаг³⁹⁸.

Последнее время при общей столовой учреждена выпивательная конспирация означенной кучки штабных во главе с генер[ал]-квартирмейстером Шокоровым³⁹⁹. Насосавшиеся живительной влаги, сыны Марса делаются еще более пошлыми и циничными, имея вид именинников на похоронах. Санитарн[о]-медицинская часть стала для «храбрых» наших вояк какой-то плевательницей, куда всякий из них норовит изрыгнуть всякую гадость; по обыкновению, внимание обращается на показную сторону⁴⁰⁰ — на форму, пуговицы, внешний лоск — «порядок», «ранжир», «раз-два, раз-два»! Ч[то]б[ы] раненые «не шлялись» по улицам⁴⁰¹, а сидели бы у себя в заточении лазаретов и госпиталей... [...]

Вопреки писаным законам: фон Будберг уволен в отпуск на 2, а Сиверс — на 6 недель; имеются случаи увольнения в отпуск (конечно, высших чинов, для коих законы не писаны!) «по смертельной болезни» жены! Г-жа комендантша мной хочет совсем завладеть: надоедает ужасно и по телефону, и лично своими бабьими приставаниями по устроенным ей разным благотворит[ельным] учреждениям.

16 февраля. [...] Совершили объезд вместе с Кайгородовой и Радкевичем нек[ото]рых врачебных учреждений «ее ведомства». Узнал радостную весть: «высота 103» нами окончательно взята, немцы будто бы принуждены теперь отступать вследствие успешности наших действий в праснышском направлении к *Нейденбур-*

зу⁴⁰². Стратеги наши потирают руки, что для немцев складывается теперь обстановка быть охваченными, но более-де шансов, что они мастерски, как вьюны, ускользнут. Денщики наши уже спрашивают: «Скоро ли мы опять приедем в *Марграбово*?» Этот город они предпочитают *Гродно*, к[ото]рый они называют «низьменным». [...]

17 февраля. [...] В Гродненском лазарете — один подозрительный случай по азиатской холере. Обошел все палаты; всех обласкал — особенно врачей, на к[ото]рых вчера только что был сделан грубый набег полковником из-за вздорных слухов, что-де раненых не перевязывают. Я делаюсь центром, куда попросту обращаются со своими слезницами все труждающиеся и обремененные санитарные чины армии, рассчитывая получить заступничество и поддержку.

После обеда — ленивая пушечная пальба. Погода захмурилась. Оно, пожалуй, и хорошо: уж не вылетит немецкий аэроплан и не бросит бомб, что обычное явление в светлую солнечную погоду.

Дивизии наши растаяли до 3—4-тысячного состава.

18 февраля. Оттепель. После обеда в компании с дежурным генералом, своим полковником и командир[ом] Старорусского полка отправились на знаменитую «высоту 103» (собственно — 100,3)⁴⁰³, на к[ото]рой полегли тысячи наших и немецких воинов; шло артиллерийское состязание; усеянное поле искалеченными и обезображенными трупами представляло прегрустную и потрясающую картину. Как нечеловечески жестоки правители народных масс, здравствующие и благоденствующие, и как невежественны слепо идущие на смерть эти массы...

«Высота 100,3» по своему господствующему положению в отношении г[орода] *Гродно* должна была бы еще в мирное время быть соответств[ующим] образом укрепленной, чего не сделано по экономическим расчетам; при набеге же немцев ее не сочли нужным удержать за собой и дали возможность немцам ее занять; потом уже сообразили всю важность ее для защиты *Гродно*, и было приказано эту высоту взять во что бы ни стало; атаковали несколько раз, наложили гекатомбы трупов, но безуспешно; овладели ей лишь вчера, но уж без боя, так как немцы, принужденные к отступлению, сами ее очистили. Отступают же немцы не под напором нашей ар-

мии, а вследствие оказываемого на них давления с Праснышского района — со стороны 12-й армии. [...]

Генералы Епанчин и Леонтович⁴⁰⁴ будто бы предаются суду. Это — хорошо. Кайгородова-комендантша оказывается типичной хохлушкой, а не немкой. Теперь уверяют, что немка — жена старшего врача Гродненского военн[ого] госпиталя д-ра Троицкого. [...]

19 февраля. [...] Сегодня лично пришлось мне слышать от самого пострадавшего о жестокостях тевтонов: возвратился из плена священник Камского полка⁴⁰⁵, к[ото]рый рассказывал невероятные вещи — как ему плевали в лицо, били, сорвали наперсный крест; первое время все не верили, что он священник, а принимали за казака; так же обращались и со всеми нашими офицерами. С французскими и английскими пленными обращение будто бы лучше. [...]

Грустно-обидное отношение властей к военным врачевны[м] учреждениям по сравнению с краснокрестскими. Для помещения последних прямо бесцеремонно выгоняют первых. [...]

20 февраля. [...] О происшествии в Гродненском военном госпитале: приехал чуть ли не «на белом коне» к[акой]-то самозванец, назвавшийся великим князем, разругавший всех врачей бродягами, сволочью и нецензурными выражения[ми], а затем ускакавший; самозванство раскрыто было лишь много спустя, вышла настоящая трагикомедия, к[ото]рая могла бы дать сочный материал для преинтересного фельетона Дорошевича...⁴⁰⁶ Одержимых спортивным азартом по части охоты за медицинским персоналом — уйма, и их тем больше, тем ожесточеннее в преследовании своего «внутреннего врага», чем хуже складываются у них дела с «внешним врагом»... Дал бы Бог, ч[то]б[ы] утвердили командующим нашей армии Радкевича: все же легче будет нам, врачам, дышать при нем.

Посмотрю кругом — какое множество людей, живущих теперь войной и за счет войны; какой процент из них руководится в своих действиях лишь чистыми идеальными побуждениями?!

[...] Сегодня поднялась целая буря: генерал-дежурный при [Верховном] главнокомандующем Кондзиоровский⁴⁰⁷, видите ли, заметил одиночно следующих раненых, и по обыкновению, конечно, с промокшими у нек[ото]рых повязками. Так почему они смели идти не в порядке и чуть ли не нога в ногу?! Если наши

вожди будут все косоглазить и смотреть не в надлежащую сторону, то быть беде, и, пожалуй, еще более горшей, чем какую только что пережила наша армия!

21 февраля. $t^{\circ} - 6^{\circ} R^{408}$. День серенький; в полдень показалось и солнышко. В штабе настроение приподнятое. Нами заняты *Липск* — *Сопоцкин* и *Штабин*⁴⁰⁹; приказано командующим отрезать пути отступления немцам занятием фронта *Слободка* — *Сувалки* — *Августов*; не верится, ч[то]б[ы] нам это удалось.

Раненых прибывает множество. «Самострелов» имеется сколько угодно и среди офицерства. По врачебному нашему милосердию все они сходят за раненых героев! Ввиду того, что у нас, врачей, эти герои видят всякую песчинку в глазу, у себя же не замечают и бревна, счел вполне уместным сделать сегодня конфиденциальный доклад начальнику штаба Попову «на его благоусмотрение» об эксquisiteм случае умышленного саморанения командира Черниговского полка⁴¹⁰ Ступина⁴¹¹, за какие деяния так строго преследуются нашими витязями солдатики. Пусть «витязи» познают самих себя! Этот Ступин через комендантшу, в лазарет коей он лег, всех поставил на ноги заявлением желания поскорее эвакуироваться в Москву. А интересна была бы строго проведенная статистика всех случаев мазурничества и уклонения от службы путем саморанений и всяких заболеваний резервными б[олезня]ми офицерских чинов! Чинов, к[ото]рые при этом еще получают награды «с мечами»!

22 февраля. [...] Мы продвигаемся к *Августову*; с севера же, со стороны *Кальварии*, наша конница действует так плохо, что рассчитывать на устройство для отходящих немцев к[акой] - либо ловушки нечего и думать⁴¹². Неизвестно, как развиваются наши действия со стороны *Ложжи*, *Осовца* в 12-й армии.

Преинтересная в смысле эрудиции по части церковной истории сестра Юлия Никол[аевна] Данзас⁴¹³ — фрейлина, заведующая складом Красн[ого] Креста... [...]

Встретил земляка — генерала Бернацкого⁴¹⁴, товарища детства; как он стар и дряхл, а мой сверстник! Он — зеркало, в к[ото]ром я увидал и свою старость. [...]

23 февраля. Холодный утренник до -8°R^{415} ; к полудню — солнечный пригрев и таяние.

Августов как будто уже нами занят. Прибыл сегодня еще один «воскресший из мертвых» — начальник штаба 27-й дивизии полковник Дрейер⁴¹⁶, вылезший⁴¹⁷ из мешка, в к[ото]ром погиб 20-й корпус. Рассказал, к[а]к они питались кониной, как легко мог бы 20-й корпус выбраться из мышеловки, если бы шли не на *Сопоцкин* и не по тому направлению, к[ото]рое было им указано штабом армии, и если бы все генералы во главе с Булгаковым все время боев не жались бы кучкой друг подле друга, предоставивши действовать лишь командирам полков (тактика страуса!); как командир Уральского полка⁴¹⁸ постыдно уклонился от управления полком; как он-де (*pro domo suo!*⁴¹⁹) выстрелами из револьвера собирал в панике убежавших нижних чинов, принуждая их биться с неприятелем; как при отступлении все части и учреждения были ужасно перепутаны и переплетены, и т.д. А сегодня в иллюстрированном приложении к «Нов[ому] вр[емени]» уже фигурирует портрет генерала Булгакова с подписью: «Доблестный командир доблестного 20-го корпуса»!

Летчики наши, как только поднимутся на аэропланах, так тотчас же или сломается у них аппарат, то сами себе что-нибудь сломают. Какие артисты в воздухоплавании германцы — «не идет наш поезд, как идет немецкий!» О недостаточной (слишком уж мягко сказано!) продуктивности работ наших летчиков уже был приказ главноком[андующ] его фронтом от 13 декабря за № 335. Приказом же по фронту от 26 декабря за № 379 было объявлено об отпуске на каждого нижнего чина 1-й, 2-й и 5-й армий по бутылки красного вина для прибавления в чай или кипяченую теплую воду. Гладко же все у нас пишется на бумаге!!

За все время операции нашей армии с 1 февраля по сию пору считается, [что] приблизительные у нас потери до 60 тысяч (около 25 тысяч раненых, 6 тысяч убитых, остальные — пленные и без вести проп[авшие]), у немцев же убито до 70 тысяч. [...]

24 февраля. Утром $-12^{\circ}\text{R}^{420}$. День ясный.

Августов еще не в наших руках. Относительно членовредительства полковника Ступина убеждаюсь все более и более; со мной

согласен хирург Додендорф Алексей Александр[ович]. Но официально начинать дело — это было бы ужасным скандалом для армии, да еще в такой момент... В конце концов, нашлись бы «благородные» защитники корпоративной чести, предали бы если и суду сего воина, все равно его оправдали бы, т[а]к к[а]к судили бы своего и сами. И я бы остался виноватым. [...]

Отوبرали у нас из армии на Ломжинский — Остроленский фронт семь полевых госпиталей, туда же ушел и 15-й корпус.

25 февраля. Утренняя $t^{\circ} - 11^{\circ}R^{421}$. Погода солнечная, ясная.

Уже несколько дней не слышно пальбы — немцы отходят; нам же кажется, что это мы их вышибаем, но по общему умонастроению вижу, что мы действуем вслепую, без малейшего проникновения в карты своих хитроумных противников, к[ото]рые, предвижу я, еще не раз поднесут нам сюрпризов, а к празднику, пожалуй, так «махнут», что опять нас в дураках оставят.

А раненые все прибывают и прибывают; много обмороженных и совсем замерзших. Полки растаяли до батальонного состава. Не хватает людей, еще больше — ружей. 15-й корпус назначен в резерв фронта. [...]

Наделавший переполоху в Гродненском госпитале самозванец — «великий князь» — оказался пьяным офицером, к[ото]рый подлежал бы теперь отдаче под суд за оскорбление врачей при исполнении ими своих служебных обязанностей, но ввиду того, что он — офицер, да еще с Георгиевским оружием, врачи же по идеологии военной касты суть не более — не менее, как говно собачье, то сего витязя стараются всячески избавить от ответственности и дело замять. Преобидное положение военных врачей, на к[ото]рых витязи готовы всегда собак вешать, к[ото]рые во всяком посетителе их учреждений с офицерскими погонами склонны видеть лишь карателя и не избалованы лаской...

Опросил я сегодня нескольких наших раненых солдатиков, к[ото]рым удалось уйти из плена; кормили их плохо; обращение было не из нежных (слова солдатика: «они такие нервные, что толкали нас...»), нек[ото]рых били по мордасам; своих раненых клали в более безопасные и уютные места, чем наших; весьма тяжело раненных — добивали; при поспешном отступлении одну из халуп с ранеными будто бы подожгли. [...]

26 февраля. [...] Второй день как в штабе гостит великий князь Андрей Владимирович.

Из *Новокаменной*⁴²² и *Сопоцкина* прибывает много раненых. После обеда съездил в *Сопоцкин*, застал поспешно свертывающимся Саратовский лазарет Красного Креста и настроение у всех нервно-возбужден[ное] — готовое вот-вот перейти в панику. По краснокрестским информациям наши войска в беспорядке отступают; ч[то]б[ы] отрезать им отступление, немцы поперек дорог накладывают бревна и засеки. Возвратился в *Гродно* почти в полночь, а потому не мог немедленно же проверить в штабе правдивость столь неприятных для нас слухов.

Совершенно случайно в разговоре с дивизионным врачом 27-й пех[отной] див[изии] Беккаревичем узнал от него об Адари-ди⁴²³, бывшем его начальнике дивизии, что последний за постыдное бегство от своей дивизии во время боев под *Маклавкой* 25 октября был отрешен от должности и подлежал преданию суду. Прогностика моя и относительно этого «храброго» генерала блистательно оправдалась; готов поклясться всем святым, что сей «витязь» и в японскую кампанию, будучи тогда еще командиром полка, под предлогом контузии так же постыдно бежал с поля брани, как и теперь... Лицом к лицу я теперь созерцаю грубую правду жизни...

27 февраля. [...] Меня очень тронуло отношение ко мне д-ра Щадрина, к[ото]рый вчера чуть не плакал, беспокоясь за меня, что я так долго не возвращался из *Сопоцкина*, откуда поспешно эвакуировались краснокрестские учреждения ввиду нашего отступления. Красный же Крест у нас является отличным барометром, своими передвижениями верно (с нек[ото]рым иногда преувеличением) заблаговременно показывающий погоду нашего положения. Отход наш на *Сопоцкин* вызван был неожиданно вылезшим из Августовских лесов целым немецким корпусом, грозившим нас окружить. [...]

28 февраля. [...] Поднесли мне по своей инициативе свою фотографич[ескую] группу нижние чины команды санитар[ного] отдела с надписью: «Любимому начальнику...» Тронут! [...]

Настроение наших штабных шантеклеров неугнетенное, пока немцы не устроят нам еще новой взбучки⁴²⁴ ... [...]

Заведующий экономическим отделением Гвардейск[ого] общ[еств]а полковник Муромцев⁴²⁵ уже ходит с «Владимиром» на шею! Молодой еще человек, и как бы он был теперь нужен в строю — пользовался всегда особенным вниманием будбергов, сиверсов и прочей влиятельной сволочи. А приедет с войны — будет рассказывать, как над ним рвались гранаты и к[а]к он проявлял свою храбрость!.. [...]

МАРТ

1 марта. [...] Великий князь Андрей Владимир[ович] продолжает жить при штабе. Оказывается, ему поручено свыше производство расследования всей истории катастрофы с нашей армией. Но подходящий ли он для этой цели субъект?! Хотелось бы и мне так многое поведать относительно действий Сиверса и Будберга, но кому? Будут только разговоры на разных языках... Припомнилось мне, что накануне еще нашего внезапного отступления Сиверсом, Будбергом уделялось уж слишком много ненавистнического и непросвещенного внимания санитарной части, сделано было распоряжение, ч[то]б[ы] один из лазаретов 64-й дивизии в *Видминене*⁴²⁶, помещение к[ото]рого я признавал вполне приличным, непременно перешел бы в другое здание и оборудовал бы его так, как полагается быть на мирное время лечебному заведению.

Зашел ко мне Никитин⁴²⁷, дивизионный врач 1-й кавалерийск[ой] дивизии — протеже великой княгини Елизаветы Федоровны⁴²⁸, ко мне относящийся с особенным решпектом; порассказал мне о нескольких несомненных случаях «самострелов» среди офицерства. [...]

2 марта. [...] За обедом немало пришлось мне говорить с великим князем Андреем Владимир[овичем], но не иначе как в духе *causerie*...⁴²⁹ Держит он себя необычайно просто и прибыл в штаб для сбора материалов о военных действиях погибшего 20-го корпуса; но какую ценность будут иметь эти материалы даже и при самом добросовестном его отношении к своей задаче?!⁴³⁰ Ведь человек он с другой планеты!

Слышал сегодня беседу среди молодых офицеров, с к[ото]-рыми в компании был врач: один из них высказал здравую мысль, что-де врачи на передовых позициях проявляют больший подвиг, чем офицеры, так как работа первых требует от них больше, чем храбрости как состояния экстаза, а именно — мужества!

3 марта. [...] Плохая примета, подтверждаемая наблюдениями: как только наши вояки начинают проявлять инициативу в возбуждении вопросов практической медицины и санитарии, и предписывать нам, врачам, руководящие по ним правила — так жди скорой беды, вроде той, к[ото]рую пришлось пережить в конце января; а казалось бы, что в распределении обязанностей по специальности должно было бы только следовать принципу *suum quique*⁴³¹, и было бы куда как лучше! Так подло устроена природа человека, что он, ставши по служебн[ой] иерархическ[ой] лестнице выше другого, считает последнего уже ниже и по существу — в области даже специальных познаний этого последнего. Думается мне, что здесь много и российского хамства: подчини служебно вдруг хотя бы нашего министра хоть тому же командиру нестроевой роты (он же факультативно и начальник санитарной части!) — и бьюсь об заклад, что в глазах этого командира этот министр делается глупее и меньше! [...]

4 марта. [...] В штабе — тихо. Радкевич за обедом сидел без обычной веселости. Один из симпатичных подполковников Генерал[ьного] штаба Яхонтов⁴³² передал мне, что у Сиверса имеются бесстыдные намерения возвратиться обратно в 10-ю армию на ту же должность. А ведь кого, как не его с бароном Будбергом нужно считать преступными виновниками наших неудач и гибели 20-го корпуса, пробивавшегося в как[их]-ниб[удь] 10—12 верстах от фронта Гродненской крепости и оставленного без выручки, так как немцы отлично втерли очки в глаза нашим дурням, установивши завесу перед фортами, ч[то]б[ы] успеть за это время ликвидировать все операции с корпусом.

Продолжается уборка трупов на полях брани. Августовские леса с трагически погребенными в них тысячами жизней должны составить для потомства богатую и страшно красивую легенду об обиталище в них загробных теней и духов. [...]

5 марта. [...] Район расположения 20-го, 22-го и 2-го корпусов около *Липска*, *Сопоцкина*, *Гюжи* и др. страшно загрязнен; источники воды завалены трупами; приходится врачам нести сизифову работу по ассенизации почвы и оздоровлению питьевой воды.

Приехавший из Петерб[ург]а полковник передавал, что там только и разговоров за последние дни было об открытии якобы широко организованного у нас в армиях шпионажа, свившего себе гнезда во всех штабах, включая штаб Верховного главнок[омандующ]его; жандармерия в широких размахах производит обыски; обыску подвергся будто бы и сам Сухомлинов⁴³³ (собств[енно], его жена). Не муссируются ли слухи о шпионаже нашими горе-стратегами, желющими этим прикрыть свои неудачи и оправдать свои действия?! В числе изменников упоминаются люди видного общественного положения. [...]

6 марта. [...] Утром, напившись чаю, поехал в автомобиле в *Соколку* для производства расследования по вопросу, правильно ли 495-й пол[ево]й госпиталь ликвидировал свои дела в *Лыке* при январской нашей катастрофе. Интересны бы были результаты расследования по более общему вопросу — умеют ли и воспитаны ли лица нашего командного состава вести дела как подобает, не теряя совсем головы во время пожара и всяких аварий, ч[то]б[ы] на минимум свести гибель вверенных им масс?! [...]

7 марта. [...] За обедом общий разговор с великим князем; моя популярная сжатая лекция о значении азотной, азотистой к[исло]ты в питьевой воде по случаю абсу[р]дного понимания... Князь, оказывается, окончил курс Военно-юридической академии и ведет расследование боевых действий нашей армии за время ее отступления. Около князя имеются адъютанты, один из них — миллионер, снабжающий ресурсами великих мира сего... [...]

8 марта. — 3 °R⁴³⁴. День светлый и радостный, я собираюсь сегодня к отъезду, и ч[то]б[ы] скорее прибыть к месту устремления, отправляюсь не в санитарном, а в пассажирском поезде сначала в *Варшаву*, откуда на *Седлец*⁴³⁵ (ч[то]б[ы] там повидаться с Гюббенетом⁴³⁶), а там... там прямо в Москву. Из стана погибающих выбрался лишь около 11 часов ночи, т[а]к к[а]к поезда идут со страшным запозданием.

*Сейны*⁴³⁷ как будто нами заняты. Приходил князь Кропоткин, уполномоченный Рижского отряда, женатый на чистокровной немке — *ex* вице-губернатор, и отряд к[ото]рого весь состоит из немцев. Присюсюкивая, изливался в вожделениях получить орден «с мечами», для достижения чего, конечно, козыряет всюю!

О Лашкевиче, начальнике 28-й дивизии, говорят прескверные вещи: много пограбил в Пруссии и все отправил большим транспортом в свое имение; генерала этого его сослуживцы называют «Бейлисом».

9 марта. Поля очистились от снега, солнце греет животворно, реки вскрываются. Около 10 часов утра приехал в *Варшаву*, где пробыл до 4 часов дня в ожидании отходящего поезда в *Седлец*, куда прикатил около 7 вечера. Природа полна тишины и мира, все в ней пропитано совсем не воинственной поэзией. От *Варшавы* до *Седльца* удивительная гладь и равнинная местность, мелькают то там то сям мелкие озерца да молодой березняк. Совсем на вид мирная обстановка на вокзалах и станциях, общая физиономия людей — серьезно-сосредоточенная. Если бы не множество сестер милосердия, то ничто, казалось бы, не говорило о войне. Пребывание в купе 1-го класса для меня было настоящим раем.

По прибытии в *Седлец* остановился на ночлег у случайных знакомых — молодых офицеров фельдъегерского корпуса при штабе главноком[андующ]его[...].

Получена утром телеграмма о падении *Перемышля*. Город расцвелся флагами. Совершенно по сему случаю молебствие. [...]

11 марта. На рассвете в *Барановичах*⁴³⁸ — Ставке Верховн[ого] главноком[андующ]его, где находится в настоящее время и государь. Дороги все более и более принимают вид зимний. Под *Минском*⁴³⁹ уже глубокие снега, езда на санях. Погода чудная, солнечная; так и рвусь в синюю бездну небес... Вечером уже темно — Смоленск⁴⁴⁰.

12 марта. Около 7 утра — в Можайске⁴⁴¹. Погода ясная; большой мороз; глубокая зима. Около 11 утра прибыл в Москву. Замучила совесть, что оставил стан погибающих и приехал на отдых, к[ото]рого лишены многие другие... Сердечная встреча с детьми; при виде и Сережи, и Ляли до слез стало грустно: такими-то они показались мне неземными, беспомощными. [...]

16 марта. [...] Еду в Петербург с большой нудностью, ч[то]б[ы], пока тяну служебную лямку, уж до конца выдержать мерку испытаний людской суетностью. Живу страдательно все какой-то навязанной внешней жизнью. Неудержимая тяга хоть последние 1—2 года жизни пожить для себя — созерцательно.

17 марта. Приехал в Петерб[ург]. [...] Побывал в [Военно-]санит[арном] управлении. Разговоры о назначениях, чинах, орденах, формах и пуговицах... Ничего живого, захватывающего... Сенсационным сообщением — история с Мясоедовым⁴⁴². Но что, в сущности, и она, и он в ряду с целым комплексом прочих этиологических факторов, делающих Россию неизбежно несчастной?! [...]

АПРЕЛЬ

17 апреля. Приехал в *Гродно*. [...]

18 апреля. Погода прекрасная; у нас на фронте тихо. Не видно суматохи вокруг. Встретили меня в штабе приветливо. На вопрос Радкевича — «Ну, что у вас там нового?» — я ответил, между прочим, что-де все тянутся к нам сюда воевать; на это он, переглянувшись с начальником штаба, удивленно заметил, что «у нас же все неудержимо стремятся отсюда — туда!» [...]

20 апреля. [...] Формируются у нас на живую руку какие-то два корпуса для действий в районе *Гродно* и *Ковно*; видел я в штабе и вновь назначенных командиров этих корпусов — Сирелиуса и Вебеля⁴⁴³; Боже мой, какое убожество! К обеду попал генерал Воронеж⁴⁴⁴ (?), спешающий к своему командиру корпуса Сирелиусу на *Ковно*, ожидающему его с нетерпением. Радкевич объявил этому генералу, что им предстоит задача «из ничего сделать что».

[...] Штабные наши «рябчики» разукрасились боевыми орденами с мечами и бантами; каждый из них стремится к скорейшему продвижению вверх по служебной лестнице, но... но... с прекрасно разработанным в стратегическо-тактическом отношении планом наиболее безопаснейших путей в достижении своих целей.

Мой разговор с подполковником бароном Иксуль о том, как он получил «Владимира» 4-й ст[епени] с мечами и как рассчитывает

он получить командира полка, ч[то]б[ы] миновать теперь неприятной для него необходимости хотя бы полтора протекционных месяца прокомандовать предварительно батальоном; подвиг же его заключался в том, что 31 января он на автомобиле отвез пакет генералу Российскому, потерявшему-де было всякую связь с армией; верхом ехать — «не может» вследствие расширения вен на левой ноге! А полком командовать считает себя правомочным! Живет всю кампанию «по-семейному». Идеология сего марса есть идеология всего нашего воинства; сколько в ней для свежего человека цинизма, разврата, моральной низости... О, если бы наши военачальники всю гибкость своего ума по части всяких плутней, обходов закона и передергивания карт *pro uso proprio*⁴⁴⁵ да не поленились бы применить к противнику; последний уже давно был бы сокрушен! [...]

23 апреля. [...] Сегодня утром узнал, что ночью над Гродно летал цеппелин, сбросивший несколько бомб. Среди жителей много жертв⁴⁴⁶. [...] Беседовал с начальником штаба Поповым по поводу предложения Центрального общевойскового комитета Варшавы предоставить армии санитарный отряд для борьбы с эпидемиями, состоящий из хорошо обученных *ad hoc*⁴⁴⁷ 16 учителей и 6 дезинфекторов; хотя «благонадежность» их и заверена Варшавск[им] генерал-губерн[атором] Енгальчевым⁴⁴⁸ и полицией, но настроение теперь у нас в штабе резко отрицательное по отношению к всем обществ[енным] организациям, так как в них начали видеть организованную агентуру шпионства, предательства и крамолы. У какого-то члена Госуд[арственной] думы обнаружены прокламации. Относительно данного санитарн[ого] отряда я старался успокоить генерала, а вот на Рижский — Рижский отряд⁴⁴⁹, как я уже и давно твердил, следовало бы обратить в[есьма] серьезное внимание. [...]

24 апреля. [...] Санитарный мой отдел сегодня перебирается в другое помещение — в городское училище, а то в занимаемое теперь водворяется по-прежнему Контрольная палата. Администр[ативно]-правительств[енные] учреждения мало-помалу возвращаются в покинутый было ими г[ород] Гродно. [...]

25 апреля. [...] Расположились мы своим санитарным отделом возле железн[о]дорожн[ого] полотна у вокзала — в месте, особенно подверженном опасности от бросаемых бомб с тевтонских аэропланов. После недавнего ночного набега цеппелина на Гродно мы теперь несколько насторожились: по ночам то и дело наши прожекторы шарят по небу...

Судя по стереотипным официальным телеграммам к[а]к с западного, т[а]к и с восточного фронта, что-де мы все «успешно и энергично продвигаемся вперед», казалось бы, что мы с союзниками уже давно должны были бы быть в столицах Австрии и Германии. А немцы преподносят да преподносят нам сюрпризы — то пушку выдвинут, стреляющую на 40 верст, то изобретут удушающие газы, служащие «ядовитой завесой» при наступлении, и пр., и пр. Уже мой Сергей-сыннишка, большой оптимист со своим дядей Николаем относительно наших военных гениев, — и тот в последнем своем письме по поводу занятия немцами Прибалтийского края замечает скромно, что-де «для меня, профана, кажется, что нами не предусмотрено чего-то элементарного...» Не везет же нам: недавно произошло еще весьма печальное военное событие — взрыв на Охтинском мелинитовом заводе... [...]

26 апреля. [...] Солдатики, живущие здесь, в *Гродно*, и проходящие на поле брани, лихо поют и даже пляшут.

Комендантом крепости сделано распоряжение, ч[то]б[ы] после 11 час[ов] ночи всюду тушились огни в учреждениях и квартирах или же завешивались окна; это — в целях охраны от цеппелинов и аэропланов. [...]

27 апреля. Захолодало. Утром пошел снег и поднялся страшный ураган. После полудня стихло и прояснилось.

На Карпатах нас сбили, немцы дошли чуть не до *Риги*⁴⁵⁰, а в газетах наших неизменное «мы продолжаем теснить противника», «мы успешно продолжаем продвигаться», там-то и там-то «произошло успешное для наших войск столкновение с неприятелем». О противнике же нашем — тоже неизменное, что он почти совсем уже издыхает и не в силах бороться с нами. Уже не секретом для публики появилось известие о взятии немцами *Либавы*⁴⁵¹. [...]

МАЙ

5 мая. [...] «Храбрый» наш полковник, с упрочением его положения исполненный взывавшей властности и силы (в гостинице «Рояль» недавно даже побил — о чем, не краснея, рассказывает, — морду официанту за то, что последний «не так» обернул голову, отвечая на вопрос), поцукивая на делопроизводителей санитарного отдела, служащих ему и за страх, и за совесть, отлично управляет санитарной частью армии! Меня почтительно оставляют в покое. Я против этого ничего не имею; может быть, я — и лишний; так хотелось бы просить «ныне отпускаеши...» Но лишний ли я, как ржавый винт в отлично конструированной и прекрасно вертящейся машине, или же как вполне исправный винт, но не положенный ржавой, аляповато сколоченной, не столько вертящейся, сколько скрипящей и визжащей машине?!

А немцы-то нас ахнули с Карпат почти на 100 верст, к *Ярославу* и *Перемышлю* на линии реки Сан; противник в каких-н[и]б[удь] 70 верстах от *Львова*. Сколько тысяч жизней мы положили на пресловутый переход «наших орлов» через Карпаты, и теперь опять начинай сказку с начала — оказываемся почти при том же исходном положении, как и в сентябре прошлого года! Но изворотлив же мошенник-ум человека: продажные перья военных обозревателей ухитряются наше поражение обрисовать как победу!! Благодаря очищению Карпат наши-де армии теперь оказываются с развязанными руками, спала-де с них забота эта — защита перевалов от вторжения германцев в Восточную Галицию (*sic!*), не мы-де разбиты, а германцы накануне полного разгрома их армий! [...]

6 мая. Царский день. Был в соборе. К обеду приехал архиепископ Михаил⁴⁵² благодарить командующего за награждение его звездой и бриллиантовым крестом на клобук; севши со мной рядом, его первыми словами обращения ко мне было: «Я Вас часто вижу у себя в церкви, но недолго Вы стоите в ней, будучи, очевидно, очень заняты».

Природа благоухает; изумрудный ковер полей обильно усеян распутившимися одуванчиками; сирень еще только что расцветает; зацвели яблони. Так хорошо было бы жить теперь у себя на родине...[...]

7 мая. Все те же телеграммы и военные репортерские рассуждения ребяческого характера для чтения только бы детям не выше среднего возраста. Десятками тысяч исчисляются потери у неприятеля без параллельного приведения потерь наших, Австрия-де при последнем издыхании, Германия-де умирает медленной голодной смертью; зато силен-де Бог земли русской — шапками забрасаем! [...]

8 мая. Погода продолжается прекрасная. А катастрофа-то, постигшая наши армии в Галиции, ведь ужасная. Если отберут от нас обратно *Перемышль* и *Ярослав*, то, пожалуй, недобровольно и всей Галиции, куда мы так спешно почли нужным переее всего направить наших обычных культуртрегеров — исправников да урядников; как бы не пришлось их оттуда так же спешно убирать, как случилось и со взятием нами *Инстербурга*... [...]

9 мая. В Курляндско-Ковенской губернии мы все «тесним неприятеля»⁴⁵³. С Галицийского фронта — никаких известий. Не верится, ч[то]б[ы] в данном случае *n'est pas des nouvelles* было бы *belles nouvelles*⁴⁵⁴... [...]

10 мая. День Св. Троицы. Светлый, голубой день. Не только дома, но и вагоны разукрасились срубленными березками. Запасишься в передний путь и в обратный «пропуском» — «бурка» и «ядро», — поех[ал] рано утром ознакомиться с санитарным[и] условия[ми] 28-й дивизии, в одном из полков к[ото]рой брюшной тиф стал принимать угрожающие размеры. Возвратился поздно вечером в тот же день ужасно разбитый автомобильной ездой — голова кружилась, испытывал какое-то оглушение; свалился как мертвый в кровать. [...]

11 мая. [...] У солдат на $\frac{1}{4}$ фунта уменьшен паек мяса; теперь они будут получать по $\frac{1}{2}$ ф[унта] свежего и $\frac{1}{4}$ ф[унта] солонины. [...]

12 мая. Наш энергичный «храбрый» полковник телеграфировал корпусному врачу 20-го корпуса, что-де пора прекратить эпидемию тифа в Волжском полку. Стараюсь всячески разъяснить нашим воякам, что не в одном враче дело, ч[то]б[ы] задушить эпидемию; не аналогично ли будет, если Верховный главнок[омандующий] прикажет командующему армией, что пора-де переходить через Карпаты или вступать в Пруссию. [...]

14 мая. [...] В публикуемых телеграммах Верховного главнокоманд[ующ]его хотя и ничего не говорится пока о взятии немцами *Ярослава*, но в штабе «по секрету» это уже известно. Из сдержанной беседы по щекотливому для нашего оружия вопросу с Радкевичем о положении в Галиции — из шепотком произнесенных им слов, что-де, может быть, взят и *Перемышль*, да и по своему внутреннему убеждению я не сомневаюсь, что эта твердыня также отобрана у нас... Уж больно наше правительство поторопилось [с] торжествен[ным] празднованием завоевания Галиции и насаждением там своих культуртрегерских учреждений... Мне думается — несдобровать и *Львову*...

Наши шантеклеры и в ус себе не дуют. Слава Богу, что выступление Италии все-таки морально хотя подбодрит наши войска, и они на позициях кричали уже по сему случаю «ура», на что немцы отвечали, что «зато мы у вас отобрали *Перемышль* и взяли 20 тысяч пленных».

17 мая. Жарко, бездожде. Телеграммы все в таком роде, что «захвачено нами у неприятеля несколько пулеметов, 60 пленных, в том числе много офицеров⁴⁵⁵ (*sic!*)...» Величаво прет на нас колосс, забирая и отнимая у нас методически территорию за территорией, а мы все хвастаемся и кричим «ура», вырывая у него по волосикам из его шерсти!! Несмотря на выступление Италии, я предчувствую, что тевтоны заносят над нами еще где-то могучий свой кулак. Мне думается все-таки, что с точки зрения реакционной ортодоксии в интересах охраны и укрепления своих «исконных» начал государственности, России, как военно-деспотической державе, не следовало бы воевать с Германией — державой, в к[ото]рой кулак, да еще бронированный, возведен в идеал, обеспечивающий человеческое благополучие. С упомянутой точки зрения, между Россией, с одной стороны, и Германией и другими державами одинакового с ней государственного режима — с другой, должна была бы существовать взаимная дружба и круговая порука... Но случилось то, что случилось! России на ратном поле посчастливилось очутиться в благодатнейшем сообществе с государствами прогрессивно-демократического строя. В хорошем же

сообществе и плохой человек делается хорошим. Так отчего бы нам не надеяться, что и теперешнее боевое союзничество России с державами благороднейшего режима не повлияет впоследствии самым благоприятным (хотя бы смягчающим!) образом и на ее собственный режим, особенно если и после войны продолжится между союзниками и *entente cordiale*⁴⁵⁶, и формальное соглашение идти рука об руку против внешнего врага? Да здравствуют же наши союзники как защитники России и от ее внутренних врагов — «волков в овечьей шкуре»!! Ура!

Широкогоров⁴⁵⁷ (приват-доцент Юрьевского университета), подвизающийся здесь в общественной организации, передавал о пассаже, как приехавший в 1-ю армию помощник верховного начальника по санитарн[ой] и эвакуац[ионной] части генерал Поливанов⁴⁵⁸ был изумлен при представлении ему начальника санитарн[ого] отдела полковника Донштрубе⁴⁵⁹ и его помощника — тайного советника д-ра медицины Феодосьева... [...]

18 мая. [...] Не предвидится и конца кровавому кошмару. Как я устал, устал... А для наших штабных эта война — как хорошо оплачиваемая статья; кажется, что чем дольше будет тянуться — тем будет желательнее. Узко одностороннее развитие их и ограниченность умственного кругозора — поражающе. Как я одинок здесь... [...]

21 мая. [...] Полковник мой отлично отмеблировал себе квартиру и уже устраивает для нужных ему людей вечеринку с картами и прочими онёрами... А я... я... предпочитаю быть в «блестящем одиночестве»: при моей личной и мирской скорби мне так легче.

Зашел вечером после прогулки на Неман к сестрам в Гродненский госпиталь, у к[ото]рых ни разу еще не удосужился быть, несмотря на постоянное их приглашение как «доброего, хорошего Вас[илия] Павл[овича]». Узнал, что будучи представлены все к наградам медалями одинаковых степеней⁴⁶⁰, получили они медали разных достоинств: кто покрасивей и поинтересней были для дежурного генерала — то получили высшую степень, менее же соблазнительные для него получили низшие степени; «видных фамилий» также получили высшие степени медали... Мне было очень неловко

перед сестрами. Опять симптом: как у нас применяется закон...⁴⁶¹
«Горе вам, фарисеи-лицемеры... Гробы повапленные...» [...]

22 мая. Свершилось! По источникам военных информации все у нас шло неизменно прекрасно, «дезорганизованных» и «глупых» австро-германцев «искусным управлением и маневрированием» наших войск мы постоянно колотили да колотили... *Перемышль* пал! Предвижу, несдобровать и *Львову*. На душе грустно-прегрустно; одно утешение — не послужат ли наши поражения с сотнями тысяч уложенных зря жизнью к скорейшему обновлению нашей многогрешной Руси — «Соединенных Губернаторских Штатов» — Руси беззакония, произвола, полицейского усмотрения и пр. мерзостей.

Совершившееся событие аппетита за обедом ни у кого не расстроило и не помешало нести всякие вздорные и пустые разговоры. Мы позорно разбиты... Ну, гг. военные, для пользы дела не нам ли, врачам, взять теперь командование полками и дивизиями? А вы продолжайте быть санитарными начальниками! [...]

Радко-Дмитриев⁴⁶² — балканский герой! — отстранен от командования 3-й армией⁴⁶³. Пленные немцы говорят, что летом пособерут они хлеб, а к осени захватят *Варшаву*. Не случилось бы этого еще гораздо ранее!

23 мая. Погода райская; в резком контрасте с ней трагически складывающиеся для нас события текущей великой войны... Перед германцами мы оказались полными банкротами; не пора ли капитулировать? Интересно, как будут теперь извертываться военные обозреватели прессы, убаюкивавшие общественное мнение нашими *quasi*-успехами? [...] Утешают публику, что нахождение в руках противника *Перемышля* не мешает-де нам его опять взять обратно! Благодарю покорно. Ведь и пределы терпения, наконец, не могут же быть безграничными. Опять брать *Перемышль* и завоевывать Галицию, равно отвоевывать захваченные у нас земли?! Начинать сказку о белом бычке с новыми стотысячными жертвами?! Это при могуществе-то оборонительных сооружений у противника, к[ото]рого не в состоянии из них вышибить ни мы, ни наши союзники?! Италия теперь для нас соломинка, за к[ото]рую мы цепляемся. Не надо обладать особым даром предвидения, чтобы

утверждать, что скоро, может быть, покажет себя и германский флот, якобы запертый в Кильском проливе...

Грустно читать приказ Верховного главноком[андующ]его от 30 апреля за № 321, объявляющий о высочайшем даровании ему «Георгиевского оружия, украшенного бриллиантами с надписью “За освобождение Червонной Руси”». Из *Львова* уже идет усиленная эвакуация...

Ужасную вещь по неожиданности мне пришлось услышать сегодня в разговоре за обедом с почтеннейшим профессором стратегии в Никол[аевской] академии Генер[ального] штаба полковником А.А. Незнамовым⁴⁶⁴: на мое к нему обращение, что-де вот, А[лександр] А[лександрович], вам теперь будет богатый материал для поучения своей аудитории касательно всех операций текущей войны, он мне с сокрушенным сердцем ответил, что научно-критическому разбору эти операции подвергать будет совершенно невозможно по цензурным условиям; а когда я наивно-удивленно спросил его, да как же будет писаться правдивая история наших военных действий, ч[то]б[ы] избежать на будущее время сделанных, может быть, нами ошибок, он отвечал: «Да так, как пишут теперь в газетах». О Боже мой, да неужели это так?! Берет жуть и отчаяние за судьбу России...

3-й Сибирский корпус у нас из армии убирается, на место его становится 34-й армейский. Формируется штаб 13-й армии, куда отойдет теперешний северный район нашей армии. Не без тревоги надо взирать на Финляндию... [...]

24 мая. [...] Положение наше в Галиции продолжает быть паршивым, и *Львову*, очевидно, несдобровать⁴⁶⁵. [...]

25 мая. Погода держится хорошая. Штабные и все воинство в Гродно развлекаются себе кинематограф[ом], цирком, усиленным флиртом, картами... [...] Дежурный генерал Жнов, георгиевский кавалер на теплом местечке, проявляет большую осведомленность по личному составу находящихся в *Гродно* баб, чем по своим прямым обязанностям, вся тяжесть коих возложена им на верных рыцарей пера, ему же остается одно подписывание; ему очень завидует наш «храбрый» полковник, всячески стараясь поставить себя по отношению к санитарн[ому] отделу тоже в роль лишь шефа. [...]

26 мая. Господь послал нам еще утешение в лице новых союзников: Республика Сан-Марино объявила войну Германии и Австро-Венгрии, выставивши армию из 8 рот по 150 человек в каждой! Наша 10-я армия разделяется: северный район за Неманом переходит в формирующуюся 13-ю армию. [...]

27 мая. [...] По соседству с нашей за Неманом будет сформирована не 13-я армия, а 5-я.

Союзники наши пока только все показывают лишь кулаки тевтонам, суля лишь впереди всякие для них страсти; теперь же лишь «успешно продвигаются», стоя на месте и крича на весь мир, что-де заняли при продвижении или такой-то усадьбы, или подстрелили у неприятеля пушку!! Официальный наш военный орган — «Русский инвалид» — успокаивает и утешает нас, что-де очищение *Перемышля* нельзя считать успехом стратегии противника, а только их тактики! «У вас очень сильно разболелся запломбированный зуб? Но это — ничего-ничего, боль отраженная!!» [...]

28 мая. [...] Идут наикровопролитнейшие бои в Галиции, а официальные телеграммы из трофеев только и могут похвастаться, что «нами взято 300 пленных и 2 пулемета!» Вообще официальная часть не у нас лишь, но и у союзников могла бы служить благодарной темой для Джерома Джерома или Марка Твена⁴⁶⁶.

Идет нервная работа по снабжению войск против нового элемента борьбы — удушающих газов.

[...] Высочайшим приказом от 3 мая награжден орденом Св. Анны 1-й степени. Послал, ч[то]б[ы] порадовать этим, письма моим ребятам⁴⁶⁷. [...]

30 мая. Хоть нек[ото]рое облегчение: в боях на Днестре нами взято до 6 тысяч германц[ев] и австрийц[ев], 17 орудий, 49 пулеметов и 188 офицер[ов]! А все-таки, я вижу, не удержать нам *Львова*! [...]

31 мая. [...] Был в госпитале гродненском, разговорился с коллегами; слезные жалобы их на засилье от офицерства, поступающ[его] к ним на лечение: масса претензий со стороны его, писание кляуз, безграничные требования, самовольные экскурсии из госпиталя по кинематографам и увеселительн[ым] местам, стремление к скорейшей эвакуации, масса лодырей. Наше «гонимое племя», т.е. врачи,

не знают, как только ублажить сынов Марса, кормят их до отвалу; в происходящих конфликтах все это хамье находит соответствующую поддержку в представителях военной диктатуры, смотрящих на врачебный персонал прямо как на паршивую прислугу... Среди больных и раненых слышится уже ропот на большие жертвы и нулевые успехи нашего оружия — ропот и на начальство⁴⁶⁸, и на Бога, отрицательное отношение к религии... Начинается злое брожение... [...]

ИЮНЬ

1 июня. [...] Между строк официальных телеграмм — в Галиции дела наши прескверны; в Риго-Шавельском же районе, вообще на нашем правом фланге надо ожидать к[акого]-либо сюрприза; Вильгельм — в *Тильзите*. [...]

2 июня. Погода хмурая, небольшой перемежающийся дождь.

Немцы поперли на *Олиту*⁴⁶⁹ и *Прены*⁴⁷⁰. Не демонстрация ли? [...] Глухие слухи бродят о покушении на жизнь [великого князя] Николая Николаев[ич]а. Помилуй Бог! В нем я не вижу какого-н[и]б[удь] стратегического гения, но он незаменимо нужен сейчас как командное лицо с непреклонной крепкой волей и независимым абсолютно поведением, стоящее выше всех пресмыкательств, мелких происков и мышинных устремлений к урыванию «жареного». [...]

3 июня. Дождь. По нашим агентурным сведениям, в Занеманский край — к *Тильзиту* — замечено движение больших обозов, множество всевозможного калибра пушек, едут будто бы и сам Вильгельм с Гинденбургом. Мы все пятимся («лихо») раком; немцы же, как бы замороженные «разрыв-травой», продолжают себе методически, с чувством, толком и расстановкой вести наступление, последовательно отхватывая у нас территорию за территорией. [...]

4 июня. На фронте нашей армии — ничего значительного. Говорят, что две дружины наших сдались в плен; [...]

Встретившись за обедом, командующий поздравлял меня с получением ордена [Св.] Анны 1-й степени, будучи осведомленным об этом из агентских телеграмм из Петербурга. Всегда он ровен,

покоен, ласков и обходителен. Нравится мне в нем философский склад мысли и вера в тайно образующиеся силы, к[ото]рыми многое делается независимо от человеческой воли...

Происшедший скандал с капитаном Пономаренко, к[ото]рому, как с известными повадками кувшину, суждено теперь сломить свою буйную головушку, так как дело пахнет судом: уличен в мародерстве, выразившемся в принудительном отобрании у партии пленных немецких марок, за к[ото]рые расплатился по минимальному тарифу (за марку — 15 коп[еек]!). Случись что-н[и]б[удь] подобное — и даже совсем не подобное — с врачом, — к нему применены были бы все строгости закона, но здесь свой человек — офицер, и дело, вероятно, наш импульсивный полковник постарается замять. Посмотрим! [...]

7 июня. [...] Не умерла еще у нас щедринская Русь! Мошенническое дело Пономаренко обещает быть замятым с переводом его только в другое место. А какой он богомольный! Я был нечаянным когда-то свидетелем этого, зайдя к нему утром и заставши его перед образом с молитвенником в руках, осенявшим себя крестным знаменем. О, ты, молящаяся Русь, одной рукой творящая пакости, другой же — призывающей (хорошо еще, если хоть покаянно!) Бога! [...]

«Мавр сделал свое дело». И Рузский, и Селиванов⁴⁷¹ во благовремении сумели уйти, стяжав себе вечную славу героев и больших стратегов. Так умный и предусмотрительный практический врач улетучивается от безнадежного больного, оставляя долечивать его безуспешно своему коллеге. Второго обязательно будут ругать, а о первом будут говорить, что он если бы не уехал — то вылечил бы!.. [...]

От сестер слышу, что раненые солдатики раздраженно относятся к офицерам: их-де, — говорят, — мы там прямо пристреливаем, думают-де, как бы побезопаснее да поскорее наполучить орденов-отличий. О прапорщиках отзываются лучше — они к ним стоят ближе и отзывчивее на солдатские нужды. [...]

9 июня. Телеграмма штаба Верховн[ого] главн[окомандующего] от 8 июня: «Наступление неприятеля в районе Равы-Русской, в ночь на 7 июня наши войска отошли от Городокских озер на львов-

ские позиции...» Все понятно... [...] Не дай Бог оказаться мне безошибочным пророком, но я предвижу, что *Варшаву* мы вынуждены будем уступить и очистить всю Польшу... [...]

10 июня. Выехал на инспекцию 2-го, 20-го и 26-го корпусов. Погода солнечная. В полях уже колосится рожь. Кому-то придется ее жать — нам или немцам? Роятся окопы в направлении всех сторон света. В лазури небесной высоко реют и заливаются трелями жаворонки. Между *Штабиным* и *Евой*⁴⁷² — глубокие сыпучие пески; автомобиль застревал и буксовал, впору было его хоть оставить. Ближе к *Августову* вид становился пустынным и безлюднее... [...]

11 июня. Ночью была, говорят, пальба. Но я ее не слышал. На позициях сменялись *Малоярославский*⁴⁷³ и *Старорусский* полки. Чуть свет закуковала кукушка, зазвенели и жаворонки. В штабе 20-го корпуса уже офицеров известили, что *Львов* немцами взят; вчера и позавчера из окопов тевтоны уже кричали по сему случаю «хох!» и «ура!», обещая скоро взять и *Варшаву*. Командир корпуса *Евреин*⁴⁷⁴ «устал» и на 2 недели уехал; вместо него — фон Бринкен, в разговоре со мной уже прозрачно пробрасывает, что-де «после контузии (!) часто стало появляться головокружение», — видимо, будет удирать, так как все, что ему было нужно, получил. Рассказ его о том, как он вешал евреев за шпионство... [...]

13 июня. Побывал в *Девянишках*⁴⁷⁵ и *Лодзее* во 2-м корпусе. Поехал в *Краснополь*⁴⁷⁶, где перевяз[очные] отряды 64-й дивизии и какой-то обществ[енной] организации, во главе к[ото]рого стоит «генеральша» — штатская, жена инженера — светская баба, пользующаяся здесь жизнью не хуже, чем в Петербурге⁴⁷⁷.

Ближе познакомился с Гернгроссом: большой комик и циник, но не глупый человек. Пригласил меня сегодня непременно приехать на окрошку! Рассказ его об «одном хлюсте» и о «двух хлустах» (по поводу непонятных бумаг). Относительно моего «храброго» полковника спросил к общему смеху окружающих: всегда ли-де он сам и лечит, или нет? — поручает ли мне?.. Высказал удивление озорству, по к[ото]рому создалась такая санитарная организация. «Полковника *Евстафьева* я знал, — передавал Гернгросс, — полковым адъютантом, к[ото]рый покупал билеты в театр и исполнял старательно всякие поручения командирши, затем помню его командиром полка

никуда не годным; девать его было некуда — ну, в санитарную часть и назначили»... [...]

После обеда покатили из *Сейн* на *Махарце*⁴⁷⁸, в *Серский Ляс*⁴⁷⁹ и *Черный Брод*⁴⁸⁰, в перевязочн[ые] отряды 84-й дивизии и Государственной думы. Вчера брошены 4 бомбы с аэроплана и стрелы; из обывателей несколько ранено. Пробираясь из *Черны Брода* на Липское шоссе, заплутались в лесу, погрязли в болоте и песках; солдаты вытаскивали; уже вечерело; попали в «грязную историю»: по августовскому костелу забрали очень вправо (к западу) и въехали в окопы Камского полка — в 1000 шагов от окопов немецких... Как мы выбирались... Начавшаяся пальба... Поздно вечером благополучно возвратился в *Гродно* — усталый, разбитый.

14 июня. [...] Наш «храбрый» полковник в усердии ухаживания за властью имущими не брезгает быть даже в роли сводника; на сестер устраивают наглую облаву, устраивая интересных для себя из них на отдельных квартирах... То обстоятельство, что «наш орел двуглавый посрамлен...» их нисколько не трогает. Полная анестезия и атрофия элементарной нравственности. [...]

15 июня. [...] За обедом узнал сенсационную новость: военным министром назначен Поливанов, а помощником его... А.И. Гучков. Нелепого в этом назначении ничего не вижу. Еще: будто бы и Горемыкин⁴⁸¹ уходит. К новому вину нужны и новые мехи.

16 июня. [...] Какой-то бюрократической отпиской звучит приказ Верховн[ого] главнок[омандующ]его от 8 июня с.г. № 466 о «разрешении» замещать должности начальников санитарных отделов штабов армий врачами; а когда уйдут сидящие теперь на этих должностях «храбрые» полковники да генералы?! Пренебрежение у нас здравым смыслом возведено в систему — ну, за то и бьют нас тевтоны: «не теряй сил, куме, седай на дно!»

Милая Лялечка прислала письмо с полевым цветком. «Все, — пишет, — рязанские знакомые прочли в газетах о том, что ты получил еще звезду, и поздравляли... Молодец ты, папа!» [...]

17 июля. [...] Как и следовало ожидать, прохвост-мародер Пономаренко вместо того, ч[то]б[ы] быть преданным полковому суду, переводится лишь в другую армию... [...]

18 июня. Ужасная жара и засуха. За обедом был корпусной командир «от протекции» Сирелиус. Разговорились: Варшаву мало-

помалу эвакуируют, настроение в России, говорит, — минорное; недостаток снарядов, для подбодрения пехоты намерен сделать распоряжение, ч[то]б[ы] стреляла артиллерия⁴⁸² хоть из холостых; я эту меру признал рациональной и привел сравнение с случаями из врачебной практики, когда для успокоения пациента делаем назначение *ut aliquid fiat*⁴⁸³. [...]

От ежедневного непрерывного шума и грохота автомобилей, повозок, движения паровозов и всей мирской суеты — не в состоянии ни на чем сосредоточиться, голова идет кругом, и нервы так взвинчиваются, что вот-вот, думаешь, взбесишься; вечером лечу стрелой на край города, ч[то]б[ы] никого не видеть и ничего не слышать, но увы! — не вполне это достижимо. [...]

20 июня. [...] Немцы уже под *Люблином* и *Холмом*, а военные обозреватели и не желтой прессы продолжают в таком свете изображать действительность, что как будто не нас побеждают тевтоны, а мы их!.. [...]

21 июня. Как-то по-бутафорски и пошехонски выселяют из *Гродно* жителей известного возраста и женского пола; штабные же продолжают пользоваться вовсю утехами семейного и внесемейного счастья, раскатывая с бабьем в автомобилях (вопреки приказу Верховн[ого] главнок[омандующ]его!), коих с большим трудом выпросишь для объезда по служебным надобностям. Это миллионная доля из всех мелочей, характеризующих нравы нашего высшего служилого сословия — их отношения к уставам и закону... А как по этой части у немцев?

Приехала группа японских офицеров — какие они скромные, осмысленные, серьезные; идут и разговаривают вдумчиво — очевидно, о своем специальном деле; наши же, мне постоянно рисуются, где ни соберутся — всего менее расположены вести взаимные беседы на темы своего военного искусства, а больше лишь заняты бывают зубоскальством, погонями за бабами да размышлением об окладах денежного довольствия, чинах и орденах.

Прошел мимо памятника П. Столыпину⁴⁸⁴, и навязчиво вставал вопрос, какую роль он сыграл для России — не злого ли гения, задержавшего моих соотчичей на пути гражданского их развития?! [...]

23 июня. Выехал в санитарное *revue*⁴⁸⁵ в район располож[ения] 2-го, 34-го армейских и 3-го Сибирского корпусов. В 34-й корпус выехал и командующий. В автомобиле с врачом для поручений покатил через *Сопоцкин*, *Копциов*⁴⁸⁶ на *Лейпуны*⁴⁸⁷, *Серее*⁴⁸⁸ и *Олиту*. В *Лейпунах* и *Серее* хорошо работают без крика учреждения Всероссийск[ого] земского союза — амбулатор[ия], чайная, больница, заразные бараки и пр. Поля покрыты «волнующейся желтеющей нивой», к[ото]рая в переживании теперешнего момента уже не могла бы произвести такого благостного настроения у великого поэта, ч[то]б[ы] разгладить морщины на челе и смирить души тревогу... Местами как будто начали жать. Счастливые жаворонки не признают людской мерзости — войны: поют себе да поют⁴⁸⁹. На горизонте видны пожары. В *Олите* заночевал. [...]

Из 34-го корпуса выхватили 27-ю дивизию, отправленную на *Ковель*⁴⁹⁰. [...]

24 июня. [...] О бродячих солдатах сложилась версия — есть из них «халупники», шляющиеся по месяцам из халупы в халупу, и — «волхвы», путешествующие вдали от своих частей также подолгу, но лишь по звездам! Вопрос с венериками и сифилитиками принимает жгучий характер. Приказом Верховн[ого] главн[окомандующего] нельзя их эвакуировать в тыл, масса из них умышленно заражается, ч[то]б[ы] только уйти из строя. Не шутя приходит в голову мысль об образовании из них разве к[аких] -либо отдельных венерических отрядов!

*Бириштаны*⁴⁹¹, где расположился военный лазарет и лазарет Красн[ого] Креста. Райский уголок — курорт, запущенный; на берегу Немана — огромный парк.

Прены. Корпусной командир 3-го Сибирск[ого] корпуса Трофимов, бывший губернатор Черноморский в 1906—1907 гг. и бежавший оттуда в дни «бури и натиска». Для почета приказал дать мне 7 казаков, с к[ото]рыми я отправился уже в экипаже по плохой дороге в *Ушболе* и *Поедуне*, где располож[ились] лазарет и перевязочный отряд 8-й Сиб[ирской] дивизии. На Литве — редки деревни, а все хутора... Ночью возвратился опять в *Олиту*.

25 июня. Утром — на *Симно*, затем в *Красну*⁴⁹² и *Шестаков*. Вечер. Глухое буханье артиллерии. Бурятский лазарет с двумя

летучками. Уполномоченный — москвич Михаил Васильевич Сабашников⁴⁹³ — книгоиздатель и сахарозаводчик, он же председатель правления Университета Шаньявского. Поразговорились и согласились, что в России у нас правительство не боится просвещения, а боится лишь просвещенных людей! Чайная и закусочная Пуришкевича — в вагонах. Ротный командир жел[езно]дор[ожной] роты штабс-капитан Тыртов под названием «Сатрап», его поведение...

Заночевал в *Шестакове*.

26 июня. Выехал на *Лодзее* через *Красну* в *Вайтакеме* и *Пунск*. В *Пунске* прекрасно работает в передовом отряде Земского союза женщина-врач Серебрякова; кальварийская администрация сделала будто бы распоряжение, ч[то]б[ы] жители жгли рожь! Приготовились к «мудрому» отступлению!! С запада на восток уныло тянутся подводы с беженцами, к[ото]рые уже, очевидно, устали плакать и молча сидят с выражением на лице тупой примиренности ко всему, что случилось с ними и что еще ждет их впереди...

27 июня. [...] Наша русская история мне представляется сплошным враньем, и правду ее, мне думается, надо черпать лишь из иностранных источников. Как далека наблюдаемая теперь мной действительность от той, к[ото]рая изображается нашими корреспондент[ами] с театра военных действий — немир[овичами]-данченками, петровыми и *tutti quanti!*⁴⁹⁴ Ведь как слюняво ни расписывают щелкоперы, а несомненно одно, что серые бойцы наши ой как воевать не хотят; воевать желают лишь гранды, преследующие свои личные интересы в войне, да разве юнцы, начитавшиеся Жюль Верна, Майн Рида, Купера и Густ[ава] Энара. [...]

Корпусного врача 34-го корп[уса] Протопопова выкурили-таки наши вояки: не под кадрили он им пришелся — уж больно мягок и воспитан! Будь теперь среди нас Гаас⁴⁹⁵ — известный подвижник-врач — и его признали бы подлежащим отстранению от должности. [...]

29 июня. [...] Прибыл из другой армии один коллега — главный врач госпиталя; представляясь мне, он с большой тревогой спросил меня, а что-де при представлении и «полковнику» он его не проглотит? Я успокоил его, что при мне он для него будет безопасен. Навидался он многих начальников санитарных отделов, и все они

«орут-кричат и ничего не понимают». Начальник санит[арного] отдела 2-й армии — отставной генерал Дероберти⁴⁹⁶ — с *paralysis agitans*⁴⁹⁷, 12-й армии — отставной генерал Губерт⁴⁹⁸ — с *dementia senilis*⁴⁹⁹, весь ушел в павианское таскание за сестрами, из коих одну сделал своим делопроизводителем и с ней разъезжает по учреждениям; устраивал с сестрами раскатывания в автомобилях... Еще — отставной генерал Чистяков⁵⁰⁰ в 5-й армии (*qui pro quo*⁵⁰¹ — с ампутацией «бедра» и «плеча»)... Вся офицерская заваль, еще в мирное время признанная неспособной служить своему прямому специальному делу и уволенная поэтому в отставку генералами, в военное время признается способной для служения, но уже тому делу, к[ото]рому и в мирное время не была обучена! Это ли не сказка действительности?!

[...] Красный Крест с своими представит[елями] и агентами — пижонами в камергерских и камер-юнкерских мундирах проявляет большое засилье над военной медициной; козыряние, рекламирование идет вовсю... Безо всякой шумихи, скромно в противоположн[ость] Кр[асному] Кресту ведут свое дело организации Земского и Городского союзов. [...]

ИЮЛЬ

1 июля. [...] На днях ненадолго уехала в Петербург «божья коровка» — наш «храбрый» генерал Жнов; у меня самым непосредственн[ым] образом сорвалась с языка обращенная к нему фраза: «Ну вот, теперь Вы хотя на короткое время имеете возможность отдохнуть, забывши всякую службу»; на что он так удивленно мне ответил: «Да я и не нуждаюсь в том — служба и здесь меня нисколько не беспокоит». Только тогда я спохватился, что это так, что он — аркадский принц, канцелярия обслуживается целым сонмом надежных чиновников и офицеров, а ему — лишь подписать, затем по целым дням и вечерам белых слонов по улицам гонять. Все никак не может так же, без печали и вздыхания, устроить себя здесь наш полковник, для к[ото]рого жизнь Жнова — идеал всех его вожделений! [...]

4 июля. [...] Наши неудачные бои под *Цехановым*⁵⁰² — *Праснышем* в отражении подцензурной прессы описываются по обыкновению в духе «все совершается у нас великолепно, немцы же только обманываются в расчетах да глупость творят», «наш отход на второлнейные позиции был не вынужден, совершен в полном порядке и должен рассматриваться как удачный маневр, направленный к выигрышу пространства с целью противодействия планам противника» (*sic!!*). [...]

Мой *prognosis*⁵⁰³ касательно успехов нашего оружия: к осени потеряем всю Польшу, Прибалтийский край до *Pugi*, и в угрожаемое положение станет Петербург. Да неужели мы и затем должны воевать, несмотря на ясные доказательства, что мы не в состоянии бороться с немцем?!⁵⁰⁴ Можем ли мы отыгрываться? [...]

5 июля. День тезоименитства моих сына и брата — Сергеев. Был в соборе. Первую ектенью протодиакон не столько читал, сколько пел по нотам; что-то слышалось в ней надрывное и модернистское... Удивительно хороший напев «Святы́й Боже...» Все молятся о мире по всем склонениям и спряжениям. И в этом хоть чувствуется отрада. Как превосходит звон наших колоколов перед католическим! [...]

Прика[ом] Верх[овного] глав[окомандующ]его от 26 июня № 524 объявляется, что «при участии наших врагов» усиленно распространяются слухи по поводу отхода нашего из Галиции — об обнаруженном предательстве. «Предваряю, — говорится в приказе, — что на всякое подпольное обвинение лиц, ни в чем не виновных, или только носящих нерусские фамилии, я буду смотреть как на недопустимую попытку внести смуту в рядах армии; с виновными в распространении слухов... несомненно идущих из вражеских источников, я повелеваю...» и т.д.

Прочел из того же приказа о награждении Перхурова орденом Владимира 4-й степени, но без мечей; это главного-то врача перевязочного отряда 35-й дивизии?? Большая несправедливость! Человек по роду своей должности все время, очевидно, находился не только под орудийным, но и под ружейным огнем. Вопиющая обида! [...]

6 июля. [...] Из нашей армии все выхватывают по крупным частям: после 27-й дивизии берут теперь и 53-ю дивизию; 34-й корпус

растаял. В России, говорят, формируются новые корпуса и пушечного мяса еще много, но беда в том, что нет снарядов, патронов и орудий... [...]

Поздно, совсем ночью, как Никодим, пришел ко мне профессор Вас[илий] Ник[олаевич] Болдырев⁵⁰⁵ по делу о противогазных средствах, имеющих, как и все наши мероприятия, свою грустную историю... [...]

8 июля. Праздник Казанской Божией Матери. [...] Был у обедни в соборе. «Заступница усердная...» Был молебен и крестный ход. Собрался в церкви весь военный и губернский олимп. Боже мой! Всмотрелся я сегодня в коменданта крепости Кайгородова: типичный клинической формы рамолик, выражение лица слабоумное, при осаде крепости вся, вероятно, надежда будет на его жену — полную жизни энергичную даму типа русской боярыни. Губернатор — свиты Его Вел[ичеств]а генерал-майор Шебеко⁵⁰⁶ — геморроидального вида субъект, но с выражением в лице, как и у нашего «храброго» полковника, импульсивной решительности сесть на белого коня, въехать в стогны мирно живущего города, всех перепороть и сжечь в нем гимназию... Был приехавший с фронта полевой атаман Покотило⁵⁰⁷ — толстая, благодушного вида фигура, еще — сестра милосердия фрейлина Данзас с золотой медалью на георгиевской ленте, полученной, разумеется, только потому, что все вверху стоящие у нее ручки целуют. Надо все же ей отдать справедливость за ее усердную работу. А интересно было бы математически точно учесть, много ли оказалось бы лиц, добровольно пожелавших трудиться на пользу страдающих воинов — так, безо всякой корысти, без получения всяких медалей? Было бы — увы! — весьма мало.

Служба церковная прошла торжественно; молились о ниспослании победы нашему оружию, хотя — ох уж эти молебны, к[ото]рыми хотят компенсировать то существенное, чего у нас не хватает... Командующий наш Радкевич уж тем хорош, что в нем нет хамства, прост в обращении и всегда приветлив, со всеми равен. [...]

9 июля. «Успешно отбиваем атаки», «тесним противника», наносим ему «существенные потери», а сами все пятимся и пятимся назад. Совершается какое-то конвульсивное брыканье. От Ков-

но⁴⁹⁵ войска наши отошли, предоставивши ее своим собствен[ным] силам. Офицерские семьи подумывают о выезде на этих днях из Гродно. Остроленка, Новогеоргиевск⁵⁰⁸ уже бомбардируются неприятелем. Победа, победа, хоть маленькая победа нам нужна, иначе будет то, что было с куропаткинской армией; наши уже сдаются массами... [...]

10 июля. После нескольких дождливых дней опять прояснилось. В последнем № «Вестника X армии» нет никаких известий от штаба Верховн[ого] главн[окомандующ] его касательно происходящих событий ни в Риго-Шавельском, ни в Наревском, ни в Люблино-Холмском театрах военных действий. Не думаю, ч[то]б[ы] отсутствие вестей оттуда было знамением чего-либо хорошего для нас. За всю текущую кампанию я не припомню, ч[то]б[ы] нашими стратегами совершен был хоть один крупный мастерский бросок — маневр по «*made in Germany*»⁵⁰⁹, а все время знаем только, что «отбрыкиваемся»...

К легендам о «зверствах» германцев пущена еще одна — о расстреле якобы 5000 наших пленных. Я не сомневаюсь в выдуманности этого мнимого факта, что в связи с приказами Верховн[ого] главнок[омандующ]его относительно лишения положенных продовольствен[ных] пайков семей сдавшихся в плен наших воинов имеет практический *raison d'être*⁵¹⁰ в смысле воздействия на них, ч[то]б[ы] держались крепче. [...]

11 июля. Погожий день. Немцы здорово прут нам в обхват; с Риго-Шавельского фронта направляются на Двинск⁵¹¹; бомбардируются Ивангород, Новогеоргиев[ск]. Называют весьма серьезные и наиболее важные за всю кампанию побоища, обещающие быть решительными...

Ближайшим этапом для нашего штаба армии при отступлении является Лида⁵¹². [...]

12 июля. За обедом присутствовал генерал Вебель, командир 34-го, растаявшего теперь корпуса, отправляющийся в резерв. Только посмотреть на сего генерала — так ужас берет за судьбуверяемых его командованию тысяч людей!

Среди порядочной части штаба настроение угнетенное, в лицах их читается плохо скрываемое чувство стыда за действия нашего

высшего командования. Дня через 2—3 должна решиться участь *Варшавы*. Подымает меня на юродство: подать рапорт о назначении меня командиром части, также и многих из корпусных врачей — а во главе санитарных отделов пусть продолжают состоять командиры полков да отставные генералы. Не будет ли так лучше для успехов нашего оружия? Ввиду же большой тяги офицерства на санитарные должности предложить врачам и военным чиновникам замещение офицерских должностей в войсковых частях. Авось тогда скорее победим! [...]

13 июля. Беспыльная чудная погода. Зашел в табачный магазин запастись рижскими сигарами, которых потом, пожалуй, и не раздобудешь, по крайней мере — по сносной цене. Евреи (чуткий барометр!) в тревоге спрашивают меня: «Не полезут ли опять сюда немцы?» Ответил, конечно, успокоительно. По целым дням в вышине реет «*ballon captive*»⁵¹³ (колбаса!). [...]

14 июля. Немцы переправились через Нарев; 37-й пех[отный] полк⁵¹⁴ наш весь истреблен. С шавельских позиций мы отступили к *Поневежу*⁵¹⁵. По официальным телеграммам выходит, что произошла перегруппировка наших войск, в результате коей оставленные нами позиции потеряли для нас свое значение, мы-де под *Шавлями*⁵¹⁶ осадили только свой центр, и план немецкий окружения наших войск рушился, а свелся-де лишь не к решительному удару, а только (хорошо это только!) к территориальному выигрышу! Значит — ура! Наша взяла! А территориальный выигрыш ведь скоро может дойти и до Смоленска! Это все — ничего... Неподражаема тонкость диалектической изошренности и изысканных софистических ухищрений нашей прессы! [...]

15 июля. [...] Писарь⁵¹⁷ нашего отдела подал докладную записку с просьбой о его переводе в его «родной» полк (8-й Финляндский). Меня очень заинтриговало его желание переменить свой род службы — сравнительно теплое, безопасное место в канцелярии — на место в окопах; побеседовал с ним, ч[то]б[ы] проникнуть в его душу; отвечал, что очень тянет его к своим однополчанам, а то-де служить ему здесь, в отделе, стало «оскорбительно»!.. [...]

16 июля. С фронтов ничего нет утешительного. [...] Формируется новых 15 корпусов. Немцы елико возможно стараются живую

силу заменить техникой, мы же — наоборот: ее недостаток думаем компенсировать количеством шапок!..

Читаешь приказ по в[оенному] в[едомству] за 1915 г. № 78, где подробно описывается... новая форма нарукавной повязки Красного Креста взамен формы, объявленной в приказе за 1869 г. № 89, или тому же подобные приказы с подробным изложением происшедших перемен по части всяких крючков, петличек и пуговиц... и диву даешься — жизнь как будто идет по-прежнему. Ну, за эту бюрократическую схоластику зато нам и всыпают немцы! Мир полон праведных наказаний и заслуженных возмездий. [...]

17 июля. Ровно год как продолжается наша злосчастная война. «Встань, проснись, подымись», мужичок... Что у тебя было, что стало и что теперь есть благодаря успехам российского оружия?!

Под большим секретом осведомлен, что *Люблин* нами очищен. Вопрос, видимо, короткого времени, когда мы очистим весь район Вислы и отойдем в своей «перегруппировке» на линию *Ковно — Гродно — Брест-Литовск*. В голову навязчиво лезет басня о проказнице мартышке, осле, козле и косолапом мишке... Музыканты наши все пересаживаются, да будет ли от этого толк какой — сомневаюсь⁵¹⁸. Наша администрация и все военное сословие требуют для блага России радикальнейшего перевоспитания: хоть маломальски они должны просветиться, трезвым умом познать самих себя и стать в совестливые отношения к окружающим; а успеют ли они хотя по сокращенному курсу пройти эту школу в наступающую вторую годовщину кампании?! Теперь же пока чего не тронь — все смердит и воняет... [...]

19 июля. [...] *Варшава* доживает последние денечки своего российского подданства; вывезли оттуда, говорят, все; осталось только снять колокола, да нет пока мастеров сего дела...

Сестра милосердия передавала мне со слов беседовавших с ней раненых солдатиков, будто бы в боях лучшими оказываются прапорщики, нежели настоящие кадровые офицеры-трусы, с к[ото]рыми бесцеремонно они расправлялись по-своему: тут же их прикалывая или пристреливая. И поделом.

Японец «Николай Иванович», наблюдая наши нравы, сообщил мне, что у них, в противоположность нам, офицеры гораздо

ближе стоят к солдатам, между же собой — дальше. Так и запишем. [...]

20 июля. Штаб фронта из *Седлеца* передвинут в *Слоним*⁵¹⁹. Немцы методично нас выпирают. В соседних с нашей армиях и в галицийских (на южном фронте) появилась холера. [...]

21 июля. Уже не секрет: немцы заняли не только *Люблин*, но и *Холм*. Газеты полны захватывающего интереса начавшимися отчетами о заседаниях Госуд[арственной] думы. Хорошо сказал Родзянко⁵²⁰, вышло даже стихами:

Никогда не быть ничьей рабой
Великой матушке-России...

На душе у меня так тяжело, тяжело; чувствую себя как бы во вражеском плену. Ничто меня не радует. Отнята у меня бедная *Ляля*, в недалекой перспективе предстоит, вероятно, то же и с *Сережей*, если уйдет на войну.

22 июля. Со стороны *Мариамполя* — *Кальварии* немцы сильно напирают на нашу армию. В *Вильно* все до последнего почти человека выгнаны рыть окопы. [...]

23 июля. По секрету узнал, что сегодня *Варшава* сдана. *Ивангород* — тоже, *Новогеоргиевск* — охватывается противником; скандал: взят в плен начальник штаба сей крепости, выехавший с планами в автомобиле совсем недалеко от нее. Сами сыны Марса не без изумления задают мысленно вопросы — что будет в *Гродно*, если будет в осаде, где создается совсем опереточное положение? Одна в этом случае надежда на комендантшу *Варвару Алексеевну Кайгородову*!! [...]

Вечером выехал по железной дороге на *Вильно*, ч[то]б[ы] затем проехать по этапам военной шоссейной дороги на *Вилькомир*⁵²¹ (верст 80 к с[еверо]-з[ападу] от *Вильно*) — для борьбы с появившимися заболеваниями холерой в полках 2-й Финляндской стрелковой дивизии, только что возвратившихся из Галиции. В соседней 12-й армии холера уже косит массу жертв.

В *Вильно* приехал ночью; решил заночевать в одной из гостиниц при станции («Венеции»). Завтра рано утром отправлюсь раздобывать автомобиль, ч[то]б[ы] побывать на этапах — в *Мейшаогле*⁵²²,

*Ширвинтах*⁵²³ и добраться под конец до штаба Финлянд[ской] дивизии в *Вилькомире*.

24 июля. [...] Был в окруж[ом] санитар[ном] управлении, познакомился с окружным инспектор[ом] Рябининым — полной развалиной; сообщил он мне, что холера теперь гуляет по всей Виленской губернии, занесли-де ее — рабочие, к[ото]рых в несметном количестве выгнали из соседних губерний рыть окопы; не исключал возможности, что немцы-де бросают нам холеру с аэропланов!!!

Под *Вилькомиром*, куда я направляюсь, кипит бой. Общая потеряемость... И Вильно, и Двинск, и другие важные пункты немцы возьмут пустыми руками; ничего у нас не предусмотрено... Что теперь могут сделать против напора немцев наскоро делаемые по направлению ко всем сторонам света наши полевые окопы?.. [...]

25 июля. Утром рано вместе с уполномоченным Бурятского отряда М.В. Сабашниковым покатали на *Вилькомир* в штаб дивизии. По пути заехали в *Вилейки*, где в отличном барском доме генерала Банды разместилось хирургическое отделение Бурятского отряда. Масса тяжелораненых... Картина: среди солдат — женщина с распущенными встрепанными волосами, как больная — обезумевшая от ужаса беженка... Все время хохочет...

Проехали *Пошелины*⁵²⁴, где штаб отряда 1-го и 2-го Кубанск[ой] казачьей дивизии; начальник отряда Тюлин⁵²⁵ произвел на меня хорошее впечатление своим спокойствием; посвятил меня в свои замыслы... Ожидается бой между *Нотоки* и *Надоки*, сделал он распоряжение перейти в наступление, ч[то]б[ы] отбросить за реку Свенту неприятеля. В *Пошелинах* расположился и Евангелический передовой летучий отряд.

Около 12 часов дня был уже в *Вилькомире*. Устроил совещание с врачами отрядным (Идельсоном) и дивиз[ионным] (Деполович), дал инструкции. В *Вилькомире* — передовой летучий отряд Бурятский и штаб 2-й Финл[яндской] дивизии; начальник дивизии генер[ал]-майор Кублицкий-Пиотух⁵²⁶ — из типа генералов, стоящих за свечами в церквах. [...]

26 июля. В 11 часов утра сел в поезд, отходящий из *Вильно* на *Гродно*. Грустно смотреть на надписи на вагонах — «Варшава — Петроград»...

В заседании Госуд[арственного] совета от 24 июля графом Бобринским⁵²⁷ сделано внеочередное заявление: «Варшава взята...» Старцы совета на это прокричали традиционное «ура»!! [...]

Сел в купе, в к[ото]м поместились затем нек[ото]рые штаб-офицеры и один судейский генерал. Разговоры — возбужденного характера, ругательски ругают начальство и систему комплектования командного состава по протекции и связям; рассказывают ужасные вещи; один подполковник, специалист по пулеметной части, в открытую рассуждал так, что любой революционер; до корня-то они все-таки не договариваются. И все эти громоносные критики, замечал я, ругая начальство и осуждая режим (и совершенно справедливо!), свою акцию дальше языка не простирают, и всякий из них или уже устроился, или же лишь стремится устроиться где-нибудь, ч[то]б[ы] было и потеплее, и посытнее, и побезопаснее, и подоходнее... Но и то хорошо, *ut desint vires tamen est laudanda voluntas*⁵²⁸. [...]

30 июля. *Ковно* энергично штурмуется тевтонами, взято несколько фортов!! С падением этой крепости неизбежен будет скорый отход нашего штаба из *Гродно*, где уж очень зажились наши вояки и до нестерпимости провоняли. Какие умные стратеги — немцы, какой колосс в этом отношении Вильгельм! Что перед немецкими планами и размахом действий — крохоборческое топорное поведение наших дуболобых маршалов?! Снобов — головотяпов!! [...]

31 июля. Немцы уже заняли *Седлец*, *Луков*⁵²⁹, *Соколов*, *Ломжу*... Наступление их мне представляется настоящим триумфальным шествием, и каким-то наглым издевательством над читателем отзываются помещаемые в газетах статьи вроде «Сознание германцами своего бессилия» и пр. *Новогеоргиевск* предоставлен нами своим силам и окружен неприятелем; гарнизона там около двух дивизий; германцы эту крепость прямо-таки оставят, пожалуй, без всякого внимания — она им теперь не мешает. *Ковно* еще держится. Сердце щемит от боли при воображении, как ликуют теперь тевтоны. Вот наши военачальники, если бы обладали талантами с такой же виртуозностью обходить неприятеля, с какой они умеют обходить законы, и столько бы ярости изливали на него, сколько расточают в отношении им подвластных чинов! [...]

АВГУСТ

1 августа. Погода стоит хорошая. [...] А об утраченной *Варшаве* хочется плакать как о живом, родном человеке... Немцы завоевали теперь, в сущности говоря, целое Царство Польское и почти всю Прибалтику. Скольکو уже за короткое время ими завоевано наших губернских [городов] — и *Владимир-Вольнский*⁵³⁰, и *Ломжа*, и *Люблин*, и проч., и проч. Точит, грызет, разъедает меня неотвязная скорбь при безотрадном сознании нашей полной неспособности бороться с умным и искусным противником. Берет жуть... Изнуряющая атмосфера неприглядной российской действительности... [...]

3 августа. После обеда приехал мой Сергей. [...]

4 августа. Ночью немцы штурмовали *Ковно* и более чем наполовину ей овладели; сообщение с *Кошедарами*⁵³¹ прервано; как ни улыбался и ни строил быть обычно настроенным Радкевич, но на челе его выражалась большая тревога и озабоченность. Семьи от штабных начали выезжать. Из *Вильно* по распоряжению главнокомандующего идет усиленная эвакуация, между прочим — колоколов и всяких металлических изделий. В *Соколку* переходит штаб 12-й армии. Приехавший из-за *Красно* д-р Щадрин привез недобрые вести об операции в направлении к Мариамполю 26-й пех[отной] дивизии, к[ото]рую немцы искрошили вдребезги — так несвоевременно был отдан приказ об атаке⁵³²; казачьи офицеры будто бы весьма возмущены и настроены весьма «лево» нелепыми распоряжениями начальства, очень сильно пострадал 104-й Устюжский полк⁵³³, 102-й Пермский⁵³⁴ — отказался идти в атаку. Около полуночи прибежал ко мне земляк — главный врач сводн[ого] запасн[ого] госпиталя Новиков, весьма взволнованный, с сообщением от железн[о]дор[ожных] служащих, что *Ковно* пала, спрашивает — верно ли, ч[то]б[ы] теперь же сплавить свою жену. Успокоил его и обещал завтра дать ему достоверные сведения по сему предмету.

5 августа. [...] Перемещается Гродненск[ий] тыловой эвакуацион[ный] пункт с госпиталями к серверу; эвакуируется и Гродненский местный военный госпиталь; *Гродно*, значит, как крепость, не предназначается играть роль как таковой; за обедом Радкевич шутя спрашивал, куда же придется деть комендантшу

и коменданта... Командующий 26-й пех[отной] дивизией Тиханович⁵³⁵ смещается с должности. [...]

6 августа. Преображение Господне. С Сережей были в соборе у обедни, наслаждались ангельским пением. Корпуса наши отходят; из *Осовца* привезли 200 чел[овек], отравленных удушливыми газами. За обедом наши ферлакуры интересовались, ушел ли цирк, действуют ли кинематографы и прочие капища...

Ковно взята немцами; по поводу сего позора даже сама «валамова ослица» — дежурный генерал Жнов — изрекла умное слово, что-де здесь не недостаток снарядов причиной, а сами люди — командующие в лице коменданта крепости⁵³⁶ и начальника штаба, к[ото]рые постыдно бежали и теперь должны быть преданы суду; паника всеми так овладела, что при отступлении — бегстве даже не догадались взорвать уцелевшие форты. Полная разруха нашего воинства, страшно и представить себе, что нас ожидает впереди.

В *Вильно* перейдем, может быть, еще через неделю; с собой туда же тащат и «штабных» сестер, в маневрировании к[ото]рыми в угоду штабным шалунам так искусился наш «храбрый» — «боевой» полковник, ради получения генеральск[ого] чина, кажется, готовый предоставить для пользования начальству свою родную дочь... Боже мой, какой омут грязи и всевозможного свинства; я, кажется, накануне бесповоротного решения уйти совсем из этого проклятого «оврага». [...]

7 августа. В Ковенской крепости, к[ото]рую так постыдно сдали, оказывается, было такое количество снарядов, что превышало количество их чуть ли не во всех армиях! Ни начальство, ни войска гарнизона не были совершенно ознакомлены с фортификационными и топографическими условиями своей крепости и блуждали в критическ[ий] момент в ней, как в темном лесу. Теперь зато в ней скоро разберутся немцы, переставляющие наши же пушки для действий против нас. *Бельск*⁵³⁷ занят немцами, в их руках, значит, и Беловежская пуща. [...]

Встретил командующего 26-й пех[отной] дивиз[ией] генерала Тихановича, потерпевшего аварию (из дивизии составом около 10 тысяч челов[ек] было зря выведено из строя около 3 тысяч человек), — увольняется по золотому мостику: как-де переутомившийся и

расстроенный нервами не проявил свойственной ему всегда энергии, а потому эвакуируется!! [...]

8 августа. Дела наши — табак; настроение у всех подавленное. Офицерство сознается, что виной наших неудач являются не отдельные лица, а что-то более общее...

Новогеоргиевск пал под ножи врага. В *Пернов*⁵³⁸ немцы произвели десант. До Петербурга по сухопутью — рукой подать! *Гродно* как крепость упразднена; крепостной инженер Колосовский⁵³⁹ едет в *Оршу*⁵⁴⁰ для постройки «полудолговременных» укреплений; местный госпиталь переводят, кажется, в *Могилев*⁵⁴¹.

Как крысы с корабля перед бедствием — картина выселения людей и разных учреждений. Зашли с Сергеем ко всеобщей в собор — препечальное зрелище: снимают образа, люстры и пр. для эвакуации. [...]

9 августа. Жалею, что вчера вечером не был в штабе за ужином, за к[ото]рым собрались прибывшие высшие чины штаба 1-й армии во главе с Литвиновым. Сегодня за обедом наш командующий передавал возле него сидевшему корпусн[ому] командиру Евреינוву⁵⁴², что в числе других задач нашей армии предстоит одна из трудных — выкарабкаться подобру-поздорову из того положения, в коем она очутилась. Беспокоюсь за моего гостя Сергея, ч[то]б[ы] успеть его благополучно сплавить восвояси.

За столом полковник Плющик-Плющевский⁵⁴³ с жаром рассказывал, как он сделал храбрый наскок на... врача-«жида», к[ото]рый ему не так отдал честь! Соседи по столу от удовольствия гоготали. Боже мой! Какая злобность против врачей, де еще «жидов» у наших вояк, повертывающих свой боевой фронт не в сторону настоящего неприятеля, к[ото]рого должны были бы бить нещадно, а в сторону беззащитных, безобидных людей...

Начальник штаба Попов похвально отозвался о нашем «аркадском пастушке» генерале Жнове, что он своим ферлакурством и весело-шантанным настроением поддерживает бодрость в оперативном отделе!

В сообщении сведений по текущим злобам для друг друга штабные опасаются; впечатление получается, что как будто друг в друге видят Мясоедова. Тем не менее все секретнейшие вещи отлично бывают известны всем, даже и не военным!

[...] На вокзале страшная толчея — масса уезжающих, не хватает поездов. Вчера зато с удобствами проводили и погрузили цирк с наездницами! Многие офицерские дамочки, садясь в вагоны, переодеваются сестрами милосердия, ч[то]б[ы] только проехать даром с другими льготами! Все это так нагло фальсифицируется; у нек[ото]рых даже имеются фальшивые свидетельства сестер милосердия! [...]

10 августа. Сегодня отправилась на *Вильно* дежурная часть, но вместо назначен[ных] по распределен[ию] 9 час[ов] утра — вечером; это назыв[ается] «*made in Russia*»⁵⁴⁴! Завтра выступает наша часть и этапно-хозяйственная, а после уже — квартирмейстерская. Под *Ландваровым*⁵⁴⁵ встречаются уже кавалерийские разъезды. Не сегодня завтра железн[о]дорожн[ое] сообщение *Гродно* — *Вильно* может быть прервано. Куда мы дальше тронемся и как скоро — неизвестно. Боюсь, как бы Господь у наших военачальников в наказание не отнял бы совсем разума.

Фон Будберг получил дивизию! До нового обморока и расстройства нервов, когда ему придется опять эвакуироваться для поправления своего драгоценного здоровья после того, как учинит еще какую-либо бессмыслицу ценой новой катастрофы. [...]

11 августа. [...] В *Белосток* поезда перестали ходить; приходящие же в *Гродно* с севера идут отсюда обратно. Публика спешно выселяется. Пассажирское движение совершается без расписания. Московских газет второй день не получаю. Поезд наш тащится по-черепаши, с большими остановками; то же — и с другими поездами. И это представляется каким-то феноменальным контрастом с бешеной скоростью творимых немцами событий — методично, систематично и планомерно. [...]

12 августа. [...] Вести о наших сухопутных делах — скверные. *Осовец* пал. Счастливый частный успех нашего флота в Рижском заливе газетами возведен в блестящую победу. Так у постели тяжело больного малейший симптом улучшения истолковывае[т]ся профанами к[а]к нечто, обещающее его выздоровление, но — увы!.. [...]

В 4 часа пополудни часть нашего отдела со мной и этапно-хозяйствен[ная] часть двинулись на *Молодечно*⁵⁴⁶ к конечному пункту назначения — в *Вилейку*⁵⁴⁷.

13 августа. Большое движение поездов с беженцами, вагоны набиваются сверх всяких норм, садятся на крыши вагонов. Около 11 дня прибыли в *Вилейку*. [...]

14 августа. [...] Эвакуируются из *Вилейки* казенные учреждения, пришедшие сюда недавно из *Вильно*; нек[ото]рые следуют в места чудесного названия... в Рязань!

[...] На плакате, вывешенном в вокзале, значится объявление на подписку «Голоса Руси», на нем изображен портрет Столыпина, а под ним выпукло пропечатаны его слова: «Вам нужны великие потрясения — нам же нужна великая Россия». Посмотрел бы этот временщик теперь на эту «великую Россию», своим величием много ему обязанную!

Пассажирского поезда, к[ото]рый по расписанию должен был бы уходить в 5 часов утра, я прождал с Сережей до часу ночи. Страшно измучился за него, убеждавшись, что ему предстоит ехать в тесноте и давке. Так и случилось: еле-еле его я втиснул в вагон. [...]

17 августа. [...] С какой головокружительной быстротой немцы отобрали от нас ряд городов, и такие крепости, как *Ковно*, *Осовец*, *Ивангород*, *Новогеоргиевск* и *Брест*! От таких успехов прямо-таки можно им угореть, а нам прийти в отчаяние. Постепенный-де отход наш с боями на восток, — подчеркивается штабом Верх[овного] главн[окомандующ]его, — совершается спокойно, свободно, не имеет-де характера вынужденности, а производится согласно и в соответствии с полученными нашими войсками приказами на основании разработанного верховным командованием плана! [...] О, как бы уместен теперь был благовест свыше, к[ото]рый всех бы объединил в любви, взаимном доверии, всепрощении! Чудный и счастливый момент для монарха! Удовлетворить всех обиженных, злобствующих, недовольных! Из Копенгагена телеграфируют, что из Варшавской тюрьмы немцы выпустили всех политических заключенных! [...]

18 августа. [...] Прибывшие из *Вильно* передают, что там творятся невообразимые безобразия. Из *Гродно*, из *Ковно* туда понаехала еще масса человеческого мусора — идет всюю «пир во время чумы». Та же Маньчжурия, но без водки (вернее — с меньшим количеством

водки!). Картина полной во всем дезорганизации, не видно и не чувствуется руководящей могучей руки; стоим несколько дней в *Вилейке*; неизвестно, кто здесь начальник, солдаты распускаются, полный разброд, буквальный хаос, кто в лес — кто по дрова. Никакого наблюдения за порядком в городе, никто не заглянет, не понаведается в местообиталища подозрительных лиц, ч[то]б[ы] убедиться, нет [ли] подземных к[аких] -либо кабелей, беспроводных телеграфов... В нескольких верстах отсюда живут, напр[имер], преспокойно какие-то немцы-помещики... [...]

20 августа. [...] Созвал сегодня заседание санитарно-исполнительной комиссии, председательствуемой обычно предводителем дворянства Березиным. Боже мой, какой ужас полнейшей беспомощности и мерзости запустения по части санитарного и лечебного обеспечения населения! На весь уезд один только врач (он же и городской) с двумя *quasi*-фельдшерами, в городе лишь имеется одна больничка на 14 кроватей, вмещающая теперь вдове большее количество б[ольны]х, из них много заразных. Больничка — в убогом, тесном помещении, настоящий катух! [...]

21 августа. [...] Сообщение между *Гродно* и *Вильно* прервано, т[а]к к[а]к немцы уже в *Оранах*. Как идут дела нашей армии, не знаю, не будучи сам у первоисточника; брехне же всякой не верю; но из более или менее достоверных источников сообщали мне, что в *Молодечно*⁵⁴⁸ на днях выливали из винных складов спирт, и был большой скандал; сегодня же оттуда проследовал через *Вилейку* поезд с каким-то учреждением — нижние чины были безобразно пьяны. [...]

23 августа. [...] Из нашей армии эвакуируется ежедневно на *Вильно* и *Ландварово* раненых до 3 тысяч чел[овек]. Идет большой убой. *Гродно* взят немцами. Передают, что под *Оранами* сильно пострадал Семеновский гвардейский полк⁵⁴⁹. Штаб С[еверо]-З[ападного] фронта перешел в *Смоленск*. [...]

24 августа. Дождь, ветер, какой-то злоеющий шум деревьев. Уныние становится основным лейтмотивом моей изболевшейся (может быть, и стареющей?) души. С беспокойством взираю во мрак будущего. Неудержимо тянет отрясти прах от окружающей мерзости, но куда мне уйти, когда дома мне будет еще грустней?.. [...]

Сегодня местные обыватели, частью беженцы (из них много интеллигентных лиц) жаловались мне на «засилье» над ними, но не немцев, а наших офицеров, особенно штабных, творящих всякие грубости с угрозами «побить морду»...⁵⁵⁰ Сыны Ваала, то бишь Марса, никак не могут понять, что они — для граждан, а не граждане — для них. [...]

26 августа. [...] Не двигаемся пока ни мы в *Вильно*, ни оттуда не прибывает к нам сюда штаб; по обывательским сведениям, на днях должен прибыть в *Молодечно* штаб 1-й армии; мои старушки стали раскладывать свои увязанные было вещи, т[а]к к[а]к все никак не дождутся поезда. [...]

27 августа. [...] Прочитал радиogramму у коменданта, гласящую, что 25 августа в 6 час[ов] вечера из Ставки на Кавказ к новому месту службы отбыл великий князь Николай Николаевич, сердечно провожаемый государем императором. Что сие значит? Комендант же мне передал, что читал он уже и приказ Верховн[ого] главнок[омандующ]его, объявляющий войскам, что в предводительствование ими вступает сам государь. К добру ли все это? Как-никак, а Николай Николаевич, как мне приходилось всегда убеждать, все-таки был очень популярен и среди войск, и среди даже нашего общества — в тылу. В Ставке теперь и сам государь, и его *tatam*, и весь пышный хвост семейный и придворный⁵⁵¹. Страшно и вообразить, что теперь будет твориться в штабе; ничего не будет мудреного, если в Ставку скоро прибудет и Распутин⁵⁵² — получится весьма скверный анекдот. Премрачно взираю на грядущее!.. Господи! Не отшибай Ты у кормчих нашей измученной России последнего здравого смысла и чувства долга перед родиной, дабы не было бы места сатанинскому смеху над нами у противника! Но вот и снаряды будут подвезены, и фронт будет выровнен, и жиды будут обезврежены, а будем ли мы способны к победоносному наступлению?.. «Верить бы готов, но жизнь надежды разбивает». Не одолеть нам немцев! Если верно, что «человек делается тем, что он думает», то я должен бы быть теперь огнедышащим гневом и злобой. Среди военщины не вывелось еще несколько это пагубное для дела «мы» и «вы»; «мы» в засилии над «вы» доходят до садизма, доводя обидами и несправедливостями этих «вы» до мазохизма... «пораженчества»! [...]

28 августа. [...] Только что приехавший из *Вильно* писарь до сих пор не может еще прийти в себя от пережитых впечатлений тех безобразий, к[ото]рые там теперь творятся: сплошной публичный дом! Масса «живого товара» задержалась там, да еще больше понаехало из *Варшавы, Гродно, Ковно...* Маньчжурия без водки!

[...] Состоялся уже приказ по армии и флоту от 23 авг[уста] о том, что предводительствование на себя берет государь; Никол[ай] Николаевич назначается наместником Кавказа, его помощником — Янушкевич⁵⁵³, главнокомандующим нашего фронта (Западного) — Эверт⁵⁵⁴. [...]

29 августа. [...] Прибывший из Вильно чиновник передает, что у нас в отделе настоящий сумасшедший дом. Я так и ожидал... Продолжается та же мышьяная беготня и насекомоядная возня. Солдатики будто бы подбодрились в сознании, что количество снарядов поприбавилось, бьются с ожесточением; говорят они так: «Чего там, что канитель тянуть; раскатать бы поскорее, да пора по домам; затылок⁵⁵⁵ бы был теперь у нас как следует запущен, да кучера бы нами как следует правили...» Наша армия вошла теперь в Северный фронт (там же 5-я, 6-я и 12-я армии). [...]

30 августа. [...] Живя в благодатной *Вилейке*, я все же значительно укрепляюсь нервами — не вижу виленского содома. Приехавший оттуда мой солдатик из отдела метко выразился, что там «начальство все перемешалось...» Пообобрал все последние сливы в саду, нарвал баклажанов, огурцов. Лечусь райской тишиной. Отдыхаю и умиляюсь душой, что созерцаю в этой глуши сморкающуюся в кулак и едзящую на волах нашу «самобытную» культуру... Посещают временами даже мысли, что как бы хорошо было отрясти прах от всяких плодов просвещения!.. [...]

31 августа. [...] Немцы шибко прут на *Свенцяны*⁵⁵⁶ и *Поброды*⁵⁵⁷ и скоро, думается мне, отрежут нашей армии движение не только на *Двинск*, но и на *Полоцк*⁵⁵⁸. Остается дорога лишь на *Минск*. Когда же мы, наконец, «перегруппируемся», «выровняем фронт» и ударим вперед? Мне кажется — никогда. Немцы умеют что надо им брать, а взявши — не отдавать; вышиби-ка их теперь и потом из тех мест, где они укрепились! Те же самые наши крепости, наши беспредельные болотные пространства — разве они не послужат для

противника отличной защитой от нас же впоследствии? Действия наших военачальников кажутся мне совместными действиями лебедя, рака и щуки... Нет для армии «кучеров» хороших; «*made in Germany*»⁵⁵⁹ мы противопоставляем лишь одну видимость. Нас по частям разобьют немцы. Да и союзники-то наши на западном фронте лишь сотрясают воздух пальбой, и дальше ни с места. Не сегодня завтра немцы займут *Ригу, Двинск, Вильно*, а военные обозреватели все будут успокаивать нас, простаков, репликами, что «мы отходим не под влиянием неудач, а вследствие невыгодной стратегической обстановки» (*sic!*)⁵⁶⁰. Из винных складов выливаются огромные количества спирта, что сопровождается еще более огромными безобразиями: напиваются самые акцизники, жители — нужные работники, бабы, даже дети, а также солдатики. [...]

СЕНТЯБРЬ

1 сентября. [...] Около 5 час[ов] вечера прибыли ко мне врачи первого лазар[ета] 8-й Сибирск[ой] дивизии, сообщивш[ие] мне, что они, следуя по приказу на *Свенцяны*, попали под расстрел, что немцы завладели этой станцией, а также *Подбродзе*, и прут к востоку наперерез жел[езной] дороги от *Вилейки* на *Полоцк*; перерезано и забрано будто бы неприятелем много наших обозов, в том числе продовольств[енный] транспорт 3-го Сибирск[ого] корпуса. Врачи спрашивали, как им быть, т[а]к к[а]к потеряли связь с дивизией и боятся, что лазарет их со всем имуществом, прибывший в *Вилейку*, попадет в руки неприятеля. Я, признаться, скептически отнесся к показаниям коллег, и объяснил все это лишь их мандражом... Но великое мое было удивление, когда, гуляя, я уже поздно вечером зашел к судейским и увидел, что они поспешно укладываются; на вопрос, в чем дело, мне отвечали, что немецкая кавалерия в 25 верстах от *Вилейки* и заняла уже станцию *Кривичи*⁵⁶¹. Что, думаю, за диковина — отправился к коменданту города Иванцову; оказывается, и у него идет спешная укладка. На вопрос, почему я лишь случайно узнаю, что обстановка наша так внезапно изменилась, он отвечал, что послал мне официальное извещение уже часа 4 назад! Дал мне прочитать телеграмму от дежурного генерала штаба,

в коей предписывается ему безотлагательно заняться подысканием помещения под штаб со всеми его учреждениями и частями — под *Молодечно* и его окрестностях. При мне уже была им получена другая телеграмма с приказанием от начальника штаба разыскать генерала Потапова⁵⁶² и передать ему ее; в телеграмме говорилось, что неприятель подступил к *Ишане* и *Широковщине*⁵⁶³, что-де надо собрать все имеющиеся в наличии войсковые силы, ч[то]б[ы] удержать противника. Канцелярия коменданта переполнилась массой офицерских чинов, к[ото]рые возбужденно осыпали его вопросами; для всех было полной неожиданностью случившееся. Все волновались; картина полной растерянности; кто в лес — кто по дрова. Каждый старался лишь о том, ч[то]б[ы] вперед других удрать из грязной истории. Волнение объело все население благословенной Вилейки. Ночь была претемная, а комендант скомандовал, ч[то]б[ы] все обозы уже выступали теперь же, не дожидаясь рассвета. Наступил неопикуемый кавардак, бестолковое метание всех из стороны в сторону; не чувствовалось мощной авторитетной командной руки. Слухи нарастали один другого тревожнее. Стали искать Потапова — никто не знает где и даже кто он; послали казаков...

Прощай, моя тихая келейка, оставляю здесь собранные баклажаны, к[ото]рые нельзя увезти; скоро и я уложился. Обоз, за неимением жел[езно]дор[ожного] подвижного состава, должен был идти; я с судейскими около 12 ч[асов] ночи засел в первый отходящий в *Молодечно* воинский поезд, набитый людьми, как бочка селедками; поместился кое-как на тормозе товарного вагона; слева на горизонте пылали зарева пожарищ; соседями моими оказались новобранцы; один из них в разговоре с товарищем об успехах противника с досадой выразился: «Да что это такое — Бог ли, черт ли все помогает германцам!» [...] Перед выездом из Вилейки узнал, что в *Парфяны* идет на выручку целый корпус 1-й армии.

Около 3 час[ов] ночи прибыли в *Молодечно*. Долго проскитался с судейцами, ч[то]б[ы] найти себе приют до утра; вокзал переполнен народом; кое-как раздобыли на запасном пути вагон — грязный-прегрязный, где и заночевали; при шагании по рельсовым путям в темноте упал и здорово расшибся. При спешности и внезапности выезда моего из *Вилейки* не удалось приобрести порядочной толики

сушеных белых грибов, к[ото]рые мне обещал достать городов[ой] врач.

2 сентября. Вокзал переполнен публикой — военной и беженцами. Людской муравейник: толкаются, бегают, в воздухе сплошной гул. Приехавший только что офицер из *Вильно*, бывший в штабе, уверяет, что вчера там было «все спокойно». С утра же узнаем, что связь между *Молодечно* и *Вильно* прервана, так как на станциях *Сморгонь*⁵⁶⁴ и *Залесье*⁵⁶⁵ уже орудует неприятель. Мы оказались разьединенными со штабом. Началась обычная бестолочь. А слухи о приближении неприятеля к[а]к со стороны *Вилейки*, так и с запада, становились все тревожнее и тревожнее; начальник станции сообщил, что уже *Пруды*⁵⁶⁶ заняты неприятелем (в 13 верстах к западу от *Молодечно*). По-видимому, в критическом положении очутились и 1-я, 3-я, 10-я армии⁵⁶⁷; и с *Лидой*-то сообщение будто бы прервано. Оставалась одна коммуникацион[ная] ниточка — на *Минск*. Старшие офицеры общего отдела Иванцов и Новосильцев с остальными потеряли головы, все же решили уходить на *Ужу*⁵⁶⁸ — за 20—25 верст на Минскую дорогу. [...]

3 сентября. Около 5 час[ов] утра прибыли в *Минск*. Проехали расстояние от *Молодечно* в 94 версты за 14 час[ов]! Вот сопоставить нашу скорость со скоростью германской! Старший врач санитарн[ого] поезда Всероссийск[ого] союза городов — женщина Афанасьева — сообщила мне, что настроение солдатиков все еще хорошее. [...]

4 сентября. Усталый, разбитый — отлично подкрепился ночным сном на удобной постели. Рано встал. Беспокоюсь за обоз, где уложено все мое имущество. Связи со штабом никакой. *Молодечно* уже обстреливается. Идет весь день дождь. Солдаты, как мокрые куры, жмутся где укрыться; кто-то из них напевает: «Дождик-дождик, перестань — я поеду во *Рязань*...» [...]

5 сентября. [...] Слава Богу — сегодня утром прибыл наш обоз с частью штаба, находившейся в *Вилейке*⁵⁶⁹. Пошли отыскивать их на Александровский вокзал. Полевые жандармы сообщают, что принуждены были возвратиться из Борисова, кругом к[ото]рого снуют уже разъезды нибелунгов, стремящихся разрушить мост через знаменитую Березину. Штаб наш — в пути от *Вильно* на *Лиду*.

Как-то ему удастся выкарабкаться с другими армиями из грандиозного мешка, устроенного нам хитроумным противником? Из *Лиды* должны ехать на *Барановичи*, еле-еле держащиеся в наших руках. Связи со штабом не имеем. Куда нам дальше двигаться — неизвестно, бегают наводить справки во фронте. [...]

6 сентября. Как громом поражены все известием о роспуске 3 сентября Госуд[арственной] думы. Значительная часть прогрессистов и левые при чтении высочайшего указа о роспуске — отсутствовали, остальные же члены думы по выслушании его прокричали идиотски «ура». «Рус[ские] вед[омости]» успокаивают, что правительство обещает за это время провести существенную часть программы междупарламентск[ого] блока в порядке 87-й ст[атьи]. Свершился разрыв с обществом — так обидно, так дерзко! Исчезнет сдержка бюрократических шалостей, неминуем упадок общественного подъема. «Русская прогрессивная мысль стукнулась лбом о стену режима». В Петербурге и Москве, передают, уже заволновался народ, начались забастовки. [...]

Прорыв, совершенный нибелунгами между *Свенцянами* и *Подбродзе*, явился новой неожиданностью для наших стратегов, не допуская мысли, ч[то]б[ы] мы могли вылететь из *Вилейки* внезапно — со свистом!.. Прорвалось будто бы немцев около трех корпусов, припрятавших в лесах, где наши разведчики их не замечали⁵⁷⁰. Штаб нашей армии, видимо, уж очень задержался в *Вильно*, зачарованный женскими прелестями... Где наш штаб теперь — неизвестно; одно верно, что он в движении на *Ошмяны*⁵⁷¹ по дороге к *Лиде*. *Барановичи* еще наши. Встретился с евреями из *Ужи* — горько плачут от претерпленных насилий со стороны наших казаков, нещадно все грабивших... Господь мой и Бог мой! Выезжают жители, имея погруженными подводы вплоть до цветов, ночных горшков и всякой мелкой, но дорогой, «своей» вещи; сколько-то из них прибудет до места назначения! [...]

7 сентября. 7 утра. Плетемся по-черепашьи; вереница поездов в хвосте. Движение еще более задерживается производящимся ремонтом пути, испорченного во многих местах немецкими разъездами. Около полудня в *Борисове*; в 4 [часа] дня переезжал Березину. Поезда перегружены беженцами, размещенными на платформах

и в «скотских» вагонах. Упустил санитарный поезд и следую в 3-м классе при одном из воинских эшелонов.

8 сентября. [...] Около полудня — в *Орше*. Послал открытки детям с уведомлением, что «везу больную тетю...» на *Витебск*, а затем и ближе к нам. На вокзале столпотворение — крик, плач, стоны, кашель беженцев и их семей. Вечером — в *Витебск*, откуда с почтовым поездом — в *Смоленск*, где, по заявлению коменданта станции, должны быть части штаба, сегодня прибывшие было в *Витебск* из *Смоленска* и опять туда направленные! На станции нет не только кипятку, но и воды; негде достать даже черного хлеба! Ночью в *Смоленске*.

9 сентября. [...] Получено из штаба предписание ехать на *Минск* — опять обратно! Наши эшелоны передвигаются из стороны в сторону без всякого толку, зря занимая продолжит[ельное] время подвижной состав. Как-то все делается само собой — слепой силой обстоятельств. Что дальше? *Вильно* взят неприятелем. Штаб наш, по-видимому, в *Войчянах*, по дороге между *Молодечно* — *Лида*. Уже смеркалось, как выехал из *Смоленска* на *Оршу*.

10 сентября. 8 утра, а отъехали от *Смоленска* всего 20 верст. В 2 часа ночи в *Орше*. Едем как по неприятельской земле, без воды на станциях, не видно жел[езно]дор[ожных] властей; поезда как бы сами собой двигаются, когда им вздумается. [...] Голодаем; едим солдатский черный хлеб, от к[ото]рого у меня болит живот; еле-еле достал жареного цыпленка за 1 руб[ль]. На станции *Коханово*⁵⁷² на авось бросил в ящик две открытки детям. Трагедия недохождения к нам писем из дома и от знакомых. Ежеминутные остановки поезда с продолжительн[ыми] стояниями нервят, раздражают... [...]

12 сентября. Прекрасная лунная ночь. 7 утра — в *Славенях*⁵⁷³. Нас опережают санитарные поезда и со снарядами. [...]

13 сентября. На рассвете переехали Березину. Утром в *Борисове*. Плетемся истязательно медленно. [...]

Бедствия беженцев, жалобы их на «грабильщиков» — наших солдат... 5-я телеграфная рота при нашем штабе с разгона проехала до Москвы! Железнодорожные пути — сплошные мусорки и клоаки... По дороге нельзя достать хлеба, сахару, соли, молока, яиц, зато корову можно купить за 10 рублей! На остановках

брожу по сосновому бору, не разлучаясь в мыслях с своими ребятами. [...]

14 сентября. Воздвижение! 5 утра — в *Минске*. Штаб наш в *Молдечно*; *Вилейка* моя дорогая опять наша! Долгое стояние у станции в ожидании выгрузки. Пролетели невысоко три наших аэроплана. Какой бутафорией они представляются! Солдат охранной роты нашего штаба передавал, как они в составе 40 чел[овек], будучи вооруженными, утекали от нескольких челов[ек] немецких кавалеристов, бросивши весь скот, свои шинели и не сделавши ни одного выстрела; оказывается, они — из дружины, и не все умеют обращаться с ружьями. Сестры порассказали, в каких ужасных условиях эвакуировались по железной дороге на Минск раненые и больные — на открытых платформах, тысячами, по 2—3 дня не евши и не пивши... [...]

15 сентября. Злой ветер бушует, плачет дождем природа... Поселился в Контрольной палате на Юрьевской улице. В Минске расположились, между прочим, и штабы 1-й, 2-й, 4-й, 10-й армий. Многие госпитали загнаны в Москву. Состав корпусов растаял до 3—5 тысяч; многие части без шинелей, без сапог. О реляции одного командира части, донесшего, что 540 чел[овек] погибли от удушающих газов, оказалось — сдались просто в плен. Контролер 4-й армии передает, что в Варшаве — благорастворение воздуха: сахар по 8 коп[еек] фунт, белый хлеб — 3 коп[ейки], во всех занятых немцами городах — царит полный порядок! Каждый из авиационных отрядов у нас состоит из двух никуда не годных и двух испорченных аэропланов. Гренадерский корпус ушел поправляться в составе 1200 чел[овек]!! Немцы разбрасывают прокламации с призывом образумиться и не следовать преступному водительству нашего правительства. В *Барановичах* при разлитии спирта много солдат перепилось, и убили нескольких офицеров. [...]

16 сентября. Уже не первый день лихоражу, кашлюю, припадаю желудком. Ни за что не хочется взяться.

17 сентября. Чувствую себя немного лучше. Прелестная погода. [...] Стал получать газеты, больше петербур[гск]ие, чем московские; последние приходят значительно позже. [...]

На вокзале и у вокзала все те же потрясающие картины массового бегства людей... «Горе на свете жить», — говорит плачущая

баба. Жандармский офицер браво командует своим агентам «не церемониться с жидовьем...»

Позавчера наш штаб перешел из *Молодечно* в *Изяславль*⁵⁷⁴. Из трех армий — 1-й, 2-й и 10-й — за большой убылью людей предполагается образовать две армии и приступить в Гатчине или Царском Селе к новому формированию одной из них. Вот хорошо было бы, если бы этот жребий пал на 10-ю армию, но... к сожалению... без связей и протекции наша армия...

Штаб 1-й армии из *Минска* перешел в *Полоцк*. [...]

19 сентября. Погода чудная, теплая. Утром посиживаю в парке на солнышке, любуюсь листопадом и пышным его ковром, покрывшим землю⁵⁷⁵. [...]

Был сегодня у меня губернатор, пригласивший на заседание Минского губернс[ого] отделения Комитета великой княжны Татьяны Николаевны⁵⁷⁶ для обсуждения вопроса о положении беженцев, накопившихся теперь в губернии до миллиона. [...]

Встретился с генерал[ом] Яновым, к[ото]рый продолжает себе поживать вместе с своей женой, разъезжает с ней в казенном автомобиле и вообще не может гневить Бога, ч[то]б[ы] жизнь его на войне хоть чем-ниб[удь] да ухудшилась в сравнении с мирной, даже — стала сытнее! Он передал мне, что в прорыве немцев у *Свенцяи* виноват будто бы штаб фронта, а не штаб нашей армии...

И в «Нов[ом] вр[емени]», и в «Рус[ском] слове» созерцаю изображение холеной, вылощенной, «элегантной» фигуры еще совсем молодого человека — флигель-адъютанта⁵⁷⁷ Б.А. Вилькицкого⁵⁷⁸ — нашего будто бы «русского Нансена». Ой, крепко сомневаюсь в его подлинных заслугах, кладу голову на плаху в убеждении, что здесь — ловкость рук, и он из славной, столь у нас на Святой Руси многочисленной стаи штукмейстеров и фальсификаторов-очковтирателей! Глядя вообще на всех наших камергеров, камерюнкеров, флигель-адъютант[ов] и им подобн[ых], мне так и хочется спросить их, «как дошли они до жизни такой...» Россия наша — страна распутиных, страна тайного блуда, замаскированного разврата «*par excellence*»⁵⁷⁹, страна всяких гадостей, прикрытых фиговыми листьями мнимой святости... [...]

21 сентября. [...] Все больше и больше приходится слышать жалоб на грабительство наших солдат; многие из них приходят здесь,

в *Минске*, в магазины Топаза и др., заказывая или покупая золотые вещи — браслеты, часы и т.п., — и платят большие деньги.

22 сентября. От штаба Верховн[ого] главноком[андующ] его сообщается о «планомерном переходе наших войск от отступления к наступлению»... [...]

Подвиг милейшего коллеги — старшего врача дезинфекционного отряда при 26-м корпусе О.Г. Калины (к[ото]рый, наверное, будет аннулирован!): при отступлении 17 августа из *Оран* полков 84-й пех[отной] дивизии вернул коменданту бежавших четыре пулеметн[ых расчета], около 60 чел[овек] нижних чинов — артиллеристов, командира Ирбитского полка⁵⁸⁰ — трепыхавшегося с перепугу от истерики полковника Никитникова⁵⁸¹; начальник же 84-й пех[отной] дивизии генерал Козлов⁵⁸², бросивши все, утек ал сломя голову.

23 сентября. Погода захмурилась, но безветренно и тепло. Живу с санитарн[ым] отделом врозь со штабом армии, стоящим в 20—22 верстах от *Минска*, не желающим сюда переселиться только потому, что здесь еще стоит штаб фронта. Цены на продукты — адски дорогие⁵⁸³. Легче достать всякие сладости, чем, напр[имер], белый хлеб. Лечебные заведения, где так необходим последний для больных желуд[очно]-кишечн[ым] каналом, лишены возможности где-либо его приобрести; нет пшеничной муки в интендантстве. Написал по этому случаю внушительного содержания бумагу. Дезорганизация во всем и расхлябанность — полнейшие; тыл в абсолютном неустройстве; чувствуется, что все у нас делается как будто нарочно *pour le roi de Prusse*⁵⁸⁴! Кто в лес, кто по дрова... [...] Помещаю газетную вырезку с сообщением о подвиге сестры милосердия Мирры Ивановой⁵⁸⁵, «собравшей к себе солдат и бросившейся с ними на окопы»⁵⁸⁶. Можно себе представить, что из себя представляли солдаты, к[ото]рых собирала и вела в бой... баба!

Приказ главнок[омандующ] его С[еверо]-З[ападного] фронта за № 1839 от 19 августа гласит: «Директор 2-го Московского кадетского корпуса генерал-майор Быстреевский⁵⁸⁷ был командирован по его личному добровольному желанию на летнее вакационное время в действующую армию для выполнения служебных поручений. На генерала Б[ыстреевского] мною было возложено

поручение по организации и осуществлению противоэпидемических мероприятий в районе... В течение 6 недель Б[ыстреевский] проявил выдающуюся энергию, знание и понимание дела... Ныне, ввиду наступающего учебного периода в военно-учебных заведениях, Б[ыстреевский] снова возвращается к исполнению своей ответственной педагогической деятельности. Расставаясь с Б[ыстреевским], считаю своим нравственным долгом выразить ему от лица службы сердечную благодарность за его добровольное и самоотверженное служение на пользу армии... Алексеев». Ведь для простаков генерал Б[ыстреевский] — герой и подвижник! На самом же деле, я уверен, дело обстояло по-обычному: директор, несомненно, воспользовался знакомством или приятельством с кем-либо из штабных (а может быть и с самим Алексеевым), попросился для собственного развлечения на нерискованное ампула (и, конечно, по санитарной части!) в армию, чтобы заполучить большой куш прогонных, подъемных, порционных и пр., да сорвать еще какой-нибудь орденишко. Мотивы и «добровольного желания», и «самоотверженного служения» были, в сущности, так примитивны и незначительны, что сводились лишь к нуждишкам да животишкам обыкновенных людишек! Когда раскроешь скобки с романтически описываемых деяний нашего воинства — выйдет лишь одна вонючая трубуха! Нет! Меня не проведешь теперь в этом отношении: побывал в Риме и повидал вплотную папу! [...]

24 сентября. Захолодало и задождило. Зрелище оторванного от корней бытия своего населения — армии беженцев с семьями, с детворой — надрывает душу...⁵⁸⁸ Кругом сумасшедшие шум, суета, галдение, все распоряжаются, бегают, и в результате никто ничего не знает и не понимает, и ни у кого нельзя толку добиться, всякий при том думает о своей лишь шкуре; ни в чем не видно взаимной выручки, поддержки — царит лишь взаимная злоба и животная грубость; на всех действиях лежит печать рекордной российской бессовестности и глубокого невежества. Господи, унеси Ты меня из этого омута! [...]

27 сентября. [...] Так иногда хочется вывести на свежую воду для привлечения к уголовной ответственности наших военных дамочек (жену подполковника Иванцова, жену генерала Янова и др.),

позволяющих себе расхаживать и разъезжать с своими муженьками в казенных автомобилях в костюмах сестер милосердия с красным крестом, на что не имеют никакейшего права! Поддельные сестры у нас и кличку носят «некрещеных» сестер. О, сколь одиозны мне наши бухарские нравы! И мы еще претендуем на культуртрегерство по отношению к финляндцам, полякам и др. цивилизованным народностям!

В ресторанах Минска водки и вина не подают, а офицерство вечерами после ужина валяется по-свински пьяным даже в сортирах! Штаб фронта остается здесь, штаб 1-й армии располагается в районе *Глубокого*⁵⁸⁹, штаб 2-й — около *Молодечно*. [...]

28 сентября. [...] Из *Изяславя* приехал сюда поферлакурничать дежурный генерал Жнов, а с ним и наш «неустрасимый» (конечно, только перед подвластными ему чинами!) полковник; первый из них ушел весь, всеми фибрами своего существа, открыто, искренне — в бабье дело, второй же, «бестрепетный», изливающий всякий раз в разговоре со мной свою скорбь, что находится в разлуке с своей любимой женой — чему я готов охотно верить, — пустился в разврат более всего из лакейства, по мотивам строго рассудочным, чтобы поддержать хорошие отношения с весьма нужным ему для получения генеральского чина человеком. И это совсем не уника, а обычные типы из портретной галереи наших «витязей». Дьявол их знает: не постигаю их физиологии — как они только могут при всевозможных превратностях военно-походной жизни жить лишь исключительно в свою утробу да в половые органы, безо всякой потребности в духовном питании, интересуясь в газетах только телеграммами из штаба Верховн[ого] главноком[андующ]его! Все теми же остались они павианами, как печальной памяти генерал Сахаров⁵⁹⁰, умудрившийся в разгаре Ляоянских боев предаваться ненасытно утехам любви! По-собачьи! [...]

ОКТАБРЬ

2 октября. Погода стоит дивная. Около 3 часов ночи пробудился от страшной артиллерийской канонады — тряслась кровать моя, дребезжали окна: палили по цеппелину. Как потом выяснилось,

наши прожекторы никак не могли его взять в сферу своего освещения, и из пушек палили прямо наугад!! Летел, говорят, цеппелин очень невысоко. Возле обоих вокзалов сброшенными бомбами разрушено и сожжено несколько зданий; были и человеческие жертвы. Сегодня же в дообеденное время стреляли по аэропланам. [...]

3 октября. Телеграфируют, что в Москву в настоящее время доставлено около миллиона пудов «Куваки» — столового напитка из именина дворцового коменданта Воейкова⁵⁹¹; огромное количество вагонов занято на перевозке этого пойла в то время, когда для продуктов первой необходимости не хватает подвижного состава! «Маленькие люди» проливают кровь, загребистые же когти наших сановных хищников под шумок собирают в их ненасытные утробы обильный корм... Как только подумаешь, что ведь эти-то все загребатели и делают политическую погоду — становится жутко до кошмарности! [...]

6 октября. [...] Прибыла в Минск остальная часть штаба из *Изяславля*. Бойко себе наши хвачи-рвачи разбирают квартиры, норвят все в несколько комнат да с шикарной мебелью, с несколькими кроватями, с роялями, шибко утесняя как своих покоренных местных жителей, особенно «иоганых жидов»; стремятся изо всех сил, ч[то]б[ы] с наибольшим удобством устроиться, да повольготнее себе поерничать, так, ч[то]б[ы] на войне было как дома. Кажется, что только один у них и лозунг на свете: жратва и блуд! Вынеси Ты меня, Пресвятая Матерь Богородица, из этого омута человеческой пакости и низости! Распирает меня злоба, так что, кажется, вот-вот как бомба разорвусь; школу садки на злобность прошел я, думаю, в совершенстве — впору скоро взбеситься. «Злобою сердце питаться устало...» [...]

7 октября. [...] На днях уезжает в отпуск денатурат-начальник санитарн[ого] отдела, и мне придется взять все бразды санитарн[ого] правления по армии; не будет у меня времени аккуратно прочитывать газеты. Тем не менее и в этом положении я ухитрюсь не весь быть военным врачом, а как всегда и раньше — значительно шире. Нек[ото]рые из преданных мне людей продолжают все обращать мое внимание на то, что кроты и т.п. земляные твари усиленно роют под меня ходы. Странные они люди, что удивляются, что

я этого не замечаю; да когда мне смотреть вниз, если я все время гляжу вверх?! [...]

Корпуса наши численно весьма растаяли; действуют теперь уже соединенными из разных корпусов «группами»; во главе одной из таковых групп состоит корпус[ой] командир Истомина⁵⁹² (не бывший ли командир Нежинского полка?); недавно снабдили его большим количеством орудий, ч[то]б[ы] продвинуться в районе *Сморгони* вперед; выпущено было до 20 тысяч снарядов, и в момент, когда надо было броситься в атаку, люди — ни с места! «Не обучились еще», — решило начальство.

8 октября. После почти двухмесячной разлуки свиделся с штабными шишками. Радкевич, здороваясь, шутливо заметил: «А что? Чуть было до Урала не докатили?» За обедом только и разговору было, что о похабщине, без умолку гоготали, отпускались самые заезженные плоские, сальные армейские остроуты. [...]

9 октября. День погожий. Лакейское интриганство против меня нагаечного полковника ни в чем пока не сказалось на отношении ко мне высших штабных властей, продолжающем оставаться по-прежнему весьма любезным и уважительным. С завтра вступаю в полные права по самостоятельному управлению санит[арной] частью армии, следовательно, и дыхнуть будет некогда. Но поглотить меня всецело служба все-таки не может — слишком я свободолобив, ч[то]б[ы] не суметь принадлежать и самому себе. [...]

Комендант крепости Ковно генерал Григорьев осужден на 18 лет в каторгу. А по скольким-скольким из правящей и командующей бюрократии она еще скушает!! [...]

12 октября. Боже мой, как меня тяготит и утомляет необходимость постоянного вращения в штабной среде, к[ото]рая мне так чужда. Круг их интересов так безнадежно узок, мещански ограничен. Кошмарно жутко становится, как подумаешь, что ведь из этих-то людей⁵⁹³ комплектуется правящая власть России. Надо им отдать справедливость в одном — что они очень одарены и умны по части пенкоснимательства и обхода законов с тыла. [...]

13 октября. Землю запорошило снегом, к полудню стаявшим. В боевом отношении — затишье. Пользуясь этим, собираемся приступить к противотифозным и противохолерным прививкам. [...]

17 октября. Гвардейский корпус ушел из нашей армии уж давно. Теперь уходят на Южный фронт 2-й армейский и 5-й Кавказский корпуса. Состав дивизий растаял до 5—6 тысяч штыков! Остается в армии лишь 5 корпусов: 3-й Сибирский, 2-й Кавказский, 26-й и 38-й армейские⁵⁹⁴. В передовом районе солдатики уж роют землянки на зиму. Как бы, думается мне, не повторилась с нами здесь та же история, как и при стоянке в *Марграбово*. Масса текущих дел имеет тенденцию всего меня захватить, чуть ли не всего раздавить, но я с присущим мне «*made in Germany*»⁵⁹⁵ ухитрюсь изворачиваться так, ч[то]б[ы] несколько принадлежать и себе. Иначе так легко обратиться в автоматическую обездушенную машину. Большая залежь адресованных мне корреспонденций с миллионами всяких ходатайств и просьб; не имею времени на них отвечать, на нек[ото]рые же отвечаю с громадным запозданием. Перед коллегами извиняюсь, поясняя, что стал весьма слабопамятен, хотя еще не слабоумен, хотя и могу казаться таким, так как приблизительно лишь $\frac{1}{4}$ своего существа принадлежу тому, что принято называть делом, остальной же частью я в плену у своих мыслей и чувств. Никогда я не в состоянии сливаться с действительностью, ч[то]б[ы] каждоминутно не заглянуть в свой внутренний мир.

Пущена в ход поговорка: «Маньжурию мы пропили, Галицию — переппили, а Ковно — недоокопали».

18 октября. Встретился случайно с *т-те* Зигель⁵⁹⁶ — уже генеральша, заведует самостоятельно каким-то питательным отрядом; одна из тысяч, вносящих лишнюю сумятицу в общий хаос, и чем лицо сановитее и родовитее — тем больше вносит расстройств, отвлекая на угождение себе силы от боевых задач.

Солдаты и лошади голодают; недостаток мяса, хлеба, фуража. Командир 8-й ополченской артиллер[ийской] батареи Левашов, из запасных, плакался мне, что боится бунта. Но мы, сытые, голодных не понимаем... Наш интендант Вишняков вкупе с другими саврасами раскатывает себе с дамочками. Как-то ухитрились они ловко реквизируют женский пол из беженок или приезжающих на поиски своих мужей! [...]

Приехал главный интендант Шуваев⁵⁹⁷ для осведомления о положении солдат и лошадей в отношении их продовольствия. [...]

20 октября. Скрежет зубовой. Неожиданно совсем вышел у меня сегодня большой конфликт с начальником штаба из-за моего настойчивого представления к награде маленького чиновника из санитарн[ого] отдела — Кайстрова, объекта садизма Евстафьева. «Служить рад, но прислуживаться тошно». На днях, наконец, решу перейти Рубикон, чтобы подать прошение об отставке. За этот жест, исполненный чувства личного и профессионального достоинства, меня дети не осудят. Есть предел терпенью, есть конец страданию.

21 октября. Что сделал — то сделал! Послал сегодня телеграмму Главн[ому] в[оенно]-сан[итарному] инспектору, прося о переводе меня хоть в Сибирский или Туркестанский округ, или же о прикомандирова[нии] к Главн[ому] санит[арному] управлению. Невыносимо, наконец, стало постоянно видеть, как невежество и бессовестность систематически учитывают исключительно только в свою пользу всю «полноту власти», доходящую до пределов безграничной «свободы действий». [...]

23 октября. Приезжает в *Минск* начальник снабжения фронта генерал Данилов с многочисленным штабом; приняты энергичные меры к самому комфортабельному их размещению; на станции будет стоять постоянный состав пульмановских вагонов, в городе занимаются самые лучшие гостиницы и здания, выселяются из них хозяева с квартирантами, переводятся лечебные заведения из *Минска*; последняя штабная сволочь норовит обставить себя с возможно большей роскошью. Праздник, а не война! [...]

26 октября. В приказе Главнок[омандующ] его фронта от 15 октября № 468 объявлен представленный командиром Гвардейского корпуса Куропаткиным отчет об осмотре частей и учреждений этого корпуса. Из отчета видно, что Куропаткин побывал в окопах и излагает разные недостатки в их устройстве и оборудовании; обращено было также его внимание на малую заботливость о нижних чинах, прибывающих на укомплектование (люди не получают своевременно пищи, не осматриваются, не опрашиваются и пр.) — «подобным отношением к нижним чинам легко подготовить первых кандидатов к отступлению». Обращается также внимание на необходимость более тесного общения священников с нижними

чинами «для укрепления их в вере в Промысел Божий...» В приказе говорится: «требую, чтобы полковые священники чувствовали себя в окопах как дома»; еще: «войска сильно нуждаются в частом посещении их начальниками всех степеней, которым необходимо стать ближе к солдату, чаще обходить передовые окопы»; еще: «приказываю всем командирам корпусов безотлагательно объехать вверенные им войска, осмотреть окопы, дать указания на улучшение последних и донести о найденном по команде».

27 октября. По поводу моего энергичного заступничества за дивизион[ного] врача Идельсона произошел у меня крупный конфликт с начальник[ом] штаба. На почве хитро подведенных под меня интриг — раздражил еще гусей, как быков красным цветом, обращением их внимания на то, что должно существовать хотя бы и у нас на Руси — правосудие, к[ото]рое обуздывало бы офицеров-озорников, позволяющих себе оскорблять врачей. Боже мой, каким я, видимо, дураком — донкихотом показался в глазах штабной офицерской клики, упомянувши о законе, справедливости! Не вынес я яростного нападения со своеобразной идеологией сей касты людской... Положили меня на обе лопатки... Сражение проиграл, не соразмеривши сил и не предусмотревши, что противник обдаст меня удушающими газами... Вынужден пока отступить, подравнять фронт и перегруппироваться... перед перспективой зачинающегося крючкотворства. С каким захлебывающимся удовольствием Попов прочитывал жалобу врача-«жида» на то, как его систематически оскорблял адъютант штаба Грецов⁵⁹⁸ и как сразу изменился в настроении, прочитавши мою резолюцию по переписке с порицанием озорства, хотя бы творимого и офицер[ом] Генерал[ьного] штаба. Мы говорили совершенно на разных языках; что ни слово моего начальства — то перл дикости... [...]

НОЯБРЬ

1 ноября. Буду теперь уж не так близок к солнцу: ушел из «аристократической» столовой № 1 в столовую № 2, где столуются штабные чины низших сравнительно рангов; здесь я себя чувствую значительно лучше — среди более простых людей, да и не буду

отравляться этой с претензией на фешенебельность ресторанной кухни, к[ото]рую я, наконец, не в состоянии выносить. Наверное, мой уход истолкуют в скверную сторону, и в лучшем случае — если только одной скупостью. А то, пожалуй, усмотрят еще какую-либо фронт, демонстрацию! Ну, черт с ними — я устал и измучился жизнью среди волков, деспотически требующих от меня волчьего им подвывания. Со всеми я стараюсь быть ласковым и обходительным, но органически не в состоянии с ними ассимилироваться, и как я ни актерничаю, но, очевидно, у меня на челе написано для них, что я не их поля ягода, все же им я не под кадриль; поступаю не по принятым шаблонам, и с их точки зрения это выходит, что совершаю бестактности. Угодничество, сервизм, молчалинство являются главными нервами для обеспечения беспечального прохождения службы. «Горé» имею сердце свое и мало обращаю внимания на мышиную возню вокруг.

Ожидается приезд государя.

2 ноября. Приготавливаюсь к отъезду совсем из этой змеиной клоаки. Крупный недостаток Радкевича — что он очень распустил штаб: не говоря уже о больших, но и маленькие-то сошки устроили свою жизнь здесь со всем комфортом.

Зашел к «божьей коровке» — Жнову; разместился большим паном в шикарной квартире из многих комнат, отлично меблированной, с электрическим освещением; тут же, вместе с ним помещаются и сестры резерва — Криштофович, Плахова. И не понимаю, как это можно так открыто, цинично блудодействовать; но... на то он дежурный генерал, и на то существует и начальник санитарн[ого] отдела из «храбрых» полковников, к[ото]рый не одному сему павиану, но и другим, кому нужно, устраивает случку, не забывая и себя. Боже, какой разврат! [...]

7 ноября. Свидетельствовался сегодня в комиссии врачей на предмет эвакуации. Хоть немного отлегло на душе, что столуюсь не вместе со штабной знатью, а среди более простых людей низшего служебного ранга, в к[ото]рых хоть есть нечто, напоминающее что-то человеческое.

На юг с Западного фронта уходят 12 госпиталей. [...]

8 ноября. Из армии на юг выбывает еще один корпус — 26-й армейский. [...]

9 ноября. [...] Из-за личных отношений ко мне не хотят дать бедному чиновничку Кайстрову маленького орденишки, к[ото]рым он вполне заслужил и к[ото]рым был бы прямо-таки осчастливлен, между тем ни за понюшку табаку получают крупные ордена штабные рябчики (напр[имер], барон Иксуль, подполковник — Владимира 4-й ст. с мечами за то, что в автомобиле отвез якобы с опасностью для его драгоценной жизни конверт в 20-й корпус при его отступлении из Пруссии, и т.д., и т.д.)... А как-никак, но пониженное официально положение людей дурит их, приподнятое же — умнит!

Заехал сегодня ко мне с визитом Гюббенет; перемолвили о возникших у меня неладах с «храбрым» полковником, с начальником штаба, с последним — из-за дивизионного врача Идельсона. И что же? Мой почтенный коллега уже запел в одну дудку со штабной камарильей, и виноватым оказался Идельсон, потому что он — «жид»! С волками жить — по-волчьи выть! [...] Времена такие, что Гюббенету, чтобы удержаться на своей высокой должности, приходится быть оппортунистом и держать нос по ветру, ради чего в жертву военному Молоху он всегда готов принести не одного только «жида», но и любого православного, если это будет угодно «им», «нам» же предоставляется полное право апеллировать на все бесчинства «их» к одному только Богу⁵⁹⁹. Когда я Гюббенету высказал свое намерение выйти, может быть, и в отставку, он заметил мне, что это-де будет непатриотично... [...]

10 ноября. [...] Получил комиссионное свидетельство на предмет моей эвакуации; поставлена диагностика — *arteriosclerosis, arthritis deformans, neurasthenia gravis*⁶⁰⁰. [...]

11 ноября. Приходил ко мне злополучный дивизионный врач Идельсон — «жид». Прослышал, что я из-за него поссорился с начальством и ухожу из армии. Преисполненный благодарности за мое заступничество, бросился меня целовать. Наивный человек: рассчитывает, что его защитит и Гюббенет, высказал еще желание, ч[то]б[ы] его делу дан был судебный ход, а не направлялось бы оно по административному руслу. Не хотел его разочаровывать

в его надежде на торжество правды, будучи крепко убежден, что воюки наши только по головке погладят обидчика из своей касты, а обиженному из «гонимого племени» еще больше натворят пакостей⁶⁰¹. [...]

13 ноября. Ночью около 12 часов выехал из *Минска*. Паче чаяния меня очень удобно устроили в отдельном купе 1-го класса. По прибытии на вокзал оказался зрителем такой картины: солдаты бегут, по адресу их слышатся нервные окрики: «Пшли! Пшли!» Это их гнали не немцы, а свои же власти, т[а]к к[а]к, видите ли, только что подошел поезд главнокомандующего, к[ото]рый должен был здесь высадиться и пройти через вокзал!.. «Серая скотинка», очевидно, должна была на этот момент сгинуть с глаз!.. [...]

14 ноября. Около 10 утра — в *Орше*⁶⁰². На станции не видно хаоса. Буфет торгует бойко; цены на продукты еще божеские. Слышится звон колокола. Прихожу немного в себя.

В 4 часа дня — *Смоленск*. Большая толчея. Обед — скверный, берется наперебой. [...]

15 ноября. В 7 часов вечера прибыл в *Москву*. При всей внешней суетности столица показалась мне менее шумной, чем *Минск*. Ощущаю скованность мыслей до состояния тупости. Ужасает перспектива необходимой поездки в Петроград и предстоящих всяких разговоров и объяснений в Главном в[оенно]-с[анитарном] управлении. [...]

19 ноября. Приехал в Петербург. [...]

Был в Главн[ом] в[оенно]-с[анитарном] управл[ении]. Апофеоз картины всеобщей мышинной беготни по части урывания себе побольше куска жареного. Каждый только сам за себя, обо всех — лишь один Бог! Примирился с мыслью в случае чего подать в отставку, но это не так-то легко. Евдокимов обещал перевести меня в корпус; я согласился; авось в войсковом районе, вдали от зловонной управленско-штабной тыловой атмосферы будет мне и легче; не беда, что в отношении военных удобств жизни я потеряю, но, Бог даст, не попаду ли зато в среду, где найду более человекоподобных индивидов? Развилась и укрепилась странная у меня фобия: боюсь трепетно не неприятельских снарядов и штыков, а своих внутренних варваров.

Настоящая война — война прапорщиков; кадровые офицеры обнаруживают — получивши все, что можно — неудержимую тягу от фронта в тыл; вопреки положению уже появились случаи, когда начальниками военно-санитарных поездов вместо врачей назначались сии «храбрые» воины!..⁶⁰³

23 ноября. Был у Шингарева⁶⁰⁴, члена Госуд[арственной] думы. Сообщил ему много человеческих документов, иллюстрирующих творящуюся в армии вакханалию — хуже, чем пир во время чумы. [...]

25 ноября. К обеду в Москве. [...]

Хочу приняться за второе издание моей книги. Не знаю, хватит ли настроения у моей капризной музыки, жаждущей зарыться в любимый труд и хотя бы до нек[ото]рой степени наркотизироваться от постылой внешней действительности.

27 ноября. Был в управлении, виделся с Миртовым⁶⁰⁵. Все те же злободневные наболевшие темы об утеснении военной медицины (и прочих безобразиях) правящими властями, своим поведением вполне заслужившими почетных титулов немецких союзников, как выказывающими одни только свои способности — провоцировать своих соотечественников к унынию, апатии и бездеятельности. [...]

ДЕКАБРЬ

10 декабря. Нигде не бываю. Потерял всякий вкус к жизни. Даже в церковь не хожу. Скверно-прескверно на душе. С великой радостью жду момента уйти в полное небытие и с ужасом просыпаюсь перед встающей пакостной действительностью. Куда ни назначат, но в Петербург и не поеду, и не буду писать о себе.

Виделся с Миртовым: военные наглеют, но по линии наименьшего сопротивления — не перед тевтонскими полчищами и их руководителями, а перед... им подчиненными военными врачами.

С содроганием предвкушаю перспективу, как опять поеду в гноище «господ ташкентцев»; мужаюсь, внушая себе, что не все же время я буду среди них — будет и конец.

16 декабря. Был с Сережей по его глазу у проф[ессора] Головина⁶⁰⁶, поразговорились с ним на злобы дня. «А жида-то готовят нам

революцию», — сказал он. Хотелось ему сказать, что ведь «жиды создали нам и Государств[енную] думу»!.. [...]

31 декабря. Высочайшим приказом от 13 декабря за № 54 назначен корпусным врачом 44-го армейского корпуса. По возвращении лишь в *Минск* узнаю, куда мне предстоит ехать. «Хоть тоньше, да иныше...» Надоело мне и нестерпимо стало пребывание мое в тыловом свинстве, буду поближе к боевому делу, авось хоть несколько обновлю душу мою, будет совсем хорошо, если встречу отношение к себе со стороны моего нового начальства не как к немцу, к внешнему врагу, а дружелюбное, незлобное и человеческое. А то ведь на нас, врачей, смотрят главари армии как на «жидов» — на инородный элемент, в постоянном устремлении делать ему всякие пакости. [...]

1916

ЯНВАРЬ

11 января. Выехал из Москвы к новому месту службы; волею судеб и по канцелярскому недоразумению попал все в ту же армию. Что будет — то будет.

Подъезжая к *Минску*, **12 января**, оживленные разговоры сестер с офицерами, что в город приехала оперетка, значит — еще веселей будет жить! [...]

Разговор с офицером (подполковн[иком] Киевского полка⁶⁰⁷) в вагоне: солдатики неохотно идут в атаку...

13 января. Наш «храбрый» полковник заявил начальнику штаба, что он в управлении санитарной частью не нуждается совсем в помощнике-враче! Встретил в *Минске* сытые, алчные рожи паразитирующих офицеров штаба.

Пришла телеграмма из Ставки Верховн[ого] главнок[омандующ] его, ч[то]б[ы] всех контуженных и раненых поправившихся из штабов и учреждений немедленно возвратить в строй. У наших офицеров санит[арного] отдела сразу ухудшилось состояние здоровья: кто опять стал хромать, у кого опять начались адские боли, и т.д.

В.П. Кравков

Семья Кравковых в Москве. Слева направо – В.П. Кравков, С.В. Кравков, Е.В. Кравкова, Е.А. Кравкова (Лукина). 1914 г.

Д.П. Зуев

Л.В. Федяй

Ф.Н. Добрышин

А.Ф. Пароза

Ф.В. Сиверс

А.П. фон Будберг

А.А. Рейнбот

П.И. Мищенко

Великий князь Андрей Владимирович

В.П. Кравков (четвертый слева) в развалинах дома в Маргграбове.
Январь 1915 г. Фото С.В. Кравкова

В перевязочном отряде учительского союза (В.П. Кравков сидит в первом ряду, четвертый слева). Восточная Пруссия, декабрь 1914 г.

Группа нижних чинов — сотрудников команды санитарного отдела штаба 10-й армии — с «трофейным» псом Немцем.
Гродно, 28 февраля (12 марта) 1915 г.

Е.А. Радкевич

Доброволец Михаилъ Власовъ 13-ти лѣтъ
(изъ Петрограда)

Пробрался сквозь нѣмецкія цѣпи изъ Лагустовскихъ лѣсовъ
и донесъ о тяжеломъ положеніи XX-го корпуса.

*Этотъ солдатъ - герой, а этотъ мальчикъ - предатель
долженъ быть отъ насъ исключенъ.*

Доброволец
М. Власов.
Фото из журнала
с комментарием
В.П. Кравкова.
1915 г.

А.А. Гернгросс

В.П. Кравков с персоналом и ранеными
одного из госпиталей. Гродно, 1915 г.

В.П. Кравков (сидит, крайний справа) во время инспекционной
поездки в расположение 110-го Камского пехотного полка. В центре —
полковой священник Я.Я. Цирус-Соболевский. 10 (23) мая 1915 г.

Отъезд В.П. Кравкова из расположения 28-й пехотной дивизии.
10 (23) мая 1915 г.

В.П. Кравков во время одной из инспекционных поездок летом 1915 г.

Н.А. Бржозовский

Н.А. Третьяков

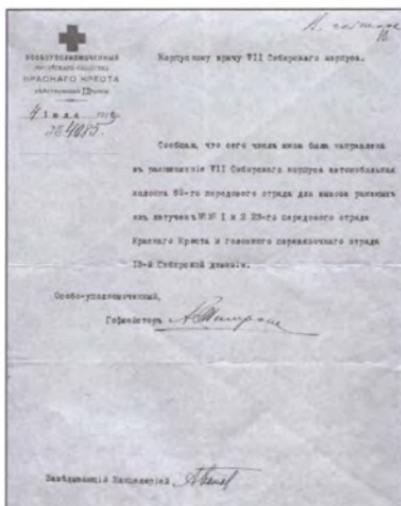
Командование Северного фронта в 1916 — начале 1917 г.
Сидят, слева направо: Ю.Н. Данилов, А.И. Литвинов, Н.В. Рузский,
Р.Д. Радко-Дмитриев, А.М. Драгомиров. Стоят, слева направо:
В.Г. Болдырев, И.З. Одишелидзе, В.В. Беляев, Е.К. Миллер

В.П. Кравков в ходе инспекции противогазовой защиты
 одного из полков 7-го Сибирского корпуса.
 Окрестности Риги, 6 (19) июня 1916 г.

М.А. Арнольд

Письмо А.Г. Тимрота
 В.П. Кравкову. 4 (17) июля 1916 г.

Крестьянские дети пляшут у воинского эшелона во время остановки под Мозырем 22 августа (4 сентября) 1916 г.

«При остановке поезда на разъезде; группа пейзажников с их детишками, только что плясавшими под звуки нашей родной гармоники».

В группе офицеров: второй справа – И.И. Эфирев, четвертый – Ф.В. Степанов, шестой – Д.А. Долгов, восьмой – П.Н. Федоров (?), двенадцатый – В.П. Кравков

Д.Г. Щербачев

Г.В. Ступин

У штаба 7-го Сибирского корпуса в Завалове. На крыльце стоят, слева направо: В.П. Кравков, П.Н. Федоров (?), Д.А. Долгов, Д.Г. Щербачев, Ф.В. Степанов. Крайний справа – П.А. Кордюков, третий – И.И. Эфирюв. 26 сентября (9 октября) 1916 г.

«Мое помещение в Завалуве, где жили я, врач санитарно-гигиенического отряда д-р Толченев и фельдшера при наших канцеляриях» (В.П. Кравков — второй слева в группе офицеров). 29 сентября (12 октября) 1916 г.

«В Завалуве на оставленных австрийцами позициях» (второй справа — Ф.В. Степанов, третий — В.П. Кравков). 19 октября (1 ноября) 1916 г.

«В Завалуве — находимся в воронке» (второй слева — В.П. Кравков, третий — Ф.В. Степанов). 19 октября (1 ноября) 1916 г.

П.А. Кордюков

А.Г. Лигнау

К о п і я.

Телеграмма

11 М а я 1917 года изъ Петрограда.

Наштакор седьмого Сибирскаго

Приказомъ Арміи и Флота 23 апрѣля корпврач КРАВКОВЪ произведенъ тайные совѣтники 5583 кавычки Сажин

В ъ р н о: Старшій Адъютантъ Штаба VII
Сибирскаго армейскаго корпуса,
Штабсъ-Капитанъ

Корпусному врачу VII-го Сибирскаго армейскаго корпуса,
Тайному Совѣтнику К Р А В К О В У.

По принадлежности.

Начальникъ Штаба VII-го
Сибирскаго арм. корпуса,
Генераль-Маіоръ

" 12 " М а я 1917 года.

В... 11830/ин

Дѣйствующая армія.

Старшій Адъютантъ,
Штабсъ-Капитанъ

Телеграмма от 12 (25) мая 1917 г. о производстве В.П. Кравкова
в чин тайного советника

14 января. Встретил из штабных полковника: «Куда идете?» — «Да вот, хлопочу о повышении». Я не без скрытой иронии напомнил ему о хорошем местечке начальника санитарного отдела; принял это всерьез, пожал мне руку, уверивши меня, что если бы ему удалось эдак устроиться, то мне бы он оказал всяческие благодеяния. В инженерную и интендантскую часть совался, но, говорит, там требуются специалисты, и благодарил меня, что напомнил о санитарной части, где, по его понятию, значит, не требуется никакого специального образования. Презренные циники и наглецы! Другого пижона⁶⁰⁸ встретил: тоже суетится «о повышении», но только, конечно, туда, где было бы безопасно — подальше от позиций. Хвачи-престижиджитаторы по части урывания «жареного»!..

Радкевич-командующий — форменная безличность — в руках штабной камарильи.

Зашел к «божьей коровке» — георгиевск[ому] кавалеру Жнову; о моем командире корпуса Бржозовском⁶⁰⁹, тоже георгиевском кавалере, отозвался, что он «фокусник»! [...]

15 января. Гнетет меня эта картина разгула, бесшабашного веселья; еду на настоящие «позиции» — через *Койданово*⁶¹⁰ на *Ивенец*⁶¹¹, где штаб 44-го корпуса. Подальше, подальше от этой смердящей ямы! [...]

Ночью приехал в *Койданово*. Заночевал по отводу этапного коменданта в грязной лачуге еврейской семьи. Пищат больные детишки, стонет и охает больная старуха. Еле дождался рассвета, ч[то]б[ы] поскорее вырваться из заразного очага.

16 января. Рано утром приехали за мной из штаба лошади, о высылке коих я предварительно просил начальника штаба телеграммой; приготовился было к хамскому выпаду, что просьба моя останется неудовлетворенной; и велико было мое очарование при виде прибывших за мной довольно приличных по воен[ному] времени перевозочных средств; симптом: вероятно, в штабе встречу не человеконенавистническую атмосферу!

У этапного коменданта встретил вольноопределяющегося студента Горного института, получившего уже два Георгиевских креста и ожидающего получить еще третий — из раненых; порадовался, когда узнал, за что он их получил: человек проявил сознание

долга, находчивость и сообразительность, удачно выведши свою полуроту из сферы душливых газов и взявши еще 200 чел[овек] пленных немцев. Не удержался в присутствии массы солдатиков выразить с подчеркиванием свой восторг, что-де студенты — молодцы (понимай, мол, что студенты — не исключительно только крамольники!).

Несмотря [на] предстоящую убогость обстановки, нисколько не раскаиваюсь и не жалею, что променял тыловой комфорт с электричеством и проч. удобствами на жизнь в какой-ниб[удь] халупе. Только бы мне встретить теплые человеческие к себе отношения окружающих сослуживцев из военных! [...]

Засветло еще прибыл в штаб Осовецкого корпуса (он же 44-й). Происшедшее *qui pro quo*⁶¹², или попросту — чепуха с моим назначением в этот корпус, когда в нем был налицо крепостной врач Самчук, проделавший всю осаду. Первоначальные его подозрения касательно меня были скоро же рассеяны. Предстоит в скором времени или мне, или ему быть переведенными; рациональнее и желательнее для меня, ч[то]б[ы] был переведен я — в другую армию. Хорошие отзывы д-ра Самчука о Бржозовском, с достоинством ведшем оборону крепости; а в штабе армии он на счете «фокусника»; предвижу, что здесь скверная интрига, обычная наша зависть, неприязнь и желание всячески подставить свинью человеку, мало-мальски стоящему выше рептильного уровня тех, к[ото]рые храбрость свою показали возможно поспешным устройением своей персоны в тыловых вертепах штабов армий! Бржозовский — на позициях; придет завтра, когда я ему и представлюсь.

Принят был в штабе весьма любезно и хлебосольно. Переночевал в помещении штаба — в помещицьем фольварке; завтра отведут мне квартиру в одной из обывательских изб. Отсутствие блеска и треска городского, сельская обстановка со всеми своими примитивами действуют на мою измученную душу бальзамически.

17 января. Спал как убитый. Представлялся командиру — генералу Бржозовскому (из артиллеристов, а не «Гениального» штаба). Истинный джентльмен! Впечатление великолепное; держит себя со всеми чрезвычайно просто, не боясь уронить своего престижа, чего так боятся многие из воевод с кретинированными

мозгами. Обед очень хороший; беседа затрапезная велась весьма непринужденно. Видно, что штаб очень съючен, и все чувствуют себя прекрасно. Жаль мне будет расставаться с этим оазисом... Обеденные разговоры касались (конечно, только среди нас — высших чинов) и весьма щекотливых тем: высказывались с возмущением о творящихся безобразиях на земле русской вообще и в правящих-командных сферах — в частности. Только сегодня узнал, что из штаба Верховного недавно пришло секретное предписание о том, ч[то]б[ы] не упоминать в разговорах между собой имени Распутина, так как этим-де колеблются основы государства (*sic!*). О государе Бржозовский выразился, что он «к добру и злу внимает равнодушно», все-де делается без него... Инспектор артиллерии Лапин уверял меня, что Трепов⁶¹³ получил министра путей сообщения, давши взятку Распутину [в] 200 тысяч рублей... Волосы дыбом становились у меня, когда слушал то, что говорилось о действиях коменданта Гродненской крепости Кайгородова и Новогеоргиевской — Бобыря⁶¹⁴; под *Новогеоргиевском* мы, оказывается, потеряли до 3 тысяч орудий и до 80 тысяч гарнизона. Немцы Бобырю за это устроили особое чествование!...⁶¹⁵ Не я один, а и многие из высших военачальников мечтают о мирном житии и покое. [...]

18 января. Третий день живу в захолустном местечке *Ивенец*, наслаждаюсь иллюзией, к[а]к будто живу где-ниб[удь] на Архиерейской или Ильинской слободке в Рязани. Атмосфера в штабе — благодатная! Но пока нахожусь в 10-й армии, меня все же будет сильно нервить сумасбродный шантеклер — поганец Евстафьев. [...]

19 января. [...] За обедом было сообщено, что при произведенном нами «коротком и сильном ударе» под Черновицами⁶¹⁶ потери наши были грандиозны, 41-я дивизия уничтожена совсем! В последней же телеграмме из Верховной Ставки сообщается, что там же — на Юго-Западном фронте — нами одержаны блистательные победы, взято «много» того-то и того-то, а сколько — не говорится, зато не забыт при этом упоминанием такой крупный факт, что «взято до 100 голов скота». Господи, хоть умело бы очки втирали!!

Вечером прибыли в штаб бежавшие к нам из плена наш солдатик, а с ним за компанию один немецкий ландштурмист; оба

вырвались из тюрьмы: первый — за двукратную попытку к бегству из плена, второй — за подозрение-де в шпионстве; тому и другому грозила чуть ли не смертная казнь; брели, испытывая всякие приключения, с 22 сентября! Уже не в первый раз я слышу от очевидца, испытавшего на своей шкуре нашего солдата из плена заявление о том, что в плену русские терпят большое засилье от своих товарищей — наших солдат-евреев, которые содержатся немцами на более льготном положении и приставлены ими играть роль дядек над русскими. Как ни прискорбно это обстоятельство, но... но... не могу я строго винить и евреев за их поведение: так естественна их месть русским! Как аукнется — так и откликнется. Какою мерою мы мерили евреев — такой же мерою мерят и они нас, выйдя из нашего «верноподданства». [...]

Утешительная складывается для меня перспектива: перемена местами с д-ром Самчуком, назначенным корпусным врачом в 43-й арм[ейский] корпус, входящий в 6-ю армию на Северном фронте; стоянка будет в Финляндии⁶¹⁷. Жалко будет расставаться с симпатичным штабом 44-го корпуса, но зато с радостью отрясаю прах ног своих от 10-й армии, да, кроме того, выберусь из теперешней болотной трясины — на лучшую стоянку, чуть ли не в санаторию! Со дня на день буду ожидать официального приказа о перемещении. Порешил окончательно: если встречу и в новом корпусе более или менее приличную атмосферу человеческих взаимоотношений — то буду служить «доидеже есьм», если же там встречу ко мне скрежет зубовный — то подаю немедленно в отставку.

20 января. В штабе царит все та же семейно-дружеская атмосфера; работают все покойно, не видно ни дерганья, ни цуканья. Генерал Бржозовский — настоящий джентльмен, в непринужденном разговоре с ним и подполковником Генерального штаба Свешниковым⁶¹⁸, также и коллегой Самчуком, открылась созвучная нота недовольства и раздражительности по поводу чинимых в армейских штабах всяких гадостей относительно лиц, мало-мальски хотя бы лишь поднявшихся над уровнем сидящих там паразитов — интриги, клевета, всяческие подвохи и низости. Удивляюсь еще внешней бодрости Бржозовского, к[ото]рого из зависти не только обошли награждением следующим «Георгием», но и задерживают

в утверждении корпусным командиром. И Бржозовский, и Свешников, и Самчук, как и я, высказывают полное свое отвращение к службе, полной мерзости и бестолочи. Единственная лишь у нас Осовецкая крепость, к[ото]рая непостыдно выдержала оборону, колет глаза тем, к[ото]рым так хотелось бы отыгаться на доктрине о неспособности якобы вообще крепостей противиться современному артиллерийскому огню. Очень критически мои собеседники относились к легкомысленному и малодушному столь поспешно совершившемуся оставлению нами крепостей *Брест-Литовск*, *Новогеоргиевск* и др. Комендантами оказывались все генералы «от протекции» да выдвигаемые по линии старшинства без соображения их способностей и соответствия. Все это так, но сознают ли мои собеседники, «откуда все сии качества», понимают ли, где зарыта собака всех творящихся бесчинств и пакостей на Руси, и что нужно бы было сделать, ч[то]б[ы] не было того, что теперь есть, — всех гнетет, озлобляет, обессиливает? [...]

22 января. [...] В Новогеоргиевске мы, оказывается, оставили немцам между прочим — 5 миллионов золота и 2 миллиона кредитками. В Брест-Литовске при совершившемся в позапрошлом году руками внутренних немцев взрыве в пиротехнической лаборатории разорвалось 400 тысяч наших снарядов; на укрепление этой крепости потрачено казной до 30 миллионов, и работало там до 30 тысяч рабочих. [...]

23 января. [...] О фон Будберге, бывшем начальнике штаба 10-й армии: осенью он получил назначение начальником дивизии; в том же приказе о его назначении было помещено и заключение комиссии врачей о том, что он-де тогда-то, ехавши в автомобиле, стукнулся головой о его верх, вследствие чего получил ослабление памяти (ложный медицинский документ, к[ото]рым фон-барон изловчился прикрыться для реабилитации своих действий в постигшей нашу армию катастрофе в Пруссии!).

В бытность свою в последнюю поездку в Рязани я слышал из уст вдовы Петровой, жившей у стариков Первенцевых (латышки-беженки из *Риги*), что минувшим летом латышами много раз обращалось внимание надлежащих властей на то, что под *Ригой* в имени фон Будбергов у немцев устроены ангары, куда спускаются

их аэропланы; когда начальство, наконец, изволило обратить на это внимание — бароны уже бежали в Германию.

Что, этот несомненный предатель еще не поддался моде переменить свою фамилию? Для умного предателя в этой «водевили с переодеванием» был бы и большой логический смысл. [...]

24 января. В штабе все та же семейная уютная обстановка. Пользуюсь весьма почтительным к себе отношением. От военных, да еще в военное время, я этого уж и перестал ожидать. [...]

26 января. [...] Пришла бумага о моем переводе в 12-ю армию корпусным врачом 37-го арм[ейского] корпуса на Северном фронте. Ехать придется на *Венден*⁶¹⁹. [...]

ФЕВРАЛЬ

1 февраля. Расстался с приветливым, симпатичным штабом, с успокоительно тихими стогнами *Ивенца*. Выехал на *Минск* в 60-сильном автомобиле, куда погрузил все свои вещи, двух своих оруженосцев и в придачу еще одного генерала — 7-й Сибирск[ой] дивизии Мясникова⁶²⁰, оказавшегося для своего дела непригодным и ищущего где-нибудь устроиться. Маршрутом избрал — *Минск* — *Орша* — *Витебск* — *Невель*⁶²¹ — *Дно*⁶²² — *Псков*⁶²³ — *Валк*⁶²⁴ — *Вольмар*⁶²⁵ и *Венден*. Езды, пожалуй, суток трое. Попаду, вероятно, прямо «с корабля на бал». Плыви, мой челн, по воле волн!.. [...]

В решительный момент своего выезда из *Ивенца* оказалось, что всем нам не уместиться в автомобиле, пришлось часть вещей с денщиком погрузить в подводу; в ожидании ее прибытия пришлось задержаться в *Минске*, куда я прибыл уже в 6 часов вечера, занявши с большим трудом небольшой № в «Европейской» гостинице, где волей-неволей поселился вместе с генералом Мясниковым. Человек он словоохотливый и всю дорогу говорил, по службе страдает невезением — обходят его наградами и должностями, занят он теперь до поэтического вдохновения всяким строчением по разным инстанциям *pro domo suo*⁶²⁶. Все наши воеводы одним миром мазаны, с брезгливостью я отношусь к их узколобой жратвенно-похотливой идеологии сикофантов, но сей земномытующийся незадачливый генерал — вижу — не хуже других, занимающих более высшие

ответств[енные] посты. Мясников этот командовал бригадой в 7-й Сибир[ской] дивизии, когда в канун 1915 года⁶²⁷ под *Арисом* дивизии приказано было идти в наступление без строго соображенного плана — по-пошехонски, более половины 26-го Сибирск[ого] стрелк[ового] полка было потоплено, убито...

Рассказал сей генерал потрясающие вещи, к[ото]рые, как он подчеркивает, не перейдут и в историю! Несчастливая эта операция (см. мой дневник выше), так глупо совершенная и задуманная, в официальных донесениях представлена была совсем в ложном освещении путем обычного у нас передергивания карт. И Радкевич, бывший тогда команд[иром] Сибир[ского] корпуса, и Трофимов, бывший начальн[иком] дивизии⁶²⁸, а теперь занявший место Радкевича, утаили великую тайну, сблизившую их с тех пор на почве соглашения не выдавать друг друга⁶²⁹. Все больше и больше убеждаюсь в том, какая преступная фальшь, какой наглый обман заключается во всех официальных описаниях событий и деяний отдельных лиц. Что после всего вплотную виденного можно сказать о нашей истории? История — это миф; как один армянин выражался, «это хорошее — мы сделали, а то дурное — сделали другие». Беспристрастную историю теперешней, японской и русско-турецкой (77 года) войн суждено, может быть, узнать поколениям нашим в XXIII столетии! Сами офицеры Генерал[ьного] штаба мне признавались (и довольно покойно!), что в разборе истории войн в их академии профессора не всего могут коснуться беспристрастной критикой — особенно где проявлялись действия высочайших особ. [...]

2 февраля. Хорошо выспался на изысканно-мягкой постели. Вещи пришли. Сегодня ночью еду на *Оршу — Дно* и т.д. Послал милой Лялечке поздравление с днем ее рождения, прибавивши в заключение, что «везу тетю в Лифляндию». [...]

В газетах трубят о наших крупных победах под Эрзерумом⁶³⁰; готов поклясться, что в действительности там, на Кавказском фронте, наше положение так же печально, как на этих фронтах. [...]

Ночью погрузился в вагон; слава Богу, что удалось достать плацкарт на спальное место вплоть до *Дна*; при входе в купе встретил одного прилично одетого господина, оказавшегося евреем, он

с выражением трепета обратился ко мне с просьбой о разрешении быть со мной в купе, в к[ото]ром он уже тоже взял плацкарт; когда я ему объяснил, что я не имею никакого права посягать на его несомненное право занимать купленное им место, он пришел в умиление, уверяя меня, что с ним из военных редко кто до сих пор обходился так хорошо — ласково, как я, а то недавно, наприм[ер], один из молодых офицеров, обозвавши его «жидовской мордой», не позволил ему воспользоваться приобретенным плацкартом и выгнал его из купе. Таковы наши нравы!

3 февраля. Ночью прибыл на *Дно*; перед тем за 1½ часа поезд уже ушел на *Псков*, и мне пришлось в ожидании следующего отходящего туда через сутки поезда поискать мало-мальски подходящего ночлега, так как на маленькой станции помещение было битком набито публикой, удалось найти № в прилегающей гостинице (с позволения сказать); не без панического страха обратился к содержательнице ее с вопросом, много ли клопов? Но она меня успокоила уверением, что ни одного клопа я не увижу. При подозрительной чистоте изготовленного мне ложа я не решился раздеваться как следует, а залег в полном облачении. Получил на станции пришедшие от 3-го числа петроградские газеты.

4 февраля. [...] Около 10 час[ов] вечера выехал на *Псков*. Около 1 часу ночи пересел на поезд, отходящий из *Пскова* на *Венден*. В *Пскове* на вокзале развевались флаги. Встретился со следовавшим по тому же пути, как и я, генералом Долговым⁶³¹, назначенным командиром того же корпуса, в к[ото]ром я буду корпусным врачом. Я был обрадован этой комбинацией, т[а]к к[а]к знаю Долгова за образцового и деликатного человека. Отпадает для меня, таким образом, крупный «внутренний» враг, чувствую вследствие этого полную готовность бороться с внешним врагом доидеже есмь. Из разговоров со словоохотливым Долговым узнал, что он был отчислен от командования 19-м корпусом, был в резерве, весьма убедительно доказывает, что сделался жертвой сплетен и интриг за действия корпуса под *Илукстом*⁶³²; Плеве-де — выживший из ума старикашка; Боже мой, как послушаешь его — что за вавилонское столпотворение творится у нас в штабах армий! Хотя для меня сей генерал один из симпатичных военачальников, но все же красной

нитью проходят у него преобладающие над другими расчеты на звонкую монету, на узко-карьерные цели; корысть и нажива — самые главные движущие пружины нашего командного состава, льющие же кровь массы — жертвы их настроений, личных домогательств и фокуснических проделок — это лишь навоз. Передавал мне об аудиенции у государя в Ставке, где собраны были всевозмож[ные] иностранные агенты и был к[акой]-то наш преосвященный... Всевластная роль фредериксов, воейковых... Государь играет лишь роль орудия у хитрых и ловких царедворцев. Китайские церемонии при представлении и за завтраком... кошмарные картины универсального лишь себяустройства потеплее, безопаснее и похлебнее. Виден лишь апофеоз самого грубого эгоцентризма. Что же нас выручит? Что нам принесет победу? Может ли быть конечное торжество самодурства, произвола и надругательства над здравым смыслом?.. Повспоминали с Долговым о генерале Парском, теперь начальнике дивизии, — человеке несомненно достойном, но скромном и честном, а потому остающемся в тени и даже немилости... Бывший командир Фанагорийского полка Гришинский⁶³³, в боях под Замостьем бросивший полк и бежавший, — теперь, благодаря красавице жене, хорошо устроился в штабе к[акой]-то армии и уже генерал! Галкин, начальник штаба 46-й дивизии, оказался, по уверению Долгова, жуликом и аферистом; начальник гренадерской дивизии Добрышин, бросивший дивизию, под суд не попал и тепло устроился начальник[ом] штаба Казанск[ого] в[оенного] округа; начальник артиллерии 25-го корпуса Н.В. Коханов (*et tu, Brute!*³⁴) — и тот оказался как и все: всяческими неправдами тщетно добивался Георгиевского креста — до нахальства!

5 февраля. [...] Около 2 часов дня прибыл в *Венден* — городок, очень напомнивший мне *Марграбово*; остановился в гостинице «Балтишер Гоф». Атмосфера — немецкая! Чистота, аккуратность. [...]

После обеда зашел в штаб 12-й армии, побывал в санитарн[ом] отделе; начальником его после Беккаревича (врача) назначен как[ой]-то недотыкомка-полковник Арнольд⁶³⁵; он так был передо мной сконфужен, что поторопился с ужимками скорее мне представиться... Гнетущее впечатление циничного надругательства военных властей над санитарией и медициной, и вообще — над

здравым смыслом и совестью! Арнольд в разговоре со мной, глупо похихикивая, сказал, что он скоро на $\frac{3}{4}$ будет доктором!! Так в нашей «испрохвостившейся» Руси повелось, что пироги печь представляют сапожника, сапоги же тачать — пирожника.

Мой 37-й корпус только что формируется и составляется из сборных и, пожалуй, всяких сбродных частей; входящие в него дивизии 120-я и 121-я стоят под *Ригой*, куда не премину вскоре же и съездить. Штаб корпуса тоже лишь формируется, пока будет здесь — в *Вендене*. [...]

6 февраля. Солнечный, веселый день; природа представляет зимний ландшафт; район расположения учреждений штаба армии напоминает Швейцарию. Ночь проспал покойно; сверх ожидания, не оказалось ни одного клопа; вот что значит — хоть бедная обстановка, но чистая. Представлялся командующему армией Горбатовскому, оставлен был в штабе обедать вместе с своим командиром Долговым. Мой корпус представляет [собой] пока нечто аморфное, части его еще пока влиты в другие корпуса, не выделены, санитарные же его учреждения формируются чуть ли не в Казани. [...]

Прибыл начальник штаба генерал Васильев⁶³⁶, произвел на меня впечатление не из симпатичных — видно, что неврастеник и малого удельного веса человек аферистического типа.

8 февраля. Прекрасная зимняя погода. Окрестности *Вендена*, где расположился штаб армии, представляют нечто швейцарское. При принудительном характере той жизни, к[ото]рой приходится жить, большим уже благом для меня является отсчитывание: день да ночь — сутки прочь! Влachu бремя тяжелых переживаний и страдаю от нестерпимой невыявленности вовне бьющихся в тисках мыслей и чувств. Плюгавый полковничешко Арнольд — начальник санитарного отдела! — в разговоре со мной все старался уверить меня, как сильно он стремится опять возвратиться в строй после перенесенных им двух контузий (!!), но командующий армией — его бывший батальонный командир — как бы навязал ему настоящую должность и заставил его, таким образом, по образному выражению сего засранца, «променять меч на клистирную трубку» (*sic!*). Апофеоз цинизма! Его помощник — дивизионный врач Дюбург, порассказал мне об обстоятельствах, вызвавшихстрое

свержение с должности только что перед ним назначенного начальником санитарн[ого] отдела врача Беккаревича, а вышло это просто-напросто из-за того, что Беккаревич, будучи, несомненно, человеком с развитым чувством собственного достоинства, обнаружил свое лицо (по терминологии молчалиных — оказался «бестактным»), не выявив, между прочим, показной услужливости подчиниться сексуальным предубаждениям штабной клики устроить из резерва сестер милосердия дом терпимости! Знакомая уже мне отвратительная картина по 10-й армии, одна из побудительных причин моего бегства отсюда⁶³⁷. [...]

10 февраля. [...] В вагоне встретился с одним знакомым фельдшером из штаба Верховн[ого] главноком[андующ] его, сообщившим мне, что готов уже высочайший указ о назначении Куропаткина главнокомандующим Северного фронта. Назначение, думается мне, сделано весьма удачное. [...]

Разговорился с начальником штаба и другим ехавшим генералом о коменданте Новогеоргиевской крепости Бобыре — отзываются о нем с самой лучшей стороны к[а]к о начальнике и человеке. В нек[ото]рое оправдание его малодушия по сдаче крепости с большим гарнизоном мои собеседники приводили семейное его несчастье: лет 5 тому назад он потерял свою единственную возлюбленную дочку. [...]

Около 7 часов вечера прибыли в *Ригу*. Остановились пока до отвода нам квартиры в самой лучшей гостинице «Рим», расположенной недалеко от станции против величественного здания бывшей немецкой оперы. Ходят отличные трамваи. Все на немецкий лад. Боже мой! Зачем было немцам с нами воевать, когда мы ими были и так завоеваны — это видно во всем! При гостинице роскошный ресторан; № шикарный; попал как в рай! Вышел было прогуляться, ч[то]б[ы] осмотреть город, но кругом — тьма кромешная: город по военным соображениям не освещается; в гостинице самым строгим образом следят, ч[то]б[ы] окна были на ночь хорошо занавешенными. Из корпусных штабов здесь будут стоять наш да 7-го Сибирского (Радко-Дмитриева).

11 февраля. [...] Являвшиеся сегодня корпусному командиру начальники дивизий так живо напоминали собой пошехонских

горе-богатырей. Начальник штаба моего корпуса — из моншеров, с гордостью подчеркивает свое бывшее звание «семеновца», и вообще большой очковтиратель, с чувством величайшего наслаждения раскатывает в автомобиле и устроил себя «для представительства» в огромной, шикарно обставленной квартире со всеми удобствами. [...]

12 февраля. Из гостиницы перебрался в отведенную мне хорошо меблированную квартиру к содержательнице пансиона еще в мирное время — Фриде Карловне, чистойшей немке, но порядочно говорящей по-русски; начальник штаба и командир корпуса реквизировали себе более просторные и более богатые помещения из тех, к[ото]рые с полной обстановкой остались брошенными прежними их обитателями. [...]

14 февраля. [...] Формирующийся штаб корпуса, к моему великому счастью, начал жить так дружно, съюченно, что большего и желать не оставляет; командир корпуса Долгов пользуется моим глубоким уважением за деликатное отношение ко мне; начальник его штаба Васильев — из пижонов-рвачей-хвачей, узколобий «славный семеновец», держит себя ко мне с большим респектом; дикую его идеологию я и не пытаюсь корректировать ввиду безнадежности метания бисера... [...]

Порассказал он нам за обедом без тени иронии, как приготовлялись войска к встрече государя: снятых с окопов нижних чинов целую ночь переодевали во все новенькое, в момент высочайшего смотра приказано было так здорово живешь стрелять из пушек — «инсценирована была, — как он выразился, — полная боевая картина...» Государь остался всем доволен и благодарил... Славный этот семеновец, сорвавший за свою храбрость георгиевский темляк (инсценировка здесь, конечно, по обыкновению тоже сыграла свою роль!) выразил большое удивление за несправедливое якобы отношение депутатов Госуд[арственной] думы к Сухомлинову, требовавших для него применения такого же суда, как и в отношении одного бедного солдатика, умышленно прострелившего себе пальцы и за то расстрелянного. «Какое преступление совершил Сухомлинов?» — говорил сей семеновец. — «Никакого». «Любви лишь все возрасты покорны», так чем он виноват, если жена его требовала

от него много денег, ради чего этому «почтенному» министру всячески приходилось изворачиваться в добывании соответств[ующих] кушей денег, напр[имер] — ездить на один день во Владивосток, ч[то]б[ы] получить лишние прогонные, и проч., и проч. Но ведь нельзя же-де никоим образом обвинять Сухомлинова в измене! Жил-де только выше средств своих — вот и все!! Против этого «только» я ничего не считал возможным возражать. Ведь глубокая пропасть лежит между нами — «штатскими» и военными, да еще «семеновцами», в понимании вопроса чести и долга... Два правосознания, два чувства чести!¹⁶³⁸

15 февраля. [...] Только что возвратился из бани — приехал командующий армией Горбатовский, высказавший желание, ч[то]б[ы] мы поскорее двигались на *Митаву*⁶³⁹; завтра, сообщил он, с вечерним поездом прибывает Куропаткин, к[ото]р[ый] дня 2—3 употребит на объезд позиций. Очень рад буду его видеть.

16 февраля. [...] Вечером приехал Куропаткин. Прав я был, высказавши еще в начале кампании уверенность, что наступит момент, когда и Куропаткин еще выдвинется на сцену! [...]

17 февраля. Днем жестокая артиллерийская пальба по аэропланам, а также со стороны Далена. Стол в штабе обжирательный; сегодня ели блины со всеми онерами и атрибутами. В штаб корпуса назначен на должность старшего адъютанта штабс-капитан Соколов — георгиевский кавалер. За столом я неосторожно спросил его, не из раненых ли или контуженых он — получил отрицательный ответ; значит, попал к нам по протекции. Ох уж эти все георгиевские кавалеры: как только получают белый крестик — сейчас же обнаруживают центробежную тенденцию устроиться куда-н[и]б[удь] подальше от огня, а, казалось бы, им бы более, чем кому другому следовало оставаться на позициях для подбодрения и воодушевления наших «серых» воинов, по своему составу ныне особенно нуждающихся в настоящих руководителях! [...]

19 февраля. Объехал части 121-й дивизии, находящиеся еще в стадии творения, а между тем — готовится переход в наступление. Не ожидаю я от него ничего хорошего; не вышибить нам немцев из занятых ими позиций! [...]

20 февраля. Побывал в этапном лазарете Красного Креста и в больнице Всероссийского союза городов; прекрасное впечатление произвела на меня последняя, состоящая в заведывании женщины-врача Кадыш, местной жительницы-латышки, успевшей уже побывать и в плену у немцев. Живая, достоверная для меня свидетельница, утверждающая варварское обращение тевтонов с русскими; оказывается, что сыны фатерланда не чужды были и русской слабости — поддаваться умягчающему влиянию лиходеяния и взятки!

Сегодня на блины к нам в штаб прибыл Радко-Дмитриев и начальники дивизий. Профиль и фигура первого удивительно напоминают Наполеона. На нашем фронте, сказал он, теперь не больше 60 батальон[ов] немецких ландверов, подходящий бы был для нас момент перейти в наступление, сели бы «не было у нас грехов»... [...]

21 февраля. «Прощеный день», воскрешающий так много светлых воспоминаний из прошлого... Познакомился с уполномоченным Всеросс[ийского] союза городов. Как много сравнительного простора и гибкости в деятельности этих живых организаций, и какой мертвечиной перед ними являются наши военно-санитарные учреждения! Бессмысленная бюрократическая писанина вынула из них и душу, и сердце! [...]

22 февраля. С командиром корпуса съездил в зоологический сад. Восторг и упоение! Как все здесь хорошо! На всем лежит печать немецкой руки.

Преотвратительную разновидность человеческую представляет «семеновец» цинической развязностью в проявлении своего тупоумия и узколобости; Шингарева, Милюкова⁶⁴⁰ и В. Маклакова считает самыми опасными революционерами, могущими «погубить дорогое ему отечество»!! С этим сукиным сыном надо быть поосторожнее. Его рассказ о том, как он тщетно отыскивал в Петербурге для своих детей гувернантку, которая могла бы «патриотически» воспитать их!.. Уши вянут от диких рассуждений сего ихтиозавра...⁶⁴¹ [...]

26 февраля. [...] Виделся с коллегой Никитиным — корпусн[ым] врачом 7-го Сибирск[ого] корпуса; Господи, Боже мой, какой я перед ним в житейском обиходе младенец! Сколько

у него возвышенного самочувствия от сознания, что он корпусной врач, да еще протеже великой княгини Елизаветы Федоровны; в упоении своим величием сей от природы хлыщ и хам считает неизменным долгом проявлять себя в отношении подчиненных так, ч[то]б[ы] перед ним трепетали; упрекал меня за слишком-де деликатное мое обращение с заведующей заразной больницей г-жей Кадыш, к[ото]рая-де перед ним всегда с испугу (выразился нецензурно далее...). Я ему на это высказал свой принципиальн[ый] взгляд, что в настоящее тяжелое время мы, начальствующие лица, должны действовать для пользы дела не террором, а лаской и любовью, да и не забывать ни на минуту, несмотря на наши чины, что мы прежде всего врачи — друзья человечества. Мне кажется, что с еще большим повышением по иерархической лестнице я еще больше бы был с людьми прост и мягок. [...]

27 февраля⁶⁴². [...] После ужина много беседовал на текущие политические темы с корпусн[ым] командиром и славным «семеновцем»; высказывал я свои мнения довольно сдержанно, больше, собственно говоря, слушал, стараясь лишь втянуть их в обмен мыслей; славный «семеновец» считает за истинных патриотов таких, как Марков 2-й⁶⁴³, и рассуждал⁶⁴⁴ в духе «Прусского знамени». Корпусной командир осторожно ему оппонировал; в беседе же со мной *tête à tête*⁶⁴⁵ выявил себя, как я и ожидал от него, вполне прогрессивным человеком. Отрадный, к сожалению, редкий положительный тип русского генерала!

28 февраля. День моего тезоименитства. Пошел в кафедральный собор к обедне, к[ото]рую должен был служить высокопреосвященный Иоанн⁶⁴⁶. В храме было благолепно: пели довольно хорошо, слышались все рязанские мотивы; давно не слышал такого отличного исполнения «О Тебе радуется всякая тварь...» Из высших особ в церкви был[и] я да Радко-Дмитриев, остальные все солдатики да средняя публика; [...]

Жизнь в штабе у меня идет хорошо — по-семейному, дружелюбно, благодаря, конечно, наличию такого командира корпуса, к[а]к Долгов — человека весьма благородного, гуманного, просвещенного, культурного, которого я полюбил и глубоко уважаю; он весьма здраво смотрит на вещи и сознает необходимость во благовремени

теперь же дать России и ответственное министерство, и ослабить полицейскую опеку и проч. в духе прогрессивного блока — вообще выполнить высочайший Манифест 17 октября! А иначе, согласно думаем мы с ним, Россию ожидают в недалеком будущем ужасные потрясения. [...]

29 февраля. [...] Формирование корпуса идет черепашим ходом. Большой некомплект у меня врачей, фельдшеров и полное отсутствие военно-врачебных заведений; помилуй Бог, если начнутся теперь бои, много придется изведать горя. А устроились мы в *Rige*, как будто рассчитываем прожить здесь целый год; славный «семеновец» в стремлении к комфорту устроил при штабе парикмахерскую чуть ли не с маникюрами и педикюрами! Быть для нас большой беде! При единоборстве дезорганизованности и неподготовленности с образцовой организацией и подготовкой — в чем могут быть шансы победы нашей растяпости над планомерной тевтонской методичностью и систематичностью⁶⁴⁷? В чем?

МАРТ

1 марта. [...] Нахожусь вдали от штаба армии, не вижу «пира во время чумы». Чувствую себя благостно, нервы мои совершенно окрепли. С командиром корпуса установились отношения, не оставляющие желать лучшего. Бессмысленно меня не дергают; ни со стороны его, ни со стороны окружающих не испытываю наглого желания всецело тебя поглотить. [...]

2 марта. В связи, очевидно, с событиями под Верденом зашевелились у нас, на Рижском фронте. Корпус же мой совершенно еще не боеспособен — нет еще необходим[ого]: обоза, лошадей и проч. оборудования. Не жду ничего путного от нашего наступления. Немцы мне представляются непобедимыми; обстоятельства все так складываются, что они с нами и нашими союзниками ухитряются справляться по отдельности. Францию Германия победит как более сильная военно-культурная держава; Россию же победит как более сильная культурно-военная держава! Так говорит здравый, по-видимому, смысл.

Немцы по нам теперь стреляют из наших пушек и нашими снарядами. [...]

4 марта. Сегодня в *Риге* был командующий армией, вчера же в *Вендене* — главнокоманд[ующий]. Готовится с нашей стороны наступление, громче заревут пушки и рекой польется «серая» кровь. Сыграем, вероятно, опять в «короткий, но сильный удар», иначе говоря — стукнемся носом о стену. Печально взираю на предстоящий эксперимент, не сулящий торжеств русскому оружию. Больно уж у нас все первобытно, у противника же — все усовершенствовано! [...]

5 марта. Погода кислая-раскислая. Туман утром. Не сегодня-завтра начнется бойня. 120-я дивизия двумя отрядами стала на позиции, 121-я пока в резерве; завтра еду по полкам. Вечером пошел за компанию с корпусным командиром в кинематограф посмотреть комедию-фарс. Прекрасное помещение, отличный струнный оркестр. За городским гомоном глухо слышалась артиллерийская пальба. [...]

6 марта. Тотчас после обеда покати в автомобиле на позиции, занятые полками 120-й дивизии к югу — юго-западу острова Дален; примазались ко мне за компанию и д. начальника штаба симпатичный подполковник Генерал[ьного] штаба Дитц⁶⁴⁸ (настоящий начальник штаба — пшиут «славный семеновец» генерал Васильев уже успел уехать в отпуск) и двое милых юношей штабных («дроздов») для службы связи.

В *Плаунеке*⁶⁴⁹, в убогом фольварке, застали начальника дивизии Колянковского⁶⁵⁰ с его начальником штаба генералом Зумблатом⁶⁵¹ и некоторыми из офицеров этого же штаба. Колянковский, желчный хохол, рвал и метал по адресу начальствующих лиц, что одолевают его бумагами, часто бессмысленными, бессодержательными и одна другой противоречащими, предъявляя ему и частям войск лишь одни требования и ни в чем не проявляя желания им помочь, иллюстрируя всю эту филиппику массой прискорбных примеров, вроде того, что присылают пулеметы, но без необходимых принадлежностей, засылаются предназначенные орудия для одной части совершенно в другие части, имеющиеся сапоги на солдатах вскоре же после их непродолжительной носки разваливаются, и т.д. и т.д. — вариации все из давно уже мне известной и знакомой истории нашей бестолочи! Генерал Зумблат, как бы

аккомпанируя Колянковскому, усердно тщился втолковать мне свое убеждение, как результат уж слишком позднего, мне кажется, его прозрения, что-де потому нас немцы и колотят, что нет у нас порядка; высказанный им трюизм он, очевидно, полагал, что для меня будет каким-то откровением! Настроение, одним словом, в штабе дивизии самое злобно-раздражительное против верхов. То же встретил я и в полковых штабах. [...]

По весьма секретному распоряжению сегодня в ночь должно было бы начаться наше по всему фронту наступление, но внезапно дан пока отбой. Целый день сегодня зловещее затишье перед большой бурей. Страшно жаль мне так глупо в массах гибнущую нашу «серую» молодежь — именно глупо, т[а]к к[а]к ими как марионетками-пешками маневрирует бессмысленная воля малодушных начальников; ну хотя бы взять генерала барона фон Таубе, к[ото]рый несколько раз уже отчислялся в резерв по малоспособности; как можно ему доверять тысячные массы людей?! Отрадное явление представляет Пуришкевич своими организаторскими талантами. Здесь, на поле брани, он буквально «*Figaro — ci, Figaro — la*»⁶⁵² — везде он, везде он вовремя ухитряется быть нужным своими многочисленными организациями; это какой-то волшебник! Да простит ему Господь все его прежние согрешения!

120-я дивизия должна действовать вкупе с 13-й Сибирской дивизией; первая — еще плохо обстрелянная, второй же предугазано успешной атакой себя реабилитировать за октябрьское отступление. [...]

7 марта. [...] В 9 часов утра завтра выезжаю с уполномоченным Союза городов Алисовым и дивизионным врачом к месту кровавой бойни — в *Пумпер* и *Биттен*⁶⁵³; указали мне, как пробраться туда, ч[то]б[ы] не влететь в расположенные несколько севернее их батареи, долженствующие действовать во всю ночь. [...]

8 марта. Ночью спал тревожно; снились нехорошие сны. Ровно с 5 час[ов] утра загрохотала артиллерия. В 9 утра заехал за мной в автомобиле уполномоченный, и мы покатали в самую гущу человеческого кровопускания и безумия. Осмотрел добросовестно все передовые и главные перевязочные пункты, как наши, так и общественных организаций, не внося, по обыкновению, в них никакого

административного террора, а лишь подавши где нужно совет и принявши посильные меры содействия. Зато мой коллега Никитин, корпусной врач 7-го Сиб[ирского] корпуса, в восторге и упоении своей властью, да еще как «лейб-медик великой княгини Елизаветы Федоровны», всех подведомственных ему лиц держит в постоянном трепете; когда он при мне на них кричит, то я себя чувствую перед ним таким маленьким-маленьким, чуть не ничтожеством, и, должен признаться невольно как-то сам проникаюсь животным страхом и, к стыду моему, даже бóльшим вроде как бы уважением перед способным быть в таком возвышенном самочувствии и так не чувствуя никакой неловкости проявлять перед своими подчиненными в такой карикатурной форме свой престиж «крепкой власти» моим коллегой — истинно русским хамом! Уж с детства у меня такая идиосинкразия: боюсь пауков, червей и полицию.

В свойственном истинно русским хамам стремлении козырнуть и возвеличить себя за счет умаления других («мы»-де и «вы»!) он позволил было себе при мне наброситься на бедных моих врачей 478-го полка⁶⁵⁴ Апресьяна и Клеминера (призванных из запаса и не выдавших никогда военной службы) за то, что они будто бы бежали из *Нейгофа*⁶⁵⁵ — с передового перевяз[очного] пункта, дорога к к[ото]рому действительно обстреливалась, и они правда — «дрогнули», грозя им, как «жидам», донесением в высшую инстанцию и чуть не смертной казнью. Я за них сильно вступился, признавши их «виновными, но достойными» более человеческого к ним отношения, и инцидент тут же ликвидировал. А не гожусь я все-таки в начальники там, где надо кричать, топтать и разносить, да и по другой причине: почти никогда не в состоянии я сделать себе самовнушение, что вот такой-то «провинившийся» человек действительно виноват, ч[то]б[ы] с легким сердцем сейчас же его и «вздусть», а потому не умею я «накладывать взыскания» на человека, к[ото]рого я всегда найду мотивы признать заслуживающим снисхождения.

Не удалось мне и на этот раз познакомиться со ставшим для всех военных, без преувеличения можно сказать, каким-то кумиром — «Владимиром Митрофановичем»... Пуришкевичем, питательно-

перевязочн[ый] пункт к[ото]рого расположился в *Дамалте*⁶⁵⁶, а сам он ожидается сюда с южного фронта завтра-послезавтра; в раскинутых по всему фронту его учреждениях всегда и всякому можно найти и пристанище, и быструю помощь, и покормиться, и попить чаю, кроме того — получить многое по части и одеяния.

Бой шел ожесточенный. Настроение у всех бодрое. И если бы постигли нас теперь серьезные неудачи, то это отразилось бы весьма скверно на солдате в моральном отношении.

Возвратился около 5 час[ов] вечера, уставши сильно и душевно, и физически. По денной сводке данных — ничего утешительного для нас не вышло, а людей положили много. О времени нашего наступления немцы были, по словам пленных, заранее осведомлены; удержать нам захваченных было двух линий окопов не удалось по обычной истории — отсутствию поддержки взаимной, по запозданию резерва и прочей российской растяпости.

9 марта. До обеда сильный снегопад с наклонностью к таянию, после обеда — чудная глубоко зимняя погода, потянул ветер и загибает к морозу. На позициях затишье. Кажется, что и стихии нам не благоприятствуют, так как расчет нами делался на наступившее тепло. Даже из санитарного отдела по бюрократическому предвидению пришла телеграмма: «Прекратить срочные донесения о случаях обморожения».

За несформированием еще вполне моего корпуса положение Долгова теперь, во время боев, довольно неопределенное и обидное: он еще не командует своим корпусом, дивизии к[ото]рого порознь придаются другим корпусам; начальнику же нашего штаба — «славному семеновцу» — разрешено даже в такое горячее время не торопиться преждевременным возвращением из отпуска! Толстокожий пшют и не понимает, что этим подчеркивается его явная никчемность. [...]

10 марта. Райский солнечный день при морозе около 10 градусов⁶⁵⁷. На позициях тихо. Острая тоска о мире всего мира. Радко-Дмитриев вел бой с большим самоотвержением и личной храбростью. В штабе получены сведения о наших перебежчиках, преимущественно — поляки; предписано не ставить их в сторожевое охранение и в разведки. [...]

11 марта. Картина глубокой зимы. Прелестная погода. Сибирцы заняли позиции наших дивизий (собственно, одной 120-й див[изии]); мы же отошли в резерв.

В телеграммах штаба Верх[овного] главноком[андующ]его о бывшем 8 марта нашем наступлении ничего не упоминается. [...]

Вечером за компанию с корпусным командиром пошел в городской театр. Было довольно пусто; Радко-Дмитриев не был по случаю простуды: промочил ноги при командовании на позициях 8-го числа, шинель у него была прострелена во многих местах. [...]

12 марта. Оттепель и ветер. 120-ю дивизию выхватывают у нас в 6-й Сибирский корпус. Радко-Дмитриева назначают командующим 6-й армией. Большой минус будет для дела обороны Рижского укрепленного района. О недавних боях наших официальная телеграмма гласит: «в Рижском районе у сел[а] *Плаканен*⁶⁵⁸ и в районе южнее о[стро]ва Дален наши войска имели столкновения с сильными отрядами неприятеля». Формирование корпуса идет черепашьим ходом. [...]

13 марта. Отличная погода. Немецкие аэропланы, пальба по ним. Глухая, редкая канонада со стороны Далена. С командиром побывали сначала в лютеранском соборе (Домской церкви), а оттуда в нашем соборе; и в том и другом хорошо пели. В отношении благолепия нет храмов лучших, чем наши православные! [...]

14 марта. 120-ю дивизию затрепали: только что она пришла в 6-й корпус — немедленно предписано ей следовать опять назад. Люди измучены переходами и нервным их дерганьем. [...]

Получены сведения, что летит цеппелин. После ужина зашел к командиру, послушал граммофон⁶⁵⁹, а потом пошли гулять; долго бродили; человек он словоохотливый и все время рассказывал мне о претерпленных им обидах со стороны Плеве, о злополучиях под *Илукстом* в октябре месяце, когда в одном сражении в 19-м корпусе полегло три полка⁶⁶⁰, о бегстве 13-й Сибирской дивизии, и проч. и проч. Целую ночь по небу шарили наши прожектора. [...]

15 марта. Дивный солнечный день. Сверх чаяния — не было аэропланов. С юга доносится прерывистая канонада. Под большим секретом: завтра с 3 часов ночи предназначено наступление без пред-

варительной подготовки артиллерийским огнем (ч[то]б[ы] обмануть неожиданностью немца!); уложить должны массу людей; 120-я дивизия моего корпуса вместе с латышскими батальонами должна сыграть роль тарана, будучи поддержана с левого фланга 13-й, а с правого фланга — 12-й Сибирской дивизией. Под *Плуканен* и под *Симан, Лен*⁶⁶¹ на позициях еще по одному полку 121-й дивизии.

16 марта. [...] В 9 утра за мной в автомобиле заехал граф Зубов с своим помощником, и мы все-таки покатали на *Плаунок — Дамалт*. В Плаунок застали Колянковского, начальника 120-й дивизии со штабом; полки его отходят, люди измучены бессмысленным их дерганьем за последние восемь дней, приходилось одному полку в сутки совершать переход почти в 80 верст. И Колянковский, и его начальник штаба ругательски громят высшее командование за безалаберные распоряжения; в изображении сих генералов развал в действиях и взаимодействиях наших штабов, развал в управлении и войсками, и всем тылом с российской державой включительно иллюстрирован был массой конкретных фактов с такой безотрадной выпуклостью, что даже и меня поразило — меня, уже давно переставшего удивляться всем кошмарным явлениям русской действительности. [...]

19 марта. [...] Виделся с уполномоченным Кр[асного] Креста Тимротом⁶⁶² — типичный бюрократ-сноб; всевозможные меры принимаю, ч[то]б[ы] пользоваться главным образом лишь услугами «Земгора». [...]

20 марта. [...] Все очень радуются назначению командующим 12-й армией Радко-Дмитриева, пользующегося общей симпатией как прекрасного человека и военачальника, зато Горбатовского очень не любят, и чуть ли не больше всего за то, что он был очень скуп на награды. Начальник его штаба генерал Беляев⁶⁶³ и прочие ставленники Горбатовского встревожены перспективой, что будет новый «хозяин» и им придется как прислуге «отойти от места».

Этот анафема-«семеновец» чуть ли не провоцирует меня утверждением, что милюковы-де и шингаревы — антипатриоты и хотят лишь одного: ч[то]б[ы] только добиться министерских портфелей! Всякая сволочь, конечно, в состоянии судить о других

только с точки зрения своей же сволочной идеологии! Не выше своего кармана и своей утробы! [...]

22 марта. [...] Неприятное известие: Долгов назначается в 7-й Сибирский корпус, а в 37-й какой-то Третьяков⁶⁶⁴ из 42-го корпуса. Очень-очень жаль, за все время нашего с ним сослужения я не слышал от него ни одной дикой мысли и не видел ни разу проявлений к[акого]-либо хамства к подчиненным, не исключая солдат. Для меня в этом отношении он явился каким-то уником среди наших витязей.

23 марта. Погода такая же очаровательная. Насладился прогулкой по Царскому саду. С фронта глухо доносится ураганная канонада. Вечером проводили Радко-Дмитриева. [...]

25 марта. [...] Приехал новый корпусной командир — человек, по-видимому, благодушный и не хам, призывал всех штабных жить между собой в мире и любви. Правильно! Мое мнение о никудышности начальника 121-й дивизии генерала Таубе для полевого командования войсками совпало с таковым высшего начальства: он неожиданно для себя удален в резерв! Другой — начальник 120-й дивизии Колянковский нудно тянет свою служебную лямку, вождедея при первой возможности уйти на покой. [...]

26 марта. [...] Новый командир Третьяков проявляет себя тюфяком и, вероятно, попадет под власть «славного семеновца». Я смотрю на все свысока и слишком не заискивающе отношусь к новому патрону. Мои полюбившие меня коллеги — дивизионные врачи — встревожены распространившимися слухами, что и я ухожу из 37-го корпуса в 7-й Сибирский к Долгову. С этим милым человеком мы сегодня всем штабом снимались.

Ушел главнокомандующий Южного фронта Николай Иудович Иванов⁶⁶⁵, и на его место назначен кавалерист Брусилов⁶⁶⁶. Неопределенные слухи ходят о предстоящем будто бы уходе Куропаткина на место Алексева⁶⁶⁷, а Алексева — чуть ли не в Госуд[арственный] совет. Совершается обычная мена докторов у постели тяжело больного человека! Как ни садитесь, а все в музыканты не годитесь: не верю я в возможность нашего наступательного шествия; послал бы лишь Господь, ч[то]б[ы] хоть удержаться на тех позициях, на к[ото]рых стоим! [...]

28 марта. [...] За столом сегодня завелся разговор с участием в нем командира (порядочная, видимо, жопа!), особенно же — «славного семеновца»; затронуты были такие щекотливо-крупные вопросы, и разрешались они сплеча таким детским лепетом, что жутко было слушать. Я все время молчал, напрягши все усилия, чтобы не крикнуть: «Караул!» Подумать только, что ведь такими людьми комплектуются у нас администраторы и такими людьми окружен трон государя; в руках таких людей судьбы нашей России. Боже мой! Как безотрадно грустно! Возвеличить Россию, даже и в настоящий момент, рассчитывают ничем иным, как только ежовыми рукавицами да кузькиной матерью! [...]

30 марта. [...] «Много шуму из-за яичницы»: суетятся в ожидании приезда великого князя Георгия Михайловича; вот уж кому на свете живется весело даже и в настоящую пору — это великим князьям, нашим нахлебникам.

АПРЕЛЬ

[...]

3 апреля. День райский. [...] Половину 120-й дивизии отвели на позиции под *Икскюль*⁶⁶⁸. Хотел было распорядиться об устройстве в *Куртенгофе*⁶⁶⁹ главн[ого] перевяз[очного] пункта и постановки здесь постоянно состава вагонов для заборки накаплиющихся раненых, но этот план оказался неосуществимым, т[а]к к[а]к железн[ая] дорога здорово обстреливается почти вплоть до *Лудака*⁶⁷⁰. Ходят слухи, будто немцы заняли остров Эзель⁶⁷¹. [...]

4 апреля. [...] Заглянул к командиру — скучает от безделья; поговорили с ним — не из орлов! А совсем «божья коровка». Согласился со мной, что не сдвинуть нам гранитной скалы немецких армий, и главную причину нашей немощи усматривает он, помимо сравнительной скудости в снарядах, в недостатке управления, сказавшемся, напр[имер], в мартовских боях, когда, занявши три линии немецких окопов, мы не могли развить дальнейшего успеха вследствие охватного движения тевтонов, чему мы не сумели противопоставить своего охвата. Все старые песни! Личный его адъютант — типичный немец, скверно владеющий русской речью.

Поздоровался со мной сегодня приветствием «гут морген», но спохватился и, сконфуженный, стал передо мной оправдываться... «Славный семеновец» твердо держит нос по ветру, откуда несет «жареным», под невысказываемым, конечно, лозунгом — «все для меня, все для моих удобств и карьеры»; тяготы войны не чувствует; чем больше она продлится, тем ему будет лучше; живет барином, к его услугам сотни лакеев, совсем забрал в руки безвольного старика Третьякова⁶⁷². [...]

6 апреля. [...] Из штаба Верховного главнок[омандующ]его пришла телеграмма о взятии нами *Трапезунда*⁶⁷³. Известие это встречено было в нашем штабе без всякой сенсации, без восторгов; командир мой пояснил, что портовый этот город «не был ведь укреплен». Вообще можно сказать, что с турками, китайцами, персами мы сражаться еще умеем!

Нависает над нами катастрофа со стороны Рижского залива... Ожидается очередная «чехарда» в крупном командном составе. [...]

7 апреля. В воздухе все больше и больше чувствуется теплота и ласка воскресающей жизни.

Сегодня все дела брошены ради встречи и всяческого угождения приехавшему [великому] князю Георгию Михайловичу; целую ночь телефон и телеграф слали по штабам, и «дополнительно», и «в отмену», разные предписания, касающиеся приезда [великого] князя, «серая скотинка» должна была из резерва промахать до 50 верст, ч[то]б[ы] собраться к известному часу на Соборной площади. [...]

12 апреля. [...] Формирование корпуса идет черепашим ходом. Последовал приказ об уменьшении солдатам мясного рациона до $\frac{1}{2}$ фунта. [...]

Рассуждая беспристрастно, нельзя хаять поведение нейтральных государств, что они не переходят на нашу сторону; они заняли благоразумную позицию, как бы говоря: «Победите сначала немцев, а тогда и мы будем с вами!» [...]

14 апреля. Только сегодня узнал, что минувшей ночью около 1—2 часов над *Ригой* летал цеппелин и шла по нем усиленная пальба; все жители высыпали на улицы, а я... я... спал крепко-раскрепко и ничего не слышал. Сброшено было много бомб. [...]

Пришли бумаги о моем переводе в 7-й Сибирский корпус. Очень рад! Опять буду служить вместе с Долговым, а не с теперешней жопой Третьяковым. [...]

15 апреля. Погода стоит дивная. Виделся сегодня с милейшим Долговым, к к[ото]рному попадаю теперь опять под команду. Нервы мои так хорошо настроены, как никогда за последние 10—11 лет. Искренне сожалеет о моем уходе штаб 37-го корпуса, в 7-м же Сибирском корпусе надеюсь обрести еще большую теплоту. [...]

16 апреля. Природа ликует. На фронте у нас сравнительно тихо. Но к эвакуационному пункту подъехало 6 санитарных поездов в ожидании большой бойни. Беседовал с Долговым, гуляя с ним по восхитительным стогнам *Pigi*. Говорил мне, что в близком будущем никакого мы наступления не готовим, что, слава Богу, в Рижский залив по очистке его от льда успела прошмыгнуть наша эскадра вперед немецкой, что Радко-Дмитриев при объезде позиций очень рискует собой, привлекая на себя огонь противника; мотивом такого поведения командующего армией служит единственно его желание показать пример всем остальным начальникам, ч[то]б[ы] они почаще и поближе соприкасались с «серой скотинушкой». В отношении общего стратегического положения в связи с действиями наших союзников Долгов осведомлен немногим разве больше меня, уж очень кругозор-то наш здесь в передовом районе ограничен, приходится смотреть лишь в шорах. [...]

17 апреля. [...] Сегодня провожали меня в штабе задушевно и горячо. Приказом по корпусу объявлена благодарность за «просвещенную и плодотворную» деятельность; приказ заканчивается словами: «От души желаю Его Превосходит[ельст]ву глубокоуважаемому Василию Павловичу успеха в дальнейшей службе и счастья в личной жизни»...⁶⁷⁴ Увы! Этой «синей птицы» у меня и нет.

18 апреля. [...] С сегодня я — на новом месте службы. Жаль лишь расставаться мне с теперешней уютной квартирной обстановкой — надо переселиться поближе к своему Сибирскому корпусу и жить в общем со всеми служащими здании; служащие же и вообще «господа люди», хотя и считают меня, может быть, душой-человеком, но общение мое с ними является всегда вынужденной

тяготой для меня, и я всемерно стараюсь так самооборониться, ч[то]б[ы] это общение меня не поглотило и ч[то]б[ы] оно ограничивалось лишь служебно-прикладными рамками в пределах необходимости, а затем... затем оставьте, «господа люди», меня для меня и при мне! Никаких развлечений острых мне не нужно, я так дорожу своим одиночеством, и мое отчуждение от людей⁶⁷⁵ меня только умудряет.

За обедом разговорились с инспектором артиллерии генерал[ом] Федоровым⁶⁷⁶ — мечтает о скорейшем окончании войны и о выходе в отставку.

Дела наши и наших союзников идут по-прежнему неважно. У нас неудача под Нарочью⁶⁷⁷, на Пасхе наши «богоносцы», братаясь с немцами, многие сами перешли к ним, многие же были ими полонены; из немцев же никто не возжелал перебежать к нам. Остряки выражаются, что немцы устроили у нас «пасхальный заем». [...]

19 апреля. [...] Новые мои сослуживцы в общем ребята хорошие: по попам и приход, так как командир Долгов и его начальник штаба генерал Кальницкий⁶⁷⁸, безусловно, редкостные по положительным качествам люди. Но все эти хорошие ребята для меня как выходцы с других планет — особый у них склад мышления, особый уклад миропонимания; в полемику по обыкновению ни с кем не вступаю и разговор стараюсь вести с ними в плоскости лишь гостинного жанра. Милейший Кальницкий в беседе со мной *tête à tête* очень жаловался на возмутительные засилья штаба армии в лице его начальника генерала Беляева, к[ото]рого никто не любит и чуть ли не все живущее клянет. [...]

Собираюсь с духом попроситься у командира в недельный отпуск в Москву, но... но... неудобным счел заводить об этом речь, так как послезавтра ожидается прибытие к нам Куропаткина, и мне, как районному врачу, необходимо быть в наличии и готовности представить ему доклад по санитарной части. [...]

21 апреля. До полудня — дождь, с полудня — прекрасная погода. Утром приехал Куропаткин. Целый день был начеку, ч[то]б[ы] по первому требованию предстать предясные очи главнокоманд[ующего] со всеми сведениями по санитарной части района. Уродливо у нас обставляется всякий приезд высшего начальства: все почти началь-

ники частей и мельче их бросают текущую работу и обращаются в одну только готовность быть при нем, и это мне всегда напоминает распорядок мирного времени, когда при отъезде или приезде, например, губернатора, все полицейские чины собираются возле него, оставляя город без своего недреманного ока. [...]

23 апреля. [...] Боже мой, как опаскудела наша Русь, своим государственно-общественным укладом представляющая какую-то Сахару, своим смрадным дыханием огнеопалющую всякий живой росток в ней и служащую мрачной могилой для всего, что маломальски стремилось бы стать оазисом. Одного из грандов камарильи, верховодившей судьбами России, — генерала Сухомлинова, по газетным сведениям, заточили в Петропавловку по мотивам «меры пресечения» за грабеж и государственную измену! Но один ли Сухомлинов подлежит ввержению в узилище? Ведь он один лишь из лидеров разбойной и искириотствующей мундирной безответственной «крепкой» власти. Лучше ли его все остальные царедворцы? Не в интересах ли их, ч[то]б[ы] скорее замести следы, его, как и Мясоедова, поскорее повесить? Неужели и теперь реки российской крови проливаются все за то же «так было, так будет»?

24 апреля. Пришло, наконец, разрешение мне отпуска. Завтра утром еду, предварительно известивши телеграммой своих. [...]

Уже не в первый раз мечтательно простаиваю на берегу Двины и уношусь воображением на родину — в идиллическую, спокойную, могильно-тихую Рязань.

25 апреля. Выехал утром в Москву на Петроград⁶⁷⁹. Гремела канонада. [...]

27 апреля. Москва; около 9 утра — дома. Наконец-то услышал колокольный перезвон. Мало извозчиков, очень дорогие, смотрят людоедами. Семья моя несколько дней пребывает на вынужденном мясопустии, расстройство хозяйств[енной] жизни в городе страшное. [...]

МАЙ

1 мая. [...] Около 11 час[ов] ночи поезд тронулся в Петроград, вместе в отдельном вагоне ехали французские министры Тома⁶⁸⁰ и Вивиани⁶⁸¹. [...]

2 мая. [...] В 8 вечера с Балтийского вокзала на *Ригу*. Засвежело. Еду в свой штаб, к[а]к во вторую семью, без скрежета зубного.

3 мая. [...] В 7 час[ов] вечера — красавица *Рига*. Погода проявилась, но холодно (на днях здесь, говорят, вновь большой снег!). Цветут сирень, каштан. Штаб мой на том же месте.

Повидался с Долговым. Чем-то комическим, шуточным показалось мне серьезное утверждение его, что мы будем скоро переходить в наступление. И вновь все по старому методу — стеной в лоб!

В войсках усиливается цинга. В городе — тихо, покойно. [...]

5 мая. Погода пасмурная и холодная. Утром покатило в автомобиле с Грессером⁶⁸² на левый фланг расположения нашего корпуса к *Кеккау*⁶⁸³ на Баусском шоссе. Поразительная орудийная тишина. Побывал на перевязочных пунктах, к[а]к своих, военных, т[а]к и Красн[ого] Креста (в летучках). У Грессера в летучке пообедал в компании с начальником участка генералом Савельевым⁶⁸⁴; последний в беседе со мной о сухомлиновской истории с уверенностью высказался, что солдатики наши в массе отлично осмысливают ее и сумеют безошибочно из нее сделать соответствующие логические выводы. Дай Бог, не на шутку мы собираемся переходить в наступление, намечена уже и «ударная» группа!

В корпусе у меня появилось до 70—80 случаев цинги. Думаю, что и в других корпусах ее не меньше. Люди переутомлены, замучены и плохо кормятся; мяса нет, и кормятся солониной; тяжелые окопные работы, 9-месячное почти бессменное сидение в окопах по колено в воде, в болотах. [...]

9 мая. [...] Борюсь с развившейся в войсках цингой. Боже мой, сколь поражающа картина российского приказного толчения воды в ступе — все пишем, пишем и только пишем, да еще с подковырками да «хлюстами», а воз все стоит на том же месте. А «боши» готовят нам верную западню! Часть наших штабных (начальник штаба, инспектор артиллерии...) взирают на будущее без оптимизма, часть же — совсем никак не взирает: записались! Глядя на все творящееся у нас кругом, хочется сказать: «И слыша Господь языцы...» Действий много, хоть отбавляй, но все они сводятся к судорогам и импульсам без центрального регулятора — нет головного мозга, нет и правильного функционирования нервных узлов. [...]

12 мая. [...] Получено секретное предуведомление сверху, основанное на донесении Департамента полиции, о крамольных резолюциях, вынесенных 12—14 марта представителями Всероссийского съезда городов и земств, поставившими-де целью ниспровержение существующего государственного строя. Департаментом полиции цитируются такие выражения из речей на съезде: «правительство наше попало в руки шутов, проходимцев и предателей...», «поддевки смешались с мантиями», и с особенным удручением подчеркивается тот факт, что на съезде на приветственную телеграмму государя отвечали более жидкими аплодисментами, чем на телеграмму великого князя Николая Николаевича. На организации земского и городского союза бросается страшная тень в распропагандировании среди армии тлетворных идей. Влияние этой пропаганды, а также прокламаций видят в письмах солдат, жалующихся на тяжелое житье-бытье, негодующих на начальство, с к[ото]рым обещают рассчитаться после окончания войны. Да неужели солдаты сами по себе не в состоянии на войне так прозреть, чтобы во всем ореоле осознать коренную причину разъедающих Россию язв?!

Разразившаяся канонада в позапрошлую ночь была в стороне *Иксюль — Берземюнде*⁶⁸⁵. Случилось для нас уж очень что-то постыдное и нехорошее, многих-де из 52-го стрелкового Сибирск[ого] полка надо повесить, выразился начальник штаба; ожидают подробных донесений, а они — как и все и всегда, выразился инспектор артиллерии, будут полны лжи и передержки... Настроение штабных высшего ранга не из веселых, возмущаются российской бестолочью, неправдой и всякой скверной, приводится при этом богатая казуистика из текущих событий дня, но... но... без логических умозаключений, ч[то]б[ы] мало-мальски разрешить проклятый вопрос, да что же, наконец, надо сделать, ч[то]б[ы] нам на Руси не жилось так мерзопакостно? Военный следователь полковник Дмитревский сообщил, что усиленно перлюстрируются все письма — и наши, и нижних чинов; письма солдатиков все более и более звучат в минорных нотах; одного из таких солдатиков он поневоле под нажимом начальства должен будет предать суду («за ропот!»). «Право-то правом, — говорит он, — у нас в судейском ведомстве, а политика-то политикой, и ничего не поделаешь!» «Не безопасно

нам, — прибавил он, — писать теперь и дневники!» Благодарю — не ожидал! Какой ужас! Ведь эдак, чего доброго, при нашем суде, при наших судьях и меня могут счесть за крамольника! Инкриминировать будут и мои добропорядочные отношения с «Земгором». Инспектор артиллерии всегда недоволен нашими распорядками: больно-де начальство горячится и волнуется, вносит в дело нервно-сть и бесплодное дерганье и путаницу, солдаты-де не особенно охотно идут на проволоку!! Очень нелестного мнения он о Горбатовском, получившем-де фуксом «География» на шею! Какой разврат вносят в человечество все эти давания чинов и орденов! Хотелось бы мне видеть такую страну, в к[ото]рой все жили бы и работали без расчета на получение за свою деятельность как[их] -либо чинов и внешних знаков! [...]

14 мая. [...] Прислали «последнее слово» техники — 25 тысяч на корпус противогазов-респираторов, опробованных высокой комиссией, председательствованной самим нашим верховным «Сумбур-пашой» Ольденбургским. Прodelал я нек[ото]рую репетицию, надевши эти противогазы на своих двух фельдшеров: уже через 2 минуты они стали задыхаться! А этими противогазами предписано переснабдить всех, стоящих теперь на позициях! Какое-то творится с нами наваждение, не от внутреннего ли все немца? Все мы будто бы сходим с ума. По дальнейшем испытании этих противогазов я не премину в случае их негодности поднять скандал криком: «А ведь король-то голый!» Неужели и в изготовлении этих новейших противогазов не без участия все та же афера и спекуляция, все то же наше «патриотическое» мародерство? Масса из означенных респираторов пришла без необходимых составных частей; видны наша обычная нервная спешка и халатность.

Пришла «очередная» партия, на этот раз — из Оренбурга⁶⁸⁶, отправленная оттуда 6 апреля, окороков, всяких колбас — более 1000 пудов — вся сгнившая!! Вся-то наша Россия гниет! Дай Бог, если еще не с корня! [...]

15 мая. Восхитительная погода. Штаб корпуса устроил прощальный обед уезжающему на Кавказ начальнику штаба Кальницкому; на обеде был и Радко-Дмитриев; я вместе с инспектором артиллерии сидел против него. Между прочим зашла речь о том,

не ослабляется ли воинственный дух наших солдат тем, что ежедневно в общей прессе стали появляться целые отделы «Слухи о мире». Нек[ото]рыми было предложено запретить печатать этих отделов, с ними согласился и Радко. Со стратегической и вообще военной точки зрения они, может быть, и правы, но политически, мне кажется, они близоруки: не могут они учуять, что само правительство в настоящее время, наверное, заинтересовано в распространении этих слухов о мире, чтобы мало-помалу психологически подготовить и общество, и народ к предстоящей вскоре ликвидации столь несчастно сложившейся для нас войны путем прекращения дальнейших бесплодных жертв и предупреждения еще более горших бед. Ближайшее будущее покажет, насколько мои предвидения оправдаются. Разговор еще зашел о том, какие, кроме того, меры принять относительно наших бегунов и всех сеющих в войсках смуту; Радко высказался за широкое применение к ним расстрела по его принципу для военного времени — «лучше десять невиновных казнить, чем одного виновного не наказать»⁶⁸⁷. [...] В Земский союз приехал на vacationное время профессор Юрьевского универс[итета] по зоологии Сент-Илер⁶⁸⁸, послужить в действующей армии — разодетый в военную форму, с навешенной пашкой, со шпорами, при кобуре!.. Придумывают, какое бы ему здесь дать дело. Кроме зоологии, ни к чему не горазд! Дома же ему летом от скуки, видимо, не усиделось. Жалкий комик! [...]

20 мая. День погожий. С позиций — ни звука. Прибыл Куропаткин, и в штабе армии состоялся военный совет. Собираются переходить в наступление, и главный удар возлагается на наш фронт. Спаси, Господи, и сохрани! Бывший в этом совете артиллерийск[ий] генерал Федоров рвет на себе волосы с отчаяния, утверждая, что затея — безумна, т[а]к к[а]к нам не по силам; в единомыслии с ним и другие нек[ото]рые генералы, но... но... в этом совете ни один из них не дерзнул высказаться по своему крайнему разумению — искренне и честно, а все старались лишь услужливо подлаживаться к тому, что говорили Куропаткин и Радко-Дмитриев, за глаза резко не соглашаясь с ними и нещадно их критикуя. [...]

21 мая. [...] Готовятся ударные группы, намечаются места пробы... На днях грянем в наступление... Ни у кого ни воодушевления,

ни уверенности в успехе затеваемой (наисекретно!) операции — нет. Настроение командиров в данном случае мне представляется таким же, какое было у Рождественского⁶⁸⁹ с его единомышленниками, когда они плыли в калосах к Цусиме! Все же, может быть, и оставалась надежда — единственная... на «авось», а может кривая вывезет! Обращаюсь сегодня к милейшему инспектору артиллерии генералу Федорову и говорю ему: «На вас вся надежда — предстоит ваш бенефис». Он раздраженно замахал руками, посылая всех начальников к черту за якобы нелепые их директивы и нежелание их слушать представленные им резоны, что-де на первых же порах сражения наблюдательные вышки их могут оказаться в руках неприятеля и придется палить втемную, а затем, пробивая орудиями лес, предстоит навалить такую грудку засек, к[ото]рые нам же заградят дорогу, и т.д. и т.д. «Вот вам сравнение, — говорил мой генерал, — для производства той или другой у вас хирургической операции существуют незыблемые правила, что надо-де соблюсти и первое, и второе, и третье условие, при неудаче же операции вам сто раз пишут и разъясняют, что неудача эта произошла от несоблюдения означенных условий, а теперь взяли бы да предписали вам пренебречь этими условиями и приступать прямо к операции!» О, я давно уже знаю эти трюки начальнических распоряжений!

За столом, между прочим, очень ругали нашу российскую жандармерию, выражали брезгливое отношение к ее представителям. Рассуждай так студиозы или обыкновенные штатские люди — были бы сопричислены к лику крамольников и революционеров. Нек[ото]рые господа (из артиллеристов) высказывают весьма здравые суждения относительно известной секретной бумаги Департамента полиции, касающейся съезда Союза городов и земств, очень метко называя пасквилем то место доноса, где упоминается об аплодисментах на приветствия [великого князя] Николая Николаевича и государя. Много рассказано было в *pendant*⁶⁹⁰ о пакостных провокационных деяниях известного Спиридовича...⁶⁹¹

22 мая. Неожиданно для меня получена корпусным командиром телеграмма: «Главный военно-санитарный инспектор запрашивает, нет ли препятствий к назначению д[ействительного] с[татского] с[оветника] Кравкова помощником Омского санитар-

ного инспектора при условии немедленного командирования в Омск⁶⁹². Благоволите сообщить, желательно ли такое перемещение, и желает ли его сам Кравков. 5650. Начсансев Двукраев⁶⁹³. Такое предложение в декабре месяце мной встречено было бы с особенно великой радостью. После нек[ото]рого раздумья я порешил согласиться на него и теперь; ведь не все же время я буду жить в *Riga* и не все время могу рассчитывать служить с милейшим Долговым и настоящим штабом во всем его составе⁶⁹⁴. А назревают события, чреватые великими для нас бедствиями, когда так легко сломить и свою буйную головушку. Вижу в означенной телеграмме преуказание судьбы. *Alea jacta est!*⁶⁹⁵ Еду в Омск, в эти края меня безотчетно влечет; наконец-то заживу по мирному положению и предамся своим мирным занятиям. Командир на телеграмму ответил так: «Желать перемещения не могу, но препятствовать д[ействительному] с[татскому] с[оветнику] Кравкову, изъявившему желание, считаю себя не в праве. Долгов». [...]

По телеграфным сведениям, в Северном море у Ютландии произошло крупное сражение между немцами и англичанами; потонуло много судов и с той, и с другой стороны; неизвестно, кто больше понес потерь.

Артиллерийский генерал Федоров — человек, безусловно, порядочный и со свежей головой, по натуре скептик и желчный критик, сегодня в более благодушном настроении, тем не менее выразился, что-де нет у нас высших начальников с широким кругозором, умных и рассудительных, все они-де «мужики-садовники»...⁶⁹⁶ [...]

23 мая. День ведренный, ясный. Послал телеграмму Сереже о предстоящем моем переводе и скором свидании. Кампания для меня закончена, и Бог с ней — я человек мирного труда⁶⁹⁷, изжилась в ней почти до полной неспособности связно мыслить. Подберусь на новом месте на берегах Иртыша, вдали от этого бедлама.

Сегодня в штабе выглядят веселей — телеграмма пришла из штаба Верховного, будто успешно мы наступаем по Южному фронту, взяли 13 тысяч пленных, 2–3, кажется, орудия и столько же приблизительно пулеметов. Готовятся наступать и на нашем фронте,

подвозят морские и крепостные орудия. Удастся ли мне вовремя отсюда выбраться? А предстоит настоящий ад адовый! [...]

24 мая. В дополнение вчерашней телеграммы штаба Верховн[ого] главн[окомандующ] его сегодня сообщается, что от Припяти до румынской границы нами взято всего-навсего до 25 тысяч пленных, из них — до 500 чел[овек] офицеров, еще 27 пушек и около 50 пулеметов; что же нами достигнуто и сколько наших ухлопано — ничего не сообщается. Берет большое сомнение в существенности наших успехов.

На улицах все больше и больше стало встречаться матросов. У таможи стоит только что приплывший миноносец «Сибирский стрелок». [...]

25 мая. Сегодня телеграмма из штаба Верховн[ого] главн[окомандующ] его гласит уже о пленении нами на Южном фронте 40 тысяч нижних чинов, около 1000 офицеров, более 70 пушек и проч. Но праздничного настроения ни у кого это известие не вызывает. Солдатики наши, как мне докладывал фельдшер, относятся к этому сообщению даже с бóльшим сомнением: сочиняют, говорят, чтобы подбодрить! Я сам, грешный человек, готов с ними согласиться. А хорошо бы было для суждения о степени наших успехов сравнить наши трофеи с нашими потерями, кои мы при этом понесли, и с теми достижениями, коими сейчас владеем. Уже давно я перестал верить в наши официальные бумы! [...]

26 мая. [...] Последняя телеграмма из штаба Верховн[ого] главн[окомандующ]его сообщает о пленении еще 11 тысяч нижних чинов, около 100 офицеров и большого количества орудий, а также о взятии нами *Луцка*⁶⁹⁸ и продвижении вперед на 35 верст. Боюсь и радоваться — во что-то еще вылетится наш успех? [...]

27 мая. Утром с 10-час[овым] поездом отправился в *Псков*. С перерывами бухали пушки. Погода удивительно хорошая. В дороге поздоровался со мной офицер, к[ото]рого я не узнал — некто Филатов, один из множества моих учеников-гимназистов, в разговоре и в воспоминаниях о прошлом он все время подчеркивал то, как меня любили все ребяташки⁶⁹⁹.

Ночью — в *Пскове*. Слышалось громкое массовое «ура». Я спросил у извозчика, что сие значит; он отвечал: «Это новобранцев

провожают — бабы плачут». Сообщил мне, что случилось несчастье: будто бы сначала под *Режицей*⁷⁰⁰, а недавно под *Москвой* было крушение поезда с новобранцами, и пойман-де молодой немец — виновник сей катастрофы; затем — благодарил Бога, что хлебушка уродится достаточно. [...]

28 мая. Прекрасная погода, но страшная духота в воздухе, как бы перед сильной грозой. Гостиница моя уставляется срубленными березками, несут и везут их также по улицам. Умилительное зрелище. Оказывается, завтра Троицын день.

Зашел в Управление санитар[арной] части фронта. Вызвали меня только потому, ч[то]б[ы] из благорасположения В.В. Рубцова выразить мне недоумение по поводу моего согласия на перемещение в Омск, к[ото]рое может состояться лишь при условии, если раньше меня туда предназначенный не поправится от своей болезни. Сапожник всякий смотрит не выше своего сапога, «г. люди» также не выше своих *sui generis*⁷⁰¹ сапог, наши же служащие «человечкеры» только с точки зрения орденов, чинов, внешних отличий⁷⁰². Как мало в них внутренней жизни... Согласия я тем не менее своего не изменил и буду более доволен, если уеду совсем из этой кровавой чехарды хотя бы на более скромное⁷⁰³ амплуа в отдаленный округ... Удивляюсь, к[а]к еще не дошло дело до того, ч[то]б[ы] командующие армиями назначали на должности начальников санитарн[ых] отделов своих денщиков! [...]

29 мая. Рано утром выехал из *Пскова* восвояси. Вагоны, вокзал убраны березками. Природа ликует. День Св. Троицы. В раздумье относительно заявленного мной согласия быть перемещенным в Омск. С поля брани в тыл, да еще во глубь России; в служебной квалификации попадаешь как бы во врачи второго сорта!.. Но что сделал — то сделал; отказываться не буду, а там — воля судьбы... Да поймите же меня, г. люди служилые: ведь то, что вы находите очень ценным, ради чего вы готовы поступиться всем своим «я», — на все это я смотрю с презрением и ненавистью и при первой возможности постараюсь уйти с привлекательной для вас всеми мишурными прелестями поганой службы, на к[ото]рую так бессмысленно растрачены лучшие годы моей жизни, в течение к[ото]рых *crescendo*⁷⁰⁴ росло и укреплялось во мне сознание, что не тем богам мне должно

было бы служить. А вышло в конце концов, что я был ни Богу свеча, ни черту кочерга вместо того, ч[то]б[ы] быть или Богу свечой, или же черту кочергой!

Вечером приехал в *Ригу*. Вчера и сегодня немцы, говорят, здорово обстреливали район *Кеккау-Берземюнде*. Начальник штаба сообщил, что трофеи наши на Юго-Западном фронте будто бы растут, теперь уже насчитывают около 115 тысяч пленных и продвигаемся-де вперед. Все же, я убежден, успехи наши не столь велики, как мы о них кричим. А делать «бум» мы большие охотники; ведь во всех наших реляциях и донесениях какой огромный процент лжи, кроме того — выставляются, да еще в преувеличенной степени одни лишь плюсы, минусы же замалчиваются и прячутся! Не выгнать нам немцев с занятых ими у нас земель! Нет, нет!

30 мая. [...] Получил прерадостную телеграмму от Серези: «Оставлен при университете». Как ребенок стал осенять себя крестным знамением... Был бы преисполнен почтительной благодарности к своей судьбе, если бы она, подлая, не наказала меня несчастьем дорогой Лялечки. Жду с часу на час еще телеграмму — собираться ли мне в далекий путь, или же оставаться по-прежнему в корпусе. Если уеду, то как бы выброшенным за борт военно-полевой службы по негодности к ней за недостаточно проявленную энергию по части резвости услужения властям! В этом отношении я здесь действительно ни к чему не годен и охотно уезжаю, ч[то]б[ы] не зреть в уж очень сконцентрированной форме циничных картин личного произвола и усмотрения предержавших властей.

31 мая. По последней телеграмме из штаба Верховного глав[окомандующ] его на Волынском фронте взята в плен еще 1000 чел[овек]; пока стоп машина; немцы, к[а]к выражаются у нас в штабе — очухались. Опасаюсь, как бы это очухание не свело на нуль наши начавшиеся победы. [...]

В полках у нас, оказывается, секут солдат; особенным рвением отличается в корпусе командир 48-го Сиб[ирского] полка⁷⁰⁵.

Прибыл новый начальник штаба генерал Степанов⁷⁰⁶. В разговоре за общим столом (Долгов столуется отдельно) — ни одной свежей мысли, ненавистническое отношение к евреям, необходи-

мость ежовых рукавиц для наших пейзазов и проч. в этом роде. Офицерский мундир с повышением в рангах все более и более перерождает ум человека и пропитывает его организм вонючей блевотиной. [...]

ИЮНЬ

1 июня. [...] Пришла телеграмма, что перемещение мое не состоится. Такова, значит, судьба. Зря только меня взбудоражили.

Целый день пальба. Мою летучку Красн[ого] Креста под *Флоретом*⁷⁰⁷ здорово обстреляли тевтоны: ранены — сестра, два санитары и 10 лошадей. Закупил в запас сигар на 75 рублей, а то скоро они вздорожают на 60 %. [...]

3 июня. Весь день дождь. С южного фронта телеграммы из Ставки Верховного гл[авнокомандующ] его сообщают все о новых и новых партиях пленных и прочих трофеях. Газеты ухарски хвастливо раздувают сии события до степени блистательных побед российского оружия; но не представляются они мне таковыми! Ухлопано с нашей стороны, наверное, великое множество жизней; сомневаюсь в возможность развития нашего успеха... Нет телеграмм и ничего не пишут в газетах, что мы стукнулись носом об стену у *Шлока*⁷⁰⁸ и под *Лидой* — *Барановичами*. Загрязла наша всероссийская тройка с своим тарантасищем в трясине — тройка несъезженная, неслаженная, надсаженная и надорванная, притом скверно управляемая, не хочет брать дружно и сразу... Великое безумие совершится, если мы перейдем в наступление, к которому идут приготовления, мыслимые мною в виде концерта проказницы-мартышки, осла, козла и косолапого мишки...

В письмах солдатики жалуются на плохое питание, высказывают негодование и грозят после войны расправиться, с кем, по их мнению, следует... Нельзя их винить в этом; офицерство слишком обособленно живет с ними и слишком уж контрастирует с «серой скотинкой» своей сытостью и прочими материальными удобствами. Вся командная часть действует на эту скотинку только приказами, а не показами! Есть ли у нас начальники, к[ото]рые являлись бы добрыми пастырями своих овец?! Кто из начальства обнаружил бы

хоть малейшую способность по-человечески отнестись к солдату, искренне, от души и сердца его пожалеть и позаботиться о его нуждах?! Удовлетворение солдатских потребностей совершается только за страх, но не за совесть теми, кто приставлен властвовать этой толпой рабов⁷⁰⁹. Препечальная картина действительности. [...]

4 июня. [...] 12-ю Сиб[ирскую] дивизию предположено в первую голову пустить прошибать гранитную скалу тевтонов, больше всего потому, что там много цинготных и больше, чем в других частях, замечено «идейное» брожение. У нас на Руси мало быть работоспособным, для работоспособного требуются еще условия работовозможности... Но увы!.. Почему все мы, «подданные», на Руси так злы и раздражены? А от осадного режима, к[ото]рый каждый из нас чувствует и в мирное время! [...]

6 июня. День погожий. Съездил утром в 13-ю дивизию для проверки постановки дела по противогазовой охране. Сфотографировался в группе солдат, вооруженных противогазовыми масками. Прилагаю документы: 1) о принятии самых решительных мер против нетрезвой жизни офицеров, а также относительно понаехавших к ним семей и «подруг, способствующих развитию вредной болтовни», еще 2) телеграфное предписание «срочно донести, все ли организации Красного Креста, Земсоюза, Союза городов и других работающих в корпусном районе благонадежны, или некоторые могут быть заподозрены во вредной пропаганде. Какие из этих учреждений или организаций без вреда для дела могут быть удалены из корпусных районов?»

Касательно 1): первым, между прочим, пример должен был бы подать сам командир 6-го Сибирского корпуса генерал Васильев⁷¹⁰, касательно же 2) мной дан был такой ответ, к[ото]рый соответствует моей резолюции, наложенной на телеграмме⁷¹¹. [...]

8 июня. Съездил в один из полков 12-й дивизии проверить готовность к противогазовой обороне. Погода серая, к вечеру — дождь.

Телеграммы из ставки ничего не сообщают о дальнейшем развитии наступления Брусилова. Ничего большего я и не жду, дай Бог, ч[то]б[ы] не погнали нас на прежние позиции. [...]

Прилагаю телеграмму, осведомляющую меня об обнаружении в войсковых частях революционного содержания прокламаций, вложенных в хлеб и булки, приобретенные в солдатских лавках и присылаемые посылками из Петрограда. Интересно знать, что вещают сии прокламации? Уж не провокация ли? [...]

9 июня. [...] Съездил утром в 13-ю дивизию на *Иегельсгоф*. Осмотрел 49-й Сиб[ирский] полк⁷¹². Настроение духа в войсках вообще, к[а]к среди нижних чинов, т[а] к и офицеров, какое-то апатичное, тупое; никакого подъема и воодушевления в наличии не обретается. Удивительно бессмысленное и равнодушное отношение к приложению на себя противогазовых масок: стоят, как истуканы. Разбрасываемые прокламации призывают, к[а]к мне передавали, солдат к миру — к прекращению взаимоистребления.

Прилагаю циркуляр главнок[омандующ] его от 28 мая № 1920 о возможном уменьшении нестроевого элемента войск[овых] управлений, учреждений, организаций; еще: «основы распознавания и обезвреживания лиц, подозреваемых в шпионстве»⁷¹³. [...]

16 июня. [...]. За столом сегодня рассказывали об оригинальном зрелище, бывшем вчера на Александровской улице: командующий армией гулял и всякого встречного офицера, особенно имевшего при себе «подругу», изловлял и опрашивал его в отношении исправного состояния имевшихся у каждого личных документов! Офицерство, говорят, в паническом ужасе, ч[то]б[ы] не попасться командующему, бежало врассыпную куда попало, «сигали» через решетки парков, через изгороди, самоотверженно преодолевая всевозможные на пути барьеры!.. Дело ли это? Да еще командующего армией! Все это было бы уморительно смешно, когда бы не было так отвратительно грустно. Не видно у нас живой разумной деятельности, ее заменяет механически-полицейское бумажное крохоборство⁷¹³.

Не радует меня и телеграфное сообщение из Ставки Верховного главнок[омандующ] его, что за минувшие сутки Лечицким⁷¹⁴ взято в плен 10 тысяч нижних чинов и 221 офицер с 4 тяжелыми орудиями. [...]

17 июня. [...] За обедом два моих генерала — начальник штаба Степанов и инспектор артиллерии Федоров, соревнуясь друг

с другом, вперегонки тщились доказывать, что главное несчастье России — это слабая дисциплина у нас и недостаточное количество полицейских агентов! Ничему-то наши воеводы не научились, и ничего-то они не забыли!

По последней телеграмме из Ставки, на южном фронте мы будто бы гоним в панике отступающего неприятеля, побросавшего много повозок, имущества и пленных, взят город *Коломея*⁷¹⁵, ранен генерал Келлер⁷¹⁶. Воображаю, каким счастливым себя теперь считает этот генерал, как и всякий бы офицер, оказавшийся в его положении: во-первых, не будет больше сражаться, а во-вторых — уж наверное получит соответствующую своему чину награду! Рану же свою или контузию, хоть их и следы простынут, будет всю жизнь смаковать и этим кокетничать! [...]

18 июня. [...] Вечером беседовал с Долговым, ведущим, как и я, дневник; завтра с утра грянет бой по всему Северному фронту (вероятно, и по Западному), и не с целью идти в наступление, а чтобы только привлечь на себя тевтонов, забрать побольше их в плен и возможно лучше ориентироваться в составе их сил. Затея эта — Куропаткина, и ее не разделяет ни Долгов, ни, по его словам, Радко-Дмитриев. С демонстративной целью завтра с утра выступает из резерва вся 12-я стрелк[овая] дивизия, переходит на левый берег Двины, следует по Баусскому шоссе, а затем к вечеру через остров Дален возвращается обратно на свою теперешнюю стоянку. Движение этой дивизии, рассчитывают, должны заметить немцы с аэропланов или какими-либо другими средствами, и сделать из этого наблюдения соответствующие логические выводы, что мы как будто переходим в решительное наступление! Крови изольется обилие. Каким-то результатом нас благословит Господь — вопрос ближайших дней. Успешные действия на южном фронте влили в нашу военную публику нек[ото]рую бодрость. [...]

19 июня. [...] За столом мои оба генерала (еще — начальник штаба), нисколько не портя себе аппетита, зубоскалили, нещадно критикуя распоряжения высшего начальства, иллюстрируя на фактах совершающихся событий царящий у нас хаос и полную разладку; очень сильно попадало по адресу главного инспектора

артиллерии армии графа Евдокимова⁷¹⁷, совершенно-де не смыслящего во вверенном ему деле. [...]

21 июня. [...] На латышские батальоны не знают, как смотреть — наши ли они, или немецкие? Ужасная кругом бестолочь и растяпость. Все толкуют, что рижские немцы нас предают, и ничего против этого не предпринимают, но массу изводят бумаги по пустяковой переписке. И все с надписью «секретно», «весьма секретно», «совершенно секретно». Какое-то идиотское водотолчение! [...]

22 июня. Погода славная. Всю почти ночь и с раннего утра сегодня гремят пушки; их рев последнее время стал вызывать у меня *anxietas praecordialis*⁷¹⁸. Задача штабам корпусов дана была свыше: произвести «короткий, но сильный удар» и забрать побольше контрольных пленных. Результаты за истекший день: взято 20 с чем-то пленных немцев, около 200 чел[овек] положено у нас убитыми и около 600 раненых; взятые же было две линии проволочных заграждений у неприятеля под *Катерингофом*⁷¹⁹ и *Стакесом*⁷²⁰ последними затем были у нас отняты. Впечатление среди низшего командного состава, а тем более среди нижних чинов корпусов получилось такое, что мы потерпели неудачу! Подлые преступники, безыдейные революционеры-провокаторы, деморализаторы и мерзавцы! Если не входило в задачу операции наступление на врага, то отчего заранее этого было не разъяснить, не предупредить об этом всех и каждого?! У солдат, таким образом, подрывается все более и более их уверенность в своих силах и культивируется убеждение в тевтонской несокрушимости. Уж не говоря о том, что захват около 40 пленных нами куплен слишком большой ценой, но с этим все же, скрепя сердце, можно было бы и примириться, если бы всякий знал, что затеяна была операция не наступления, а лишь «охоты на черепа», и «серая скотинушка» не так бы носы повесила... [...]

23 июня. Погода хорошая, но ветреная. Не всегда не только прочитываю, но и пробегаю полученные к вечеру телеграммы из Ставки о наших операциях по всем фронтам, как не удовлетворяющие меня по своей тенденциозности, хвастливости, однобокости, трубящие лишь о потерях неприятеля без параллельного всякий раз сопоставления их с потерями нашими. Тысячами берутся в плен

австрийцы, а каких, небось, это стоит жертв нам? Топчемся на месте под *Ковелем, Владимиром-Волынским*⁷²¹ и *Барановичами* и проч. Воображаю, какая уйма жизней наших теперь нами ухлопывается; а вот как встанем лицом к лицу с тевтонами — так куси-ка его! Гранитная непреодолимая скала! А изволь-ка при нашей силе оружия отобрать у них обратно взятые ими у нас так феерически-эффектно прошлым летом все города и крепости! По тому фасону, как отображены в официальных телеграммах бывшие вчера и позавчера наши операции на рижском фронте, можно безошибочно себе представить, какую цену в отношении истинного положения дел имеют сообщения для печати из Ставки о происходящих теперь событиях на прочих фронтах!

Здесь же у нас случилось не менее гадостное, чем и в памятные дни 8—9 марта, когда нами так бессмысленно и бутафорски предпринято было наступление, стоившее нам огромных потерь при нулевом успехе. На этот раз, как и тогда, повторилась отвратительная история с латышскими батальонами, брошенными как какие-то пасынки на верный убой в первую голову. Критикуют и обвиняют теперь мои генералы начальника 3-й Сибирск[ой] дивизии Триковского⁷²², что он-де «перенаполеонил», зря ухлопавши около 1000 человек, когда мог бы отделаться и вдвое-втрое меньшими потерями, если бы произвел очищение занятых было двух линий окопов у неприятеля — ночью, а не днем! Действия наших военачальников мне представляются какими-то сомнамбулическими, невыдержанными, импульсивными, глубоко не продуманными — действиями ради действия. [...]

25 июня. Наступила наизловещая тишина. Идет к *Риге* 2-й Сибирский корпус; наш же, по всем видимостям, должны на днях куда-нибудь перебросить, и вероятнее всего — на юг [...] Заехал ко мне с визитом гофмейстер Тимрот. Холодный, хитрый и коварный бюрократ; хотел от меня выведать то, что я не счел возможным ему сообщить; он мне представляется тонким шпионом, готовым больше лить воду на немецкую мельницу, чем на русскую! [...]

26 июня. [...] Довольно чуждым я стал чинов и отличий, но все же нечто приятное ощутил, узнавши, что меня командир корпуса представил к производству в тайные советники. Уж после этого я

и совсем сделаюсь «маститым», для к[ото]рого совершенно уже чуждыми должны были бы становиться те радости бытия, к[ото]рыми я теперь полон. Вообще, не к лицу мне все эти чины... [...]

28 июня. Корпус мой, слава Богу, никуда не перебрасывается, а переходит сегодня в ночь на прежние свои позиции по Баусско-му шоссе и будет иметь с правого своего фланга 6-й Сибирский корпус. На наше место становится пришедший 2-й Сиб[ирский] корпус, артиллерийские бригады к[ото]рого одна отходит в наш, а другая — в 6-й корпус. Перестаем тянуть волынку и на днях переходим в наступление вперед, чего так все жаждут, а то от бездействия весьма обуяла тоска и апатия.

Земские отряды успели привить противохолерной вакциной за 2 дня до 28 тысяч человек! Хорошо было бы, если удалось хотя бы половине их сделать вторичную прививку. [...]

30 июня. [...] Три дня, как не получаем из Ставки Верховн[ого] главн[окомандующ] его ни одной казенно-утешительной телеграммы. Под *Ковелем* и *Барановичами* мы, очевидно, здорово стукнулись о непреодолимую гранитную стену наших противников; и друзья-то наши — французы с англичанами — что-то никакими громкими успехами себя не заявляют.

Суматоха санитарного отдела из-за фальшивых слухов о приезде принца Ольденбургского; вместо него пока приехал начальник снабжения Покотило, как и всякое высшее начальство — не для руководства и облегчения, а для наведения трепета и ужаса на подчиненных, себе же на развлечение — помочиониться. Все действия наших начальствующих лиц мнятся мне сплошным большим рефлексом. [...]

ИЮЛЬ

1 июля. [...] События у нас на фронте назревают. Послезавтра приезжает сюда Куропаткин. [...]

2 июля. День голубой, светлый. Накануне большого перелома событий. Приказ (секретно) по корпусу после сообщения во всеобщее сведение войскам о начатом нами на прочих фронтах и наших союзников успешном наступлении призывает к тому же

и свой корпус; целью ставится: отбросить неприятеля к линии *Бальдап — Зилюк — Саль*, а если возможно — то и захватить линию *Гр[осс]-Экау*⁷²³ — *Нейгут*⁷²⁴. Переходим с Божьей помощью в наступление. Западнее нас 6-й Сибирск[ий] корпус должен энергично вести атаку в направлении на ф[ольварк] *Мартенберг*; 37-й арм[ейский] корпус будет содействовать нам слева со стороны *Иксколя*; сзади нашего корпуса будут стоять 2-й Сиб[ирский] корпус и 4-я кавалерийск[ая] дивизия. Наш корпус должен активно удерживать и приковывать противника на участке *Сухая Двина — Серуль у Сникера* и главными силами атаковать в направлении на *Ребуль — Бальдап* с целью прорыва на участке р[ека] *Кеккау — Серуль* и овладения укрепленной группой *Пулькарн*⁷²⁵ — *Ребуль*. Штаб нашего корпуса — на м[ы]з[е] Ламс, куда переходит он сегодня же «к 18 часам». Штаб 12-й стр[елковой] дивизии — в *Лельварте*⁷²⁶; штаб 121-й пех[отной] див[изии] в *Пуце*. Задача этой дивизии, между прочим — брать «Лысую гору». «Состоящая в корпусн[ом] резерве 13-я Сиб[ирская] дивизия сегодня в ночь под 3 июля скрытно должна перейти и расположиться в районе р[ека] *Кеккау — д[ере]в[ни] Арайс, Строут*. Штаб ее — в *Строуте* (между *Земелем* и *Пульпе*)⁷²⁷. Людям ночью под 3-е отдохнуть, а утром 3-го хорошо их покормить!..» «Необходимо придать атаке полную энергию и связь...» «Артиллерийский огонь открыть 3-го в 7 часов утра...»

Итак, занавес открывается и... «мы начинаем». Испытываю уныло-торжественное настроение, близкое к религиозному, хочется молиться. Идем «*va banc*»⁷²⁸. Немцы подозрительно молчат. Целый день на позициях у них летает «колбаса», но они и без нее все знают, что у нас готовится. Время нашего наступления рижане предсказывали еще заранее на 10 июля, сестры милосердия — на 5-е, публичные же девки — на 3-е!

Все как-то нам не везет в маневрировании, и мы норовим традиционно идти стеной и бить в лоб. Инспектор артиллерии штаба армии помпадур граф Евдокимов выразился, что он-де снимает с себя «штаны», то бишь ответственность за грядущее. Командир корпуса — да благословит его Господь успехами! — предоставил

меня в моих действиях самому себе, что, конечно, меня морально весьма обязывает.

[...] Вечером уехали на позиции командир корпуса и начальник штаба с оперативным отделением; там они и заночуют; я завтра к ним приеду. Поздно совсем ночью — совещание корпусных врачей вместе с представителями Кр[асного] Кр[еста] и обществ[енных] организаций по вопросу предстоящей массовой эвакуации. [...]

3 июля. Ночевал в *Ridge*. В 8 утра слышалась адская канонада. Напившись наскоро чаю, отправился на позиции.

В штабе корпуса застал Радко-Дмитриева и своих штабных. Все помещались в блиндаже, откуда телефонировались всякие распоряжения. Удивился, что Радко так откровенно посвящает во все стратегические тайны уполномочен[ного] Кр[асного] Кр[еста] Тимрота, к[ото]рый в торчании перед начальством видит главное свое назначение. У Тимрота устроены здесь по учреждениям Кр[асного] Креста и жена, и дочь, и сын; все воодушевлены надеждами наград и отличий. [...]

4 июля. «И бысть утро, и бысть вечер, день второй». Позволяю себе роскошь ночевать в городе. Утром несколько стихло. Медицинский персонал немножко отдыхает от ночной работы. За минувшие сутки вывезено из корпуса раненых больше 3 тысяч чел[овек]⁷²⁹, большей частью все тяжелые случаи. Больше всего убитых — в 47-м стрелк[овом] полку⁷³⁰, почти половина его.

От Куропаткина — телеграмма (секретно), подбадривающая относительно не достигнутых нами пока никаких успехов, рекомендуемая «не стыдиться» этого, стараться как можно «лучше закрепляться», а отдельным начальникам — проявлять инициативу, где обстановка позволит.

Зашел в пещеры, где поместился штаб. Командир корпуса Долгов — за дневником, записывает все детали начатого нами наступления; настроение его желчно-недовольное; операция эта задумана дней на 10, «на алтын, — говорит, — хотят пятаков получить»; уже предписано снаряды экономить, так как много их отослано на юг; тришкин кафтан! Иронизировал над «красными словами» Куропаткина, преподавшему в личной беседе с командирами прописные истины, вроде того, что надо сначала обдумать и взвесить, потом

только и действовать. К 1—2 дня назначена атака; опять заговорят пушки. А вчера наша 12-я дивизия шибко залегла в окопы, и никакими средствами не удалось ее бросить в атаку, как ни старался об этом сам Радко-Дмитриев, у к[ото]рого убита и лошадь, и его казак. Сегодня ее должна поддержать 13-я дивизия; как-то она — возжелает ли полезть на проволоку?! Радко Куропаткину обещал для себя «заработать Георгия 2-й степени». [...]

Отряды Кр[асного] Кр[еста] Грессера, кн[язя] Вяземского⁷³¹ производят шумиху о своей деятельности, полную передергивания карт... [...]

Вечером — опять на позиции. Адская канонада. Настроение как бы с проблесками надежды на успех: готовится атака, 46-й полк⁷³² уже занял чуточку чего-то и двигает 50-й полк⁷³³ на «верстовой выступ» у *Франца*; палят по *Пулькарну*. Перевязочный отряд 12-й дивизии обстрелян газовыми гранатами; сестры — чихают и кашляют.

Около 10 вечера. Генерал Федоров самодовольно сообщает мне, что «пробил дырочку», теперь-де дело за пехотой. «Мавр сделал свое дело — мавр может удалиться». Атака будет длиться всю ночь.

Около 2 ночи возвратился в Ригу. Страшная потребность распрямиться и отдохнуть. Всю ночь действовали прожектора и слышалась канонада.

5 июля. Светлый день. Ночью, как передавали мне сегодня, был страшный гром от сброшенных с цепелина бомб, а я не слышал ничего: так крепко уснул.

За сутки вывезено из корпуса до 3000 раненых. Дела наши в отношении продвижения вперед — ни тпру, ни ну! Носы у командного состава повисшие. Для всех ясно до очевидности отсутствие у нас всякой организации в управлении. Действуют импульсивно, разрозненно, неслаженно, кто в лес — кто по дрова. Чего ожидать дальше? При неудаче нашей здесь следует, наконец, сделать соответствующие логические выводы, ч[то]б[ы] практически решить линию дальнейших действий и примириться с меньшим злом, ч[то]б[ы] избежать еще большего.

Куропаткин, бывший сегодня в штабе у нас, приказал дать отдых войскам корпуса и покормить их горячей пищей, к[ото]рой они

были лишены все время боев. Генерал Федоров удивляется рассуждению Радко-Дмитриева, что-де мы должны сломить тевтонов, так как их против нашего корпуса сражается какой-н[и]б[у]дь один полк! Действительно, не в одном лишь превосходстве количества шапок — сила! «Не идет наш поезд, как идет немецкий». Вокруг штаба рвутся снаряды.

К вечеру было возвратился в *Riga*, ч[то]б[ы] немного отдохнуть, как получил предложение сопровождать и опять ехать к позициям с вновь приехавшим гастролером — начальник[ом] санитар[арной] части фронта Двукраевым, помпадуром, столичным хлыщом. Дальше, конечно, перевяз[очных] отрядов он не проехал и все время любовался лишь картиной полета аэропланов и стрельбы по ним нашими зенитными пушками, услаждая себя, как гоголевские мужики («доедет колесо до деревни N или нет?»), размышлением — собьет ли разорвавшаяся шрапнель аэроплан или нет? В результате — ограбление у меня и времени, и сил впустую, в ущерб живому делу... Пишу наскоро, то и дело отрываясь... [...]

6 июля. Чудная светлая погода. «И бысть утро, и бысть вечер — день четвертый».

За сутки из корпуса вывезено до 3000 чел[овек] раненых. За 5-е число в 13-й дивизии одних раненых, убитых и пропавших без вести до 4000 человек! В 46-м и 47-м полках выбит половинный состав, из него офицеров до $\frac{3}{4}$. Прегрустные вещи порассказал батюшка одного из этих полков, взывая к необходимости отыскать виновника(!) наших неудач. Потери нашего корпуса огромны; ни одного почти пленного немца⁷³⁴; в соседнем 6-м [корпусе] взято пленных около 70 чел[овек].

Сегодня с 5—6 часов вечера предназначена артиллерийская подготовка к новой атаке. Вероятно, это будет последним экзаменом корпуса, и в случае новой неудачи нас за массовым избиением выведут в резерв для пополнения. Все эти «взятия первой-второй-третьей линии окопов» оказываются мифом; ни мы, ни 6-й корпус не струнулись почти с места. Перед нами своего рода Верден! Рига переполнена ранеными; впечатление от огромного их скопления на жителей потрясающее. Куропаткин всех утешает, и хотя другими словами, но вызывает все к тому же тройному терпению. И в этом он

прав. И терпеть нам надо, но только не пассивно, а активно, если еще не сто, то во всяком случае несколько десятков лет, пока не народятся в России вместо панургова стада баранов — истинные граждане своего отечества, к[ото]рые могли бы сами устраивать свое благополучие в соответствии с своими потребностями без благопопечительных о них забот у власти стоящих мародеров — хищных пастырей, полагающих души овец своих себе на потребу.

Долгов, ведя дневник, в настоящее время старается особенно подробно изложить все события предпринятой операции и, вероятно, не без цели личной реабилитации на случай, если бы у него отняли корпус и отчислили в резерв. Сегодня я ему говорю, что весьма и весьма интересно было бы ознакомление со всеми человеческими документами текущей кампании хотя бы через 100 лет; он ответил, что это будет возможно, может быть, и через 25 лет! Есть история и история... Придется ли сегодня Радко-Дмитриеву опять выгонять из окопов в атаку наших «чудо-богатырей»? [...]

7 июля. С раннего утра покати́л в автомобиле на войну. Предполагавшаяся вчера атака — не состоялась. Мой генерал Федоров сегодня рвет и мечет, возмущаясь нашей растяпостью. [...] Положение наше можно уподобить тройке лошадей, когда левая пристяжка повернула налево, корневик стал посреди дороги, а правая повернула назад; кучер же, распустивши длинно вожжи, управляет, сидя в вагоне... Устраиваем и готовим себе своего рода Фермопилы; никакой организации, никакой объединенности в действиях! Лебедь, рак и щука!

Радко-Дмитриев для подбодрения командного состава и солдат высказывает ехидное предложение, «не нужны ли его ноги», ч[то]б[ы] идти впереди полков? А нужны-то, мне думается, не ноги его, а его голова! Продолжать начатую операцию будет теперь 6-й корпус; действует в настоящий момент его 3-я Сибирская дивизия; наш же корпус здорово истрепан (приблизительно до 20 тысяч потерь), и ему дана задача не дразнить пока немцев.

В полдень во время обеда в штаб прибыли один за другим командиры корпусов — 2-го Сиб[ирского] и 21-го армейского. С своими начальниками штабов. Между собой совещались, а мне так живо, глядя на них, рисовалась картина крыловского квартета... Приезжие

эти генералы допытывались от Долгова, что за причина нашего невезения; ответ был, что здесь дело не в причине, а «в совокупности преступлений» (*sic!*). Прилагаю сношение мое с корпусн[ым] врачом 6-го корпуса телеграммами по поводу действий летучего отряда князя Вяземского, приехавшего сюда добывать себе всякие кресты с мечами и менее всего заботящегося об удобствах и благополучии раненых, к[ото]рые вывозятся им как дрова...⁷³⁵ За ним здесь в армии ухаживают и стараются ему оказывать всяческое угождение, дабы удовлетворить его спортсменским затеям... Сей камер-юнкершк был настолько нагл и развязен, что донес прямо командующему армией о захваченной им сотне нижних чинов, якобы — самострелов и саморезов. Командующий приказал произвести медицинское расследование; командир это дело поручил мне; я взял с собой одного хирурга и осмотрел сих несчастных, не признавши ни одного из них ни притворщиком, ни членовредителем, а просто большинство из них в состоянии нервно-психического ошеломления; а нек[ото]рые чины штаба уже со смаком тешились, как «этих сукиных сынов» будут расстреливать, если бы они признаны были «лодырями». Сыны Марса так склонны среди своего офицерства допускать всякие контузии, из коих преобладающий % бывает конфузией, и никак не хотят примириться с мыслью, что ведь таким повреждениям могут быть подвержены и «эти сукины сыны». [...]

8 июля. Праздник Казанской Божией Матери, полный для меня высокой поэзии... Через распределит[ельное] бюро за минувшие сутки провезено до 2000 раненых.

Утро. За оконченной транспортировкой раненых все в перевязочных отрядах и летучках, умученные ночным трудом, крепко спят. Боевое затишье. Начальник штаба и корпусной командир в подземелье почитывают газеты. По приблизительным подсчетам потери у нас в корпусе (28 тысяч штыков и 41 тысяча ртов) доходят до 13 тысяч. Вероятно, скоро нас отведут для зализывания ран в резерв. Винят в малодушии прапорщиков, полки объята паническим ужасом, особенно 52-й стрелковый полк, где и повыбито масса. Дела наши в расплевательном положении. Полная дезорганизованность в действиях, и что ни предпринимаем против немца,

выходит сованием без броду в воду! Солдатики в условиях нашей русской действительности льют кровь для господ, а господа на их крови и костях добывают себе карьеру и всякие отличия. Прилагаю при сем переписку по поводу действий рокамболя — князя Вяземского, которому наш командный олимп армии старается всячески угодить⁷³⁶ ... [...]

Ночь. На небе кровавое полнолуние; на южном горизонте феерическая картина рвущихся снарядов, разноцветных ракет и пр. Перевязочный отряд 12-й дивизии с летучкой Кр[асного] Кр[еста] обстрелян артиллерийск[им] огнем — разнесло в дребезги шатер и убито четыре лошади. Около 3 утра возвратился на ночевку в *Ригу*.

9 июля. Тихо. С вечера по сегодняшнее утро через распределит[ельное] бюро прошло до 2000 раненых, как и ранее — преимущественно тяжелых, от снарядов. Медицинский персонал в лечебных заведениях, переполненных страждущими, выбивается из сил, работая непрерывно и днем, и ночью. В отношении результатов произведенной атаки можно сказать, что «а воз и ныне там». Поговаривают о возможности смены Куропаткина Рузским, а также Радко-Дмитриева. Немцы, хотя и малым количеством своих живых сил, но бьют нас жестоко, доходя в презрении нас до крайних степеней наглости. [...]

10 июля. Трогательная тишина и в природе, и в злодеяниях человеческих. Предполагавшаяся было ночная атака наша, благодарение Богу, отменена. Войска, многократно обжегшись о неудачные попытки атаковать немца, сдали сильно духом, из окопов их ничем не выгонишь, деморализовались. Вина в том всецело — военачальников, не умеющих маневрировать человеческими силами и не желающих считаться с элементарными законами человеческой психики. Масса солдат обнаруживает вредное для боевого дела стремление «залегать», неся из-за этого бóльшие потери, чем если бы быстрее и дружнее шли вперед; многие из солдат повадились падать навзничь, задирая кверху ноги, с целью, ч[то]б[ы] ранило их в ноги. То, что проделано нашими стратегами — одна бутафория и кинематограф, мощная подготовка артиллерией, после чего — атака, и бросается в нее маленькая горсточка; командный состав запряты-

вается в блиндажи-берлоги — и их тоже не вытащить наружу, под малейшим предлогом «конфузий» норовят улизнуть в тыл. Частные записки, воспоминания, дневники и проч. документы должны с течением времени раскрыть преинтересную историю нашей теперешней несчастной операции, в к[ото]рой проявлено так много и глупости, и преступности со стороны командного состава.

Немцы, по-видимому, в недоумении — как реагировать на нелепые наши действия, ошеломлены нашей дурашливостью, подозревая в них, вероятно, какие-н[и]б[удь] с нашей стороны хитрые замыслы. Если бы они теперь вздумали и малыми силами перейти в наступление, то легко бы могли нас вышибить из *Rigi*, т[а]к к[а]к настроение в войсках подавленное и в себе не уверенное.

Отходим теперь в армейский резерв, наше место занимает 2-й Сибир[ский] корпус, довольно! Повоевали, потерявши до 15 тысяч убитыми и ранеными. Настроение штабных дроздов-офицеров разочарованное-неожиданное, т[а]к к[а]к уж очень рассчитывали на продвижение хотя бы до *Митавы*.

В полдень приезжал Куропаткин, щедро наградил Георгиевскими медалями попадавшийся ему персонал санитаров и сестер. Последним — достойно и праведно есть! Женщине нашей за ее деятельность на войне — земной поклон! В ней я не разочаровался. А капитан Лаппе все еще ходит с палочкой и хромает; один из многих «конфуженных»; вот сукин сын, при присущей всем нашим паразитам настойчивости как-то ухитрился попасться на глаза Куропаткину и использовать его всецело для себя по части срыва награды и отличия! Вся эта своекорыстная шваль к солдатам зато применяет немилосердно-полицейский шаблон «тащить и не пущать» — карательную линию до готовности их своими руками хоть вешать и расстреливать.

Генерал Федоров с обычной прямоотой много интересного и характерного порассказал о действии в августе 1914 г. 19-го корпуса Горбатовского, проявившего-де «стратегию пьяного мужика».

Ну, что же теперь дальше? Борьба на истощение? Не взойдет ли солнце, когда роса уже глаза выест?

Штукмейстеры столичные Грессер и Вяземский по части урывания наград у Куропаткина. [...]

11 июля. [...] Приступаю к представлению к наградам медицинского персонала; не без нек[ото]рой зависти к этому относятся строевые начальники⁷³⁷, к[ото]рым мне так и хотелось сказать, что чем-де хуже вы сражаетесь, тем больше дела создаете для врачей... Как мы будем воевать дальше? Нет хороших ни музыкантов, ни инструмента (он уже сильно испорчен), ни правильно составленных нот! Несчастье для России, что попадающиеся иногда и несколько здоровых винтов в машине, все же ничего не в состоянии улучшить в ее действии, т[а]к к[а]к она вся перержавела!

Воспользовался дневным досугом — побывал в полевом госпитале, где работает профессор Оппель⁷³⁸ над полостными ранеными. Что руководит его деятельностью? Только не человеколюбие! И здесь видна дорожка к корысти — к карьере...

Съездил вечером во *Фламенгоф*, где расположился уже штаб 5-й Сиб[ирской] дивизии, а неподалеку 38-й летучий отряд Кр[асного] Кр[еста] — наш, рязанский, «косопузый» — Родзевича⁷³⁹. Прехорошую волнующую песенку мне спела сестра Анфиса под аккомпанемент гитары — «Не корите, не браните...»

Целый день — тихо, почти ни одного выстрела. Уморились!

12 июля. Солнечный день. У командующего — военный совет. Относительно представления врачей к наградам за истекшие бои дело обстоит так, как в доме повешенного неуместно говорить о веревке: строевые начальники, потерпевши фиаско, неохотно и нудно приступают к исполнению сего святого долга. И в деле наград у нас в поганой Руси требуются все «толкачи» и «толкачи»!

Командир сегодня мне сообщил, что мое представление в тайные советники в штабе, по-видимому, не прошло; когда я ему на это ответил, что это было бы актом высокой несправедливости, он уверил меня, что представление зато непременно пройдет теперь «за боевое отличие». Я бы на это и наплевал совсем и давно уже готов был бы обнажить перед «г. людьми», так ценящими всякие отличия земного величия, свою *derriere*⁷⁴⁰, если бы не имел детей, главное — Лялечки, для к[ото]рых мой новый официальный ярлык все-таки был бы лишним козырем в жизни, если бы им пришлось проводить ее в той же прогнившей казенной России, умеющей

только по ярлыкам оценивать ближнего⁷⁴¹. Неужели у нас так и будет, как было? [...]

За истекшие бои в нашем корпусе израсходовано 125, а в 6-м корпусе — 45 тысяч снарядов. Ощущается теперь в них недостаток. Помилуй Бог, если бы теперь немцы перешли в наступление, нам, я уверен, было бы не удержаться. Палят немцы из тяжелых орудий почти за *Плаунок*! В городе будто бы говорят о готовящемся сию ночью штурме, и многие из жителей укладывают свои чемоданы для выезда.

Мне жаль Долгова, к[ото]рого очень подвели начальники дивизий: 12-й — Эггерт, «божья коровка», и 13-й — Эфиров⁷⁴², «валет».

13 июля. Тихо. Мало-помалу приходим в себя после устроенной нам немцами трепки. К чести генерала Степанова надо отметить, что «ему как-то стыдно теперь показываться в театре миниатюр и на др. зрелища». [...]

14 июля. [...] Немцы палят из наших орудий нашими снарядами тульского изготовления, может быть, и наводчики-то у них также наши, как и обозные чины из наших же пленных.

Гг. Тимроты и К° ведут энергичную мышиную и кротовую работу по части урывания себе и находящимся с ними здесь членам семейства всяких наград и отличий; для достижения цели не брезгуют никакими средствами. Целый ажиотаж! Прапорщик Эспе, французской службы офицер, заведующий у меня 18-м санитарн[ым] военно-автомобильным отрядом, слишком честен, скромн, культурен и чист душой, что ни себя, ни других не в состоянии проводить к наградам теми путями, к[ото]рые указуются неизбежно нашей печальной русской действительностью, при к[ото]рой и хорошие-то дела осуществляются через тернии обмана, фальсификации, лжи, — той действительности, к[ото]рая калечит живых-здоровых людей, в бессилии делания настоящего дела вынужденных ограничиваться лишь исполнением формальной его стороны путем самоутопления в бездне бумажного канцелярского рукоблудства, становящегося для людей чем-то самодовлеющим... [...]

Посетил меня еще корпусной врач 6-го Сибирск[ого] корпуса Соловьев, порассказавший мне много о бесстыдно-наглом поведении появившихся у него во время боев кн[язя] Вяземского, княгини

Васильчиковой⁷⁴³ с своими летучками и отрядами. Камер-юнкер Вяземский на Соловьева покрикивал и грозил ему жалобой командующему и главнокомандующему, к[ото]рые-де у него всегда обедают и ужинают!.. Несчастливая наша военная медицина, представляемая в армии никуда не годным полковником Арнольдом и его помощником дивиз[ионным] врачом Дюбуром, к[ото]рых начальник штаба Беляев — высокомерная сволочь — третирует как лакеев. Условия, создавшие возможность хозяйничанья и самоуправления и на фронте, и в тылу всяких камергеров, штукмейстеров, а также карикатурно-трагическую форму организации санитарной части в армиях и все проч. окаянства правящей бюрократии, — вот в чем гибель России, за что ее колотят немцы и чему втайне приходится радоваться: хотя и ценой дорогих жизней, но бьется морда правящей сволочи, осинового гнезда хищников, авось — посвободнее будет жить и развиваться здоровым росткам. Пока управители народные назначаются, а не выбираются, и пока нет свободы печати и слова — до тех пор не выйти России из состояния разлагающегося трупа. До тех пор — да бьют немцы нашу всероссийскую бессовестность, бесстыдство, высокомерие наших властей! [...]

16 июля. Ранним утром дождь. Полковничушко Арнольд после двухмесячной эвакуации возвратился к своей прежней должности «начальника санитарн[ого] отдела» благодаря протекции какой-то великой княгини. В этой капле воды отражается весь мир всероссийской вакханалии по части казенного управления и непотребства правящих сфер... Радко-Дмитриев, пересаженный на русскую почву, обратился в обычного говнюка — «ассимилировался». [...]

17 июля. День 2-й годовщины текущей войны. Время летит с головокружительной быстротой.

Наши военачальники в произведении кровавой операции 3—9 июля классически накуролесили; виновников много, но кто из них наибольший — Господь им судья; ч[то]б[ы] разобраться в этом, здесь требовалась бы своего рода «сенаторская ревизия»! В общем, большой конфуз для русского оружия. Главный виновник — чуть ли не Радко-Дмитриев, с самого начала обнаруживший вредную для дела суетливость и нервность; одного командования «на нож» оказалось недостаточно, нужно было и побольше в голове иметь кое-чего!

В большом смущении корпусное начальство: кого представлять за бои к наградам? Относительно медицинского персонала — сомнения нет, а вот относительно командного состава? Порешили представлять лишь маленьких чинов, слепо творивших волю пославшего. [...]

18 июля. Погода прекрасная, но чувствуется уже прохлада приближающейся осени.

Все чаще и чаще приходится слышать старую печальную мелодию — «Снарядов мало!» [...]

Снаряжал сегодня целую ватагу сестер и женщин-врачей Земского союза в экскурсию по противохолерной прививке в 12-ю и 13-ю дивизии. У приемника-госпиталя все вместе снялись на фотографии. [...]

19 июля. Утренники и вечера становятся холодными. День ведренный. На нашем фронте тихо. Завтра корпус мой переходит на прежние позиции. Радко-Дмитриев, как блоха, прыгает, ища места нанести неодолимому врагу чувствительный удар. Но увьи! Не двигаются вперед наши дела и на фронте Эверта. Немногим лучше и на фронте Брусилова. Союзники наши на Западном фронте по вершку продвигаются вперед. [...]

Приехал из Петрограда один из офицеров штаба; больше тех новостей, что в нем теперь наблюдается масса разводов, ничего не нашел сообщить. Приехавший же оттуда Грессер сообщил, что там готовятся к нашему отступлению до Пскова, к смене Куропаткина, уход же Сазонова⁷⁴⁴ объясняют его разладом с камарильей, не желающей дать полякам определенные категорические гарантии их автономии, равно и честно урегулировать правовое положение населяющих Россию национальностей. [...]

23 июля. [...] Ночью приехал Сережа. Душа взбудоражена отжившими было картинами... [...]

25 июля. Посмеивались мои генералы сегодня по поводу происшедшего в позапрошлую ночь в Мещовском полку⁷⁴⁵ (121-й дивизии): немцы врасплох напали на заснувших в окопах наших чудо-богатырей — убили 4 прапорщиков, около 13 нижних чинов и до 70—80 ранили. Благодаря дружеским отношениям Радко-Дмитриева к своему сородичу-болгарину Бендереву событие это было превращено в особый подвиг доблести для полка; штаб дивизии лишь на другой день около обеда узнал о происшедшем;

пущен был в ход наисовершеннейше действующий у нас аппарат передергивания крат, ч[то]б[ы] черное изобразить белым!! Страшно становится за нашу охрану. Николай Чудотворец нас спасает. Наступление наше на *Туккум*⁷⁴⁶ отложено еще на 2 дня...

26 июля. Прибыл временно испол[няющий] должность главнокомандующего Гурко⁷⁴⁷ (вместо Куропаткина, получившего какое-то другое назначение). Завтра у Радко-Дмитриева — военный совет. Готовится нами десант — посмотрим, что из сего выйдет. Ничего доброго не ожидаем.

27 июля. Сожалеют, что вместо Куропаткина не убрали лукавого и хитрого болгарина Радко-Дмитриева⁷⁴⁸. Вот уже несколько дней продолжается зловещая до жути тишина в батальном отношении.

28 июля. [...] Туркестанский округ ставится на военное положение; командующим войсками туда назначен Куропаткин. Объезжал позиции Гурко — читал лекции по полевой хирургии!! [...]

29 июля. [...] Утром заезжал ко мне Шингарев суполномочен[ным] Земского союза; условились завтра ехать на позиции.

АВГУСТ

1 августа. Прекрасная погода. Раздраженно-недовольное отношение командного состава к назначению врем[енным] главнокоманд[ующим] Гурко, как выскочки и никакими особенными подвигами себя еще не заявившего. Тяжкие несправедливости штаба армии в отношении наград. Гневное настроение по этому поводу прокурора 6-го Сиб[ирского] корпуса... Пакостное поведение командира этого корпуса по отношению к корпусн[ому] врачу его Александрову, к[ото]рого самодурски-хамски совсем изгнали из армии... Как невольный стон души послышалось сегодня за столом восклицание молодого офицера: «Слава Богу, хоть здесь-то⁷⁴⁹ была проявлена правда!» [...]

2 августа. Чудная погода. После обеда поехали с Сергеем ознакомиться с боевой обстановкой на *Кекжан*. Как мы с ним попали «в грязную историю» — под шрапнельный огонь... [...]

3 августа. Главн[окомандующ] им Северн[ого] фронта назначен Рузский. [...]

О том, как мой предшественник д-р Никитин очковтирательства ради повелевал врачам из тифов делать инфлюэнцию, а из цинги — ревматизмы и малокровие... [...]

5 августа. С вечера — усиленная канонада на фронте 121-й дивизии; предполагают, что немцы перешли в наступление ради охоты за нашими черепами.

6 августа. Вчера, оказывается, было сделано немцами наступление в составе одного взвода 24-го резервн[ого] полка на 481-й Мещовский полк. Раненых и контуженных до 300 человек. Съездил с Сергеем на главные перевязочные пункты. [...]

9 августа. Погожий хороший денек. Проводил Сережу. [...]

11 августа. Ведренная погода. Не стыдно мне признаться в малодушии, что я сегодня в большом огорчении: представление меня в тайные советники заменено сидящими в штабе армии мизантропами представлением к мечам к имеющемуся у меня ордену [Св.] Анны 1-й степени. Большая несправедливость! Стараюсь всячески настроиться на сей предмет философски. [...]

13 августа. Погода прелестная. Секретный приказ по корпусу от 12 августа за № 109: имеются сведения о стягивании на наш фронт немецких резервов, замечается особенное усиление противника на туккумском направлении. Директива — сбить противника и отбросить его от западного берега Двины; «12-й и 5-й армиям перейти в решительное наступление». Западнее нашего корпуса — 43-й, а восточнее — 37-й. Начало действий в семь утра 14-го числа; при неблагоприятной погоде ожидать отмены операций. Нашему корпусу задача — рядом успешных поисков на всем фронте и короткими ударами на олайском и катерингофском направлениях приковать и привлечь на себя силы противника и этим облегчить исполнение задачи правофланговым корпусом; в частности, частям нашего корпуса — правому (12-я дивизия и 483-й полк⁷⁵⁰ с артиллерией) участку и среднему (13-я дивизия и 6-й латышский батальон с артилл[ери]ей) начать действие в ночь под 14-е нанесением «коротких ударов», левому же участку (481-й и 484-й полки⁷⁵¹ с артилл[лери]ей) — приковать внимание противника в берземюндовском районе. Корпусной резерв: 482-й полк и 1-й латышский батальон — на занимаемых местах

(район Рудзе — Скуйнек⁷⁵²). Приказом «командарма» требуется от всех частей армии «от генерала до рядового самая энергичная работа и беззаветная решительность довести дело до конца, помня, что против нас стоит численно слабый противник, к[ото]рого мы должны раздавить прежде, чем он усилится» (*sic!*); предписывается не отходить перед огнем неприятеля, «начальствующим лицам до командиров бригад включительно вести лично свои части в атаку...», «залогом успеха должен служить не столько расчет на всемогущество техники, сколько непоколебимая решимость довести раз начатое дело до конца, мы должны действовать теми техническими средствами, к[ото]рые имеем... причем ограниченность их должна быть восполняема искусством и вдумчивым их использованием» (*sic!*). Следуют инструкции, как надо экономизировать снаряды!.. В снарядах же у нас большой недостаток, для тяжелых орудий — почти совсем их нет, имеется одна лишь шрапнель, годная только для полевых действий; все отобрано — на южный фронт... Тот же, как и в прошлом году, получается тришкин кафтан!.. Начальник штаба и инспектор артиллерии в большом недоумении, что решено наступать на авось. Кошмарно-трагическая перспектива! В приказе «командарма» видна лишь одна бюрократическая отписка, ничего разумного, ничего воодушевляюще-зажигательного...

Около полудня получена телеграмма от «главкисева», что наступление вплоть до особого распоряжения временно отложено. С чувством большого облегчения приняли эту весть. Неужели причиной отбоя послужила лишь захмурившаяся погода? Было бы уж очень смешно. [...]

14 августа. День ведренный. Возвратившись к обеду с объезда своей епархии, узнал неожиданную весть: наш корпус выключается из состава 12-й армии, в ночи под 15 и 16 августа сменяется с рижских укрепленных позиций частями 2-го Сибирск[ого] корпуса и погружается на железную дорогу, а куда будет переброшен — для всех полная неизвестность. [...] «Прошли золотые денечки...» Послал эзоповское письмо детям с уведомлением, что «больная тетя Катя» на днях уезжает на юг... [...]

15 августа. Успение Пресв[ятой] Богородицы — «спожинки», как этот день назывался в семье при моей покойной матушке. О, как хорош этот праздник у меня на родине!

Корпус наш назначен, оказывается, в резерв Верховного главнокоманд[ующ] его. Куда нас повезут — секрет. «Комкор» и «наштакор», очевидно, его знают; из разговора с ними можно предположить, что перебрасывают нас приблизительно к *Бродам*⁷⁵³, и ехать придется через *Киев*. В раздумье — нужно ли мне приобрести себе лошадь и повозку; рассчитываю на автомобили, а там что Бог даст. [...]

17 августа. Понемногу собираюсь в неизвестный путь... На душе необычайно грустно. Последний, может быть, день тех жизненных удобств, к[ото]рыми почти полгода баловало нас небо.

«На Шипке все спокойно...» Еле смерклось, к[а]к по небу стали шарить своими щупальцами наши прожектора.

Завтра погружается в вагоны наш штаб. Выбытие из *Риги* предусмотрено в 2 часа пополудни (в 14 часов!). [...]

18 августа. *Рига* расцвечена флагами по случаю выступления Румынии. Поможет ли нам «румынский оркестр»?!

Около 5 часов утра бросались бомбы аэропланами, но я спал и не слышал; было несколько жертв.

О засилье генерала Ракинта⁷⁵⁴, командира 8-го Сиб[ирского] саперного батальона, паразитирующего где-то возле Ставки Верховного...

Мои генералы опасаются, как бы нам не попасть в армию Гурко: начнутся-де составления «схем возможного и невозможного, предполагаемого и непредполагаемого»... Вопли об учиняемых в штабе 12-й армии свинствах относительно наград... Революционеры!

Дождь. Около 2 часов дня погрузились в вагоны; однокупешником моим — инспектор артиллерии, с коим мы сошлись характерами: оба надрывно переживаем происходящую сумятицу, в к[ото]рой так доминирует бюрократическая обструкция... [...]

Следуем в 90 эшелонах, в каждом эшелоне по 52 вагона. После нас будут переброшены еще 1—2 корпуса; а здесь, под Ригой, немцы возьмут да ахнут нас! Едем на *Кременец*⁷⁵⁵ — *Броды* (секретно!). В поезде устроили в одной из теплушек наш полевой ресторан; качает и трясет хуже, чем на море в утлой лодке. [...]

19 августа. Около 8 утра под *Верро*⁷⁵⁶. Пасмурно. Плетемся черепахой вне пределов досягаемости для неприятельских аэропланов. На станции нет сахара, а вместо него «соломка», нет хлеба, а есть пирожные!

Мелкий осенний дождь. Напряженное ожидание развертывающихся событий, ожидаемое выступление Греции и пр.

3 часа пополудни — *Псков*; едем на *Двинск*. Конечный пока маршрут — на *Жлобин*⁷⁵⁷, а там укажут, куда следовать далее.

В глубокую полночь — *Двинск*. Удаляемся от аэропланов на *Полоцк*⁷⁵⁸. [...]

21 августа. 7 утра. Прекрасная погода...

Рогачёв...⁷⁵⁹ Через два разъезда — *Жлобин*. Змеится Днепр. Дорога эта открыта лишь с 1 ноября 1915 г. Кое-что у нас да создается.

Мои генералы опасаются за действия наших начальник[ов] дивизий — *Эфинова* и *Эггерта*... [...]

24 августа. 5 утра — *Сарны*⁷⁶⁰. Столпотворение. Въезжаем в адскую пасть войны. В 8 утра выехали на *Ровно*⁷⁶¹. Зажужжали в выси моторы аэропланов эскадрилий. Дремучие леса — преимуществ[енно] дуб, граб, береза, попадает осина, верба. Местность болотистая. По пути — картина руин. В 12 верстах от *Ровно* переехали реку *Горынь*. Степь ровная, гладкая. [...]

25 августа. 6 утра — разъезд *Каменка*⁷⁶². Мои генералы хорошо сознают, что мы воюем с негодными средствами, нет у нас того совершенного, что имеется у неприятеля. [...]

Не пришла еще 12-я дивизия. Дал бы Бог нам немного здесь постоять и организоваться.

26 августа. Прекрасная погода. Изредка доносятся отдаленные артиллерийские выстрелы. Пришло высочайшее повеление о передаче нашего корпуса в состав Юго-Западного фронта — в 7-ю армию. Корпусу приказано перейти в район *Бучача*⁷⁶³, совершить марш в 5 дней на *Гнездишно*⁷⁶⁴, *Игровицу*⁷⁶⁵, *Тарнополь*⁷⁶⁶. Наш штаб выступает «в 14 час[ов] 28 августа». Увы, недолго придется поблагодумствовать в историческом замке, впереди предстоят большие невзгоды в отношении и движения, и питания, и проч. [...]

29 августа. День усекновения главы Иоанна Крестителя, полный для меня самых поэтических представлений из былого. Погода все такая же прекрасная.

Телеграф известил о взятии болгарами *Туртукая* и *Балчика*, из немецких же источников сообщается и о взятии *Силистрии*; полонено румын более 10 тысяч. С самого момента объявления войны румынами я заподозрил их в коварстве, вернее — их правителей во главе с Фердинандом⁷⁶⁷, к[ото]рые окажутся предателями для держав Согласия. Недалекое будущее подтвердит, думаю, мои подозрения. Неспроста Фердинанд в манифесте звонко объявил, что он-де свою волю приносит в жертву воле народа, объявляя войну Австро-Венгрии; при неудаче румынского оружия он будет иметь повод упрекнуть народ в непослушании королевской власти, всячески-де старавшейся предупредить начатую против его воли войну! [...]

Пришло распоряжение следовать корпусу не на *Бучач*, а в район *Подгаец*⁷⁶⁸. [...]

30 августа. Рано утром поехали в штаб армии «комкор» с «наштакором» (в *Бучач*). Мне не захотелось туда трепаться, проделавши в автомобиле взад и вперед более 100 верст; остался в *Тарнополе*, с к[ото]рым воспользовался случаем более подробно ознакомиться. Набрел на существующую здесь улицу Коперника! Надоедали мне своей назойливостью мальчуганы с предложением почистить сапоги. Этой мелюзги здесь снует масса, удовлетворяя, очевидно, спрос. [...]

Корпус наш с завтрашнего дня становится на пути ко Львову и в предгорья Карпат — сосредотачиваемся вокруг *Подгайце* в районе: *Увесе*⁷⁶⁹, *Кальне*⁷⁷⁰, *Мужилов*⁷⁷¹, *Ухринув*⁷⁷², *Вежбув*⁷⁷³, *Мондзелиовка*⁷⁷⁴, причем 12-я дивизия (правая колонна) располагается к северу от дороги *Соснув*⁷⁷⁵ — *Подгайце* — *Рыбники*⁷⁷⁶, а 13-я дивизия (левая колонна) — к югу от нее. На участке же *Куропатники*⁷⁷⁷, *Рыбники* и *Подшумлянце*⁷⁷⁸ действуют части 2-го и 16-го армейских корпусов.

31 августа. Приказом по корпусу от 30 авг[уста] объявляется, что 7-я армия перегруппировывается для занятия исходного положения для наступления; задачей для армии поставлено разбить

австро-германо-турецкие войска в районе *Бржезан*⁷⁷⁹, *Рогатин*[а]⁷⁸⁰ и *Большовце*⁷⁸¹; впереди нашего корпуса будут наступать 2-й, 16-й, 22-й и 33-й армейские корпуса; нашему корпусу предписано продолжить сосредоточение в том же районе.

СЕНТЯБРЬ

1 сентября. [...] Перед обедом я, «комкор», «наштакор», корпусной инженер, инспектор артиллерии и «мозги» (чин оперативного отделения) покатили в автомобилях в *Подгайцы* и в *Завалуе*⁷⁸², где расположились штабы 2-го и 33-го армейск[их] корпусов. Задача была каждому из нас войти в тесную связь по своей части для совместных действий при готовящемся ударе на австро-германо-турок. [...]

2 сентября. Холодно, хотя и солнечно. Сегодня штаб 13-й дивизии располагается в дер[евне] *Гнильче*⁷⁸³, а завтра на западном берегу Золотой Липы в *Носуве*⁷⁸⁴ становится штаб 12-й див[изии]. Завтра-послезавтра готовимся ввязаться в бой, или, как выражается мой генерал Федоров, «дурака сломать». Вчерашняя неистовая канонада являлась своего рода истерическим припадком с нашей стороны, спровоцированным немцами, заставившими нас зря израсходовать массу снарядов, к[ото]рых окажется мало, когда в них явится надобность.

О румынах сообщает телеграмма, что они «взяли 8 орудий и пленных» (*sic!*). Ввязались они в грязную историю с негодными средствами.

Турки, по показанию раненых, дерутся отважно и отлично идут в штыки; недавно одни из батальонов 2-го корпуса уже совсем хотел по установившемуся обычаю наших «чудо-богатырей» сдаваться, но увидя, что турки все равно продолжали колоть сдававшихся, взялись сами в штыки и выбили турок из занятых позиций.

За обедом, между прочим — разговоры с «комкором» и «наштакором» о пакостных проделках генералов Артамонова⁷⁸⁵, Безобразова⁷⁸⁶, Гулевича⁷⁸⁷ и нек[ото]рых др. Вопли обойденных наградами: вопиют к небу, и творимая несправедливость наших штабных революционеров немало способствует обиженным офицерам охотно вместе с солдатами сдаваться в плен; последние же с особенн[ым]

удовольствием это продельвают, сознавая, что льют кровь лишь за бар-господ. Требуется радикальная дезинфекция нашего правящего аппарата.

В 5 вечера приехали и остановились в *Подгайцах*. И при наступивших движениях продолжаем довольствоваться столом и чаем в стаде.

3 сентября. С раннего утра идет неистовая канонада. Погода дождливая и холодная. «Комкор» и «наштакор», напившись утреннего чая, уехали в штаб 33-го корпуса в *Завалу*; мой генерал Федоров в негодовании, что ему они не сказали ни слова, я его успокоил и убедил ехать.

Началась настоящая война — настоящая бестолочь и сумятица, когда каждый из нас, когда не нужно, бывает предоставлен предержавшей властью самому себе; эта же власть, когда не нужно, и лезет тебя опекать, как только почувствует сладость более или менее мирного, спокойного своего жития.

Я с частью штаба остался пока в *Подгайцах*; война меня достаточно умудрила, ч[то]б[ы] я всегда был в состоянии знать, где и когда мне находиться, знать и цену всяких приказаний и распоряжений свыше, отдаваемых при общей свалке чисто сомнамбулически. Аналогия с пожаром...⁷⁸⁸

Сейчас дерутся 2-й и 33-й корпуса, наш корпус будет развивать их успех, а пока он в роли «пришей-пристебай». Быть, мне кажется, нашему корпусу при успешном наступлении других корпусов — в тени, а при неуспешных их действиях — козлом отпущения! Со мной согласен и генерал Федоров!

Стоном стоит ропот офицерства на обиды, учиненные штабом 12-й армии по части наград. Вопиют и врачи, кроме взысканных судьбой помпадуров; корпусной врач 33-го корпуса⁷⁸⁹ в своих lamentациях повторил в разговоре со мной ту же фразу, к[ото]рую мне пришлось как-то слышать в *Риге* от военного прокурора, обойденного наградами: «Совестно показаться детям!» Что награждения ведутся хулигански — всем известный факт; непристойное поведение в этом отношении командармов Радко-Дмитриева (уже давно потерявшего свой престиж хорошего стратега) и Горбатовского, являющихся настоящими сукиными сынами в проявлении

самодурства, где требовалась бы по одному чувству патриотизма строгая справедливость. [...]

4 сентября. Дождь, грязь, слякоть, холод. Я живу в *Подгайцах*, оперативная же часть — в *Завалуве*. Из-за мерзкой погоды раздумал ехать туда для свидания, а потому не осведомлен в деталях, как наши дела.

13-я дивизия вышла из состава нашего корпуса и передана на вчерашний бой в 33-й корпус. Того и гляди, что и 12-ю дивизию передадут в другой корпус, и останется наш «комкор» без «кор». Прошибательное движение, очевидно, совершается туго, иначе быстро бы пошли вперед. И стихии-то природы все не за нас: нехстати будто бы испортилась погода. [...]

5 сентября. Погода кислая. Окружающее царство проявлений одной только грубой силы, в среде к[ото]рого я нахожусь уже третий год, страшно меня утомляет и угнетает.

Совместные действия нашего корпуса со 2-м и 33-м не дали успеха нашему оружию; покуда-то мы собирались сделать прорывательный удар, немцы уже успели подвезти достаточно войска, чтобы произвести «уравновешение сил» — даже сами перешли в наступление, отнявши у нас нек[ото]рые пункты; потери наши огромные; в полках 33-го корпуса людей осталось до 500—600 в каждом; корпус этот отводится в резерв для пополнения, и наш корпус с 4 часов дня заступает его место; к нам вливается еще 23-я дивизия. [...]

6 сентября. Погода хорошая. Ожесточенная с раннего утра до полудня канонада. Продолжает жить штаб на два отделения — в *Подгайцах* и в *Завалуве*. Когда освободятся помещения в последнем с уходом штаба 33-го корпуса — тогда соединимся опять вместе.

До обеда съездил в *Завалув* для держания связи. «Противник, — гласит приказ по корпусу, — после контратак 4-го и утром 5-го занял линии: опушку лесов западнее высот 419 и 350... *Свистельники*⁷⁹⁰ и рощи восточнее и юго-восточнее *Сарники* — *Дольне*...⁷⁹¹ Правее нас — 2-й корпус, а левее — 22-й; 33-й корпус отходит в армейский резерв в район *Бокув*⁷⁹², *Носув*, *Гнильче* и *Рудники*...⁷⁹³ Придается нам 23-я дивизия... Имея в виду в ближайшие дни продолжить наше

наступление, командарм приказал закрепляться возможно ближе к позициям противника».

23-я дивизия — в корпусном резерве. Штаб 12-й див[изии] — ф[о]л[ьварк] *Поноры*, 13-й — *Бокув* и 23-й — *Дытятын*⁷⁹⁴. *Свистельники* — в руках противника. Немцы нам на путях к *Львову* и *Галичу* создадут, я уверен, такие же неодолимые препятствия, как и на остальных фронтах. «Наше наступление»! Как грустно и смешно звучит это выражение. Наша скрипучая телега и усовершенствованное тевтонское авто! Пока мы сюда перебрасывали с севера силы, немцы уже успели опередить нас массированием своих сил, и перед нами теперь опять гранитная скала; развить брусиловского успеха над австрийцами уже нам не по плечу, когда предстал перед нами опять немец. Наши маргариновые полководцы диву даются, откуда только тевтоны берут столько сил! Артистическое художество и ремесленничество! Небо и земля... На стороне противника быстрота, сообразительн[ость], организованность, уверенность и все проч. положительные качества, а на нашей — неповоротливость, нудность, хаотичная бессвязность и все прочие минусы. [...]

7 сентября. День серый. В 13-й Сибир[ской] дивизии наколотили уже более 6 тысяч человек! Пленные немцы и австрийцы единоголосно заявляют, что питались они превосходно и сытно! [...]

15 сентября. Всю ночь шла канонада. В 12-й дивизии выявлена была полная растерянность и необъединенность действий — шли кто в лес, кто по дрова; один какой-н[и]б[удь] взвод немецкий занял часть наших окопов; убыло из строя до 15 офицеров (из них убито 6 чел[овек]), до 950 нижних чинов (из них убито 186, без вести пропали — 109); ранения были большей частью весьма тяжелые и причинены были в значительной степени нашей же артиллерией. «Комкор» не теряет видимости хорошего настроения, выбивать из занятых немцами окопов теперь считает лишним: при дальнейшем развитии действий немцы, говорит он, сами должны будут их очистить.

Прибыл в корпус первый передовой отряд Юго-Западного земского комитета (камергера Коновницына); прикомандиров[ал] его к 13-й дивизии; ожидаю обещанных мне других летучек, эпидемических, зубоврачебных отрядов.

Проклятые аэропланы стали назойливыми как мухи, палят в нас из пулеметов; за неимением у нас зенитных орудий мы не имеем возможности их обстреливать ни здесь, в *Завалуве*, ни в *Подгайцах*, где расположен штаб 2-го корпуса. [...]

16 сентября. Погода захмурилась. Ночью спал как-то тревожно; сильно гвоздила артиллерия. Приказ по корпусу от 16 сент[ября] № 123: выполнение все той же задачи, объявленной в приказе от 9 сент[ября] № 121. Продолжаем топтаться на одном и том же месте с потерями большого количества людей... На всех действиях наших — всероссийская печать ремесленничества, инертности, канцеляризма без следа одушевляющих чувств и вдохновенного творчества; свободное от механической работы офицерство при штабе влачит полусонное существование, убивая время в картах и, если можно — в выпивке. Жрут с колоссальным аппетитом, особенно корпусной ветеринар, готовый вот-вот лопнуть.

Виновником неудачной операции 12-й дивизии 14—15 сентября наши штабные считают *de gowno* Эггерта⁷⁹⁵ и командира 45-го стрелк[ового] полка Романовского⁷⁹⁶. Да вообще, где только мы ни столкнемся лицом к лицу с немцем — везде нам не везет.

Происходит и с той, и с другой стороны «перегруппировка сил». Ожидают переброску к нам сюда 12-й армии из-под *Риги*. Под *Сморгонью* недавно немцы развитием удушающих газов поморили у нас массу солдат. Противопоставить им в этом мы можем лишь одну бутафорию... [...]

17 сентября. [...] Второй день как потеплело. День серенький с наклоном к дождю. Готовившаяся атака нашим корпусом пока отсрочена. Идет теперь смертный бой на нашем правом фланге, где расположены 3-й Кавказский, 2-й и 16-й арм[ейские] корпуса. По донесениям, мы немножечко продвинулись к *Бржезанам*, но еще вопрос, удастся ли нам закрепиться. Наши хвалят действия 3-го Кавказ[ского] корпуса. Но сколь неисчислимых жертв нам стоит каждое вершковое продвижение?! Солдаты говорят, что «это не война, а одно лишь смертоубийство».

Большую тревогу внушают действия 12-й дивизии, руководимой генер[алом] Эггертом, негодным и неспособным военачальни-

ком, к[ото]рый во время боев совсем безумеет, уходит в блиндаж, дрожит и буквально все время под себя испражняется; его ближайшие помощники в лице командира 45-го полка Романовского и бригадного командира артиллерии Фиалковского⁷⁹⁷ как воеводы еще того хуже, совмещают с полным своим невежеством еще безучастность и небрежение к делу.

Под несмолкаемую ураганную пальбу с правого фланга прошелся в лазарет 12-й дивизии, расположившийся при въезде в *Завалу* в замке — старом, полуразрушенным артиллерийским огнем. Здесь уцелели «гробовец Рачинского»⁷⁹⁸ (владельца замка) и недавно поставленный памятник какому-то австрийскому большому четнику с надписью: «...да снится ему самостийная Украина». Впервые увидел платановые деревья. [...]

18 сентября. [...] Заехал в штаб генерал Федоров, бывший временно при 3-м Кавказск[ом] корпусе. Оказывается, что в результате бывших на днях боев на правом фланге — одна грусть. Донесения 3-го Кавк[азского] корпуса о его нек[ото]ром продвижении — сплошная ложь. Вообще все наши воеводы от мала до велика поглощены лишь мыслью, как бы половчей самим выкрутиться, для чего стараются всячески передергивать карты и врут, врут и бессовестно врут; на ложном материале реляций строятся сводки, даются директивы, получается невообразимый хаос. Полная разъединенность действий — кто в лес, кто по дрова. В 12-й дивизии один из полковых командиров телеграфно просит прислать скорее офицера Генерального штаба показать, где на карте находится буква «О», а то-де он рискует по ошибке атаковать букву «У». В происходящих боях наши были в полном неведении, где окопы неприятельские; артиллерия жарила по своим, немцы отлично были осведомлены о местонахождении наших батарей, мы же — не знали, где их батареи расположены, и палили наугад. Причиной выставляется отсутствие у нас воздушной разведки, к[ото]рая прекрасно поставлена у немцев. [...]

19 сентября. [...] По оперативной сводке видно, что в результате прескучных боев нашего правого фланга (16-й, 2-й армейские и 3-й Кавк[азский] корпуса) ничего радостного для успехов нашего оружия не получилось — части возвратились к своему исходному

положению. С людьми наши воеводы маневрируют — две капли воды к[а]к с входящими и исходящими бумагами, с той лишь разницей, что к последним относятся бережней и сердечней... И ответственности больше за правильное ведение их, чем за расходование жизней серой массы!.. [...]

20 сентября. [...] Действия 3-го Кавказ[кого] и 16-го арм[ейского] корпусов окончились лишь огромными потерями в людях и материальных средствах. *Жолкевка* и *Потуторы*⁷⁹⁹ продолжают оставаться в руках несокрушимых тевтонов. Наш штаб все еще в *Завалуве*, и, всего вероятнее, нам придется и зазимовать в занимаемом районе; здесь воздвигнуто немцами против нас то же, что и под Ригой, да немцы с Северного фронта перетянулись сюда нам навстречу — своего рода *contredanse*⁸⁰⁰! За нашим корпусом следом с севера уже идут, по слухам, 21-й армейский и 6-й [...]

21 сентября. Светлый, погожий денек. Направление нашему корпусу дано на *Миколаев*⁸⁰¹. Где-то мы зазимуем? [...]

22 сентября. Воспользовался хорошей погодой и более или менее исправной дорогой, ч[то]б[ы] объехать санитарные учреждения корпуса. [...]

Видел в лазарете пятерых офицериков — несчастных прапорщиков, «контуженных»; по докладу мне малоопытного еще врача все они страдали якобы расстройством речи к[а]к последствием контузии; в разговоре со мной бедненькие сконфуженно и неумело делали вид, что заикаются. Бог им судья, мне только невыразимо было их жаль, и я не препятствовал их эвакуации. Все находящиеся на позициях офицеры всячески стремятся под тем или другим предлогом к[ако́й]-либо болезни поскорее утечь в тыл; о солдатах нечего и говорить! [...]

23 сентября. [...] Идет непрекращающаяся ни днем, ни ночью жестокая канонада в районе 2-го, 16-го армейских и 3-го Кавк[азского] корп[усов]. Нашему корпусу предстоит работать с 27—28 числа. Много грома, колоссальные потери, а воз все на том же месте — встретившись опять с немцами, не взяли ни пяди земли. Гвоздят же наши воеводы как-то все по заведенному⁸⁰², без искорки творчества, ч[то]б[ы] ухитриться придумать к[ако́й]-л[ибо] искусный маневр. Перед нами — непреодолимая гранитная скала. Спрашиваю своих

стратегов, почему действуем мы т[а]к бесцветно и шаблонно — отвечают мне: на то, вероятно, имеются политические соображения, в глазах наших союзников надо-де показать, что мы действуем, скольких бы бесплодных жертв людьми эти действия ни стоили!

24 сентября. Ведренный день. Артиллерия все долбит и долбит, к[а]к будто задалась лишь одной целью — побольше произвести грома. Палят без толку, не знают точно, где сидит противник; воеводы больше всего действуют на картах да схемах, вода и пере-кладывая по ним спички...

Турки дерутся замечательно отважно, даже не укрываются в окопах, а прямо становятся во весь рост! [...]

26 сентября. Препоганая погода; дождь; дороги раскисли до невозможности. В 11 утра приехал командарм Щербачев⁸⁰³ на военный совет, после к[ото]рого сервирован был обед с участием избранного количества штабных, не исключая, конечно, меня. При представлении был очень удивлен его особенным вниманием ко мне, выразившимся в его недоумении, что я, заслуженный человек, странно-де обойден соответствующими наградами, и на прощание, пожавши мне руку, приветливо пожелал мне «побольше удачи в будущем». На лице ли у меня был написан образ печального рыцаря?! Своим удивлением я после отъезда Щербачева чувствовал потребность поделиться с милейшим «комкором» Долговым, открывшим мне карты: оказывается, он уже предупредил Щербачева о том, что сделанное им представление меня в тайные советники так несправедливо было заменено Радко-Дмитриевым под внушением человеконенавистника Беляева — мечами к имеющемуся у меня орд[ену] Св. Анны 1-й степени; при этом сообщил мне, что по окончании начатой операции, после боев он опять меня представит в тайные советники, и через Щербачева оно уж обязательно пройдет. Я, конечно, был очень признателен Долгову за его благие намерения. Вообще штаб 12-й армии, дирижируемый прохвостом Беляевым, уже стал притчей во языцех по части преступной скупости в награждении подвластных и лично ему не служащих лиц и бессовестной с другой стороны щедрости в награждении самих себя. Как видно, атмосфера в штабе 7-й армии куда благодатнее, чем в штабе 12-й армии. Сам Щербачев — ис-

тинный джентльмен. Служить при таких условиях — одно удовольствие. [...]

27 сентября. Ведренный день. Проехал с уполномоченным 10-го отряда Земсоюза в район 12-й Сиб[ирской] дивизии на перевязочные пункты. Очаровательный вид в горах, незабываемая по своей красочности картина осеннего леса, рассеянные по пути корчмы и охотничьи дома... [...]

29 сентября. [...] Приехал все-таки утром начальник штаба армии генерал Головин⁸⁰⁴ — сварганить под «Георгия», к[а]к выразился наш «комкор»: прокатиться в автомобиле к штабам дивизий, после чего, в случае малейшего успеха нашей армии, «Георгий» сему генералу будет уже обеспечен!! Людишки мы, людишки, жалкие людишки... И война-то для нас является настоящей масленицей — грубой, узкой целью удовлетворения нашего благоутробия! Геройские подвиги-то у нас создаются лишь для видимости — кинематографически! Идеология же в них интересов родины, народа и тому подобных высших материй — и не ночевала! [...]

30 сентября. Грязь, мокрота. День как будто хочет проясниться. Заминка в нашем наступлении. Штабная наша публика умирает от скуки в такой дыре, как *Завалув*. Еще бы, после *Риги*-то! Предаются выпивке и картежной игре. [...]

ОКТЯБРЬ

[...]

3 октября. [...] Утром отправился по врачебным учреждениям в ожидании встретить после совершенных двух атак массу раненых, и каково мое удивление?! На весь корпус их оказалось около 300 чел[овек], преимущественно легкораненых и с пальчиками. Что за чудо? Делюсь впечатлением со своими штабными; они, ухмыляясь, остроумно отвечают мне, что-де в этом кроется «секрет изобретателя»! Ларчик-то открывался, к[а]к я потом убедился из достоверных источников, просто: гора родила мышь — произведенные нашими дивизиями «атаки» выразились в том, что 13-я дивизия совсем не вышла из окопов, часть же 12-й, вылезши было из них, сейчас же залегла перед проволочными заграждениями!

Уже давно начдивы — и 13-й дивизии генерал Эфиров (нек[ото]рые его называют «барон Шулер»), и 12-й генерал Эггерт (переименовавший недавно свою фамилию на «Викторов») являются для всех притчами во языцех. О первом из них рассказывают, к[а]к он нагло заврался, описывая в своей реляции геройский свой подвиг, как он будто бы самолично подползал на брюхе вместе с тремя разведчиками к неприятельским окопам! Со вторым же, Викторовым, на днях случился прекомичный инцидент: во время посещения им 48-го стрелк[ового] полка неподалеку разорвалась бомба, и он, спасаясь, бросился прямо в яму с говном, погрузившись в нее чуть не по шею!

Около полудня заехал к нашим «операторам» на наблюдательный пункт. Блиндажи у них прямо-таки циклопической постройки — не прошибет и двенадцатидюймовое орудие. Шла адская канонада, к[ото]рую живописно можно было наблюдать, особенно в бинокль, к[а]к на ладони в стороне *Свистельников, Ур[очны] на Корсаку и Ставентьна*⁸⁰⁵; на левом фланге от нашего корпуса работал 22-й. В кругозоре открывались высоты, зарегистрирован[ные] на карте по №№; вдали виднелись в синей дымке Карпаты... Хотели было атаку повести до обеда, потом отсрочили сначала до 2, а потом до 3 час[ов] пополудни (до «14—15 час[ов]»). [...]

4 октября. [...] Команды укомплектования не все получают ружья — и так без них засаживаются в окопы, из получивших же ружья многие не умеют с ними обращаться... Слышал от военного следователя рассказ, как один командир (из кадровцев), желая избавиться от «ученых» добровольцев (к[ото]рых поступало много в начале войны), стеснявших его скуловоротные движения в отношении «серой скотинушки», — ставил нарочно их вперед под верный расстрел, чтобы «изничтожить эту вредную сволочь»...

[...] За истекшие сутки наколотили «серой скотины» большее количество, чем накануне: более 200 убитых, около 1600 раненых и контуженных. За все время операции в течение 2 дней в корпусе: убито 9 офицеров, 375 нижних чин[ов], раненых — 23 офиц[ера] и 543 н[ижних] ч[ина]. [...]

5 октября. [...] Милейший мой «комкор» очень удручен только что совершившимся. Я избегаю с ним говорить о веревке в комнате

повешенного. Все чины нашего оперативного отделения ходят как битые, щипанные петухи, пораженные неожиданным для них исходом операции, видят они какую-то пропаганду в том, что «серая скотинушка» не хотела лезть на проволоку, что среди нее укрепилось убеждение, что Россия продана немцам. Командир 48-го полка действительно ранен в руку; батальонный же командир Никитин, как говорят, под сурдинку приколот своими же. Несколько солдат 12-й и 13-й дивизий полевым судом были расстреляны.

Удивительно, что немцы, отразивши нашу атаку, не пошли энергично по-макензеновски вперед далее — всех бы нас они могли захватить голыми руками; публика уже настроена панически; объясняют наши, что немцы этого не сделали за неимением у них надлежащих резервов, т[а]к к[а]к все их войска переброшены на Балканский полуостров. Туда же перебрасывают и наши корпуса — 2-й и другие. Какая-то судьба ожидает наш корпус — пока не известно; казалось бы, должны быть немедленно отрешены от должности и «комкор», и «начдивы». Может случиться, что весь корпус раскассируют. Не думаю, ч[то]б[ы] наш корпус уж так резко выделялся из других по своей деморализованности. Со стороны в лучшем свете обрисовываются действия 22-го корпуса перед нашим только потому, что там были потери до 50 %. Нек[ото]рые из штабных «рябчиков» («дроздов»?) уже озабочены заблаговременным подысканием себе новых хозяев; пустят в ход все связи и протекции... [...]

6 октября. «На Шипке все спокойно...» Падает мокрый снег. По дороге на *Бучач* к югу движется много войск с музыкой и песнями. За уходом 2-го корпуса в *Подгайцах* освобождаются хорошие помещения, к[ото]рые нашими штабными намечаются как филиалы для расквартирования имеющих к ним съехаться на праздники жен и «подруг». Самому штабу *in corpore*⁸⁰⁶ перемещаться туда из *Завалува* немного зазорно — будет похоже на отступление! [...]

Удивительная история: до сих пор в штабе никто не знал, была ли когда нашей высота 348 и местечко *Боково*; уверяют что владение ими могло быть лишь фиктивным; мало ли что может творить проворство рук?! Генерал Федоров критикует, между прочим, приемы действий нашей артиллерии, направляющей всю силу огня

прежде всего на разрушение проволоки, а потом уж на окопы противника, не то-де у немцев, направляющих артиллерийский огонь прямо на окопы противника, а проволоку уже потом режущих и разрушающих, когда выбьют из окопов последнего.

Генерал для поручений при штабе армии разъезжает по производству расследования относительно случившегося в корпусе скандала, что солдаты не хотели выходить из окопов, ч[то]б[ы] идти в атаку.

К вечеру тревожные сведения с позиций: артиллерия 22-го корпуса и 13-й дивизии нашей готовится подавать передки, ч[то]б[ы] отступить; затрещали телефоны, заработал телеграф... Надо отдать справедливость, что настроение в штабе у нас не паническое, а скорее отупело-легкомысленное, так к[а]к ясна для всех перспектива, что если отступит 22-й корпус, то немцы нам зайдут в тыл, будет беда «горшея первья». [...]

8 октября. [...] С полудня началась опять канонада со стороны *Свистельников*; засвистело для нас обладание ими; немцы энергично накапливают силы; вот уж истинные они маэстро в своем деле: для выполнения своей задачи они не стесняются ни непогодой, ни испорченными дорогами, а долбят себе с настойчивостью дятла в намеченную ими точку. А мы... мы?... Сколько раз откладывали свою «наступательную» операцию? Мешали нам то дождь, то туман, то дороги. Наконец начали свое наступление в кавычках, и Господь нам послал на эти дни дивную погоду, и в результате — одна грусть! Я уверен, что в каждом офицере и солдате нашем сидит теперь высказываемое ли, или не высказываемое сознание, что немцы для нас несокрушимы... Нет-нет! Они стали для нас волшебниками, против коих все наши усилия обречены на неудачу!

Сильно потрепана наша соседка с левого фланга, 41-я дивизия; немцы оттесняют нас на восточный берег Нараевки. Левый фланг корпуса удлиняется теперь до северной окраины *Подшумлянце*. Наш «комкор» все же рыхлый человек: не мешало бы ему эти дни побывать на позициях, тем более что там действуют заведомо ненадежные воеводы — Эфилов и Эггерт.

Действуют в настоящее время комиссии по переосвидетельствов[анию] штабных офицеров на предмет их перечисления

в строй; штабы всякими хитростями стараются их, конечно, оставить при себе, встречая со стороны врачей милосердное к тому содействие. Эх, погана наша российская неприкрашенная действительность! И законы-то для нас существуют как будто для того, чтобы их всячески обходить!¹⁸⁰⁷ [...]

9 октября. [...] Взятый в плен немецкий солдат старался уверить, что он не перебежчик, что питаются в германской армии очень хорошо, и что не будь с нами в союзе Англия, против к[ото]рой в фатерланде чрезвычайно озлоблены, немцы давно бы с нами расправились и война была бы уже прикончена.

10 октября. [...] Условия жизни в окопах наших солдатиков по своей отвратительности не поддается даже воображению — в грязи, в воде, в холоде и голоде. Из них массами сдаются в плен. *Caveant consules!*¹⁸⁰⁸

Для военачальников наших — очередная теперь для решения проблема: как наилучшим образом использовать артиллерию, так как направление ее для разрушения главным образом неприятельской проволоки не оправдало возлагавшихся надежд. Дело это, впрочем, специальное и не моего ума. [...]

11 октября. [...] Командированный мной для санитарн[о]-гигиеническ[ого] расследования на позиции д-р Толченев (из земских врачей) передает невероятную картину той ужасной обстановки, в к[ото]рой живут наши несчастные солдаты, — чуть не по пояс в грязи, безо всякого укрытия от непогоды, без теплой одежды, без горячей пищи и чая, выкопанные кое-как подземные логовища обваливаются и погребают в себе заживо ищущих в них пригрева наших серых воинов. Дороги испортились так, что ни пройти, ни проехать, ни верхом, ни в подводе. Сами себя мы разбиваем, расточительно расходуя «человеческий материал», не жалея его...

С присоединением к нам румын мы еще более растянули в одну ниточку свой фронт. [...]

Вот потрясающая и душу раздирающая картина: идут солдаты босиком, за неимением сапогов, продрогшие, промокшие; всякий, к кому эти несчастные смиренно ни обратятся за помощью, чтобы только от них скорее отделаться, посылает их один к другому из селения в селение — «вот там-де вам дадут, что нужно...» И это

картина не эпизодическая, явление не исключительное, а общее. Я не выдержал и обратился к своим сослуживцам, беспомощно пожимавшим плечами, с таким необычным предложением: «Г-да! Если только от этого будет хоть малейшая польза для солдат, то для достижения ее, ч[то]б[ы] они были как следует и одеты, и обуты, и удовлетворены всем, положенным по закону — снимите сейчас с меня, к[а]к корпусного врача, штаны, разложите меня и больно меня высеките! Говорю вам это искренне и откровенно!» Из дальнейших наших разговоров они достаточно, по-видимому, убедились, что не надо быть врачом, ч[то]б[ы] удовлетворить солдата всем, что ему полагается, и что неудовлетворение его всем необходимым по закону будет делать из солдата нашего не защитника отечества, а в понимаемом ими смысле «революционера». Картина творящейся у нас на фронте разрухи — это лишь осколочек зеркальца, в к[ото]ром отражается вся наша казенная, карверная, «самодержавная»⁸⁰⁹ Русь, — эта первопричина всех язв и зол русской жизни и переживаемой нашей родиной катастрофы. Дай Бог, чтобы вышло «чем хуже — тем лучше»...[...]

От «коринж» Шевелева узнал о возмутительной по цинизму вещи: в то время, как мое представление к Георгиевской медали почтеннейшей женщины-врача Белоусовой за действительное ее отличие было отклонено, поганцами Беляевым и Радко-Дмитриевым награждены были Георгиевскими медалями жена, сын и дочь гофмейстера Тимрота за то только, что они раскатывали в автомобилях по лечебным заведениям г. Риги; кроме того, этой же медалью награждена женщина-врач Кизильбаш, не бывшая совсем на позициях, а лечившая лишь и сделавшая якобы «операцию» на конъюнктиве (вероятно — прокол *meibomitis*⁸¹⁰) у мерзавца Беляева. Эти сукины сыны (а мало ли их?) с пожухшей совестью считают себя вправе награждать не за действительные подвиги или усердие к службе, а тех, кои им лично оказали к[акое]-л[ибо] угождение или выделялись знатностью своего положения. Золоченые каторжники и преступники, у к[ото]рых вся Россия вмещается лишь в их туго набитых карманах и пресыщенных утробах! [...]

13 октября. [...] В полках 41-й дивизии, оказывается, состав людей не превышает 250—300 чел[овек]!! Наши солдатики от холода

и голода бросают самовольно окопы и идут куда глаза глядят, ч[то] б[ы] обогреться и покормиться... Сегодня я спросил генерала Федорова: «Кто нас теперь охраняет?» Он отвечал: «Немцы, которые, покончивши с румынами, примутся за нас!» Вся эта потрясающе-грустная действительность не мешает многим из маломыслящих наших штабных устраивать себе здесь жизнь повеселее: выписываются уже жены и даже «кузины»...⁸¹¹ [...]

14 октября. За обедом сегодня горячий спор между «наштакор» и генерал[ом] Федоровым: ч[то]б[ы] от «хорошей» жизни наши солдатики не перебежали к немцам, заманивающим их еще бутылочками водки, Степанов предлагал к[а]к наиболее надежную меру по выходящим нашим воинам на встречу к немцам стрелять из пушек, Федоров же с ним не соглашался, рекомендуя вообще, и вполне резонно, меры более органического характера, отрицательно относясь даже к телесному наказанию...

И внутри России, и здесь на фронте мы переживаем отчаянное положение. Уже никто из нас не сомневается, что война продлится еще года 2—3. Страшно ехать теперь в тыл! Даже здесь себя чувствуешь покойнее, чем если бы быть там. [...]

15 сентября. Погода прегнусная. Съездил в *Монастыржиско*⁸¹² на «дискуссию»... возвратился поздно ночью весь изломанный и избитый от автомобильной встряски по исковерканному шоссе. Солдатики наши, отчасти и немцы, если мало-мальски перестает дождь, вылезают из окопов и обсушиваются, сидя на брустверах⁸¹³ Суп, лишенный мяса и всяких приправ, они называют «шрапнельным» супом. За оскудением внутри России мужского персонала «бабы пошли в мужики» и «баба, как соль, стала употребляться во все». [...]

17 октября. Одиннадцатая, кажется, годовщина дарования по утерянной ныне грамоте человеческих прав существования покоренно-подданным российской державы!

После обеда совершенно неожиданно для наших жрецов стратегии шибко зашевелились немцы на правом нашем фланге; началась энергичная канонада, продолжавшаяся до ночи. У жрецов — вытянутые от удивления физиономии с плохо делаемой *bonne mine a mauvais jeu*⁸¹⁴. Ввиду деморализации, царящей в войсковых ча-

стях, почти полной непроездности дорог и страшного истощения от голодания лошадей нам и не выбраться из этих гиблых мест, если бы немцы вздумали серьезно повести на нас наступление. «Комкор» как-то раскис и носит на себе печать какой-то фатальной обреченности, когда человек в отчаянии опускает руки и говорит: «Пусть будет, что будет!» Мягкостью характера «комкора» штабные сильно злоупотребляют для обдeldывания своих личных мышиных операций... [...]

18 октября. [...] Прибывает большое количество раненых, преимущественно из 46-го и 48-го полков; транспортных средств недостаточно. Дороги для раненых — убийственны!⁸¹⁵ *Facio quod possum!*⁸¹⁶

19 октября. «Комкор» очень удрученный; только что он закончил на 20 листах свое объяснение в штаб армии о несчастной недавно нашей операции; теперь будет ожидать своей участи. Сегодня готовилась нами контратака, но отложена до завтра, а может быть — и еще дальше. Что за волшебники немцы: начинают свои операции когда им нужно — без обращения внимания на непогоду и плохие дороги, даже плохая погода с началом их операций изменяется в хорошую! У нас же — наоборот. [...]

20 октября. Хмурый, но бездождный день. С 2 часов пополудни началась «контратака» в 12-й дивизии. Пальба артиллерийская шла ожесточенная до глубокой ночи. Утешительного не произошло ничего, «иерихонские трубы» молчали!..⁸¹⁷ В донесениях боевых все изоврались. [...]

21 октября. День прояснился. В небесной лазури появились хищные птицы-бомбометательницы. С полудня началась адовая канонада, по своей интенсивности превзошедшая все бывшие до сего времени на сем фронте, с нек[ото]рым ослаблением продолжавшаяся всю ночь. С 17 по 20 октября убито офицеров — 15, нижних чинов — 788, раненых офицеров — 32, нижн[их] чин[ов] — 2630, контуженных офицеров — 11, а нижних чин[ов] — 330. Ранения преобладают легкие. Сегодня, вероятно, потери будут большие. В 12-ю дивизию вливается бригада 47-й дивизии. [...]

22 октября. [...] Возвратился домой уже поздно вечером, когда узнал, что «начдивы» и наш «комкор» по повелению свыше отчисле-

ны в резерв, и на их должности уже прибыли заместители. На место Долгова назначен один из «начдивов» 33-го корпуса — Ступин⁸¹⁸. Я очень устал и не пошел на ужин, а поскорее залег в постель. Завтра познакомлюсь с «новой метлой». Изнеженная, распущенная, обританнившаяся наша штабная публика отзывается о новом командире к[а]к о грубом, свирепом начальнике и очень сожалеет об уходящем Долгове, гуманностью и деликатностью к[ото]рого она так злоупотребляла, дойдя до такого безобразия, что в *Завалув* стало офицерство привозить себе на потребу горизонталок профессиональных. А в укор Долгову будь сказано: слушком уж он обмяк и скис! Слава Богу, нынешний день тевтоны на нас не наступали.

23 октября. Уже несколько дней, как погода стала проясняться. Познакомился с новым «комкором» — с двумя «Георгиями». Ознакомил его с положением дел по моей части. Впечатление произвел на меня благоприятное — видимо, не из хамов, но и не из светских джентльменов. Человек простой, и не «Гениального штаба» с юнкерским образованием, умеет, очевидно, управлять серой солдатской массой — живой портрет Собакевича, изображенного в «Мертв[ых] душах».

К обеду прибыли два вновь назначенных «начдива» и в одеянии сестры милосердия — жена Ступина, следующая за ним по пятам и держащая его, видимо, под своим башмаком; обратилась с места в карьер ко мне с просьбой устроить ее в каком-либо из лазаретов поблизости от мужа; я реагировал дипломатически, т[а]к к[а]к еще не ориентировался, насколько такая близость супруги будет желательна для самого супруга. [...]

В 12-й Сиб[ирской] дивизии осталось на роту чело[в]ек 60—70! «Комкор» потребовал придачи ему еще другой бригады 47-й дивиз[ии]. Два командира полков — 46-го и 49-го — во время боевой горячки вздумали подать рапорты о болезни⁸¹⁹; «комкор» намеревается предать их суду, и резонно! Нельзя гуманничать с нашими фальстафами! На то они профессиональные защитники отечества, ч[то]б[ы] предъявлять к ним более строгие требования, чем к простым смертным.

Войска наши, надо признаться, деморализованы и не влиито в них теперь воодушевления, когда и слепые презревают относи-

тельно нашей полной дезорганизованности. Военный следователь Крыжановский многое может поведать о безнадежности нашей военной машины...

Имел крупный разговор с начальником штаба относительно небрежного отношения подведомств[енных] ему органов по питанию команд: поганец Сапега дуется круглые сутки в карты и оставляет солдат без каши и масла. Проклятое аморальство! К солдатам относятся не только небрежно, но и злобно-мстительно; в обращении следуют правилу «греть этих сукиных сынов за каждую малость, чтобы они не заважничали»⁸²⁰ и всегда чувствовали бы себя виноватыми»!! [...]

Бывший начальником штаба 35-й пех[отной] дивизии в японскую кампанию Сухомлин⁸²¹ «Сеничка» — ныне, случайно узнал, уже генерал-лейтенант и назначен начальник[ом] штаба Юго-Западн[ого] фронта! См. мой дневник за прошлую кампанию, в к[ото]ром достаточная приведена характеристика этого воина! Узнал еще о смещении штабных грандов 10-й армии — Радкевича, Попова и прочих главарей разбойничьей шайки.

24 октября. Заехали в штаб проездом смещенные «начдивы» Эггерт (Викторов) и Эфилов⁸²². Презренно-жалкие экземпляры человеческой разновидности, протравленные блевотиной военно-бюрократического мироощущения и дальше своего узкоперсонального брюха и кармана ничего не видящие и не чувствующие! [...]

27 октября. Погода стоит теплая. Приятно-унылый ландшафт осени. Осенние цветы и осенние песни — самые красивые и печальные на земле.

Новый наш «комкор» — большой юморист и прекрасный рассказчик, но только на темы из военно-боевой жизни; он до мозга костей солдат. Странно лишь, что примазавшаяся к нему его супруга до сего времени не сыграла еще роковой роли «Стессельши»! В передаче кровавых эпизодов, к ужасу непривычного человека, серые массы трактуются Ступиным не как люди, а как не имеющие никакой цены пешки...

Недавно прибыли партии пополнения, все — желторотые юноши, на другой же день их пустили в штыки... Потрясающая кар-

тина, как многие из них, не желая умирать, кричали в отчаянии «мама!..» [...]

О Ступиной: работает (?!) вопреки законному регламенту в войсковых лазаретах (ч[то]б[ы] только не было скучно, когда муж занят), изо всех сил выбивается, пуская все пружины в ход, ч[то]б[ы] непременно дали ей «золотую шейную медаль на Владимирской ленте»!⁸²³

История с моим бедным фельдшером Устюговым, заявившим свои справедливые претензии на неудовлетворение солдат положенным количеств[ом] пищев[ых] продуктов; началась на него травля раздраженных гусей.

[...] Начальник штаба Степанов за столом уверял, что Долгов, Эггерт и Эфиров вылетели из корпуса не вследствие каких-либо тактических [или] стратегич[еских] ошибок, а вследствие «пропаганды» в войсках! Ох уж эта «пропаганда», «жиды» и всяческая «крамола», на к[ото]рых так любят ездить верхом и отыгрываться наши горе-военачальники и правители, ч[то]б[ы] только себя обелить и реабилитировать.

28 октября. С утра до глубокой ночи гремела канонада и трещали пулеметы. Зачали — немцы, все из обладания высотами. Тевтоны мало-помалу выбивают нас с позиций; две, кажется, роты 47-й дивизии с них вытеснены, на подмогу для вышибания назначается наш 47-й стрелк[овый] полк. [...]

30 октября. Погода, слава Богу, стоит хотя и хмурая, но без дождей. Тепло. Второй день на позициях пока тихо. Потери за бои 28 октября были главным образом в 47-й дивизии, в которой убито офицер[ов] — 3, солдат — 112, раненых офиц[еров] — 6, солдат — 251, контужен[ных] офиц[еров] — 5, солдат — 117 чел[овек]. За 29-е же: убито офиц[еров] — 1, солдат — 132, ранено офиц[еров] — 2, солдат — 558, контужено офиц[еров] — 3, нижн[их] чин[ов] — 71.

Новый наш «комкор» — настоящий «неавтомобильный» генерал: почти каждый день жарит на позиции верхом, да еще в такую раннюю пору, когда наша изнеженная штабная публика изволит почивать. Молодец!

31 октября. Тепло. Стали приходиться газеты. «Речь» зияет белыми лысынами. [...]

Австро-Германией уже объявлено восстановление Польского Королевства⁸²⁴. Наш российский поезд неизменно запаздывает за развитием мировых событий. И, несмотря на воздвигаемые правящей бюрократией рогатки, жизнь верным молотом продолжает ей наносить удары! Правильна мысль, кем-то сказанная, что свобода и независимость крепки только тогда, когда их завоевывает сам народ; если же ему дарят независимость или свободу, то дают не то, что нужно народу, а то, что угодно тем, кто дает. [...]

НОЯБРЬ

[...]

7 ноября. Оттепель. [...] Возобновилась канонада на нашем фронте. Маршевые команды, следующие на пополнение через штаб корпуса, не доходят полностью к местам назначения — власть прапорщиков над ними бессильна по пресечению массового «дралимона»; назначаются из штаба корпуса специальные конвоиры!

По перехватываемым немецким радиотелеграммам можно следить, какую массу тевтоны захватывают у нас офицеров и нижних чинов!!

Только что раскачиваются в решении вопроса о проведении железн[о] дорожн[ого] пути от *Козово*⁸²⁵ до *Подгаиц* и декавильки от Подгаиц на *Рудники — Поноры — Бокув*. Теперь только наши жрецы сознаются, что в случае удачи нашего наступления все равно нельзя было бы развить успеха за необорудованием тыловых дорог. Чего же смотрели раньше?

Вчера в штаб армии отправлен мой наградной список, в коем моим бывшим «комкором» начертано: «За время истекших операций 3—10 июля под *Францем*, 4—7 сентября и 2—3 октября под *Свистельниками* и *Урочна Корсаку*, к[ото]рые дали свыше 18 тысяч раненых, прекрасно организовал дело медицинской помощи и эвакуации. Личным примером и участием поддерживал правильную и напряженную в высшей степени работу. Благодаря своевременной помощи, значительный % раненых через несколько дней мог быть выписан, а частью и добровольно возвращался в строй. Неодно-

кратно был под огнем. Благодаря энергии, удалось в короткий срок сделать противотифозные и холерные прививки во всем корпусе. Ходатайствую о производстве за боевые отличия в тайные советники со старшинством с 5 октября. Долгов. 13/X 16» (*sic!*). [...]

10 ноября. [...] Румынские наши музыканты-союзники, видимо, в критическом положении: под натиском умно руководимых тевтонов они продолжают свой «дралимон»!.. Видимо-невидимо отправлено к ним на выручку наших войск. А каким могучим фактором этот румынский оркестр оказался бы в руках тевтонов, если бы был с ними в союзнничестве!

Солдатики передают, что с немцами они уговорились друг в друга не стрелять, а если уж очень прикажут, то хотят палить вверх на воздух.

В газетах промелькнули телеграммы об аресте А.И. Гучкова, затем опровергнутые. Есть версия, что А[лександр] И[ванович] будто бы послал письмо Алексееву, указующее, что среди правящих сатрапов имеются явные изменники... [...]

11 ноября. Погода великолепная. Среди офицеров курсирует версия, что прибывшая недавно огромная партия скота в Москву, в значительном количестве подошшая от бескормицы, была из тех, к[ото]рые направлены были великой княгиней Елизав[етой] Федоровной в Румынию для доставки в Германию, но возвратились за объявлением первой войны последней. [...]

13 ноября. [...] Сдавши две линии окопов на высотах 417 и 419, мы кое-как держимся в каких-то жалких наскоро вырытых ровиках. И поехал бы сам на позиции без боязни «быть посаженным на мушку», да что из того толку?!

Довольствие нижних чинов и лошадей продолжает быть «осадным»; мрут и болеют, но не в такой степени, как ожидалось бы.

За обедом «наштакор» Степанов (так занятый обереганием своего здоровья, что носит по несколько теплых фуфаяк и особый вязанный для беременных набрюшник!..), отметивши весь развал, к[ото]рый мы здесь переживаем, выразился, [что] [...]

15 ноября. [...] 47-ю дивизию из нашего корпуса перебрасывают в составе всего корпуса, в к[ото]рый она раньше входила, — на румынский фронт. Положение румынских музыкантов распле-

вательное. Расколошмативши их, хитроумные тевтоны устроят и нам бенефис.

Моего фельдшера, раздражившего гусей горькой для них правдой, стараются съесть. Мужественно его защищаю, и, ч[то]б[ы] убедить наших карателей, ухитряюсь стать в плоскость их специфической идеологии, а не общечеловеческой — недоступной для них... Попадаются, к счастью, среди штабных из университетской молодежи люди — осмысленные, с к[ото]рыми можно и говорить по злобам дня. Сегодня один полковник из временно отчисленных от командования (Романовский), захлебываясь от удовольствия, рассказывал, как он порол солдатиков, смевших заявлять о недоедании, а затем пропускал их церемониальным маршем под музыку. Уверял, что это самое действенное средство, ч[то]б[ы] солдаты не чувствовали голода и были бы в дисциплине!!

Прибежал ко мне, весь трясясь от страха, мой Лепорелло — Качура, ч[то]б[ы] доложить, что какой-то полковник, увидевший его рубящим дерево на дрова, набросился на него и пригрозил его «сгноить». Полковник этот оказался Романовский же. Увидевши его за обедом, я его спросил, что незаконного совершил мой денщик, ч[то]б[ы] его на будущее время я мог предостеречь от повторения таких же проступков; сей воин мне, улыбаясь, ответил, что это он сделал «так» — солдат-де не мешает почаще подтягивать, и всякое-де прещение их только больше дисциплинирует! Жуть берет, когда представишь себе, что ведь такова идеология не одного этого полковника, а чуть ли не всех наших витязей, к[ото]рые в возможно большем забивании, угнетении и оскорблении личности солдата видят наилучшие средства их воспитания. А с каким сладострастием эти витязи накладывают взыскания на солдат «так» — «здорово живешь»? Из этих же ведь витязей комплектуется весь кадр наших правителей, свои воспитательные навыки продолжающих применять затем и к общественности. Безумие и ужас!

Тяжело мне вести начатую хронику, но в этой ежедневной процедуре я чувствую хоть нек[ото]рую возможность себя облегчить внутренне путем разрядки многого из того, что накапливается на душе; если бы не писал, то, кажется, меня бы разорвало как бомбу... [...]

17 ноября. [...] Штюрмер⁸²⁶ привлекает к ответственности за клевету Милюкова, что он в думской речи назвал первого изменником и вором. И не ошибся, несомненно!

Румынской армии, очевидно, уже не существует теперь совсем — в пух и прах ее разметали и разбили германцы. Прибывший с румынского фронта из 145-го запасн[ого] полев[ого] госпиталя на должность старшего врача 288-й Пермской дружины Абрам Модель передал мне сегодня невероятные вещи о полной дезорганизованности, некультурности и негодяйстве наших новых союзников: холерных эпидемиях, уничтожавших целые полки, неслаженности взаимных отношений между нашим командным составом и их, и проч., и пр. Создалось такое положение, что в интересах наших боевых операций против германцев необходимой является предпосылка, чтобы предварительно румыны были изничтожены! Кому союзники служат на пользу, а нам во вред! А помощь нашей воодушевленной было на борьбу с врагом общественности разве не является помехой правительственному механизму?! [...]

19 ноября. [...] Получил письмо от инспектора артиллерии с выражением благодарности за мое к нему внимание по эвакуации. Между прочим, сообщает: «В Киеве встретил несколько офицеров с разных фронтов — везде одно и то же, везде ищут виновных, и к чему это приведет — увидим». Где все виновные — эти максималисты подлости? Слава Богу, что, кажется, многие из зоологических националистов теперь значительно «обэсерились», и едва ли виновных будут искать лишь среди «жидов»! [...]

24 ноября. [...] Лошадки бедные с голоду объедают оглобли, дышла и плетни. Послал телеграмму в штаб армии, что если так продлится еще неделю, то мы лишимся совсем конского состава. Скоро солдатики будут не в лучшем положении, чем лошади. Начали бездействовать и хлебопекарни за неимением муки. Я про черный день втихомолку собираю остатки белого хлеба от пышного нашего штабного стола...

Получил бумагу с фронта о созыве в корпусе совещания врачей и присылке его заключения по вопросу: можно ли убавить солдатский пек хлеба до двухфунтовой дачи согласно следующего представления интенданта армии Юго-Зап[адного] фронта

от 25 октября № 52360: «Последнее время наблюдается расстройство транспортировки припасов, и следствием этого — повсеместный на фронте недостаток продуктов довольствия и жалобы частей на неудовлетворение их требований. В видах успешной ликвидации кризиса облегчением железным дорогам подвоза припасов и требования Ставки предполагается ходатайствовать об уменьшении дачи хлеба до 2 фунтов и совершенной отмене риса (его уж давно солдаты наравне с крупой не видят! — мое примечание) или заменяющих его продуктов, так как, по имеющимся сведениям, трехфунтовая дача (фактически тоже давно уже перешли на 2 - фунт[овую] дачу! — мое примечание) хлеба несомненно велика и не поедается нижними чинами (это за отсутствием каши-то с маслом?! — мое примечание); рис же, введенный в рацион солдата (номинально! — мое примечание) единственно как диетическое средство, в последнее время, за неимением его в продаже, все равно войскам не отпускается, следовательно — должны быть отменены и заменяющие его продукты (??! — мое прим[ечание]). Эти мероприятия дадут ежедневную экономию без всякого ущерба для питания людей (?!?) 90 вагонов, что составляет до 10 % от общего подвоза армиям. По приказанию Главн[ого] начальника снабжения прошу по изложенному вашего заключения». Подписал и скрепил NN. Какова логика?! Полный развал... Быть революции, как бы война ни кончилась!

25 ноября. «Комкор» мне сегодня сообщил⁸²⁷, что Бухарест пал! Об этом только малой штабной публике опасаются пока говорить. Итак, что же? Немцы теперь воспользуются вполне заслуженным ими относительным отдыхом за зиму, а к весне, раздавивши румынский оркестр, со вновь сформированными польскими легионами и освобожденными в тылу новыми силами (вследствие применения общегражданской мобилизации — всеобщей трудовой повинности) грянут миллионными массами на нас. Что мы в состоянии им противопоставить? Полный развал, слякотность, всеобщий упадок духа, большое количество фуражек... [...]

26 ноября. Праздник георгиевских кавалеров. В штабе устроен был по сему случаю обильный ужин с возлиянием; присутствовал

«комкор» с супругой — большой юморист, играла музыка, плясали, пели... [...]

Возвратившийся из отпуска «наштакор» генерал Степанов рассказывает невероятные вещи о происходящем хаосе в движении по железн[ым] дорогам; позавидовал, говорит он, даже сидящим в вагоне за решетками, коих все-таки охраняют, и безо всякого с их стороны усилия отводят им места, не как прочим пассажирам, завоевывающим свои места с боем. «Только, — выразился он с негодованием, — всю эту сволочь теперь следовало бы прямо пристреливать, ч[то]б[ы] с ними не возиться!» По идеологии сего представителя военной бюрократии с прогнившей совестью и затхло-вонючим миропониманием следовало бы теперь для освобождения помещений и вообще придушить всех обитателей «мертвых домов» — тюрем и острогов!! Подумаешь только — ведь такие дегенераты даже правят Россией!.. [...]

ДЕКАБРЬ

[...]

4 декабря. [...] В интересах личных самого же Устюгова, моего фельдшера, ожидаю его сегодня на посадение под арест, ч[то]б[ы] насытить комендантскую и К° на него злобу. [...]

Дуреха-супруга «комкор» уже завела интриги и распри. Не угодил ей дивизионный врач — почтеннейший Аблов, недостаточно оказавший ей якобы внимания и вежливости; звонит об этом баба всем без разбору направо и налево; пробовал было я ее урезонить, что у Аблова никакой тенденции ее обидеть и оскорбить не было, если в перевязочно-операционной он не подал ей руки, когда она стояла уже при инструментах (так-де требуется нашей наукой!), и если был с ней деловито сух и неразговорчив. Посмотрю, как себя поведет эта ворона в павлиньих перьях. Я ее готов был бы просто трактовать как истеричку — уж больно нагло она врет! — но... но... а вдруг она окажется даже ниже того мнения, к[ото]рое я о ней составил: явится просто пакостницей с преувеличенным самосознанием относительно своего положения, связей, ч[то]б[ы] не мытьем, так катаньем на место Аблова перевести к[ого]-либо

из намеченных ей своих протееже? Ведь что же, у нас, в благодатной стране неограниченных (немыслимых) возможностей даже наименее-возможного, может случиться и это! При всем пессимизме моем, я все же не потерял способности изумляться и поражаться еще многому по части пакостей, с к[ото]рыми приходится встречаться на жизненном пути⁸²⁸. Довольно сумасбродной бабе начальника выразить то или другое отношение, в данном случае — к Аблову, как вся штабная клика воспитанная в холопском сервилизме, отождествляемом в идеологии нашего офицерства со службой, к[а]к один человек с корпоративным единодушием, достойным лучшего применения, выступила в полной готовности залягать этого человека, особенно если он еще врач! Теперь лишь я отдаю себе отчет в том казавшемся мне странным явлении, когда в начале кампании, в бытность мою при 25-м корпусе все его штабное стадо баранов вдруг изменило ко мне приличное отношение... Под конец только, спустя много времени, уже будучи переведенным в штаб 10-й армии, я узнал, где была зарыта собака: Зуев возымел страстное желание на мое место перетянуть моего коллегу (не без его, конечно, происксов!) Архангельского! [...]

14 декабря. День ясный, голубой; легкий морозец по утрам и к ночи. Писать стало тяжело, а не писать — еще тяжелей. Продовольственный кризис не менее остро стоит на фронте, как и в тылу. Обессилели от бескормицы лошади, усиленно дохнувшие; ослабели и наши сермяжные воины от голодухи, болеющие и умирающие тем не менее не в таком грандиозном масштабе, как ожидалось бы. С сыпным и возвратным тифами (первого — лишь спорадические случаи) боремся банями и дезинсекциями при недостатке мыла для людей и керосина для пароформалиновых камер. Идет противобрюшнотифозная прививка. Совестно как-то ездить на позиции в солдатскую гущу, чувствуя себя перед сермяжной массой как бы виноватым, что она не удовлетворена тем, что ей следует по законным нормам. [...]

17 декабря. [...] Выступили с предложением мирного посредничества Север[о]-американские Штаты, Швейцария и даже... Китай! Его предложение медиации «принято с благодарностью к сведению». Прискорбно видеть, как союзные нам гражданские

культурные нации вступают все более и более в конфликт с железными требованиями Марса, принуждающего к ослаблению режима парламентаризма и к установлению более или менее неприкрытого абсолютизма. Процесс приспособления наших благородных [и] свободолюбивых союзников должен быть для них очень болезнен и мучителен, и тем более, чем менее до сего времени были милитаризованы. Да будет проклято воинствующее пруссачество! Тем прискорбней сознание, что не обломать нам мечей прусского милитаризма, не установить миропорядка, к[ото]рому не угрожал бы навязывающий свою волю бронированный кулак вильгельмовщины, что объявленная якобы война войне, имеющая конечной целью всеобщее разоружение, — одна бесплодная утопия... [...]

20 декабря. [...] Из «Вечерних известий» узнал сенсационную новость об убийстве Гр[игория] Распутина. По частным сведениям в штабе, непосредственными участниками убийства фигурируют великий князь Дмитрий Павлович⁸²⁹ и Сумароков-Эльстон⁸³⁰. [...]

22 декабря. 6 час[ов] — *Жмеринка*⁸³¹. Пестрят плакаты: «Остерегайтесь — молчите; польза родины этого требует. Помните, что враг повсюду вас подслушивает». В полдень — *Фастов*⁸³².

Смерть какого-то проходимца Распутина заслонила, по видимому, все события фронта и тыла; и это — в момент великой трагедии, решающей судьбы русского народа! До какого падения дошла страна, доведенная бухарской системой управления!

Около 2-х дня — в Киеве. Мытарственная процедура по приобретению плацкарта на скорый поезд в Москву. Заночевал в паршивой гостинице возле вокзала — «Ливадия». Колокольный благовест, к[ото]рый не слышал более полугода! Полный зимний путь. [...]

24 декабря. Здорово запаздываем прибытием в Москву. Символическое событие: освобожден от суда король шантажистов — личный секретарь Штюрмера Манасевич-Мануйлов...⁸³³

К чему-то приведет наглый антиобщественный курс руководящих сфер? Страна пребывает в унижительном положении «у парадного подъезда»...

Москва, Москва! Колокольный звон ко всеобщей под Рождество Христово. Предупредительной моей телеграммы домашние

мои не получили, а потому прибытие мое явилось для них приятной неожиданностью! [...]

31 декабря. Последний день проклятого года. Прочитал на досуге литературу по истории французской революции. Как много похожего на переживаемый теперь кавардак во внутренней политической жизни России! Прогрессивный распад предрержащей власти продолжается. Самодержавие в безумном ослеплении своих помазаннических привилегий лишилось последней доли понимания не только общественных, но и своих личных интересов: закусивши удила, оно для настоящего наисерьезнейшего момента, переживаемого Россией, не измыслило ничего лучшего, как ответить на предъявленные патриотические требования представителей народных удовлетворением их «совсем наоборот». Какое презрение и небрежение к страдальческим крикам угнетенной общественности! [...]

С вечерним поездом отправляюсь завтра в С.-Петербург для выражения покорности нашей военно-санитарной консистории... [...]

1917

ЯНВАРЬ

2 января — 6 января. Прибыл в Петроград; остановился у Сергея⁸³⁴.

Евдокимов за болезнью не принимал. Виделся лишь с управленческими индюками-недоносками, высиживающими свое недомыслие с протираанием штанов на канцелярских стульях, с серьезными минами погруженными в свое самодовлеющее крохоборчество; каждые чуть ли не полчаса прислуга обносит этих тружеников бутербродами и чаем! Очевидно, так им работать спорей! Поговорил с вновь испеченными шишками (Грязнов уже вознесся до помощника Главн[ого] инспектора!). Карьерный пафос, протекционистское засилье без разбора средств достижения идут во всю ширь российского бесстыдства. Хлыстовское радение! Аппарат этот по части себеурывательства волчьей хваткой за счет хоть по-

топа и гибели всего прочего — действует здесь с замечательным совершенством, как и на фронте. Великие князья, великие княгини (преподобные и просто княгини), наибольшие военные магнаты бесцеремонно расправляются ставленничеством на жирные и пухленькие местечки чуть ли не своих денщиков и камердинеров. Главный инспектор беспрекословно творит волю господ положения... Творятся подлости безо всякого оттенка благородства... Эх, поменьше надо только думать, сильнее желать и энергичнее (короче) на всякий позыв рефлексировать — и скоро можно подняться до самого министра! Не надо в самом себе ковыряться и смотреть на все проще, вернее — жить только одними позывами да ощущениями... Неразборчиво так возвышающимся, казалось бы, и руки из безразличности не следовало бы подавать, а выходит наоборот: им еще ниже кланяются окружающие, и не за один лишь только страх, но и за совесть! На всем видны следы исконного холуйски-хамского самодержавного режима, дающего радостную жизнь всем плутам, шулерам, мироедам и разного рода штукмейстерам. И это называется «царской службой»!

Магазины и лавки в Петрограде, как и в Москве, полны всякой снедью, бакалеей и мануфактурой; всего можно купить — имея только больше денег. Дороговизна такая же ужасающая. По адресу «темных сил» и творящегося озорства в сферах все настроены возбужденно и озлобленно, можно сказать — революционно. Жаждают с нетерпением все дворцового переворота; довольно открыто все сообщают друг другу, что готовится повторение сербской истории с Александром и Драгой⁸³⁵; с удовольствием это все смакуют. Впечатление все-таки получается такое, что каждый негодующий ходит пока лишь с кукишем в кармане, без особенного желания проявить свою волю к действию, и надеется, что все, что нужно, сделает за него кто-то другой, а не сам он.

В заграничных карикатурах, говорят, изображается половой аппарат Распутина с подписью: «Руль, к[ото]рым управляется Россия». Выслан из Петрограда на днях великий князь Николай Михайлович⁸³⁶.

Насчет войны — не видно, ч[то]б[ы] ожидали скорого ее окончания, как будто не особенно будут огорчены, если она и еще про-

должится неопределенное время. Один небольшой управленский чиновничек, пересказавший мне все петроградские злобы дня, уверенно пророчествовал, что-де солдаты после демобилизации ружей своих не отдадут! Висят еще плакаты читанной на днях рептильно-шутовской лекции «священносинкела» Мардария «Загадка России» — вероятно, в духе, что-де и умом-то ее не объять, а только-де можно в нее верить! [...]

8 января. Поехал в Рязань. Теснота в вагонах невероятная — сидят и стоят чуть не на головах друг у друга. Разговоры на тему «кто теперь копейчку наживает», а также по поводу смерти Распутина. [...]

№№ в гостиницах заняты. Остановился у Кученевых: холодно, грязно, первобытно... Чудовищно-фантастические слухи среди обывателей о политических злобах дня. Вслед за Распутиным убиты будто бы уже Фредерикс⁸³⁷, Штюрмер, Питирим⁸³⁸; у всех на устах — «подлая Сашка», «полковница»⁸³⁹. Бойкая дама М. Селиванова очень жаловалась на засилье евреев в Рязани... «Мы вам дали Бога — дадим вам и царя», — будто бы говорят они. Ой, ожидаю, как бы злоба народная не конвертировалась на виноватых во всем лишь «жида[х]» да «Сашке»; из-за деревьев не увидят леса в непонимании, что ведь гнилье растет лишь на гнилой почве...

[...] Едучи ночью на вокзал, слышал такое рассуждение извозца: «Мы как телята — дали все на войну, теперь будем терпеть, а потом посчитаемся... Открыли бы нам лишь двери!..» По адресу *rex'a*⁸⁴⁰: «Разве подлую жену можно слушаться? Баба — что змея... Надо помнить и пословицу: Богу-то молись, а сам ближе к берегу гребись». Ругал он Протопопова и сожалел, что ушли Поливанов и Сазонов. Под конец спросил: «А что, правда, что ее уже заточили в монастырь?»

12 января. В Москве утром. На вокзале вместо отсутствующ[его] хлеба предложили торт и бутерброды...

22 января. Воскресенье. Колокольный благовест, но не тянет меня, как прежде, в церковь, несмотря на настоящее мое панихидное настроение. Замолкли в доме звуки рояля, граммофона. На всем легла печать *silentium'a*⁸⁴¹. Кошмарное ожидание имеющего совершиться чего-то катастрофического. С чувством ужаса встре-

чаю, просыпаясь, каждый грядущий день. Бездосужна, безуютна и безрадостна моя жизнь. И всего как бы много, а счастья нет. Неослабно точит меня забота о судьбе моих ребятишек, к[ото]рых так хотелось бы видеть устроенными, пока я жив... [...]

ФЕВРАЛЬ

[...]

3 февраля. Уезжаю на фронт. Увожу с собой большую усталость, безбрежную неумную тоску и дьявольскую злобу на весь мир людской... [...]

4 февраля. На пути к Киеву, куда с запозданием должны прибыть завтра утром. Мои однокупешники — почти все артиллеристы, ведут разговоры, в к[ото]рых видна свежая, живая работа мысли, пока касаются вопросов своей специальности, но... но... открывается проклято зияющий какой-то провал, раз начинали вентилировать вопросы гражданского порядка. И это — люди с высшим образованием, до войны бывшие штатскими! Неужели так сильна специфическая протрава блевотиной?! Настроение у всех отъезжающих на фронт таково, что там каждый будет чувствовать себя покойнее, относительно же творящегося теперь в России и ближайшего ее будущего увозят весьма сумбурное впечатление... [...]

Спутники мои почти полусшепотом разговорились о чинимых проделках и фокусах наших летчиков, с весьма отрицательной, конечно, стороны, заключивши со вздохом свои рассуждения, что-де, к сожалению, нельзя выведать все «на свежую воду», так как воздухоплаватели состоят под ведением великого князя Александра Михайловича⁸⁴², *ergo*⁸⁴³: надо, значит, или хвалить, или молчать!.. Барометрическая картина, достойная пера художника-бытописателя! Какой широкий простор всякой рептильной сволочи, стоящей возле высоких особ — официальных гроссмейстеров, прикрываться их именем как штемпелем во всех своих пакостных деяниях! И самодержавие-то наше спасительно и выгодно только для одних проходимцев; так под покровом самодержавия веками неправды и бесчестия воспитывались целые поколения «двуногих блох», для к[ото]рых все содержание жизни и весь их идеал — по-больше лишь себе цапать да жрать...

5 февраля. Около 7 утра в Киеве. На вокзале не столь удручающая картина, как в декабре месяце, когда я ехал на Москву: и меньше толчеи людской, и в отношении продовольствия лучше — на столах лежит большими кучами белый хлеб, а также рафинированный сахар вместо сахарного песка. Носильщики и официанты сами идут навстречу публике с предложением «чего изволите?», и за ними не надо было пассажирам ухаживать, как тогда. Вкусные горячие пирожки с рисом-морковью по 10 коп[еек]; рассольник с потрохами — 40 к[опеек]; омлет с почками — 1 р[убль] 25 к[опеек]. Видны даже валяющиеся куски недоеденного белого хлеба! [...]

6 февраля. Утром в *Прескурове*³⁴⁴. В вагонах толчея непротолченная, через коридоры нельзя пройти. Около 5 час[ов] вечера в *Тарнополе*. В 6 вечера на этапном поезде в *Бучач*, куда прибыл под утро.

7 февраля. Заехал в штаб армии; повидался с милейшим генерал-квартирмейстером Незнамовым. Штабные аристократы встают по-господски чуть ли не в 11 часов утра. Досуга у них много; очень заняты собой персонально — с увлечением некто[от]рые предаются массажу, вытиранием какими-то примочками красных пятнышек у себя на лысынах, приемом регулярно через известные интервалы разных медицинских снадобий «от малокровия», «от катара желудка» (читай — от обжорства!) и т.д. [...]

После обеда выехал в автомобиле на Подгайцы, а из них — на лошадях прибыл к 6 часам вечера в *Завалув*, прозванный нашими штабными остряками «Незалуповым». Чудная погода, глубокий санный путь; дорога — в горах. Опять у себя «на позициях»; как будто бы и не ездил в отпуск. [...]

12 февраля. [...] Московск[им] окруж[ым] воен[но]-санит[арным] инспектором назначен Алеша Никитин потому, что устраивал лазарет при обители «пресвятой» велик[ой] княгини Елиз[аветы] Федоровны и лечил когда-то каких-то великих княжат; начальником санитарной части нашего фронта назначен неведомый мне врач Петров потому, что его какой-то родственник был воспитателем наследника; «протерший» себе всю задницу в Главн[ом] военно-санит[арном] управлении канцелярский скриба д-р Млодовский еще летом назначен Главным врачебным инспекто-

ром (общеемперским!!) только потому, что его не то брат, не то дядя состоит управляющим имениями принца Ольденбургского, и проч., и проч. Так даются ответственные высокие должности на Святой Руси, как даются места прислуге господами, с той лишь разницей, что господа в свои вотчины все-таки норовят брать кого-либо подброккачественнее на обслуживающую их работу, а в ведомствах же наших самодержавными господами положения устраивается и всякая шваль лишь для прокорма, без соображения годности для государственных интересов⁸⁴⁵. [...]

14 февраля. Тепло. Поехал в 13-ю дивизию. Побывал в звериных логовищах — «лисьих норах», в к[ото]рых живут наши серые стратотерпцы; повидать же их во всей удручающей обстановке — это надолго испортит свое душевное настроение⁸⁴⁶. [...] Тоскует по миру почтеннейший «начдив» Коссовский⁸⁴⁷ с двумя «Георгиями»; от него узнал, что в «сферах» вместо Григория Распутина появилась и задает тон какая-то «Анна Смердящая»⁸⁴⁸.

Прибыл на место генерала Федорова новый инспектор артилл[ерийского] корпуса Ивашинцев⁸⁴⁹, «из молодых — ранний», типа «нервостервика»... [...]

17 февраля. Ночью в штабе был переполох: немцы с целью, вероятно, «охоты за черепами» внезапно ворвались в окопы одной из рот 46-го полка. [...]

18 февраля. В ночном нападении немцев на один из участков 46-го полка противнику достался порядочный трофей: сцапано в плен наших «православных» 177 чел[овек], убито 30, ранено около 128 чел[овек], из офицеров пропало без вести — 3; кроме того, забрано у нас еще 7 пулеметов!! В какой-то литературно-беллетристической форме отобразят сие происшествие наши официальные сообщения?! [...]

22 февраля. Погожий денек. На позициях оживилась пальба, по ночам усиливающаяся. Полнолуние.

Продолжает формироваться 19-я Сиб[ирская] дивизия, выделяемая из полков 12-й и 13-й Сибирск[их], а также 23-й дивизии. Писанины и всяких распоряжений по этому случаю и вообще, носящих все обычный специфический характер какого-то сабо-

тажа и сплошных спинномозговых судорог, такая уйма, что для малодушного человека в моем положении есть с чего в отчаянии повеситься... Но я верным остаюсь своему лозунгу «терпение и время» и в периодических «срочных» донесениях по санитарной части о формирующейся дивизии лаконически уведомляю, что все у меня идет «нормальным» ходом! «Нормальным» — понимай, конечно, истинно русским ходом: в соответствии с существующими условиями транспорта, снабжения, снаряжения, и, в конце концов, общей политико-экономической конъюнктурой⁸⁵⁰ — общим развалом!! [...]

23 февраля. Метель и гололедица. Рано утром поехал в автомобиле на *Литвинув*⁸⁵¹, ч[то]б[ы] из него уже на лошадях объехать нек[ото]рые части и учреждения 23-й дивизии. За *Подгайцами*, в 4—5 верстах от *Литвинува*, автомобиль застрял в снегах, и я вынужден был кое-как добраться до места стремления в случайно обгонявших меня розвальнях. В *Литвинуве*, пока запрягали лошадей, зашел в халупу; в одной половине ютится, забившись в угол ее, потесненная поселившимися солдатиками галицийская беднота — дед, бабушка, отец, мать и несколько ребятишек — исхудалые, бледные, запуганные, глядящие какими-то тенями... В другой, «чистой» половине — заведующий хлебопекарней капитан (из гвардейцев, но «категорный» — врачебной милостью!!) с супругой, одетой по последней моде, чувствующей себя, очевидно, очень весело и разучивающей роль для готовящегося к постановке в дивизии спектакля «Аз и ферт». На столе у них и варенье, и печенье, и всякие деликатесы...

В помещении перевязочн[ого] отряда и обозных — следы вчерашней катастрофы от налетевшего немецкого аэроплана, к[ото]рый выбросил бомбу и жарил из пулемета. А что будет с началом военных действий у нас на фронте? Мне рисуется в ближайшем будущем препоганая для нас перспектива: немцы нас удушат облаками газов и искрошат нас своими адскими орудиями с напущенных на нас целых эскадрилий аэропланов.

Через «Попову гуру» перевалил в *Сюлко*⁸⁵², где расположился штаб дивизии и живет временно исполняющ[ий] должность

«комкора» генерал Кордюков⁸⁵³ — пьянчуга, весьма скорбный головой, но настоящий Левиафан по части половых устремлений — валандается открыто с своей объявленной им «невестой»⁸⁵⁴. И черт бы с ними — пусть бы занимались своими павианскими утехами, если бы не страдало от того дело, но... «невеста» его уж слишком стала вмешиваться в недолженствующие ее касаться сферы деятельности, и главным образом это засилье больно переживается дивиз[ионным] врачом Скворченко — человеком на своем месте вполне. Какое-то проклятие тяготеет над русским человеком: чуть он делается начальством, почувствует себя «царским слугой» — так норовит как можно больше давать себя чувствовать своим подведомственным, и что всего ужаснее — такое явление наблюдается и в среде ученых людей, в среде педагогической и духовной! Садическое стремление к издевательствам над подвластными! Сам же возвышается в своих собственных глазах до степени сверхчеловека, давая простор своим хамским инстинктам и самодурству, по чисто животным мотивам беря себе все плюсы своего официального положения и все-все, что только может своим безнаказанным иммунитетом себе сцапать ценой угнетения безответных людей, нищих духом... Созерцаю отвратительную картину суесящихся «крупных и мелких бесов», для к[ото]рых боевой лозунг — не «все для войны», а «все от войны»!! [...]

Слухи, что приезжает на фронт «Сумбур-паша» принц Ольденбургский; думаю, что сей сатрап до нашей дыры не доедет; какой расчет ему ломаться по позициям, когда со всеми удобствами он может узреть «блестящий» вид армии в лучшей обстановке, но ближе к своему салон-вагону? [...]

26 февраля. Прелестная погода, хорошо накатанный санный путь. Отправился в объезд района 12-й Сибир[ской] дивизии; побывав в *Понорах*, куда прибыла недавно Ксениинская летучка, в *Шумлянах*⁸⁵⁵, где расположился штаб дивизии, в восточной окраине *Ставентына* у *Ляса Кобыла* на высоте 416, где 48-й стрелковый полк в резерве, наконец — у *Краснолесья* на высоте 437, где на позициях 46-й стр[елковый] полк, составляющий правый фланг дивизии и образующий стык с 23-й дивизией. «Начдив» Архипо-

вич⁸⁵⁶, хотя и Генерального штаба, но человек весьма скромный, обстоятельный и добросовестный работник — почти ежедневно посещает окопы, где иногда и заночевывает; кавалер двух «Георгиев»; его спартанизм меня пленяет.

В 48-м полку, пережившем нынешней ночью с прочими полками дивизии тревогу по части взрывания всяческих «камуфлетов», «*morituri*»⁸⁵⁷ устроили мне громкий обед с музыкой [...]

28 февраля. День моего тезоименитства! Проснувшись ночью, около 2 часов, услышал ужасающую канонаду: палили неистово и из орудий, и из пулеметов, и ружей, и минометов; такой интенсивной массовой стрельбы я не припомню чуть ли не с октября 1916 года. Поздно взошедшая луна светила мне в окно хаты; не хотелось мне вставать и одеваться, ч[то]б[ы] сходить на разведку в штаб; почитавши в постели газету, в 3 я заснул, канонада же без умолку продолжалась. Оказывается, немцы повели сильное наступление преимущественно на полки 12-й Сиб[ирской] дивизии, а также и 23-й. По всему видно, что результаты для нас мало представляются утешительными. О количестве потерь узнаю завтра-послезавтра. [...]

Зато получена сегодня в штабе радостная телеграмма о взятии англичанами Багдада! Ура! Успехам наших союзников я радуюсь от всей души, нашим же — нет. Пламенно желаю, ч[то]б[ы] прусский милитаризм был сокрушен, но так, ч[то]б[ы] победителями оказались наши союзники, а не мы; к лицу же полицейской казенной Руси шло бы быть покалеченной для вящего ее вразумления, к чему логически ведет содружество бухарского абсолютизма с темными, нечистыми силами!

А давно ли было, когда Победоносцев⁸⁵⁸, говорят, убеждал Александра III⁸⁵⁹ в том, что Россия пользуется особенным благоволением провидения, и что исторические законы, управляющие жизнью других народов и стран — неприложимы к России?.. Каким вздором отзывается для меня слюнявый дифирамб нашего поэта, что-де Россию и умом-то нельзя объять, и что у нее какая-то особенная статья (не лошадиная ли над верхом государственных озорников?!), и что в нее можно только верить!..

МАРТ

1 марта. Дождит, с гор потоки. Ночью опять ожесточенная канонада; немцы атаковали на этот раз соседний наш справа 41-й корпус. Пускают убийственные газы, взрывают какие-то там горны, камуфлеты... Более или менее точные сведения о наших потерях людьми надеюсь получить сегодня-завтра; должны быть большими. Позиции свои мы будто бы в конце концов удержали и восстановили свое прежнее положение, забравши в плен всего-навсего двух немцев, и то одного из них тяжело раненного!

Вообще в штабе бравурно-хвастливого настроения победителей не замечается, стараются скрытничать и замалчивать. Без сомнения, в донесениях в армию постараются по принятому обычаю елико возможно передернуть карты в выгодную для себя сторону. Начдивы почтеннейшие Оссовский и Архипович (первому ужасно надоела батальная канитель, а второй, кроме того, и сильно устал) с нетерпением жаждут уйти из этой «грязной истории»; «комкор» же Ступин просил продлить себе отпуск для лечения в Киеве до 15 марта. Мне так понятна психология и тактика этих трех весьма уважаемых мной военачальников, не желающих портить себе в дальнейшем репутации, хотя и по независящим от них обстоятельствам, подобно тому, как опытные и хорошие врачи, оберегая свое *renomé*²⁸⁶⁰, всячески стараются улизнуть от безнадежного больного, ч[то]б[ы] только он не умер у них на руках! [...]

Пришел секретный приказ с фронта с воззванием к солдатам, к их патриотическим чувствам по поводу того, что-де в Петрограде и др. городах внутренней Руси «проливается кровь» и т.д. Приводятся в нем сообщения о возникших забастовках и волнениях. Это обстоятельство и для высших-то чинов в передовом районе было некоторой неожиданностью, объявить же о нем солдатам значило бы подлить масла в огонь... Хотя немного, может быть, поздновато, но одумались и спохватились, что-де не ладно теперь открывать глаза воинам на совершившееся там, в тылу скверное дело, а потому решили пробить телеграфно отбой: приказу сему не давать дальше никакого движения и даже изничтожить.

Передают, что в Петрограде кровопролитие было большое — действовали славные казаки с жандармами, забастовали в нем все

заводы. Так крепкая наша власть бесстрашно и мужественно идет вперед... по пути государственного разрушения! Не поздно ли уж будет, если бы теперь политика бесчестного самодержавства пошла на те уступки общественности, к[ото]рыми последняя раньше и была бы, может быть, удовлетворена. Наши благородные союзники, кажется, вправе были бы вызвать теперь к барьеру русское правительство за грубую измену их общему делу.

Мне кажется, что в настоящее время каждая даже самая маленькая вещь у нас намагничена политикой... [...]

2 марта. Снеготаяние; погода слякотная. У штабных офицеров идут почти ежедневно поочередно банкеты с усиленным жратвом и возлиянием Бахусу. [...] Беседовал с «наштакор» по поводу странной телеграммы с фронта с обращением к солдатам по поводу происшедших событий в Петрограде. По всему видно, что события имели грандиозный характер, что заставили так растеряться и штаб фронта, и штаб армии, ч[то]б[ы] сломать такого большого дурака посылкой столь опрометчиво-легкомысленной телеграммы. *Quem Deus decipi vult — dementat!*⁸⁶¹ Телеграмму эту, могущую служить интересным историческим документом, приказано сжечь при особой комиссии!⁸⁶² С целью смягчить содержание этой знаменитой телеграммы ночью пришла новая, пояснительная, что-де убитых в Петрограде было всего лишь двое, а раненых десять человек! В связи с событиями в Петрограде стоит, очевидно, и назначение бывшего главнок[омандующ] его Юго-Западн[ым] фр[онтом] Николая Иудовича Иванова чем-то вроде диктатора, к[ото]рому должны подчиняться все министры. [...]

3 марта. [...] Вечером распространились между офицерством слухи, что в Петрограде образовалось Временное правительство, во главе его поставлен Родзянко⁸⁶³, что *rex*⁸⁶⁴ отказался от престола, Протопопов — ранен, что расстреливать мирных жителей в Петрограде войска отказались, а усердствовали в этом отношении лишь казачки наши да утирающая слезы жандармерия. 26 и 27 февраля почти все газеты, кроме рептильных, не выходили. Без крутого переворота не жду я никакого облегчения для страждущей Руси, а в ней еще так много инертных, невежественных, могущих только быть в роли слепого орудия у всякого случайного гипнотизера сгноенных вековым гнетом рабов!.. [...]

4 марта. [...] 11 час[ов] утра; хотел продолжать свою летопись, как, запыхавшись от радостного волнения, прибегает ко мне д-р Толченев с сообщением о происшедшем в Петрограде настоящем *coup d'etat*⁸⁶⁵ — об образовании ответственного министерства, кроме того — о назначении вновь Верховным главнок[омандующ]им Николая Николаевича. Бросивши все, побежал справиться к наштакор, к[ото]рый подтвердил, что это так и есть, что ночью об этом пришла телеграмма с фронта, к[ото]рая теперь перепечатывается в тысячах экземплярах для рассылки в войска. Очевидно, что произошли в Петрограде слишком грандиозные события, позволившие схватить, наконец, за жабры *rex'a*⁸⁶⁶, ч[то]б[ы] он решился на радикальный шаг. Он действительно отказался было от престола, но вследствие осложнения вопроса из-за престолонаследства ему предложили пока не рыпаться и оставаться на своем троне. Только министерский кабинет образован весь из народных избранников! Ура! Ура! Я от неожиданной радости не могу писать: дрожат руки, не нахожу себе места, ничем не могу заниматься... Весна, политическая весна для России! Теперь, думается мне, не нужны будут пулеметы в России, к[ото]рые расставлены были там по каждому участку; теперь их можно будет везти сюда на фронт, а с ними и всю неустрашимую нашу полицию! Князя Львовы⁸⁶⁷, Милюков, Керенский⁸⁶⁸, Мануйлов⁸⁶⁹, Терещенко⁸⁷⁰, Шингарев, Годнев⁸⁷¹, Гучков, Коновалов⁸⁷², Некрасов⁸⁷³ — вот истинные наши народные министры!.. Ура!.. Ура!..

Готов кувыраться! Все мы ходим теперь именинниками. Теперь можно сказать, что «слава Богу, у нас имеется даже парламент». Полицейски-приказной режим, постыдно сгнивши, рушился. Пролилось много крови, ч[то]б[ы] раздавить эту гнусную гадину; теперь всякий из нас будет проливать кровь уже с определенным сознанием — за матушку-родину! *Rex'a*⁸⁷⁴ же — Господь с ним, пусть продолжает его охранять единственный из оставленных прежних министров — Фредерикс, мы против этого ничего не имеем. Молодежь наша за обедом смело заявляла, что-де пусть он остается, пока его не повесят! Не будет теперь правительства из разбойной банды!

Немцы сегодня утром вывесили пред нашими окопами большие плакаты, гласившие: «Всех ваших министров посадили в тюрьму

и повесили!» С течением времени последовательно было бы принято за обновление нашей военной бюрократии, представляющей собой точный слепок с только что рухнувшей гражданской власти со всеми ее замашками, навыками и язвами. Вечная память и царствие небесное недавно убиенным в Петрограде, ценой своей жизни двигавшим ответственное министерство, и да благословит Бог труды нашей новой власти, принявшей на рамена свои, скрепя сердце, тяжелое бремя — из хаоса создать в короткое время порядок. Спасибо японцам, даровавшим нам Госуд[арственную] думу, немцам же спасибо — за дарование парламентаризма!

Русь-матушка демократизируется. Интересны теперь будут газеты. Интересен вообще исторический момент. Керенский — «трудовик», к[ото]рого недавно только Протопопов⁸⁷⁵ решил привлечь к ответственности за произнесенную им речь в Госуд[арственной] думе по 102-й ст[атье] Угол[овного] уложения... Керенский теперь министр!! Какой-то сон... Темные реакционные смрадные тучи должны теперь рассеяться; черви, развившиеся в загнившем государственном организме, должны подохнуть... «яко тает воск от лица огня»...

Мой милый собеседник официант Егор высказался, что-де теперь «христианам-то будет получше, а господам, пожалуй, похужей». Ночью ожидается получение из штаба армии большущего манифеста, подлежащего распубликованию; кто знает, может быть, что скомпрометированный наш теперешний «самодержец» совершит благоразумный акт, если откажется от престола. «По несоответствию» должен быть «отчислен в резерв чинов», только какого округа? Самое бы лучшее — на французский фронт! Завтра узнаем. А какой чудный момент для «самодержца» представлялся 6 декабря, если бы он добровольно «даровал» то, что принужден был даровать теперь! История бы увенчала его ореолом славы!

Отмечаю, что Николай Николаевич пользуется среди нижних чинов и офицерских (не высшего ранга!) большой популярностью. Я лично признаю в нем лишь силу воли и решительность, но никак не силу разума и стратегических талантов, как бы он ни «осенял себя крестным знаменем»!

5 марта. От нервной взбудораженности вследствие свершившихся грандиозных событий плохо спал ночью; все мерещилась радостная картина: «На Святой Руси петухи поют — скоро будет день на Святой Руси!..» Хожу с припрыгиванием от радости.

До самого почти вечера ожидали получения приказа с высочайшим манифестом. «Самодержец» действительно отказался от престола... Предстоит всенародное голосование, и в Учредительном собрании установят образ правления и новые основные законы. О, Боже мой, прямо кружится голова от тех великих событий, пред лицом коих приходится теперь стоять. Боюсь смуты в том отношении, что во всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании не может в настоящее время принимать участие та масса людей, к[ото]рая теперь на театре военных действий; создается таким образом почва для мощных агитаций с крайнего левого или правого фланга. Как красиво звучит выражение в манифесте: «...Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа!» Значит, легко может случиться, что в скором времени может быть у нас объявлена и республика?! Страшно подумать. Довольно было бы пока и одного парламентаризма!

[...] Передают, что Штюмер, Горемыкин, Протопопов, Щегловитов⁸⁷⁶ и многие из деятелей мрачной эпохи — кто арестован, а кто убит⁸⁷⁷. Офицерство во всех падежах ликующе склоняет слова «свобода» и «гражданин»... Цены будто бы на многие продукты в России уже значительно пали! Каждый теперь должен ближе чувствовать интересы своей родины [и иметь] больше готовности жертвовать собой ради только [н]ее, а не каких-то идолищ поганых. То, чего добились теперь, наконец, исстрадавшаяся, измученная наша Русь, даже если бы и проиграна была кампания, — все же останется выше всяких побед на поле брани: лучше не владеть *Константинополем*, да иметь приличный образ правления, чем с *Константинополем*, да остаться при бухарском «самодержавии»! Земли у нас и без того много, неисчерпаемы источники природных богатств — дайте теперь только свободу жить каждому!

Немцы сегодня утром выставили новый плакат: «Царь отставлен...» Третий день не получаем ни московских, ни петроград[ских]

газет; «Киевская» же «мысль» второй день (1-го и 2-го числа) выходит на полулисте тощего содержания.

Мне жаль Николашу⁸⁷⁸ как частное лицо, но как лицу, облеченному дискреционным, ответственным «noblesse...»⁸⁷⁹, ему теперь бы подобало занять место рядом с Сухомлиновым и проч. государственными изменниками — с его супругой! Сколько за его царствование погублено было жизней лучших людей земли русской!! Будет актом большой справедливости, если бы их постигла судьба Людовика и Марии-Антуанетты⁸⁸⁰! Им слишком много было дано, ч[то]б[ы] многое с них и взыскать.

6 марта. Плохо спал... Чувствую себя живущим в какой-то фантазмагории всего совершающегося теперь в России. Вышло так неожиданно гладко, операция отсечения гангренозного нароста — разыграна, по-видимому, к[а]к по клавишам на рояле... Хвала и честь нашим народным избранникам! Мы теперь как будто вылезли из говенной ямы, повымылись и надели чистенькое белье. Созданная обстановка позволяет каждому сладко чувствовать себя — граж-да-ни-ном! К сожалению, еще очень и очень многие не понимают в полном объеме драгоценного значения этого золотого слова: слишком уж еще глубоко въелась в их организм эта смрадная, смердящая протрава свергнутого режима. Россия теперь сделалась для меня вдвойне дорогим отечеством, не хочу я теперь экспатриироваться; теперь я искренне и от всей души желаю ей всяких побед и одолений над германцами, и буду в этом видеть торжество демократизма над абсолютизмом. С нами Бог! Самый могучий и страшный внутренний враг России сражен, остается — лишь внешний; борьба значительно облегчилась. Ура! Каким-то кошмаром представляется картина проклятого прошлого, это — история многодесятилетней войны русского народа и общества с «императорским» правительством и всей царской бандой, чувствовавшими себя экстерриториальными, самовластными чего-их-нога-хочет расправителями-мародерами над несчастной страной. Говорят, что в числе властной сволочи арестован и смиренный каверзник Питирим... Арестованы будто бы вся жандармерия и полиция... «Охранные» дела сожжены... Теперь против германцев можно организовать могучую ударную группу человек эдак

в 200—300 тысяч из оставшихся для внутренней России в ненужности всяких урядников, стражников, полициантов, охранников, жандармерии. Не будет теперь в России «крамольников»; разве только поползет придавленная теперь гидра черносотенников, да и она, пожалуй, увидевши, что ей некому теперь служить, — сгинет, Бог даст, естественной смертью. Ура! Ура! Ура!

Весьма разное и своеобразно воспринимают смысл манифестов наши солдатики... Много еще темноты в серой массе. Передают, что кто-то из мужичков так выразился с сокрушением сердца, что-де был среди нас настоящий человек, к[ото]рый достиг до престола (разумеется — Распутин!), да и того-де убили!!! Среди «землячков» курсируют слухи, будто какая-то гимназистка уже убила Вильгельма! Из окопов немцы кричат: «Нет у вас царя!» Им на это с руганью отвечают наши: «Ничего, зато есть у нас Николай Николаевич! А если его не будет, то выберем своего, еще лучшего!» [...]

7 марта. Какая красота, какое благородство, что великий князь Михаил Александр[ович] отсрочил свое согласие на престол до решения Учредительного собрания на основании общего голосования! Я все сомневаюсь, созрела ли масса к восприятию республиканского режима; боюсь, как бы не случилось того, что бывает с человеком, к[ото]рого из глубокого кессона, из-под давления нескольких атмосфер сразу вытащить на вольный воздух: как бы не лопнули у него кровеносные сосуды!.. [...] Есть еще мастодонты у нас в штабе — из земских начальников, полиции, да и сам «наштакор», к[ото]рые недовольны (скрыто, конечно) всем случившимся. «Наштакор» даже злопыхательно набросился на солдатика, читавшего последние известия в «Киевской мысли», стараясь вразумить его, что-де за «эту свободу» он еще может «всех этих подлецов» перевешать! Должен отметить, что сей муж, как и все жестокие дикари, первогильдейный трусишка!

[...] К обеденному времени получены были киевские газеты от 4 марта. Сплошное очарование! Керенский рассылает циркуляры и подписывается: «Член Госуд[арственной] думы, министр юстиции гражданин К[еренский]». Только странно, что в газете имеются еще лысины; или не хотят нас, граждан, сразу сильно накаливать, а лишь постепенно, как производят заковку стали?! Как бы то ни было, но

на гнусном самодержавии вбит осиновый кол, и на веки вечные! Только насчет республики все же таки следовало пообождать: уж больно мы еще в массе готтентоты!

Офицерство из кадровых держиморд и военной аристократии с плохо скрываемой злобой взирает на предстоящую необходимость обращения с солдатами как с людьми. Настроение солдат — превосходное; многие из лежащих в лечебных заведениях просятся на выписку, говоря, что они теперь знают, ради чего им придется жертвовать собой. [...]

С умилением читаю, как распоряжением «министра юстиции гражданина Керенского» выпускаются теперь борцы за свободу из всех узилищ и «из глубины сибирских руд». Попы в смущении, как им теперь вести богослужение, чуть ли не на $\frac{3}{4}$ состоящее в молениях о самодержавнейших и благочестивейших!! Говорят, митрополит Макарий ответил попам: молитесь-де как знаете...

8 марта. Все мы поглощены захватывающим интересом совершающихся на Руси событий; толпимся спозаранку у канцелярии штаба и с нетерпением ожидаем приходящей почты. Только что получена телеграмма от «военного министра Гучкова», реформирующая форму официальных обращений офицерства к солдатам и солдат к офицерству; приказывается отныне называть солдата на «вы» и проч.; для меня лично переход к отношениям мне подчиненных лиц на основании «прав человека и гражданина» совершается не только безболезненно, но даже и незаметно: каков был я всегда раньше к ним, таковым я остаюсь и теперь согласно новому правопорядку; не та реакция к этим новшествам — преимущественно к обязанности «выкаться», а не «тыкаться» с солдатом — у гг. офицеров кадрового состава, чувствующих себя в самом затруднительном положении перед вопросом, как это они теперь не только не могут позволить себе какого-либо Фильку обложить по матушке⁸⁸¹, но даже и назвать его на «ты». По моему убеждению, с распоряжением (да еще телеграммой!) о «выканье» с солдатами слишком поспешили; уж не настолько этот вопрос существенный и первоочередный; но видно здесь давление оттуда, из Питера, со стороны сознательных партий рабочих. Я советовал офицерам,

не могущим солдату говорить «ты», самое лучшее — выпить с ним на брудершафт!!

Мои генералы Степанов и Ивашинцев уж очень недовольны переменной режима; не думаю, ч[то]б[ы] таким же оказался и «комкор», к[ото]рый должен скоро прибыть из Киева⁸⁸².

Незаметно, ч[то]б[ы] солдатики тосковали по отсутствию царя; видно, «совсем наоборот». Никак не ожидал я, ч[то]б[ы] идея царизма так слабо держалась в народе. Несомненное здесь влияние 1905 г., особенно же — распутинской эпопеи и прочих императорских непотребств. История скажет больше спасибо «Григорию Ефимовичу», что он так ускорил падение ненавистного России режима! Нет теперь проклятого «припадания к стопам» и «повержения к стопам»!..

Очень хорошо, что Учредительное собрание отложено до окончания войны, когда можно будет установить новый плебисцит. Относительно вводимого обращения к солдатам на «вы» многие из них мне говорили, что это нисколько не должно отразиться на подрыве дисциплины; найдутся-де, пожалуй, «вислоухие», но им-де разъяснят более развитые товарищи. Дай Бог! К окончанию войны, мне думается, что народная мысль достаточно будет подготовлена и к вотированию республиканского режима. Сразу-то он и мне показался страшным! Солдатики говорят, что-де теперь, если мы и вперед не пойдем на германцев, то, во всяком случае, удержимся в своих позициях. Пошли, Господи! Уж очень, между прочим, понравилось солдатам сообщение в газетах, как Курлов, с целью скрыться, переделся в прачку!

В свое время, вероятно, приступят к ликвидации кабинетских и удельных земель. Взяли под надзор и [великую] княгиню Елизавету Федоровну, эту «смирненную» инокиню, распределявшую ответственные служебн[ые] должности своим прихвостням-холопам. [...]

9 марта. [...] Сегодня «наштакор» в присутствии солдатиков, обслуживающих в нашей столовой, с кислой улыбкой так цинично и бестактно выразился: «...Ну что же, будем теперь называть нижних чинов на “вы”, но с непременно прилагательным “с...а ваша мать”». Я от конфуза перед солдатами готов был провалиться, к тому же его одобрительно поддержал и бывший с ним адъютант

из земских начальн[иков] Байдак, добавивши, что-де так даже и во Франции делают, да еще с придачей в морду!! О, Боже, как грубы и неразвиты у нас еще и офицеры генерального штаба! Чем они не погромщики и не провокаторы? В беседе со мной потом Егор очень здраво мне заметил по поводу гнусной выходки «наштакора»: «Вот видите, ваше-ство, вы все высказывали опасение, как бы обращение сразу на “вы” с солдатами не вызвало среди нек[ото]рых из них неправильного понимания своих отношений к офицерству; это, конечно, может случиться лишь у небольшого количества среди нас — лишь у “вислоухих”; теперь ваше-ство сами изволили видеть, что “вислоухих” достаточно и среди офицерства!» (*sic!*) [...]

10 марта. [...] Солдатики наши («кобылка», как их называют офицерство) в своем понимании нового режима связывают его неразрывно с нарезкой им земли, да с замирением. Входящее в обиход обращение с солдатами на «вы», вижу, будет иметь для них хорошее воспитательное значение: не только их, но и офицеров заставит несколько призадуматься и подвинет их к лучшему самопознанию; известное дело, что сначала хотя бы механическое, внешнее выражение внутренних эмоций и всяких благородных чувств и понятий, не имеющих пока в наличии, с течением времени ведет к рождению этих чувств и понятий. Какой-то большой человек правильно сказал, что заставьте неверующего молиться Богу — и он, в конце концов, сделается верующим. [...]

11 марта. Подморозило. Получена телеграмма от военного министра Гучкова совсем панического содержания о том, что-де немец, узнав о происходящих в России событиях, спешно стягивает свои силы на Северн[ый] фронт, решив нанести удар Петрограду и т.д. Не следовало бы так уж явно обнаруживать своего нервничанья! [...]

Принимали сегодня при торжественной обстановке присягу на верность «богоспасаемой Российской державе и благоверному Временному правительству». Поп несколько раз сбивался в молитвословии и упоминал пресловутых «царя и веру...» Нек[ото]рые из солдатиков вздумали было повесить на шапки красные тряпочки, но «наштакор» приказал их снять.

Воинство наше на позициях, особенно из высших чинов, критикует опрометчивые-де действия Временного правительства и преимущественно Керенского, слишком уж будто бы взявшего сторону рабочих партий: отмену, напр[имер], полевых судов, введение в обращение с солдатами «вы» вместо «ты» и проч. Много в этой критике есть и справедливого, на мой взгляд, подлежащего осуществлению не сразу вдруг, под громом орудий, а немного бы погоды. Смута в умах большая. Офицерство в большом опасении насчет возможности поддержания надлежащей дисциплины в войсках. Все несчастье, конечно, в том, что солдатская масса в общем довольно темна и слишком узко понимает интересы и самую идею родины: с точки зрения лишь интересов своей лично хаты и интересов своих персонально. Какие-нибудь вятчи, мордовцы и им подобные смотрят совсем зверями, говоря какое-де им дело до последующих поколений, и что-де до их хат так далеко, что немец до них никак не дойдет. Так мало еще среди серой массы настоящих граждан, проклятый изжитый режим придавил и вытравил у нее здоровое человеческое сознание. Офицерство не рассчитывает на боеспособность вверенных ему людей, к[ото]рые-де храбры, пока они имеют возможность теперь манифестировать в тылу! Становится жутко и боязно за живой боевой инструмент, к[ото]рый до сего времени как-никак, но все же был сложен и собран в своих составных элементах, а теперь как бы он совсем не расшатался и окончательно не разладился. Слишком уж малым нравственным авторитетом обеспечил себя наш командный состав перед солдатами, держа до сего времени всегда себя очень далеко от них и привыкши к спайке с ними лишь благодаря одной только палочной дисциплине, заставлявшей нижних чинов служить только за страх⁸⁸³. Не лучше ли было бы для данного момента в деле управления боевыми массами здесь на фронте, если бы Михаил Александрович⁸⁸⁴ не отказывался от престола до времени создания Учредительного собрания?!

Загадочным представляется поведение главноком[андующ]его Западным фронтом генер[ала] Эверта; как бы он не явился единомышленником подлеца Воейкова⁸⁸⁵, советовавшего Николаю II для спасения трона открыть для немцев минский фронт! [...]

12 марта. [...] Переживаю медовые дни нового мирозидания — российского возрождения! Теперь мы, россияне, на к[ото]рых наши культурные союзники вправе были смотреть брезгливо, делаемся равными среди них. Уж не будет теперь наш *ex*-бухарский режим находиться в кричащем противоречии с возвышенными освободительными началами, из к[ото]рых сложилась для союзников наших идеология текущей войны! Союзники наши уже не будут теперь в компании с «дурным обществом»... «Само-державие» проклятое, как ни на какую из живых сил не опиравшееся, довело себя до логического конца: навеки сгнуло в атмосфере смрадных газов. Немецкие социал-демократы уж говорят, что-де теперь «надо учиться русскому языку» и вспоминают слова Бисмарка: «...Русский человек медленно запрягает, да быстро едет!»

[...] Из газет вижу, что еще 5 марта в г. *Витебске*, где пребывает начальник Виленского военного округа генерал Зуев (мой бывший корпусной командир) — жандарм до мозга костей! — так до означенного числа еще не были опубликованы телеграммы от Временного правительства! Неужели он, сукин сын, опаснейший для нового режима получеловек — не будет арестован?! Не имею пока средств как-нибудь предупредить о нем наше благородное правительство. Воспользуюсь на днях оказией, ч[то]б[ы] выслать из Киева письмо Керенскому. [...]

Стараюсь всячески внушить гг. офицерам быть психологичными и соблюдать большой такт в обращении с солдатами. Привожу им наглядный пример того, как должен был бы родитель вести себя по отношению хотя к своему сыну или своей дочери, вздумавшим бракосочетаться вопреки совету его с личностью, не отвечающей вкусу родителя; из любви к детям и ч[то]б[ы] сохранить с ними дружбу, необходимо родителю *post factum*⁸⁸⁶ оказывать детям сочувствие и хотя бы со скреблением кошек на душе, а надо все же стараться радоваться их (детей) радостями. Так и в поведении офицеров к солдатам! [...]

13 марта. Снег еще держится. Под ногами слякотно. Около полудня прояснилось небо и заликовала земля.

Солдатики прилегающих к *Завалу*у районов после принятия присяги новому правительству устроили неопишумую по прояв-

ленному душевному восторгу манифестацию: все явились с красными розетками и ленточками, с красными флагами и аншлагами, на к[ото]рых красовались золотые слова: «братство», «свобода», «равенство»; выдавался большой черный аншлаг с белыми буквами на нем: «Вечная память павшим в борьбе за свободу». Стали произноситься зажигательные речи, в к[ото]рых проклинался старый режим и благословлялся новый; выступали ораторы из офицерства, из солдат, прекрасную речь сказал мой фельдшер Устюгов: при Владимире Свят[ом]⁸⁸⁷, говорил он, славяне стали креститься, предварительно сваливши идола Перуна, теперь мы свалили-де проклятую царскую власть и пр. в этом роде. Штабной офицер из артиллеристов георгиевский кавалер Геймовский⁸⁸⁸, ставши под красное знамя свободы, воодушевленно произнес проклятие монархизму всякому — и ограниченному, и неограниченному — и провозгласил: «Да здравствует российская республика!» Качали солдат, качали офицеров, целовали друг друга как на Пасхе⁸⁸⁹. Затем манифестанты⁸⁹⁰ большой массой под непрекращавшиеся звуки «Марсельезы», чередовавшиеся с пением «Вы жертвою пали...», двинулись далее. Ликование народное продолжалось до поздней ночи. [...]

14 марта. День серенький (метеорологически, конечно!). Ко вчерашним манифестациям: прошли они в собравшихся командах при штабе очень гладко, офицерство наше — выросло и преобразилось, стало другими людьми! Из категории даже держиморд ведут себя преблагородно. Но трусишка генер[ал] Степанов, «наштакор», был в большом волнении и не знал, какой тон взять, рано до сбора команд постарался уехать, но потом как будто сообразил, что выйдет неловко, и возвратился в разгар всеобщего душевного подъема, когда процессия уже тронулась; он растерянно скомандовал встречной массе возвратиться на прежнее место и стал ей держать свою речь, весьма сумбурную, в духе «нельзя, с одной стороны, не сознаться, а с другой — не признаться».

Преступники: штаб 19-й Сиб[ирской] дивизии, стоящий возле — в *Яблонувке*⁸⁹¹, только лишь вчера заблагорассудил объявить акты и распоряжения Временного правительства! До последнего момента там приказывали еще петь «Спаси, Господи...» Были слу-

чай мордобития! Возникло глухое волнение среди солдат... Процессию нашу встретили холодно. Преглупо держит себя командир саперного полка Газенко, никак еще не могущий умственно переварить всего совершившегося и, наряду со всей военной заскорузлой бюрократией, страдательно воспринимающий веления народной воли вместо свалившейся и захлебнувшейся в своих собственных экскрементах воли «самодержавной». Эта разновидность людская до такой степени поросла коростой прежнего режима, что не способна чувствовать сплошного теперь гимна воскрешения России! Когда для всех стало ясней ясного, что «король был голый»; так испакостить идею монархизма в столь наглядной для слепых и умственно тупых форме, кажется, и предумышленно нельзя было, как вышло это по железному закону логики вещей само собой. Как хорошо, что нет водки; без нее вышло ликование истинным нутром, и без безобразий.

Организуются среди офицеров и солдат разные комитеты; вчера они мнением положили послать приветственные телеграммы Рузскому, Брусилову, Алексееву.

В шествии я не принимал участия — и некогда было, да и было очень грязно. А солдатики, говорят, меня, оглядываясь, искали, спрашивая, где наш «дедушка» (каналы!!), чтобы качать. На лицах у всех выражена сила достоинства и счастливой удовлетворенности.

Арестованный мандарин старого режима генерал «от кувакери» Воейков уверяет, что приписываемые ему корреспондентом слова перед отречением Николая — «надо открыть минский фронт, чтобы немцы проучили русскую сволочь» — принадлежат-де не ему, а его венценосному собутыльнику, находившемуся в обычном состоянии сильного опьянения. Как характерно третирование вообще всего русского народа «русской сволочью» со стороны не одних этих двух вырожденцев, а и всей правившей издевательски до недавнего времени Россией разбойничьей камарильи, не только стоявшей непосредственно у «двора» (хуже, чем скотного!), а и прочей, как гражданской, так и военной бюрократии! Вечное вам, сукины сыны, проклятие! [...]

В канцелярии, к[ото] рой заведует ех-полицмейстер штабс-капитан Иванов, красуется поставленное красное знамя с надпи-

сю: «Свободы — выше жизни!» А много еще темных душонок, к[ото]рым так трудно переродиться для наступающего Царствия Божия на Руси!

После обеда полил дождь, смывший почти весь снег с земли. Пришло известие, что Николай Николаевич, «принявши присягу Временному правительству», сложил с себя верховное командование армиями. Дорожка скатертью! Пусть остальные гг. Романовы последуют хорошему поведению этого сумасбродного алкоголика! Да сгинут все эти паразиты царствовавшего дома, и дорогу вперед всем народным талантам!

15 марта. День теплый и ведренный. Московские и петроградские газеты приходят неаккуратно. «Русский инвалид» — неузнаваем: совсем стал республиканской газетой!

Как я и ожидал: главноком[андующ]ий Западным фронтом Эверт смещен, и на его место назначен Лечицкий. С грустьюзираю, что многие начальствующие лица, вопреки категоричным и ясным приказам свыше, до сего времени еще не желают считаться с силой совершившегося факта, чтоб поставить крест на прошлом, проявляя тупое, дуболобое противодействие в признании нового порядка вещей. Уже имеются пока цветочки последствий такого преступного поведения, грозящие катастрофическими ягодками впереди. Произошли уже весьма прискорбные конфликты между лицами командного состава и солдатами. К чести наших штабных офицеров (кроме трусливо виляющего хвостом «наштакора» Степанова и инспек[ор]а артиллерии Ивашинцева, из помпадуров), надо отметить правильно ими выбранный (немногими, может быть, и скрепя сердце) путь действий: всячески протестовать против возмутительно-провокационного поведения их нек[ото]рых товарищей в командах и частях дивизий.

После обеда сегодня в спешном порядке составлено было офицерск[ое] штабное совещание по учреждению объединенного Совета офицерск[их] и солдатск[их] депутатов от всего корпуса. С нетерпением ожидается приезд Ступина. Думаю, что он здраво посмотрит на вещи и постарается предупредить и ликвидировать конфликты. Задача весьма трудная. Вообще, не следовало бы горопиться нашему Временному правительству в самый момент натиска

атакующего нас противника радикально ломать установившиеся формы внутренней организации армии, коренным образом перестраивать сложную организацию внутренних отношений и самые принципы дисциплины! [...]

Смушает меня и поведение Совета рабочих депутатов, явившегося каким-то государством в государстве и держащегося довольно обособленно от «благоверного» Временного правительства: уж больно парфорсно он тянет весы на почти исключительно интересы одного только пролетариата, совершенно игнорируя интересы других классов, чем не может не вносить в общее дело любви и свободы смуту раздора и не содействовать поправению (хотя и не в прежнем, конечно, смысле!) большой группы лиц прогрессивного направления; боюсь я «грядущего хама»!

Прекрасная статья в «Киевской мысли»⁸⁹² Всеволода Чаговца⁸⁹³ «Династия греха и крови». Нового для меня ничего она, положим, не открыла. Сколько же юных душ нескольких поколений калечилось при преподавании русской истории изображением наемных и подневольных перьев в неподобающем освещении всех наших «благочестивейших и самодержавнейших» дегенератов-деспотов!⁸⁹⁴

Сереза прислал еще кипу разных московских газет, в их числе и «Вперед!» с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» [...] Все [великие] князья Романовы, занимавшие ответственные должности в российской армии, подали в отставку. Достоинно и праведно есть! Народ русский теперь для них уже не челядь, не какая-то «сволочь», а сам стал самодержцем! Не стыдно мне в настоящее время всероссийского возрождения смотреть прямо в глаза действительности: во мне всегда сидел плебей и демократ, да еще злющий-презлющий в отношении всех приспешников и холуев деспотической власти. [...]

16 марта. Не без больших трений идет процедура приспособления к сеничкам из опричнины старой деспотической власти новых для них шапок! Штабное наше офицерство ведет себя весьма прилично и тактично.

17 марта. [...] Удручает меня безбрежная распоясанность и претенциозность «большевистских» органов вроде безумно буйствующих «Правды», «Социал-демократа» и т.п., к[ото]рая представляет

большую угрозу с таким трудом завоеванной нами прекрасной свободой и провоцирует возвращение азиатского порядка вещей со всеми скорпионами и прочими атрибутами лютой реакции. Очень страдаю в предвидении, что эти могильщики приведут Россию к разбитому корыту! Эти разнузданные скоты нагло призывают к неповиновению «буржуазно-дворянскому Времен[ному] правительству».

Ждем с нетерпением приезда «комкора». Его авторитет настоящей власти в данный момент так необходим!

Молниеносно случившаяся революция, затребовавшая так внезапно и в такой короткий срок под нависшим мечом неприятеля, под жерлами неприятельских пушек столь коренного переустройства внутренней жизни войск, не может, действительно, не ставить в весьма трагическое положение начальников, ответственных за благополучие на вверенном каждому из них боевом участке. Не будет ли это похоже на то, как если бы отличнейшему хирургу, собравшемуся делать известную операцию с привычным уже для него ассортиментом инструментов, вдруг да предложили бы ее произвести с помощью совсем другого инструментария, хотя, может быть, и более усовершенствованного, да в данный-то момент для оператора неудобного! Иногда мне думается, не лучше ли было бы для обеспечения наших свобод, чтобы Михаил Александр[ович] не отрекался от престола, а правил бы должность *rex'a*⁸⁹⁵ впредь до Учредительного собрания, вольного уже потом избрать кого будет угодно? Для переживаемого момента, пока длится война со страшным внешним врагом, это, может быть, было бы гораздо практичней и для России спасительней. [...]

18 марта. Светлый, благостный день. Тепло. [...] Возрождается природа-матушка, когда и самому так страшно хочется жить. Возродилась и наша Русь подъяремная. Одна поэзия!

Смотрю я на солдатиков и офицеров: все заметно приняли облагороженный вид; хочется думать, что сами в себе они ощутили радость раскрепощения, обновления и взаимного братства. Ожидается выход приказа нашего благоверного нового правительства об отмене смертной казни; грешный человек: я, согласно с мнением одного из вождей демократии, страстно желал бы, чтобы сперва

надо было бы поотрубить несколько голов палачам застенков свергнутого царизма и лишь потом издавать декрет об отмене легализованного убийства. [...]

19 марта. [...] Приехал милейший наш «комкор». С обычным ему юмором порассказал о развернувшихся событиях в Киеве, где он жил и лечился. Воспринял совершившийся революционный акт, как я и ожидал, вполне разумно. Не у меня одного, но и у нек[ото]рых из штабных ощущается какое-то мучительное щемление сердца в предчувствии могущей совершиться ужасной катастрофы... [...] 14 марта выпущено было Совет[ом] рабоч[их] депутатов прекрасное воззвание «К народам всего мира» с призывом пролетариев всех стран к решительной и совместной борьбе за прекращение позорящей человечество войны, но с твердым намерением не отступать перед штыками кайзеровской армии, если бы она двинулась отнимать у нас завоеванную народом свободу!

Лунная чудная ночь. Неподалеку слышатся «Марсельеза» и дружные крики «ура!» [...]

20 марта. Прекрасный солнечный день. На позициях что-то несколько дней довольно тихо. [...]

Не без конфликтов в нек[ото]рых войсковых частях происходит проведение в жизнь нового правопорядка. Группа офицеров 12-й дивизии послала телеграмму Гучкову с жалобой на «начдива» Архиповича, предпочитающего будто бы повиноваться Вильгельму, чем нашему Временному правительству. Разбитый нервами Архипович сегодня свидетельствовался на предмет эвакуации, а как боевик он молодец! Не меньший молодец в этом отношении «начдив» 13-й дивизии Оссовский подает прошение об отставке по расстроенному здоровью. Командир 288-й ополченческой дружины, из ископаемых, страшно тоскует по самодержавию и всячески чинит obstruction делу объединения офицеров с солдатами. [...]

24 марта. Каждодневно собираются разные комитеты, солдатские и офицерские — от штаба корпуса, от корпуса, от команд; обо всем свободно говорят, открыто и бестрепетно, решают вопросы, чему лучше быть: республике ли, или конституционной монархии? Боже мой, как легко дышится! [...]

Отправил в Петроград телеграмму Бурденко⁸⁹⁶ и члену Государственной думы Алмазову⁸⁹⁷ о необходимости скорейшей сме-

ны всех помпадуров полицейского самодержавия, занимающих до сего времени ответственные должности в санитарном ведомстве.

Мой фельдшер Устюгов оказался настоящим народным трибуном. Это тот Устюгов, к[ото]рого мне пришлось в прошлом году спасать от садической ярости всех этих гг. бялоцких и сапего, трансформировавшихся теперь из савлов в павлы, хотя бы и чисто внешне ставших вполне приличными людьми по отношению к солдатам.

25 марта. [...] Истомившаяся 12-я дивизия отводится в корпусной резерв, на место ее — вновь, хотя еще и не вполне сформированная — 19-я (см. приказ по корпусу секретн[о] № 161 от 23 марта). Формируемые дивизии путем выделения из других дивизий — один лишь оптический самообман: получаются в результате лишь по два ослабленных войсковых соединения — дивизия-мать и дивизия-дочь.

После обеда — большое собрание-митинг офицеров и солдат с музыкой, игравшей все время «Марсельезу»; прекрасную речь произнес артиллерийский офицер Степун⁸⁹⁸, прапорщик, «в миру» — литератор и философ, сравнивший революционный русский народ с женихом, а свободу — с невестой. Из этого образного сравнения его гибкий ум строил целый ряд поучительных выводов. [...]

В Москву прибыла «бабушка российской революции» Брешко-Брешковская⁸⁹⁹, встреченная всенародными овациями. [...]

26 марта. [...] «Комкору» сегодня при объезде частей 19-й дивизии в 74-м полку⁹⁰⁰ солдаты заявили, что не желают идти на смену 12-й дивизии в окопы, требуя, чтобы из России пришли более молодые и свежие люди, чем они. Кстати, прибыли уже в *Подгайцы* три члена Государ[ственной] думы — Гронский⁹⁰¹, Демидов⁹⁰² и Дуров⁹⁰³, для беседы с войсками. «Комкор» очень был обрадован в расчете, что с помощью, может, народных избранников удастся пропереть в окопы непокорных «граждан»; а таковых оказалось и в других полках дивизии очень много. Если такие явления имеют место и в других корпусах, то — увы! — армии у нас нет! Надо кончать скорее войну, ч[то]б[ы] не случилось у нас чего-н[и]б[удь] еще хуже. Смена частей в ожидании членов Гос[ударственной] думы пока задержана.

Офицерство все очень озлоблено против «второго» нашего правительства — Совета рабочих и солдатск[их] депутатов; у всех почти страстное желание уйти вовсе со службы. [...]

27 марта. Превосходная погода. Депутаты думские приехали вчера поздно ночью. Сегодня за утренним чаем с ними познакомился. Уехали улещивать «свободных граждан» быть столь любезными, ч[то]б[ы] отправиться в окопы и не дать врагам прорвать наш фронт. А «свободные граждане» самочинно уже распорядились поставить от себя часовых при кухнях, дабы не позволяли последним по приказанию начальства трогаться к позициям. Теперь уже и 13-й дивизия заявила, что если 12-я будет сменена, то должна быть сменена и она, а иначе солдаты безо всяких-де дальнейших разговоров оставят окопы и уйдут в тыл. Положение претрагическое! Недаром «начдив» 13-й дивизии подал прошение об отставке, ч[то]б[ы] заблаговременно уйти из грязной истории.

В *Подгайцы* приехал командующий армией Щербачев в связи с происшедшими у нас скандалами. В оправдание поведения солдат надо сказать то, что они адски изморились от непрерывного почти пребывания в окопах с самого начала осени; происходившие же за это время «смены» были по существу бутафорскими: отходивших в резерв еще более угнетали непосильной работой. Здесь сказалась язва нашей традиционной бессистемной системы: необученность и невоспитанность командного состава в деле умения маневрировать людскими силами так, ч[то]б[ы] в значительной своей пропорции последние расходовались не на трение и бесплодное дерганье, а на продуктивную работу. Да будут и в этом отношении нашими образцовыми учителями все те же немцы! Так у скверных кучеров тройка лошадей живо садится на задние ноги, выбившись из сил не проехавши и малого количества верст, когда у хороших возниц те же лошадки побежали бы и гораздо большее расстояние без утомления. Обо всех этих азбучных истинах я всегда вел проповедь, но безо всяких результатов — мои слова оставались ударами по воздуху. Нам во многом надо непременно онемечиться и в отношении методики труда и проч.

Членам Госуд[арственной] думы с большим трудом удалось таки убедить полки (особенно 73-й⁹⁰⁴) 19-й Сиб[ирской] дивизии

пойти на смену в окопы. Картина была трогательно-потрясающая, сопровождалась чуть ли не всеобщим плачем и истерикой; думские депутаты пустили последний аргумент в дело: заявили перед строптивыми солдатиками о своем решении идти с ними вместе на позиции в качестве добровольцев, чем наконец-таки их устыдили, и они все, преклонивши колена вместе с командующим перед депутатами, стали со слезами на глазах умолять их не идти с ними, а продолжать свое думское дело...

Вечером при штабе собрались все команды с красными революционными знаменами и музыкой. Перед ними держали речи члены Г[осударственной] думы, нек[ото]рые из офицеров и солдат. Наш почтеннейший «комкор» произнес сильную речь, закончивши ее словами: «Я — первый в корпусе солдат, готовый лечь костью за свободу!...» Затем прошли мимо членов Госуд[арственной] думы батальоны 73-го полка по направлению к позициям; все эти *morituri*⁹⁰⁵ во главе со стариком-командиром представляли собой весьма истрепанный вид, но возбужденно-радостно кричали «ура!», нек[ото]рые выходили из рядов и перед представителями Гос[ударственной] думы, снимая фуражки, низко кланялись в пояс и целовались с ними. Все порывы да экзальтация, но могут ли они *ex tempore*⁹⁰⁶ — вот теперь же — скоро создать из ничего что-либо материально необходимое и ценное, чем мы могли бы победить стройно организованный механизм германцев?! Увы! При создавшейся невероятной общей разрухе нашего государственного хозяйства безумными романтиками мне представляются призывающие российских граждан продолжать войну «до победного конца». Ради сохранения ниспосланной нам небом свободы надо теперь умудриться, как бы только ликвидировать войну, выбравши для себя наименьшее зло из нависших над нами еще больших зол⁹⁰⁷.

Своего фельдшера Устюгова я теперь не доищуся: он все ораторствует то в «республиканском клубе», то в других собраниях...

28 марта. Ночью небольшой дождь, днем же — ясно.

Члены Госуд[арственной] думы отправились утром в другие дивизии нашего корпуса. Общая офицерская жалоба, что с солдатами теперь нет сладу и нет никакой среди них дисциплины. Многими из них проявляется плохо скрываемое злобно-мстительное отно-

шение к своему начальству. Психологически все понятно: посеяли ветер — пожинайте теперь бурю! [...]

29 марта. [...] Утром часов около 5-ти внезапно проснулся от оглушительного взрыва брошенной, очевидно, недалеко, бомбы с окаянного аэроплана. С воссиявшей на Руси свободой я стал особенно боязлив, как бы так глупо не сделаться жертвой бессмысленного действия слепого случая.

Закончили свой объезд частей корпуса члены Госуд[арственной] думы; вынесенное им впечатление — это глубокое отчуждение офицерства от солдат и солдат от офицерства.

Получена преогромнейшая телеграмма от Временного правительства с подробной мотивировкой, анонсирующая о необходимости значительного сокращения как продовольственных, так и фуражных дач. От наших «православных» сермяжных бородачей уж слышится ропот, что-де была, мол, густая туча, да пошел-то из нее мелкий дождь!.. Создается благоприятная почва для самой черносотенной демагогии. Людская толпа требует чуда: сделай их сейчас же счастливыми! Либеральная прогрессивная интеллигенция в благородных своих побуждениях сотворила себе кумира в лице обездоленного по ее масштабу народа — как нежные, сердобольные родители делают себе кумиром своих детишек, желая всячески их сделать счастливыми. Но всегда ли родительская забота делает их таковыми?! И всегда ли родители получают от них справедливую к себе оценку и заслуженную признательность?! Не рискуют ли дети от широко предоставленной им свободы искалечить и себя, и родителей?! Боюсь, что «православные» в конце концов, как лягушки в крыловской басне, запросят себе царя. [...]

31 марта. Солнечный голубой день. Великая пятница. Получены для посева огородные семена. Оборудован уже у меня огород. Но не суждено нам воспользоваться плодами: пришла телеграмма от Щербачева, что начиная с 8 апреля начнется смена нашего корпуса 22-м; наш, как истрепанный и истомленный, перейдет в резерв, вероятно — в *Коломью*. Телеграмма не сулит ему продолжительного отдыха, а взывает все «напрячь последние силы» для отражения врага. А последние-то силы уже все израсходованы. Каким-то безумным издевательством звучат все эти и приказные,

и газетные призывы к продолжению войны до победного конца, могущему привести к нашему самоуничтожению и самопогребению со всеми завоеванными нами драгоценными свободами! Надо потерять всякое чувство и понимание реальной действительности, ч[то]б[ы] как Милюков настаивать на утопии — необходимости овладения Константинополем, проливами и сокрушении прусского самодержавия. Откуда мы возьмем силы для доведения до такого конца кампании, обещающей в этом случае обратиться в кампанию без конца? Как ни прелестна перспектива такого достижения, но не надо закрывать себе глаза на то, что армии наши теперь накануне еще горших поражений, чем случившееся уже на Стоходе, — это «первое предостережение», откуда надо нашим государственным умам постараться сделать правильные логические и психологические выводы и немедленно же иметь мужество хотя бы и скрепя сердце, по принципу *ex duobus malis minimum eligendum est*⁹⁰⁸, поставить точку на попытках достижения в данный момент недостижимого — только бы остаться нам при столь великолепной свободе! Чхеидзе⁹⁰⁹ и Керенский смотрят на дело более здраво и, видимо, не разделяют шовинизма Милюкова. А боюсь я, ох как боюсь, что при дружном наступлении немцев по-макензеновски — все наши «православные» возьмут, да и побегут как стада баранов, и с большей даже стремительностью, чем бывало раньше. Дай Бог, чтоб оказаться мне здесь плохим пророком. Одно ведь дело нашим «православным» там, в тылу, манифестировать, а другое — быть лицом к лицу с могучим неприятелем при создавшейся полной деморализации в войсках, при продолжающемся еще кризисе в транспорте, продовольствии, снаряжении и т. д. Все это надо мудро учесть и не очень-то уж рыпаться относительно разных константинополей...

АПРЕЛЬ

[...]

4 апреля. [...] Приехавший из штаба армии наш «наштакор», назначенный комендантом Выборгской крепости, передавал мне, что настроение в штабе растерянное, о наступлении и не помышляют —

лишь бы Господь привел хоть удержаться на занятых позициях! Военные наши нотабли из фаворитов павшего царизма, не чувствуя теперь под собой твердой почвы для своего укрепления, уже пишут всепреданнейшие обращения к Брешко-Брешковской... [...]

6 апреля. [...] Двоевластие грозит обратиться в безвластие. Арестован комиссарами Времен[ного] правительства сам Куропаткин. По поводу арестования также корпусного командира Келлера и флигель-адъютанта Свечина⁹¹⁰, не пожелавших признать Времен[ного] правит[ельств]а, Байдак (из земских начальников, в душе погромных дел мастер!) за обедом имел наглость выразить свое восхищение красотой-де их позы. По усвоенной привычке не полемизировать с вырожденцами я лишь презрительно улыбнулся, а так хотелось бы сему холопу задать вопрос: а разве поза декабристов желябовых, перовских, каляевых и им под[обных] не красивее до несоизмеримости позы этих генералов, рассчитывавших, без сомнения, на гуманность нашего Времен[ного] правительства, поспешившего уничтожить смертную казнь для подлецов! [...]

7 апреля. Ночью шел снег. С утра разведрилось.

На позициях все так же тихо. Понемногу начинаем подготавливаться к движению на *Коломью*, но дойдем ли мы туда и как долго придется постоять людям в резерве — одному Господу Богу известно!

Протянутая нашей социал-демократией рука примирения немецким «товарищам» до сего времени остается не пожатой и висящей в воздухе! Удивительно, что немецкий народ так крепко связан чарами покорности своему кайзеру!

Зашел к «комкору» и, увидевши, что он перелистывает как будто какой-то иллюстрированный журнал, спросил его, что это, не «Сатирикон»? Он, рассмеявшись, ответил, что рассматриваемый им «Альбом войны» (где так картинно фигурировали многие из высочайших недорослей во главе с «батюшкой»-помазанником Божиим!) можно-де теперь, пожалуй, смело назвать «Сатириконом», и как на особенно комичную фигуру указал на «помазанника» с бессмысленно-алкогольным выражением физиономии.

Газеты пестрят списками обнаруживаемых провокаторов, стоявших часто во главе самых крайних партий. Боже ты мой, какой

ужасный кошмар являла собой эта поистине дьявольская кухня проклятого самодержавия! [...] [...]

12 апреля. [...] Взбаламутился целый океан людских страстей; от одного только прочтения газетных сообщений о всевозможных собраниях и съездах — голова кружится. Открылись шлюзы веками придушенных чувств, мыслей, желаний. Идут съезды — Пировский, крестьянский, солдатский, рабочий, трудовой, женский, учительский, Союза городов, кооперативный, украинский и проч., и проч. Все хотят «самоопределиться», сорганизоваться, обавтонимиться. Украинцы, а за ними, вероятно, и другие народности уже требуют, ч[то]б[ы] у них было свое войско, кавказцы — свое, сибирцы — тоже, и т.д. Да Боже ты мой, как бы Россия не обратилась в мелкие отдельные удельные княжества под громким титулом Федеративной Всероссийской Демократической Республики! Для государственности российской я вижу только почти одни центробежные устремления, картину усилий друг от друга побольше обособиться и отъединиться; а сколько теперь позапраталось в людских душах злобы, ненависти взаимной... Кто раньше был в угнетении, теперь норовит в свое прежнее положение поставить своего *ex*-угнетателя, ч[то]б[ы] выместить на нем все свои обиды и оскорбления. Боюсь, как бы в конце концов не пришлось обращаться опять к призванию варягов⁹¹¹. Уж больно много у нас еще дикости и невежества, порывистости, невыдержанности, необдуманности... Взвившись уж очень высоко, как бы не сесть потом очень низко... А всеобщее избирательное право (тайное, прямое, равное...) достаточно ли гарантирует правильность представительства? Будет ли справедливым, ч[то]б[ы] равные голоса имели как идиоты, так и люди высокого развития? [...]

15 апреля. [...] Возмутительно поведение прибывшего в Россию эмигранта Ленина⁹¹², «коммуниста-блинкиста», «анархосиндикалиста эвристического толка», как его квалифицируют. Не из провокаторов ли он?

На днях подписываюсь на «Заем свободы». Инспектор артиллерии Ивашинцев принципиально против его реализации. Золотые сны нашей свободы не в состоянии рассеять его тоски по *ancien régime*⁹¹³, так осквернившему всю нашу жизнь. [...]

17 апреля. [...] Конфликты между офицерством и солдатами не скоро еще будут изжиты, в одном из полков на днях последними был арестован полковой адъютант, воспротивившийся тому, ч[то]б[ы] за штандартом следовали красные знамена, чего желали солдаты. Много пройдет времени, ч[то]б[ы] перебороть тяжелую, хроническую, столь обострившуюся теперь болезнь нашей армии, являвшейся сколком проклятого рухнувшего режима, ч[то]б[ы] установились взаимно-доверчивые отношения между начальствующими лицами и подчиненными на спайке не палочно-кулачной, а внутренней, сознательной дисциплины! А теперь — такая пока дремучая некультурность, в к[ото]рой пребывают и те, и другие. [...]

Дезертирство из армии приняло широкие размеры; солдаты торопятся не упустить благоприятного случая прихватить себе побольше «землицы помещицкой». Перлюстрировано военной цензурой одно письмо из деревни на фронт от сермяжного папаши к своему сыну-солдату, в к[ото]ром тятенька просит у своего детища совета, какую бы взять из имеющихся у них в округе барских усадеб? [...]

18 апреля. Погода ясная; немного потеплело. После полудня задождило. [...]

Наши витязи предались вовсю утехам урбанизма, многие по-выписали к себе жен, кузин и пр. Бездельничающее гарнизонное солдатье с гармониками и навешанными красными бантами, как с писанными торбами некие умники, бродят по городу и празднуют 1 Мая по новому стилю; бешено несутся с красными флагами автомобили и грузовики, переполненные нашими оголтелыми воинами, исполненными храбрости, да только не против тевтонов... В «республиканских клубах», на митингах — трескучая болтовня на политические темы с заезженной трафаретной фразеологией... Для смельчаков, умеющих говорить, открывается теперь на Руси богатая карьера! Узкие эгоистические интересишки прикрываются высокими, пышными принципами и двусмысленностями... Пустые доктринерские словопрения с начинаниями с Адама и доведением до логического абсурда. В результате — апофеозная картина полной бесформенности, распыленности и всеобщей разрухи! [...]

19 апреля. Пасмурно и холодно. Деревья распускаются очень вяло. И юг-то здесь какой-то студеный! На душе — тоска-тоскущая. [...]

Вчера, передают офицеры, в концерте одной пианистки из Львова «свободные граждане» России — солдаты не давали желающим ее слушать непрерывным гоготанием, свистом и похабным ругательством... На улице же один из подвыпивших серых воинов громко вещал собравшейся вокруг него толпе, что никакого начальства теперь не должно быть... В городе много убийств и грабежей. Царство охлократии! К этому, очевидно, призывают вожак и представители анархического синдикализма, проповедующие дикарям «перманентную социальную революцию», в переводе на удобопонятный российский язык в условиях российской действительности — не больше [и] не меньше, как к непрерывным погромам! Не по носу еще пока табачок — эта прекрасная свобода для нашей готтентотской толщи народной, пропитанной до мозга костей началами провалившегося к дьяволу погромного деспотического строя с его распутством, блудодейством и христопродавством... [...]

23 апреля. [...] Офицерское кадровое хамье своим бестактным поведением провоцирует солдат, впору хоть бить ему морду! Зрелище этого меня прямо-таки изнуряет. К солдатам у офицерства самодержавного режима существует какая-то мелочная садическая мстительность; немудрено, что у солдат залегло на душе по отношению к этим привилегированным безголовым дикарям много ненависти и презрения. Воображаю, как серой массой будет теперь воспринят приказ военного министра об отмене обязательного отдавания чести!.. Армии теперь в России — нет и нет! Снабжение, продовольствие людей и лошадей, транспорт дошли до крайнего предела паралича и упадка! Нет командной спайки, нет дисциплины ни внешней, ни внутренней. Полный развал! Воевать нам нечем, а между тем здравый смысл говорит, что не уцелеть нашей прекрасной свободе в России, если Вильгельм будет самодержавствовать в Германии. *Hannibal ante portas*⁹¹⁴, у нас же все перекувыркнулось, разрушено, дезорганизовано и идет нервная, импульсивная, горячая, несвязная, разъединенная работа частных отдельных воль, отдельных групп, партий, классов, профессий, национальностей

и проч. без государств[енного] чувства целого. Столпотворение вавилонское!

24 апреля. Под утро выпал снег, но скоро разведрилось и проглянуло солнышко. Наш «комкор» Ступин получил назначение командующим 9-й армией на Румынский фронт. Достоин и праведно есть! Вечером устроены были ему проводы с музыкой, тостами. Мне кажется, что я ему сказал наиболее содержательную речь по сравнению с другими ораторами. Особо в своей речи я подчеркнул его хорошее качество — привычное его отношение ко всяким недостаткам и промашкам солдат без злопыхательства, а с неизменным, всегда благодушным юмором русского человека! В ответной речи, по свойственной ему здравости ума, он, прежде всего, смело, не поперхнувшись, провозгласил здравицу за великую, свободную российскую республику, а затем усиленно взывал к готтентотам из офицерской братии возможно более быть тактичными в обращении с солдатом, сглаживать все острые углы во взаимоотношениях («солдаты, — сказал он, — что галки!...»).

Удручает меня буйствующая ленинская клика, вносящая разврат в революцию; в Петрограде, Кронштадте и нек[ото]рых еще городах уже, кажется, начались гражданские войны. В Киеве самочинно, явочным порядком формируются свои сепаратные украинские полки. Какой ужас предстоит впереди, если в таком направлении поведут свое «самоопределение» и прочие национальности и народности в России! Ужас в том, что преобладающий контингент населения-то наш — все «галки»! Трудная и сложная задача момента — возможно скорее их просветить и окультурить.

25 апреля. Ясный день. По телеграммам от 20—21 числа в Петрограде началась [по] ножовщина вследствие разногласия между правительств[ом] и Советом р[абочих] и с[олдатских] депутатов из-за ноты министр[а] иностран[ных] дел о задачах войны к представителям при союзных державах. Разрушены внешние формы строя, остались на развалинах лишь унаследованные старые навыки мысли и прежние дикие приемы отношения к ближним... Нужны новые люди.

26 апреля. День серенький. Кризис в Петрограде, кажется, накануне своего сравнительно благоприятного разрешения; Вре-

менное наше правительство, слава Богу, еще держится. Пошли, Господи, ч[то]б[ы] наша великая революция не была бы последним днем Помпеи!

[...] На позициях у нас происходит уж братание с неприятелем. В усталом моем мозгу копошатся сомнения и в нашей благороднейшей революции. Я вижу все-таки много лжи. В то время, как в отношении готтентотов есть тенденция водворить порядок среди них на основании силы убеждения и воздействия на совесть, в отношении нашего же Времен[ного] правительства пресловутый Совет рабочих и солдатских (батрацких и босяцких еще?) депутатов старается удержать его в своем повиновении при помощи штыков. Что за игра слов — «воля народа»; как ее отличить от «воли толпы»?! От охлократии — «недократии»?! Неужели тысячи дуболобых ослов могут быть умнее одного человека аристократического ума?! Еще слово — «закон»... Да всегда ли закон, как сухая догма, в отношении больших гарантий справедливости при своем приложении независимо от объективных данных обстановки может стать выше усмотрения — взгляда отдельного лица с чуткой совестью и лучшим, многообъемлющим умом? [...]

27 апреля. [...] Нянчились-нянчились целые поколения благородной нашей интеллигенции с своим фетишем «народ», жертвуя за его интересы своими жизнями, а теперь высвободившееся при помощи нашей от цепей рабства это возлюбленное ими детище уже кричит чуть ли не «Смерть интеллигентной буржуазии!» Выпущенные на волю рабы уже спешат зажить по-барски, а «буржуев» сделать для себя рабами! Вспоминаются слова басни: «Когда могла б поднять ты рыло, то видно б было, что желуди на мне растут...»

От «Социал-демократа», «Гражданина солдата», «Правды» так и несет зловонием хулиганства. Временное правительство ими нагло топчется в грязь, людская же масса призывается к анархии. Можно ли детям давать такую свободу, ч[то]б[ы] они были совершенно предоставлены самим себе?⁹¹⁵ А уж тем менее позволительно инспирировать их односторонними идеями антиобщественности!

28 апреля. Размокропогодилось. Один из командиров частей сегодня заявил об открытии новой Америки: по его наблюдениям,

больше дисциплины и порядка в нынешнее время проявляется среди тех солдат, к[ото]рые раньше — в период самодержавия! — считались самыми опасными, а теперь-де беда в этом отношении с теми, к[ото]рые прежде были на хорошем счету! Один из здравомыслящих солдатиков в беседе со мной объяснил мне, почему его сотоварищи не хотят теперь идти в наступление: за необеспечением тыла — нет достаточного снаряжения, продовольствия, нет лошадей, и пр. В 47-м полку — офицерская кучка ленинцев; не решаются, как с ней поступить. Прибывший наш бывший «наштакор» в *Выборг* застал там свою должность коменданта уже замещенной «выборным» каким-то штабс-капитаном! Идет полный развал армии — дезертирство, братание на позициях, самое обывательски-туполобое своеволие и пр. виды дезорганизации. А вот уже и два месяца стукнуло царству нашей очаровательной свободы и революции⁹¹⁶; рост же новых социальных созидательных связей, скрепляющих страну, страшно пока отстает от процесса гнилостного распада, вызванного крушением старой гнусной государственности... Куда-то вынесет нашу матушку-Русь из этого адского водоворота разбуженных и разнузданных страстей коллектива, именуемого человеко-зверем?! [...]

МАЙ

1 мая. Погода ясная, но все еще холодно.

Послышалась отдаленная орудийная пальба; на вопрос, что случилось, отвечают солдатики: «Немец прилетел»; видели пролетающий неприятельский аэроплан.

Продолжается «мир на фронте и война в стране». Ошалелые от опьянения некоторым свалившейся с неба свободы, принимаемой большинством с точки зрения мотивов своих узколичных выгод, а не мотивов общего интереса, при зачаточном развитии истинно гражданских чувств у каждого, при очевидном для всех истощении материальных средств для продолжения войны, наши серые витязи за благо порешили больше не воевать, а перейти к братанию с противником. Установился фактически сепаратный мир, вопреки, по-видимому, здраво поставленной нашими союзниками задачи

довести войну до обеспечения невозможности повторения людского кровопролития на многие годы в будущем, т.е. до сокрушения военной мощи Германии. Положение наше тяжелое: заключивши теперь же формальный сепаратный мир, матушка-Русь мало того, что совершит гнусно-предательский поступок в отношении союзников, обрушивши на них все тевтонские полчища, но рискует еще жестокой с их стороны себе отплатой, к[ото]рая, помимо прочего, может иметь последствием отвоение ими у нас и Восточной Сибири, и Туркестанского края. И это все в такой момент, когда, соблазненные возвышенно-гуманными лозунгами революции, вслед за Украиной уже заявляют свои претензии на «самоопределение» в смысле чуть ли не полной независимости Крым и другие области нашего необъятного отечества! [...]

2 мая. Погода ясная; тянет меня все время на солнышко погреться.

Прочел газетн[ые] сообщения об историческом торжественном заседании 27 апреля Государственной думы в ознаменование 11-го дня ее рождения. Отличные речи Львова, Шульгина⁹¹⁷, Церетели⁹¹⁸, Гучкова, Родичева⁹¹⁹. Львов смотрит на русскую революцию не только как на национальную революцию, но и как на вселенскую, бросающую отблески и обязанную перекинуться на весь мир. С нетерпением будем ожидать встречных для нас революционных движений у наших противников. Сильная, правдивая и весьма печальная в выводах речь А.И. Гучкова: «на фронте мир, а война внутри страны», — надрывно заявил он... Пламенный Родичев на выкрики распоясавшейся галерки напомнил сидящим на ней о «правах и обязанностях гражданина»! Далее сказал он: «Граждане, республика бесконечно труднее монархии, потому что при республике необходимо повиновение закону всех и каждого, свободное, а не вынужденное... Чтоб жить в республике, нужно больше работать, чем работали при монархии». В ложах послышались восклицания: «Родичев никогда не льстил монархам — не унизился он и до лести перед толпой!» А толпа — толпа у нас еще самая дремучая!.. Каждый норовит растаскать только для себя Россию, разграбить ее. Тщимся строить жизнь по-новому, не заботясь о перестройке самих себя, об освобождении себя от самодержавно-полицейских навыков и привычек. [...]

Немецкие знатоки России советуют предоставить Россию самой себе, чтобы она скорее дошла до состояния полного разложения, и она близка к нему. Не по душе мне оказалось «Дело народа», к[ото]рое, как и «Новая жизнь» и «Правда», являются поджигательницами свободы к анархии...[...]

3 мая. [...] Ушел (а, может быть, «ушли» его?) Рузский. Вечером распространились тревожные слухи, будто уходят Брусиллов и Гучков. Препечально! «Во время переправы — лошадей не перепрягают!» Старый инструмент, на к[ото]ром все-таки кое-как играли прежние музыканты — обновлен и перестроен, а играть на нем не оказалось умеющих... Виновато во многом узколюбие наших военачальников⁹²⁰, привыкших танцевать от печки воспитавшего их проклятого нагаечного царизма и в солдатах видеть только одних манекенов. Примеры, по-моему, непростительной бестактности⁹²¹ корпусного командира Миллера⁹²², к[ото]рого исколотили солдаты, Лечицкого, к[ото]рый счастливо удрал от такой же с ним расправы, и других.

По городу бродят или скапливаются неподвижно грозные своей праздностью серые массы невоющих воинов. [...]

4 мая. День ясный, теплый, пыльный. [...] Сегодня уже есть официальное сообщение об уходе Гучкова, открыто мотивирующего свое революционное дезертирство неурядицами в армиях, невозможностью достижения положительных результатов. [...] Выпущены злые духи на волю, и теперь не могут их заклясть. Золотая свобода, добытая с таким по внезапности волшебством — святым негодованием народа, на краю пропасти...

На съезде делегатов фронта 29 апреля по поводу идущего разложения на фронте и не менее трагического разброда сил внутри России и Керенский не удержался в признании, что сто лет рабства не только развратили власть, но и уничтожили в самом народе сознание ответственности за свою судьбу и судьбу родины; уже силы его (т.е. Керенского) -де на исходе, и не имеет он прежней уверенности, что перед нами не взбунтовавшиеся рабы!...⁹²³ На том же съезде Церетели заявил, что святыя слова, все царящие в революционной России лозунги и идеи слишком еще слабы в союзных нам странах, в Германии же и Австро-Венгрии пролетариат еще идет, обнявшись

под руку с своей буржуазией!.. Неведомский⁹²⁴ же взывает об употреблении всех усилий, чтобы пробудить сознание германского пролетариата и побудить его к свержению Вильгельма! Скольким я вижу, маниловского благодушия и славянского идеализма у наших руководителей революционного движения в их неугасающих стремлениях вразумить «гнилой Запад» и зажечь мировой пожар, чтобы насадить правовую организацию всечеловечества воссозданием Интернационала, в ожидании все еще не протягиваемой до сего времени нам руки на обращение к народам всего мира... Забывая о железном законе, что *homo homini — lupus*⁹²⁵, мы и к взбунтовавшимся рабам не решаемся применять ничего, что носило бы элемента принуждения, а влиять на них мерами гуманного воздействия! И все говорим, и говорим, и декламируем... Ради целей второстепенных подвергаем опасности главную — основную... Довольно поздно уже спохватились гг. из Совета Петрог[радского] р[абочих] и с[олдатских] депутатов с своим воззванием к армии, в к[ото]ром стараются втемашить в головы рабов, как надо понимать желаемый всеми мир, к[ото]рый должен быть международным, а не сепаратным, и не в смысле братания, а так же, как нужно понимать значение слова «оборона». После первого известного обращения «к народам всего мира», не давшего ожидавшихся осязательных результатов, теперь Совет р[абочих] и с[олдатских] депутатов выдумывает новое воззвание к социалистам всего мира. А пошли, Господи, ч[то]б[ы] наша национальная революция⁹²⁶ была бы лишь этапом революции международной, сокрушившей бы вконец империалистическое и милитаристическое самовластие «германа» как на ныне, так на присно, так и на веки веков!

Делегаты 47-го и 73-го полков вошли с требованием, чтобы на головных знаменах были начертаны лозунги «Долой войну!» и «Мир всему миру!» Так просто решаются основные вопросы нашего теперешнего положения вольницами взбунтовавшихся рабов, не чувствующих над собой нагайки! [...]

8 мая. Солнечно и свежо.

Реорганизация правительства закончилась, по-видимому, благополучно; двуглавая наша революционная власть, Бог даст, обратится в единую, более крепкую. Керенский на крестьянском

съезде обещал насадить в армии железную дисциплину. Пошли ему, Господи! Но первый его приказ по армии и флоту звучит пока довольно решительно и строго в отношении высшего командного состава, в отношении же серой массы — всех этих «летчиков», дезертиров — сравнительно мягко и сентиментально. А назрела острая необходимость в противоядных средствах против отравляющего народный и армейский организм яда анархии. [...]

11 мая. [...] Мой честный «республиканец» Устюгов (*Et tu, Brute!*⁹²⁷), так рьяно защищавший постановление комитета о непользовании бесплатно молоком г. офицеров от коров в гурте штабной команды (из мотивов чем-нибудь, да ушипнуть ненавистных ему бар!), — раз только коснулся вопроса об изыскании источников, из к[ото]рых ему можно было бы дать наградные деньги — не прочь был перевернуть карты в интерпретации существующ[его] законоположения *pro uso proprio*...⁹²⁸ Теперь комитетами подняты вопросы об ограничении удовлетворения г. офицеров фуражными деньгами, что будет весьма чувствительно для карманов преимущественно высших чинов. И что же? Неужели здесь есть хоть капля святого желания сберечь казенную народную копейку?! Нисколько! Бьюсь об заклад чего угодно — мотивы спроектированного (и совершенно справедливого, добавлю я!) постановления лежат совсем в другой плоскости: захотелось просто насолить начальству! Вот и все! Уверяю, что если бы сами члены комитета от этого имели материальный ущерб, то ни за что не вынесли бы означенного постановления!

На собрании комитета какого-то прапорщик Степун (приват-доцент Московск[ого] универ[ситет]а) разъяснял солдатам, как надо понимать модные теперь лозунги о мире и пр. Публика серая ему свистела, крича: «Не слушайте его, ребята, вишь какой он жирный и толстый — настоящий буржуй!» [...]

По информации нашего штаба, в настоящее время из корпуса, пожалуй, найдется около $\frac{1}{3}$ солдат, более или менее сознавших, что надо нам довоевать, и готовых идти на позиции; на остальные $\frac{2}{3}$ пока приходится поставить крест. [...]

12 мая. Голубой день.

Вот уже почти целый месяц войска нашего корпуса стоят в глубоком резерве бездействующими и пока (дай Бог, ч[то]б[ы]

только пока!) никудашными в смысле своей боеспособности. Вчера прошли маршевые роты укомплектования в значительно уменьшенном своем составе против того, в каком вышли из мест расположения их запасных батальонов — вследствие убыли дезертирами по пути своего следования! Дошедшие же до назначения части рот несли флаги с лозунгами «Долой войну!» И в дурьих черепах взбунтовавшихся рабов этот лозунг, наряду с прочими неосторожно бросаемыми в армию лозунгами (уж не говоря об умышленном сатанинском развращении со стороны большевизма), преломляется, без сомнения, в том смысле, что надо-де, значит, каждому удирать домой! Существования власти — не чувствуется, приходится лишь удивляться, что не дошло дело до взаимной [по]ножовщины. Таковы наступившие будни после хмельных светлых праздников революции! [...]

В лице всех этих проклятых большевистских газет и агитаций в Россию въехал своего рода «троянский конь». Из армии получилась наглая толпа-вольница, претендующая на коллегияльное свое обсуждение, предварительно их исполнения, даже сокровенных стратегических планов и директив высшей командной власти; все стали и в глубоко специальных вопросах «сами с усами», и чем невежественней голова, тем догматичней решает... [...]

13 мая. [...] Настроение у нас в штабе безнадежное; все мы тоскуем по крепкой власти; жаждем, чтобы теперешнее коалиционное министерство обладало не одной силой авторитета, но и авторитетом силы, способной к мерам мощного физического понуждения в отношении обалдевших от свободы и отравленных пропагандой анархизма и максимализма малосознательных голов. В восстановление боеспособности армии и в укрепление ее организации никто не верит. Государственный организм России — в состоянии тяжелой реакции от впрыснутой ему героической дозы своего рода «тетровакцины» сильных ядов объявленной свободы⁹²⁹; внешние условия — война! — создают неблагоприятные условия для выработки «антител»; да и не одна война, а и длительная политическая и культурная невоспитанность масс... Судьба предъявила России слишком малый срок для того, ч[то]б[ы] могло переволноваться взбаламученное море народной жизни, ч[то]б[ы] из его глубин

успели сложиться новые организующие силы. А к избитому и заманчивому лозунгу «равенство, свобода и братство», а равно как к истасканной формуле «долгой войне», «без аннексий и контрибуций», «свободное самоопределение народностей» необходимо внести большие поправки, ч[то]б[ы] все эти лозунги не сделались ложью и не являлись недомыслием... [...]

14 мая. [...] На днях приезжал на фронт и в армию Керенский, от к[ото]рого более легковверная публика ожидает с нетерпением обещанного им насаждения «железной дисциплины» и применения «во всей строгости законов» в развалившихся войсках; но — увы! — пока еще ничто не предвещает этого; очевидцы рассказывают, что новый наш народный военный министр прибыл в шикарном поезде; свели его из вагона чуть не под руки два будто бы уголовных каторжника — телохранителя; в указанное им место сбора намеченной дивизии части ее долгое время упирались за нек[ото]рой дальностью расстояния идти, многие из «свободных граждан» в шинелях прямо-таки требовали, пусть-де сам к ним едет министр, у него-де есть автомобиль, а нам-де придется к нему ломить пешедралом; наконец-таки, хотя и не в полном составе, серая публика собралась и стала ожидать; прождавши с $1\frac{1}{2}$ часа нек[ото]рые стали самовольно расходиться восвояси; наконец, прибыл сам министр; поговоривши перед солдатами о царском гнилом режиме и о сладостях полученных свобод, он в самых изысканно-вежливых сантиментах пригласил собравшуюся ораву с позиций самовольно не уходить, подчеркнувши, что силой-де удерживать вас в окопах мы не будем, надеясь, что вы (подразумевай — «паиньки»!) не будете удирать... «Ведь вы этого не сделаете? Да? Да?..» — настойчиво он заключил этим вопросом свое обращение к нашим горе-воинам; погладивши по голове их, он еще разъяснил им, что офицер — тот же-де солдат, к[ото]рый только должен вдвое больше работать и вдвое, если не больше, несет ответственности против них, милых голубчиков! Нетрудно предвидеть, как все эти прекрасные речи «власти» преломятся в черепах всей серой массы — отобьют ли у нее смертную охоту втыкать штыки в землю и неудержимое устремление «до лясу», или нет; а пока результаты толстовского непротивленства нашей власти злу мы видим...

Провожаемые с большой торжественностью на позиции маршевые роты из Петербурга в составе, напри[ме]р, в 2000 человек прибывают к нам сюда весьма чувствительно растаявшими до состава человек в 200!! Из Киева недавно отправленная партия пополнения в 1500 чел[овек] дошла до вокзала в составе лишь 120 чел[овек]!! [...]

15 мая. Прекрасная погода — теплая и солнечная.

Шквал революционных волн разорвал всякую дисциплину ума и воли людей. Получивши пленительные свободы, держим строгий экзамен на гражданскую и политическую зрелость. По газетным сообщениям, г. Царицын⁹³⁰ — во власти буйствующего гарнизона солдат, наложивших на беззащитных жителей 1-миллионную контрибуцию и овладевших пароходным движением по Волге. Это, выходит, нечто почище пресловутых немецких зверств! [...]

Приехал новый «комкор» наш Лавдовский⁹³¹, субъект, по первому впечатлению, из фарсовых героев оффенбаховского типа. [...]

17 мая. Солнечный жаркий день.

Из Царицына, Барнаула⁹³², Енисейска⁹³³ и др. городов и всей России-матушки приходят нерадостные вести: уже начались кровавые жакерии Стеньки Разина и Пугачева! Бесшабашная и оголтелая масса празднует праздник свободы по-своему! «Солдатократия» крепчает... Дезертиров у нас теперь, «окопавшихся» в глубоком тылу, доходит число до нескольких миллионов (по докладу товарища военного министра крестьянскому съезду)!! Ко времени уборки хлебов, говорят, на фронте останутся лишь одни штабы, солдаты же все утекут восвосяи! «Циммервальдовцы» *sui generis*!⁹³⁴

Относительно Керенского «товарищи» говорят, что пусть-де он попробует ввести «железную дисциплину» — мы его-де живо арестуем! Некрасову железн[о] дорожными рабочими уже сделано первое предостережение за то, что, как показалось им, он не повел им по шерсти. «Или мы Вас плохо поняли, — сказал один рабочий, — или Вы действительно стали не “товарищем министром”, а “господином министром”!» Раздавались голоса: «Мы не выпустим Н. Некрасова из Москвы до тех пор, пока он не возьмет своих слов обратно!»⁹³⁵

19 мая. [...] Вопреки провозглашенным лозунгам «без аннексий и контрибуций» — невоюющие наши войска берут храбро приступом и аннексируют города, но... не Германии, а России, налагая на них контрибуции! Массы дезертиров объединяются и на «съездах» выносят ультимативные резолюции с выражением категорических своих волеизъявлений, ничего не имеющих общего с пользой родины и отечества. Залежавшихся больных в госпиталях Киева по выздоровлении никак не удастся выписать, ч[то]б[ы] направить на позиции; требуют или их эвакуировать домой, или же не тревожить их покойного лежания в госпитале, в противном случае угрожая погромами. [...]

21 мая. [...] Алексеев на могилевск[ом] военном съезде 16 мая молил и просил воинов исполнить свой долг, просветиться умом и разбудить в своем сердце любовь к родине. А «Известия С[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]» уже пытаются своими некорректными выпадами подорвать авторитет Верховного главнокоманд[ующ] его и даже Керенского⁹³⁶. [...]

Вместо рот пополнения на фронт приходят одни лишь списки, приветы и красные флаги с надписями «Война до победного конца!» Газетами с гордостью признается, что наша-де армия теперь самая свободная во всем мире. А какая ей цена в отношении боеспособности?! Полный разброд сил; нет ни единения, ни взаимного доверия, и тоже превеликая пропасть между солдатами и офицерством! Революцию теперь не отличишь от разбоя, и анархия сделалась подлинной формой правления государства российского.

Печатный станок денно и ночью работает над бесконечным выпуском кредитных бумажек, падающих все более и более в своей валюте. Заплакали наши «буржуйные» денежки!

Получено распоряжение о передвижении нашего корпуса на позиции — в сторону к *Подгайцам*, предполагают из него сделать чуть ли не ударную группу — «корпус смерти». На надежде и вере в наших воинов должно поставить крест! Живем — на вулкане, не ведая и не ручаясь за завтрашний день; «комкор» наш уж навостривает лыжи свои к эвакуации. [...]

24 мая. [...] «Комкор» — в штабе армии, а по дивизиям начались митинги и совещания между гг. солдатами насчет дальнейшего

их образа действий; все начальство стушевалося и ходит с поджатыми хвостами, всячески только стараясь угодить «товарищам». Армия наша обратилась в самую свободную на свете республику, но совершенно переставши быть армией, к[ото]рая тем должна быть сильнее, чем самодержавно-монархичней будет форма ее управления! Какая гримаса действительности, что царская армия оказалась могущественнее свободной армии революционной России! В занятых войсками районах с каждым днем растут случаи грабежей и убийств мирных жителей; особенно страдают несчастные еврейские семьи. [...]

Еще вчера вечером стало известно в штабе об уходе Алексеева и вступлении в должность Верховного глав[нокомандующе]го Брусилова. Алексева, может быть, в значительной степени и «ушли» «товарищи»... [...]

25 мая. [...] После красноречивых заклинаний и патриотических воззваний с участием комиссара Савинкова⁹³⁷ сооблаговостили выступить 45-й и 46-й полки с 12-й артилл[ерийской] Сибирской бригадой; 47-й полк не вышел и объявил автономию! 48-й полк и 49-й продолжают пока раздумывать; 51-й полк «позволил» идти желающим, но отобравши от них всякое снаряжение; 52-й полк⁹³⁸ целиком стоит на месте, арестовавши всех офицеров, включая командира! «Здесь чудеса — здесь леший бродит...» Вот к чему привела тактика непротивленства злу, творимому разнузданной толпой! Минутами является намерение уехать из этого кошмарного омута анархии, но выбраться отсюда и добраться до дому — одно сплошное мученичество; да лучше ли мне будет там?.. Терпеливо буду выжидать естественного конца. [...]

Мой фельдшер Устюгов за время революции порядочно-таки испакостился: развязно стал подбивать меня на подлоги и максималистический, сверхзаконный образ действий. В отношении разнузданных рабов, вижу я, одних эволюционных мер воспитания недостаточно; наряду с ними *ex tempore*⁹³⁹ в спешном, неотложном порядке необходимо для обуздания применять иногда и террор «царской» нагайки и «столыпинского воротника» — одним террором совести нашего «православного» не проймешь! [...]

26 мая. [...] Пошли небольшие части 48-го, 49-го полков; в общем, из всего корпуса согласилась идти на позиции лишь значительно меньше, чем половина стрелков; 52-й полк по строптивости перешеголял 47-й полк; оставшаяся вооруженная орда имеет намерение идти прямо на станцию и требовать своей посадки: кого в Киев, а кого — в Москву! Не чувствуя на себе никакой узды, освобожденные рабы делают попытки всячески испортить пути сообщения, ч[то]б[ы] задержать ушедших товарищей и прекратить возможность прибытия сюда других войсковых частей. Ну, моментик: свои «православные» стали нам теперь страшнее швабо-германцев! Комиссар Савинков (оказывается, он — бывший террорист, соучастник убиения Плеве⁹⁴⁰ и [великого] князя Сергея Александровича!⁹⁴¹), урезонивавший взбунтовавшихся рабов, с сокрушением сердца признался, что ничего с ними не поделаешь, как только пустить в ход пулеметы! Значительно поправел! Должен поправеть и Керенский, когда узнает, что творится за сценой его красноречивого ораторствования с энтузиазмом аплодировавших ему невоющих воинов. В России и здесь, на фронте, уже организуются для самообороны и приведения «в христианскую веру» бунтующие массы.

Примечательно, что войсков[ые] части, где люди поразвитее, — 12-я и 13-я артилл[ерийские] бригады и инженерный полк, — вышли безо всяких скандалов. Не оправдал себя на деле 50-й полк, из к[ото]рого ушла лишь маленькая горсточка стрелков, это — тот полк, к[ото]рый еще недавно — 5 мая — общим собранием «единодушно» возжелал идти бить коварного врага — «перейти от слов к делу» — и за то в приказе удостоен был названия «доблестных», «истинных воинов», «обнаруживших мудрое проникновение в коварные замыслы врага и сознательную горячую любовь к Родине» (*sic!*)! Я уверен, что столь бессмысленного и бестолкового бунта не в состоянии были бы проявить люди с мало-мальски развитой культурой, напр[имер], хотя бы поляки, если бы пришлось им защищать свободу своей «ойчизны». Нашими же бунтующими скотоподобными рабами руководит главным элементом животная трусость. [...]

Обдумываю, как бы мне самому обратиться отсюда целым и невредимым. Тяжело писать, голова стала не на месте. Были мы под

самодержавием царя и его слуг, теперь попали под самодержавие толпы и проходимцев, облекшихся в одежду защитного цвета «революционеров» и «социалистов». Музыкакой глубокого государственного понимания и смысла звучат теперь сказанные когда-то слова П.А. Столыпина: «Вам нужны великие потрясения, а нам — великая Россия!»

Внутри России — картина универсальной разнузданности; энергия разрушения все ширится и углубляется. С нетерпением ожидаем как мессии появления на сцену к[акого]-либо провиденциального человека, взявшего бы крепко в свои руки власть диктатора. При царском самодержавии мы власть ненавидели, держа кукиш в кармане смиренно, при революции же теперь, с ее пляской бессилия и сверхсвободным проявлением бесшабашного разгильдяйства — презираем ее! Широко раскрылась поганая пасть зверя, вскормленного попустительством, потворством, подуськиванием и разжигательством, упоенного анархической свободой! [...]

27 мая. [...] Керенский на меня производит впечатление не государственного ума человека, а лишь велеречивого жонглера, отличного митингового оратора. В беседе с корреспондентами после своего объезда Юго-Западного фронта и в докладе Вр[еменному] правительству он пренаивно констатирует о победном подъеме духа у солдат, что все в армии идет хорошо, нашел в ней какой-то «здоровый рост»... Ничего же подобного в действительности! Некрасов же, обмениваясь взглядами с журналистами по поводу самочинно рождающихся на Святой Руси во множестве анархических сатрапий — в частности, о трагифарсе в Кронштадте, — изрек успокоительную фразу, что это-де есть не анархия, а лишь проявление народовластия в примитивной форме!! Комик! Россия трещит по всем швам от грубого бесчинства и безобразия раскрепощенной в своих животных инстинктах подлой толпы, а министр нас, объятых ужасом обывателей, утешает, что это-де пустяки, «не анархия, а лишь проявление народовластия в примитивной форме»! Благодарим покорно! [...]

28 мая. [...] Целый букет сенсационных известий: воззвание Гинденбурга к Совету р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] о готовности заключить с соизволения Вильгельма безобидный для нас мир, поддерживаемый энергично якобы и Карлом Ав-

стрийским⁹⁴², в противном случае — угроза «совершить прогулку» по полям российским на север и восток! Еще: отправилась какая-то странная миссия парламентаров с Румынского фронта к Времен[ному] правительству, во главе два австрийских генерал[а], два полковник[а] [и] пятнадцать офицеров! Гурко отставлен от должности главнокоманд[ующ]его за строптивость и назначен в наказание командовать какой-то запасной дивизией Казанск[ого] округа. Чувствуется, что мы вот-вот официально объявим своим милым союзникам о своем полнейшем «*non possumus*»⁹⁴³ воевать дальше. [...]

30 мая. Жарища и пылища адские. [...] Сегодня приезжает сюда главнокоманд[ующ]ий фронтом Гутор⁹⁴⁴ для совещания с командирами корпусов о предстоящей операции. Мой «комкор» страшно нервничает и усиленно подбадривает себя неумеренным насыщением водки. Не жду добра от наших затей... [...]

По случаю приезда главноком[андующ]его вечером был составлен в легкой степени митинг солдатский, на к[ото]ром вел речь Гутор; вышла она очень и очень слабой — говорил тихо и неубедительно, распространяясь преимущественно по части поучения, как не следует увлекаться ораторами-краснобаями, могущими только сбивать с толку непросвещенные умы; одним словом — обращение к солдатам вышло бесцветное, не по-наполеоновски; а как бы было уместно теперь разжечь дух воинов ввиду готовящейся атаки, сказать бы хоть, напр[имер], с пафосом: «Ребята, впереди у вас — земля и воля, а сзади — позор и ничего!» и проч. в этом роде, в коротких и крылатых выражениях... После митинга — «Марсельеза»; очень нравится мне ее музыка, но противно однобокое и тривиальное содержание вложенных в нее русских слов — «вставай, поднимайся, рабочий народ» и т.д. — и рабочий-то, очевидно, понимаемый лишь стоящий у станков, а представители науки, искусства и всяких интеллигентных либеральных профессий?!

[...] Совсем уже стемнело, как подошла ко мне толпа солдат, вроде каких-то пилигримов с палочками, предводительствуемая врачом (из еврейчиков) одной из находящихся здесь дружин; еврей сей обратился ко мне с вопросом, где живут «комкор» и его начальник штаба, объявившись выборным представителем ведомой им

серой делегации, постановившей и уже приведшей в исполнение арестовать нек[ото]рых офицеров, денежный ящик и произвести ревизию хозяйственной отчетности. Еврей этот с первых слов оказался типичным пархатым жидом, нахалом-демагогом, игравшим на животных инстинктах темных людей, особенно мне подчеркивая перед ними свое возмущение незаконной-де задержкой их в отпуске домой. Широкий простор теперь для всех проходимцев, и несчастные солдаты, к[ото]рых всякий может дурачить и иметь над ними авторитет, щекоча лишь их утробу.

31 мая. [...] Готовящаяся нами операция, вероятно, будет отсрочена; идет страшная галиматъя в распоряжениях, действиях, решениях безо всякой взаимной связи, плановности основательной продуманности: кто в лес, кто по дрова. «Комкор» все более и более накачивается. [...]

Вяло подтягиваются части корпуса на позиции. Чувствуется большой недостаток в людях: в одной 23-й дивизии около 6 тысяч, да немногим более в обеих дивизиях 12-й и 13-й Сибирских: из тыла мало желающих идти на укомплектование!

ИЮНЬ

1 июня. [...] Тяжелейшая теперь задача для благородных вождей революции — регулировать ее и утверждать дисциплину в свободе. Скорее бы удалось составить Учредительное собрание⁹⁴⁵, ч[то]б[ы] водворить на Руси определенную государственность, вырвавши ее из теперешней бури, в к[ото]й рой она мечется без руля. [...]

3 июня. [...] Представители командной части отзываются об опубликованной «Декларации прав солдата» как о грамоте, к[ото]рую писали запорожцы турецкому султану!! «Декларация прав солдата», — говорят они, — есть вместе с тем и декларация бесправия офицеров». [...]

5 июня. [...] Время летит, мы кипим, а дело — стоит; поработавши как[их]-ниб[удь] 2—3 часа по устройству себе же защитительных укрытий от неприятельского огня, наши молодые граждане уже отказываются от дальнейшей работы: «чижало», говорят, предпочитая оставаться в бездействии. [...]

Грустно мне, что наши новоявленные граждане как будто остались без Бога: уже не слышно хорového пения ими молитв перед обедом, ужином и на сон грядущий. [...]

7 июня. [...] Удивляюсь, как это не желающие воевать «товарищи» не додумались пока для улучшения своего положения забрать к себе заложниками начальников дивизий и командиров корпусов. Об этом за обедом я тихонько сказал «комкору», немало смутивши его игривое настроение духа. Армия наша еще в очень и очень тяжелой болезни, и не поправиться от нее в эту кампанию. Нет-нет! В корень уже подорвано питание клеток организма, ч[то]б[ы] он мог воспрянуть для координирования даже самообороны. Союзники наши должны бы были великодушно нас понять и милостиво нам простить... *Non possumus...*⁹⁴⁶ Мы в параличе... [...]

9 июня. Кажется — день летнего равноденствия. Задыхаемся в пылище и жаре.

Мой «комкор» шалтай-болтай принимал делегацию от вооруженного сброда 49-го полка; в числе депутатов-солдат были классические типы Ломброзо! Предъявлена была в теперешнем модном порядке «резолюция» недоумков-головотяпов, пестревшая затаस्कанный фразеологией: «в плоскости такого-то вопроса», «в контакте...», «на платформе такой-то», в конце концов — с выражением «доверия Временному правительству»...⁹⁴⁷ Большинство солдат в положении совершенно слепых пешек, к[ото]рыми верховодят форменные разбойники, в отношении к[ото]рых неуместны никакие слова убеждения, а были бы так необходимы более эффектные аргументы действия! Толпа с своим начальством прямо-таки издевательски играет в кулочки, торгуется, куражится, точно будто бы все это происходит не на войне. Необычное зрелище массовой вольницы в лучшем случае — прекапризных, невоспитанных, балованных, своевольных детей!

С ужасом смотрю на беспрепятственно продаваемые в земской лавочке газеты «Правда», «Социал-демократ» и прочие абсурдно-гнусные, с разухабистыми информациями мелкопакоствнического, ернического характера — макулатура для просвещения едва умеющих разбираться в печатном слове голов... [...]

10 июня. [...] Без радости и надежды все относятся к готовящейся операции... Все приходящие новые войсковые части в состоянии того же морального разложения, как и части нашего корпуса. По сведениям из армии нашему фронту противостоит Макензен!⁹⁴⁸ Страшно и помыслить, что с нами будет, если он начнет нас мять по-макензеновски. Вильгельм же, к[ото]рый не любит на ветер бросать слова, обнадеживает своего коллегу Константина Греческого⁹⁴⁹, что враги не надолго ссадили его с престола... Мир продиктован будет не Интернационалом, не международным утопическим пролетариатом, а, видимо, германским мечом! Мы уж преклонились и теперь перед германским кулаком, возвестивши наши пресловутые лозунги «без аннексий и контрибуций» и т.д., продолжая развязно куражиться перед союзниками, апеллирующими к нашей совести, воюя пока речами на митингах, резолюциями и хождением с красными знаменами... Нет как будто теперь идеи, к[ото]рая в состоянии была бы двинуть массы людей на смерть ради достижения чего-то высокого, большого. Раскаленная атмосфера нашей сконфуженной революции насыщена дикими призывами доморощенного «сарынь на кичку!» «Товарищи» не хотят воевать с внешним врагом, ему они, поколоченные, возвещают мир, чтобы удрать поскорее из окопов домой и там объявить войну тем, от кого безопасно и безнаказанно можно будет поживиться — господ сделать рабами, а самим зажечь по-господски.

104-я и 153-я дивизии 34-го корпуса раздумали идти в наступление, спешно потребовали на их смену части 19-й Сибир[ской] дивизии, еще более деморализованные!..

На наши позиции приезжали сегодня и главнокоманд[ующий], и командующий армией. Что сулит нам наступление? Решат этот вопрос «товарищи». Я на это наступление смотрю как на наше последнее погребальное шествие!

На днях сюда приезжает Керенский. Готовимся к удару шума, крича, анонсируя, и удар этот, как обычно, не будет для немцев неожиданным! Угостят нас противоядием, от к[ото]рого нам и не оправиться. [...]

13 июня. [...] Готовящееся наступление представляется всем чем-то кошмарным, нудным, извне навязываемым; в успех его

никто не верит; стоящие на позициях страшно нервничают от откладывания его со дня на день, требуют — скорее начинать, не выматывать им душу... Расчет ведется в значительной степени на авось, когда и слепому должно быть видно наше полное разложение. В грандиозном масштабе получается картина, похожая на ту, когда загрязшую и рассыпавшуюся телегу наши «камаринские» начинают вытаскивать из трясины, или как тушат у нас в провинции пожары... С честью нам из этой войны, во всяком случае, не выйти. Не наступил ли теперь момент, когда хотя бы и сквозь слезы бессилия, стыда и тоски, но надо поставить точку и остановить нашу наступательную затею во имя «*ne posses*»⁹⁵⁰: чтоб не ввергнуть Россию в еще большие беды?! Мы теперь больны слишком опасной внутренней болезнью, ч[то]б[ы], скрепя сердце и стиснув зубы, найти оправдание даже и для заключения сепаратного мира без осуществления утопических мечтаний на счет сокрушения «прусского милитаризма»; да в нем ли все зло для мира всего мира?! [...]

По поводу уволенных домой врачебной комиссией лодырей командующий армией Белькович⁹⁵¹ должен был давать ответ собравшимся депутатам от офицеров и солдат; в объяснении бедняга договорился до того, что упал в обморок и его вынесли с митинга. Было с чего упасть в обморок, когда «товарищи» стали грозить очищением и оставлением позиций. [...]

16 июня. Под утро здорово палили; уж не начинается ли наша затея? У мало-мальски сознательной части из моих сослуживцев настроение пессимистическое. Ставится наша последняя карта, и всякий предвидит, что она будет бита, и что же дальше? Настроение в тылу еще более ужасное. «Главкоюз» слезно вопит к Верховному главнок[омандующ] ему об истощении у него всех запасов. Ленинцы и К° в Петрограде неистовствуют. «Правда» раздражается грубой бранью по адресу социалистов союзных стран, вкладывающих свое собственное содержание в попугайски-необдуманную нашу формулу «без аннексий» и т.д. Теперь для беснующихся большевиков новый объект одиозности — это «рабочая аристократия», не разделяющая их лозунгов. Мы все больше и больше, кажется, попадаем под власть хулиганствующих коммунаров-авантюристов, спекулирующих на инстинктах темной массы, за революционной

ширмой обдeldывающих свои делишки. Революция наша в конфузe!.. Под громкими, крикливыми лозунгами — самые примитивные утилитарные побуждения без капли простой политической грамотности, без тени чувства родины-матери. Массой хороводят или сознательные плуты, или же красиво и смело лепечущие по шпаргалке и трафарету желторотые недоросли — политические младенцы. Сумбурная кутерьма празднующих теперь на своей стороне праздник блудливых, трусливых, продажных мешанских душонок... Им теперь весело и вольготно на Руси... Взбунтовались низшие клеточки организма против высших — мозговых, кричат, что последние им не нужны — сами-де могут управиться... [...]

17 июня. Ясная погода. Всю ночь шла канонада в 41-м корпусе. Сегодня начинает наш корпус, 18-го предназначен штурм неприятельских позиций у *Дзике Ланы*. В ближайшие дни должна чуть ли не решиться судьба нашей наисвободнейшей всероссийской республики. Ничего путного от наших операций не жду⁹⁵². Прежняя картина нашей двигательно-моторной бутафории и пародии! [...]

18 июня. Всю ночь грохотала артиллерийская канонада. Ожидается сегодня штурм. Как-то покажут себя наши разглагольствующие и митингующие «товарищи», к[ото]рых приходится кидать в бой не железной дисциплиной, а увещеваниями да улещиванием? Кто поручится за то, что в решительный момент «товарищи» воины [не] пожелают сначала составить общее совещание, прежде чем идти на приступ, в предположении, что немцы пообождут своим контрударом?!

Вчера был в 41-м корпусе Керенский, к[ото]рый должен быть сегодня в нашем. Экстренно затребован прибытием Савинков — очевидно, для улаж[ив] ания очередного какого-либо скандала-бунта. Плохая надежда на успех, когда «товарищей» приходится тащить, да еще деликатненько, на буксире! [...]

19 июня. По последней сводке сведений, «Белый редут» еще в руках немцев, также и *Ольховец*⁹⁵³; части нашего корпуса уже оперируют под *Посуховым*⁹⁵⁴. Относительно инцидента в 73-м полку достоверных сведений еще нет, полки же 19-й Сиб[ирской] дивизии введены в бой и, как говорят, действуют недурно, неся большие потери.

Моя резиденция с «инаркором» пока в *Подгайцах*. Мои сочлены корпбюро по части эвакуации действуют энергично и этим весьма существенно мне помогают. Очень надоедает мне паразитка в роли сестры милосердия — жена «наштакора» Лигнау⁹⁵⁵, самого по себе человека вполне добропорядочного; сия сука, таща за собой целую ораву молодых кобелей, отрывает их от дела и мешает общей работе. Ей подобных бездельниц-авантюристок — не оберешься, и все они лезут прикрыться флагом Красного Креста по части «оказания помощи раненым», участью к[ото]рых и положением они заинтересованы не больше, чем прошлогодним снегом.

Отвратительное впечатление производит офицерство, регистрирующее за собой каждую полученную царапинку, ч[то]б[ы] зачислиться в «категории», нося соответствующее количество у себя нашивок на рукаве; преступно-легкомысленное попустительство в этом деле врачебных комиссий, сверхдоверчиво и гуманно констатирующих у сих героев несуществующие у них страдания⁹⁵⁶. В настоящий момент всеобщей страды надо бы постановить, чтобы от строя освобождались офицеры только слепые, безрукие да безногие — остальные должны признаваться годными (со всякими «миокардитами», «эмфиземами», «белком или сахаром в моче», «артериосклерозами» и т.п. жупельными болезнями)⁹⁵⁷.

Около полудня пришли известия «трошечко поганы»: наши соседние корпуса возвратились в исходные положения. Наша Сводная Сибирская дивизия еле-еле держится⁹⁵⁸, взывает о резервах. Потери в корпусе за 18-е число убитыми и ранеными превышают половину состава! Керенский щедро наградил наш корпус: произвел одного солдата в офицеры, приказал выдать на каждую роту по 10 Георгиевских крестов и по 20 Георгиевских медалей. Да устранил Господь от нас *furor teutonicus*⁹⁵⁹, ч[то]б[ы] мстительные немцы не устроили на нас карательной экспедиции по-макензеновски. [...]

20 июня. День серый; по временам — дождь. Вчера был у нас в *Божикувке* Керенский; жалко, что не угадал его туда приезда, ч[то]б[ы] улицезреть его; лишился и возможности, так[им] обр[азом], сняться с ним в общей фотографической штабной группе. А может быть, это и к лучшему? Когда будут вешать Керенского — повесят, пожалуй, и всех, в столь интимной купе с ним бывших?!

Получил сегодня пришедшую ко мне по почте телеграмму от Сергунюшки, датированную 12/VI из Москвы, необычайно радостно меня возбудившую сообщением об имеющихся больших шансах быть избранным мне на должность москов[ского] окружн[ого] инспектора. Неужели мне суждено волею судеб на гребне революционной волны докатиться до столь желанного и столь хорошо устраивающего мою семейную жизнь назначения?! Буду тогда первым революционным московск[им] воен[но]-санит[арным] инспектором! [...]

21 июня. [...] Слишком несерьезными мне представляются какие-то организующиеся «женские штурмовые колонны» для отправки на фронт. Много у нас сил, энергии, здоровья, да не знаем, куда их приложить. [...]

23 июня. [...] Сегодня наш «комкор» в сообществе с ех-командующим Бельковичем в своей комнатке по соседству с моей бражничают и за бутылочками хмельного ведут задушевные беседы, «вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они». Гутор — «главкоюз» получил от Брусилова резкое письмо за неудачно проведенную операцию. Французы очень просят нас отвлечь на себя хоть 12 немецких дивизий, что мы, вероятно, и исполнили теперь. Во всей совершавшейся бестолковщине надо все-таки отдать справедливость, что наша Сводная Сибирская дивизия — отборная — действовала лучше войсковых частей прочих корпусов армии, где эти части не были как следует отсортированы от «товарищей-большевиков», попросту говоря — лодырей-трусов. Особенно мерзопакостными оказались 153-я и 108-я дивизии, а также частями 22-й и 34-й корпуса. Вероятно, то же было и в других армиях, хотя по надежным источникам 11-я армия продвинулась вперед на Злочевском направлении — на 6 верст по фронту в 20 верст. Расскассированный Лейб-гвардии Гренадерский полк в собеседовании с увещевавшим его Керенским обругал последнего по матушке. Солдаты настроены весьма нервно, друг друга подозревают в предательстве; были случаи, когда свои в своих умышленно или по подозрительности стреляли. [...]

Дивизии нашего корпуса так распылены теперь, что дай Бог, ч[то]б[ы] в них (трех) набралось бы около 5 тысяч штыков! По-

полнение идет малыми партиями за счет прибывающих беглых и уголовно-каторжных... Ведется усиленная облава на бежавших. [...]

25 июня. Ночь прошла относительно спокойно — канонада затихла. Сегодня должно быть наступление Гвардейского корпуса, куда влились наши 12-я и 13-я Сиб[ирские] дивизии; наступление это так необходимо для намеченных операций 11-й армии. Число штыков в каждой из Сибирских и 108-й дивизии по состоянию на сегодня — по 3 тысячи человек с небольшим! Опасение, как бы «товарищи» наших дивизий, да и других, своими коллективными дискуссиями не затормозили момент необходимых действий. Артиллерия — под засильем пехотных серых шинелей, диктующих ей или не стрелять, или же жарить, расходуя снаряды в большом количестве, чем это надо. Теперь — не только вопросы государства, но и специально-стратегические взялась решать демократическая недоросль! Полная свобода невежества и совести!!

В 11-й армии доблестней всех наших «самоопределившихся» действовала чехословацкая стрелковая бригада, сформированная из наших пленных. А что, если бы немцы сформировали такие же части из находящихся в плену у них наших воинов — как бы мы закричали: «Варварство!»

«Комкор» мой все еще не оправится от алкогольно-закусочного эксцесса; утверждает, что следовало бы за неудачу нашей армии отчислить не командующего Бельковича, а безголового главноком[андующ]его — Гутора!

[...] Сегодня предназначено «наступление» 3-й армии! После же завтра — 2-го Гвардейского корпуса, куда вошли наши 12-я и 13-я Сиб[ирские] дивизии. Никто ничего путного от этих наступлений не ожидает. 11-я армия, имевшая было сначала нек[ото]рый бум, отходит «на исходное положение»! Только одному Николаю Чудотворцу мы и обязаны, что еще не выпирают немцы нас с этих «исходных положений». Пресловутая «революционная» российская армия уже проявила максимум того, что она могла дать; дальше же надо ожидать лишь еще худшего, и случаи забастовок войсковых частей в нужный момент — будут лишь учащаться и множиться.

Приехал на место Савинкова, назначенного комиссаром при «главкоузе», новый комиссар для нашей армии — пробывший

15 лет в каторге некто Загорский с своим помощником молодым врачом Григорьевым — бороться с ветряными мельницами: оздоровлять наши вооруженные серые массы от обуявшей их безнадежной болезни духом праздности, любоначала, празднословия⁹⁶⁰ и всех звериных качеств животного, восчувствовавшего путем утробного «самоопределения», никакими условиями не стесняемого, — свободу и ставящего интересы своей личной шкуры выше всего на свете. Отвратителен мне этот некультурный лик обещающей стать «перманентной» теперешней революции! Загорский, по-видимому, полный идеалист, узкий книжник, чуть не наизусть проштудировавший «Психологию толпы» Михайловского, приехавший сюда, как выражается, «уловить бациллу заразного психического заболевания войск», ч[то]б[ы] посылно содействовать исцелению; признался, что он очень и очень уже разочаровался в новоявленных российских «гражданах», но... но... все еще никак не может примириться на применение смертной казни в отношении бунтарей как единственного, в сущности, теперь стимула побудить их сподвижников идти на защиту «свободной» России! [...]

27 июня. [...] Неужели гражданам свободной России так-таки суждено в удел от рождения лишь ползать, а летать не мочь?! Переживаю напряженное настроение, полное весьма мрачных предчувствий.

Вечером получили известие о взятии 8-й армией *Галича* и отступлении трех австрийских корпусов. Для развития прорыва туда перебрасываются нек[ото]рые кавалерийские части и 2-й Гвардейский корпус, места к[ото]рого должны будут занять опять наши Сибирские дивизии и 108-я дивизия. Но в нужный момент, когда дорога каждая минута, чтоб не упустить случая для развития успеха и поддержки других, в 108-й дивизии собирается митинг и постановляет ни больше ни меньше, как следующее: 1) отправить всю дивизию в 43-й корпус на Кавказ и 2) дать всем «товарищам» два месяца отдыха для приведения себя в порядок!!! Теперь нужно ожидать, что замитингуют и другие дивизии; ликвидирован будет успех так же в 8-й, как и в нашей и 11-й армиях.

«Начдив» 13-й Сибирской дивизии послал телеграмму командующему армией Селивачеву, прося его назначить специально

аэроплан для охраны собирающихся митингов!!! Все картинки, достойные пера Щедрина или Джером[а] Джерома. Надо поскорее отсюда утекать, из этого сплошного бардака «самоопределившейся» пошехонской обнаглевшей сволочи...⁹⁶¹

Керенский уже подумывает о введении смертной казни в войсках и чуть ли не об уничтожении всех этих комитетов, советов, съездов и т.п.⁹⁶². Теперь он должен воочию убедиться, что для достойного завершения текущей кампании с «царской» армией ни в какое сравнение не может идти наш вооруженный революционный сброд!⁹⁶³ Как ни грустно, но это так! Недостижимо скоропалительно то, что делается одной лишь эволюцией!⁹⁶⁴ [...]

28 июня. Прошел благодатный дождь. «Товарищи» 108-й дивизии окончательно отказались идти на позиции, упорствуя в требовании отправить их на минеральные воды на Кавказ! Вместо этой дивизии назначена 13-я Сибирская, но неизвестно еще, согласятся ли на это ее «товарищи»! Да здравствует и да гуляет всероссийское хулиганство под защитным цветом очаровательных свобод и пленительных лозунгов! [...]

29 июня. [...] Наши Сибирские дивизии (бранные остатки!) на позиции — стали, кроме 48-го полка, с к[ото]рым предстоит переговариваться и дискутировать, равно как и с нек[ото]рыми гвардейскими полками, не желающими идти на поддержку в 8-ю армию. С такими войсками надо скорее лишь закрывать лавочку. [...]

В полки, отказавшиеся идти на позиции, наряжается карательная экспедиция с пулеметами, пушками и аэропланом.

30 июня. Обложной дождь. Второй день заглодало.

В войсках усиливается цинга, дизентерия. В 104-й дивизии был случай несомненной азиатской холеры.

ИЮЛЬ

[...]

2 июля. Погода отвратительная. Время летит наибо́льшим темпом. 4 месяца, как Россия — самая свободная страна на свете, но и самая, как и прежде, невежественная... [...]

5 июля. Установилась хорошая погода. *Калуш*⁹⁶⁵, взятый было нами, уж отвоеван обратно неприятелем. Как бы его участь не постигла и *Галич*. У «товарищей» нет инерции к наступательному движению вперед. Масса из них в критический момент бросает окопы и отказывается от поддержки своих же «товарищей». Самочинно уходят «домой» то та, то другая войсковая часть, развращающим образом влияя на еще держащиеся части. «Шкурники» говорят, что хотят еще жить, и какая им будет свобода, если их убьют? Пусть-де их на печке заберет хоть сам Вильгельм! Много в их заявлениях есть от правды, и по некультурности их сводится лишь к ублажению их личной утробы... А не отвечают ли их вождения, в сущности, моему *credo*: пусть царствует хоть турецкий паша, только оставьте меня у *circulos meos*?⁹⁶⁶ [...]

7 июля. [...] С гадливостью и брезгливостью воспринимаю я новую форму поганого обращения ко мне — «товарищ» — от нек[ото]рых совсем желторотых врачей, преимущественно еврейчиков (клянусь Богом, — я совсем не юдофоб, и евреев люблю и уважаю даже больше, чем наших «богоносцев»!); ведь каждый из этих «товарищей» — заглянуть к нему в душу — готов тебе при малейшем удобном случае перегрызть горло!

С падением *ancien régime*⁹⁶⁷ бюрократическая писанина еще более распухла, и дела совершаются еще более замедленным темпом. Надежда вся на большевиков!! Авось, ставши во главе министерства, обратят они внимание и на эту область российской литературы!! К бумажной вакханалии я отношусь стоически-покойно, как к стихийному движению, всячески стараясь сдерживать рвение иных писарей, щадя их силы и не загружая несчастных работников телеграфа. [...] Получил огорчительное письмо от Сергунюшки, сообщаящего, что по газетным сведениям окружн[ым] моск[овским] [военно-]санит[арным] инспектором назначен какой-то Неведомский, из штатских, чуть ли не доцент университета. Очень разозлился на революционное помпадурство. Решил на днях эвакуироваться — устремляюсь в тыл, как первое время торопились туда солдатики делить землю, к[ото]рую могли захватить тыловые герои... Так обстоит дело у нас и [с] санитарными должностями: не дожидаясь и не считаясь с фронтовыми служаками — раздают

по протекции должности тыловикам, не бывшим вообще на военной службе и никогда не нюхавшим пороха в боях. Не признаю в данном случае со мной верных ценителей достоинств якобы «избираемых» лиц! [...]

Довоевались с «доблестными революционными» войсками: в 11-й армии (что справа нашей) немцы прорвали фронт на 12 верст⁹⁶⁸, армия отступает; эвакуируется *Тарнополь*. *Галич* у нас был, да теперь сплыл! «Главкоюз» Гутор смещен, и на его место назначен Корнилов⁹⁶⁹, а на место Корнилова — Черемисин⁹⁷⁰. Все — герои до первой еще более крупной неудачи нашей... [...]

8 июля. Ночь прошла попокойнее. В *Тарнополе* — паника. Идет спешная переброска частей нашего района в 11-ю армию. [...]

Получено потрясающее сенсационное известие, что Ленин с К° оказались несомненными агентами Германии! Сплошной кошмар! [...]

Вечером из *Божикувки*, где живет «оперетка», по телефону пришло приказание — приготовиться с часу на час к отходу. Публика заволновалась. 49-й полк ушел с позиций, из 48-го пошло лишь 130 чел[овек] на смену 46-го, к[ото]рый предупреждал «товарищей», что больше не пойдет защищать свободную родину. Все та же картина полного разложения войск и на прочих участках других корпусов. Прибыло в *Подгайцы* несколько сотен без ружей «товарищей», не желающих воевать; нек[ото]рые из них искренне, чуть не плача, ссылаются на бесплодность всяких действий, так как-де нет надежды, что поддержат в нужный момент прочие «товарищи»; нек[ото]рые прямо заявляют, что не хотят проливать крови, т[а]к к[а]к-де при Николае II их лучше кормили, чем теперь; а на вопрос: «Неужели вы предпочитаете прежний режим мордобойства теперешнему?» — отвечают: «Нас Николай не бил, а били лишь офицеры!»⁹⁷¹ [...]

В 1 час ночи приехала из *Божикувки* «оперетка» с «комкором» и «наштакором». Первый — как ошалелый, но без малодушного отчаяния сообщил, что немцы под *Тарнополем*, и недалеко от нас их кавалерия, и что, будь настоящая армия, можно было бы нам теперь отлично сманеврировать, чего — увы! — невозможно сделать с имеющейся в наличии лишь вооруженной бандой, к[ото]рая сда-

ется целыми полками перед немцами в 50—60 человек! Наштакор Лигнау — молодец по спокойствию духа и здравомыслию! [...]

9 июля. [...] Директивы меняются ежечасно. Войска наши безо всякого натиска и нажима со стороны неприятеля быстро отходят. Наш корпус — в группе частей, подчиненных «комкору» 22-го корпуса. Линия *Подгайцы — Бялокерница*⁹⁷² и восточнее вот-вот должна быть занята отходящими частями. Сначала штабу корпуса приказано было расположиться в *Доброводах*⁹⁷³, верстах в 16 к югу от *Подгаиц*, на пути к *Монастыржиско*, но к вечеру указано было перейти гораздо дальше — за *Бучач*, на северо-восток от него, в *Медведовце*⁹⁷⁴. «Комкор» волнуется и торопится отъездом, но задерживается неполучением пока на то приказа свыше. Отходящая самовольно с позиций вооруженная банда с папиросками в зубах, обезумевшая, прет «туда, куда идет остальной народ», «идем, — говорят «товарищи», — разбирать банки в российских городах». Какое торжество теперь должно быть у мошенников, то бишь «большевиков», и какое глубокое разочарование наших идеалистов, так веривших в своего идола — «святой народ»! [...]

10 июля. [...] Говорят, что в Петрограде уже объявлен диктатор — адмирал Колчак⁹⁷⁵. Корнилов приказом воспретил всякие митинги и расправляется с бегущими воинами жестокими, вплоть до расстрела, средствами. Уже — увы — поздно! Старые слуги царского режима, видно, больше понимали психологию своего народа, чем революционные утописты-демагоги теперешнего анархического режима. До окончания войны не надо было разлагать армию! Народу же еще нужна палка; желательна только, ч[то]б[ы] она была палкой мудрой и любящей! [...]

11 июля. [...] Получен приказ бесцеремонно расстреливать «товарищей» за бесчинства и неисполнение приказаний начальствующих лиц. Уже были случаи расстрела при поддержке самих комиссаров. Эта строгость должна произвести нек[ото]рый переворот и хоть несколько обуздать наши вооруженные орды. Людская масса может подчиняться не голосу совести, а страху перед физической силой. Предоставленная сама себе душа серых людей томится, ища оглушения от кулака и палки. Руководители нашей революции должн[ы] быть очень сконфуженными, что поторопились предоста-

вить все свободы темной массе. Нужен и для настоящего времени свой Щедрин, к[ото]рый описал бы, как русские пошехонцы делали и «углубляли» революцию и наслаждались свободами! Все больше ценю я Столыпина, проявившего истинный государственный ум. Революция наша, принявшая анархический характер, слишком затянулась, и требует, как нек[ото]рые хронические б[олезн] и, обостренного метода лечения. [...]

13 июля. [...] Грабежи и разбой принимают колоссальные размеры: сегодня на месте преступления схвачены были два солдата, взломавшие двери комнаты «комкора» и замок его чемодана; все вынутые вещи неизвестно куда пропали; остался он, бедняга, без самых необходимых принадлежностей. [...]

Час от часу не легче: утром только что обокрали «товарищи» «комкора», а вечером на глазах часового обобрали начисто «наштакора»! Верх наглости «большевизма»! Грабеж и насилия со стороны «товарищей» достигли апогея доисторического дикарства — скоро, кажется, начнут друг друга пожирать. Казаки и кавалерия — единственные наши защитники от массового проявления революционно-разбойничьих порывов «свободных» российских граждан! Общечеловечески можно жалеючи любить дикарей, но не могу не иметь к ним смертельного отвращения, ч[то]б[ы] быть их «товарищем»!!

Начали расстреливать и колотить морды «товарищам», на что они реагируют весьма удовлетворенно⁹⁷⁶. Никогда — ни в японскую, ни в текущую кампанию я не носил при себе револьвера, а теперь извлекаю его со дна чемодана! Выжидаю удобного момента, ч[то]б[ы] уехать из этого ада, но боюсь отбиться от штаба и ехать в одиночку⁹⁷⁷. [...]

14 июля. [...] Военный союз офицеров, чиновник[ов] и врачей при штабе Верховн[ого] главнок[омандующ]его выступил с энергичным требованием, а Корнилов — с ультимативным требованием к Временному «революционному» правительству ввиду исключительной серьезности момента — возвратить все отнятые права командующего состава и восстановить прежнюю дисциплину (палочную!) в войсках; в противном случае Корнилов слагает себя всю ответственность за гибельные последствия «революци-

онной» свистопляски и разложения в армиях. Давно бы пора было выступить всем военачальствующим с такими категорическими предложениями! Армия — и не папуасская-готтентотская, а армия из вполне сознательных культурных граждан составленная, не может быть армией без железной дисциплины кулака и страха перед наказанием смертью! Солдаты из здравомыслящих теперь и сами убедились в необходимости жестокой палки для своих товарищей, совсем обалдевших от избытка дарованных им свобод! [...]

16 июля. [...] Только что почувствовалась оздоравливающая струя приказа Корнилова об отмене митингов на фронте, как получена телеграмма Брусилова, разрешающего эту балаганщину на фронте, но лишь в период позиционной войны, и не ближе линии дивизионных обозов! Хитрый и лукавый царедворец! [...]

«Революционные» часовые, поставленные для охраны нашего дома, ночью преспокойно себе спят! [...]

17 июля. День трехгодичного юбилея текущей проклятой войны. [...]

Было ли в истории человеческих революций что-нибудь подобное нашей революции, чтобы свобода превращалась в безумный разврат, и воины «революционной» армии теряли чувство чести, совести и любви к родине?! «Гони природу в дверь — она влезет в окно». Вожаки нашей революции забыли непреложный закон природы, что массовой человеческой натуре присуща потребность быть под властью и иметь всегда чарующий своей силой слепую массу объект подчинения. [...]

19 июля. [...] Вечером неожиданно для меня получена телеграмма: «Упсанюз телеграфирует приказом начсанюз 7 июля № 240 отчислен от должности корпврача... Кравков и тем же приказом допущен к исполнению должности дивврач 12-й Сибирс[кой] див[изии] Аблов». Что сей сон значит?

Принял я это и с радостью, что скоро уеду отсюда в родные края, и с удивлением той виртуозности в технике гг. людей, с какой они, воодушевленные высокой идеей равенства, свободы и братства, сумели под меня подвести мину. Без трезвона я со службы не уйду и квалифицирую в высшие инстанции такой поступок со мной или странным недомыслием, или злобно-подлым «револю-

ционным» озорством! Теперь только я припоминаю и соображаю, что перед тем, как сему случиться, за несколько еще недель было предвестником более развязное и не столь искательное держание себя в отношении меня моих «товарищей»... То же, что было в начале кампании перед моим уходом из 25-го корпуса, откуда меня страстно желал выпереть Зуев, ч[то]б[ы] открыть вакансию своему рептильному протезе Архангельскому! А я-то, я-то, ангел во плоти, витаю всегда в облаках и только *a posteriori*⁹⁷⁸ вижу, сколь энергичны люди и неразборчивы в средствах в преследовании своих мышиных интересов. По поводу случившегося со мной вспоминается чеховский рассказ «Торжество победителей», как герой его Алексей Иванович, обменявшись ролями с Курицыным, проявил свободу своих действий в мстительном творении всяких пакостей последнему.

21 июля. [...] Взволновавшая меня телеграмма из «Упсанюза» относительно моего отчисления от должности корпврача 7-го Сиб[ирского] корпуса, своей недоговоренностью дававшая повод моему возмущению, оказывается, по-видимому, не столь одиозна; без упоминания, куда я назначаюсь, пришла другая телеграмма с предложением мне отправиться в распоряжение «Упсанюза» в г. *Бердичев*⁹⁷⁹. Я весьма доволен, что, во-первых, уезжаю все более и более в глубь России, а во-вторых, имею возможность уж не так торопиться подачей прошения об отставке. По первой телеграмме мои сослуживцы-офицеры, учтя видимое падение моих фондов, уже не обнаруживали обычной корректности в выражении внешних форм почитания, по второй же телеграмме, сегодня, в коей ничего не говорится об отчислении меня «в резерв», — мои фонды в глазах их, очевидно, поднялись, и они по-прежнему, разговаривая со мной, когда я стою, не позволяют себе это делать сидя и непременно встают... Эх, люди, люди!.. [...]

Корнилов назначен «главковерхом», а «старый революционер» Брусилов неизвестно пока какое будет иметь назначение. Утешительные пока симптомы, что правительство наше коали[ци] зируется и кадетизируется!

23 июля. [...] На нашем участке у *Гусятин*⁹⁸⁰ немцы, перейдя на западный берег Збруча, сожгли за собой мост; явный признак,

что переходить в наступление на нас здесь они не собираются, а напротив — хотят, видимо, лишь обороняться. О нашем наступлении, конечно, нечего и мечтать, и на этом месте мы можем еще долго простоять, если отступающая теперь 8-я (Буковинская) армия будет в силах под конец остановиться и закрепиться. [...]

Вечером получил телеграмму о безотлагательном прибытии в «Упсанюз» в *Житомир*⁹⁸¹; какое из меня готовят сделать употребление? Уезжаю с облегченной душой в готовности в случае чего отрясти прах от ног своих и выйти в отставку. Страшит меня ужасно лишь перспектива процедуры езды в людской сумятице в компании с «товарищами»... [...]

26 июля. [...] Какой ужас для мирных россиян в ближайшем будущем, когда при демобилизации вся вооруженная орда «революционных, самоотверженных» российских воинов хлынет с фронта вглубь своей родной страны и примется тогда все сокрушать на своем пути! Не так губительно было бы нашествие на российских обывателей австро-германцев, как нашествие имеющих возвратиться наших опозорившихся передо всем миром «самоопределившихся» вооруженных дикарей! Знаменательной и беспримерной останется на страницах всемирной истории наша «русская революция» по своей дремучей глупости... Ничего-то в ней не выявилось оригинального, кроме только одной пошехонщины!

Бюрократическая самодержавная сволочь прежнего режима сменилась самодержавной дерьмо-хамократической сволочью нового режима. [...]

27 июля. Около 11 час[ов] утра в прекрасный ясный день выехал в автомобиле на *Проскуров*⁹⁸², трогательно распрощавшись со всеми. [...] Проехали *Ермолинцы*⁹⁸³ и в 2 часа дня были уже в *Проскурове*. Надо ожидать поезда из *Волочиска*⁹⁸⁴, к[ото]рый придет ночью. [...]

28 июля. 8 утра — *Винница*⁹⁸⁵. Особенной скудости в продуктах не замечается; публики на станции не так много, как ожидалось. Вагоны набиты, масса солдат — на крышах их, но не чувствуется в атмосфере панической сутолоки. Вне боевой сферы я успокаиваюсь. Среди находящихся на крышах, говорят, много «чудо-дезертиров».

В 10 утра — в *Казатине*⁹⁸⁶. Пересадка. Прекрасный вокзал. Платформы, зал буфетный хорошо подметены; в буфете довольно яств. Продаются недорого огурцы, с неистовством обжираюсь ими. Не жалею чаевых, чем завоевываю к себе внимание и предупредительность со стороны служащих. Наконец-таки опять имею возможность взять в руки милые моему сердцу «Речь», «Киевлянина», «Новое время», «Биржевку»...

В 5 вечера — на *Бердичев*. Пересадка на *Житомир*, куда прибыл около 10 час[ов] вечера. Слава Богу, удалось сразу же найти № в самой лучшей из гостиниц — *Hotel de Rome*. Заснул как убитый.

29 июля. Отличная погода. Большой, чистый, красивый город. Ходит электрич[еский] трамвай. В мирное время, передают, этот город был любимым местом жительства отставных генералов и вообще офицеров. Удивительно мало мух!

Отправился в «Упсанюз» на Гоголевской, в духовном училище. Поговорил обстоятельно с Цветаевым⁹⁸⁷, революционной бурей вознесенным из обыкновенных земских врачей на пост «начсанюза». Кругом него — «однополосники» совета санитаров, члены бюро, отлично обделывающие каждый свои личные делишки. Я не угодил исполнительному комитету, нашедшему, что я не с должной энергией «углубляю» демократические начала!

Сегодня свидетельствуюсь на предмет эвакуации. Так хочется снять штаны и показать свою голую задницу всем этим «коллективам»! Каждый из этих «коллективов» — с душой освободившегося раба, находящего для себя теперь особую сладость лягнуть ногой да в «генерала». Украинцы торжествуют, что не будет у них «панив» из кацапов, а сами они, украинцы, будут панами над кацапами, так теперь и все «однополосники» — кто покрикливее, посмелее, уже над нами, стариками, начали «пановать» с жестокостью и хамством, превосходящими проявления этих качеств [у] самых больших держиморд прежнего режима! Я считаю даже ниже своего достоинства вступать в какую-либо полемику с представителями этих смехотворных «коллективов». Такими отвратительными они являются карикатурами! Чувствуется, что мы, взрослые люди, попали в плен к озорникам-гимназистам!..

Вечером — давно не слышанный малиновый звон в церквах — так, как в Рязани.

30 июля. Солнечный день. В городе так тихо и покойно; брожу, наслаждаясь хоть возможностью культурных условий существования. Зашел в «Упсанюз» по необходимым делам; не чаял, как поскорее оттуда уйти: так сильно воняет; удушающая атмосфера «управленская» была в «доброе» дореволюционное время, теперь же стала еще затхлей и невыносимей; у всех на очах так откровенно и неприкрыто выражение «сорвать», «сцапать». Время теперь самое благоприятное попасть прямо из хамов в паны, только умей уловить момент; все можно, все дозволено, лишь дерзай! [...]

Растленную нашу армию скоро не поправить... Для людской массы необходим единодержавный кулак — грозный, мудрый, а если еще любящий, то лучшего и желать нечего. Кулак, дисциплинирующий поведение и мышление их, а затем весь этот серый сброд надо до изнеможения их сил заставлять работать и работать! В армии должен царить монархизм и деспотизм, иначе она не будет армией. И действовать не убеждением, а свирепым принуждением. Восстанавл[ив] ать дисциплину надо, между прочим, с обязательством по-прежнему отдавания чести солдатами офицерам... Оказывается, не я один так думаю, а есть и много моих коллег и даже молодых (либералов, «красных» — по прежней жандармской терминологии), к[ото]рые жаждут поскорее бы принять подданство перед Вильгельмом для установления у нас порядка и законности. [...]

«Русск[ая] воля» стенает, что-де мы до конца обнищали людьми; никого у нас нет, даже Юань Шикая⁹⁸⁸ нет. Нет великого Наполеона, нет даже самого маленького, плюгавого наполеонишки!

31 июля. Оживаю душой в этом тихом благодатном городе; сижу в своем уютном номере и благодушествую — никто ко мне не постучит в дверь и никто не побеспокоит меня срочным исполнением всяких поганых бумаг и не позовет к телефону.

Происшедший у меня конфликт с исполнительным комитетом завершился пока в значительн[ой] степени устыжением нек[ото]рых его коноводов в содеянной относительно меня несправедливости. Беседа моя сегодня с Цветаевым имела весьма примирительный

характер, простились даже расцеловавшись, хотя в конце концов вышло «сначала скончались — потом повенчались».

Ну, на это все наплевать! Я так рад, что окончательно уезжаю с этого кровавого поля битв славной «революционной» всероссийской армии, оскверненного небывалой еще в истории человечества какой-то отвратительной мешаниной людского идиотизма с классическо-русским срамом, позором и бесчестием. Еду теперь уже на третью кампанию — на гражданскую войну, ч[то]б[ы] умирать вместе с своей семьей.

Были раньше царские холуи, теперь — не оберешься холуев презренной черни, явочным порядком захватывающих себе вкусные жареные кусочки и теплые местечки... Одно утешение, что все эти проходимцы будут иметь продолжительность жизни мыльных пузырей.

По счастливо сложившимся обстоятельствам имел возможность из *Житомира* проехать не по железной дороге, а прямо в автомобиле на Киев — 130 верст по шоссе. Выехал в 8 часов вечера и в Киеве в «эвакопункте» был уже около 12 ночи. Улегся на сенник в палату № 21 в купе с эвакуированными офицерами.

АВГУСТ

1 августа. Чудная погода. «Происхождение древ Креста Господня». День мм. Маккавеев. Хохландия сегодня ходит с букетами цветов со сложенным в них маком; все это предварительно освещается в церкви.

В Киеве на станции — ни сахару, ни белого хлеба. Поместился временно до отхода поезда в приемном покое «эвакопункта»; ни на минуту нельзя оставить вещей без надзора — вмиг могут исчезнуть; грабеж — классический, русский. Загадочным остался для меня вопрос, почему в *Житомире* было так мало проклятых мух, к[ото]рые здесь, в *Киеве*, в таком изобилии. Прекрасно душой чувствую себя вне пределов досягаемости от немецкого огня и меча.

Ночью усадили меня очень удобно в поезд на *Москву*. Скоро скоро поприоденусь и буду жить наконец по-человечески. Совсем мало на крышах вагонов русской дезертирствующей сволочи, «ове-

янной мощью революционного порыва», и в моем вагоне не так тесно, ч[то]б[ы] пассажиры помещались даже в сортирах.

2 августа. День светлый, прелестный. 7 утра — *Бахмач*⁹⁸⁹. Чай пьем на станциях с своим сахаром. Белого хлеба нет. Все дальше и дальше уношусь из сферы каннибальских действий. Ночью два раза будили меня патрули, толкая за ногу с обращением: «Товарищ, предъявите удостоверение личности». Процедура эта проделывается чисто по-русски — пошехонски, для соблюдения лишь одной видимости и проявления «дерьмократической» мощи преимущественно в отношении офицерских чинов, а не серой сволочи.

3 августа. Рано утром — *Тихонова Пустынь*⁹⁹⁰. Проводник обещает, что будем в *Москве* около 2 часов дня; долгое время-де будем еще стоять, не доезжая 4—5 верст до нее, так как все те же булфорствующие патрули «будут производить последнюю облаву» на пассажиров...

Наконец — *Москва!* Многие из «товарищей» отдают честь. Дома, к великому изумлению, не обрел царя-голода, а «совсем наоборот» — всего много. [...] Благодарение господу Богу!

Ребятишки мои в *Солотче*⁹⁹¹. Не хочу торопиться давать им знать о своем приезде: пусть поправляются на лоне природы, а я пока — приду в себя от обалдения от всего пережитого.

Сбрасываю с себя одно из бремен — обязательство продолжать ведение моего дневника.

КОНЕЦ И БОГУ СЛАВА!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О семье Кравковых и ее видных представителях см., в частности, исследование *Д.Г. Узбековой*. Кравковы: два поколения ученых из Рязани. М.: Вече, 2014.

² Военным медикам Русской императорской армии, как и иным категориям чиновников, служивших по военному ведомству, присваивались гражданские чины Табели о рангах, что ставило их в менее престижное положение по сравнению с кадровым офицерством.

³ Примечательно, что внук В.П. Кравкова Юрий Сергеевич (1921–2003) продолжил семейную традицию работы в сфере военной медицины. В годы Великой Отечественной войны капитан медслужбы Ю.С. Кравков воевал на 1-м Прибалтийском, затем на 3-м Белорусском фронтах, в 1944–1945 гг. командовал приемно-сортировочным взводом 190-го медико-санитарного батальона 1-го Краснознаменного танкового корпуса, был награжден двумя орденами Красной Звезды. В 1973–1983 гг. полковник, а затем генерал-майор Ю.С. Кравков занимал должность начальника Главного военного клинического госпиталя им. академика Н.Н. Бурденко.

⁴ В 1909–1913 гг. М.А. Кравков отбывал заключение в Московской губернской уголовной (Таганской) тюрьме, позднее был выслан на поселение в Иркутскую губернию. В годы советской власти он стал руководителем Новосибирского краеведческого музея, популярным сибирским писателем (наиболее известные произведения — повести «Ассирийская надпись», «Зашифрованный план», циклы рассказов). В 1937 г. М.А. Кравков был репрессирован, его посмертная реабилитация состоялась в 1958 г.

⁵ Свет милосердия. Дневник участника Русско-японской войны (1904–1905) дивизионного врача В.П. Кравкова // *Время и судьбы. «Военные мемуары»*. Вып. 1. М., 1991. С. 259–286.).

⁶ *Будберг А.П.* Из воспоминаний о войне 1914–1917 гг. Третья Восточно-Прусская катастрофа 25.01. — 08.02.1915. С.-Франциско, б.г.

⁷ Интересной параллелью дневникам В.П. Кравкова этого периода является финальная часть записок Ф.А. Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста», относящаяся к периоду с ноября 1916 по февраль 1917 г. Их автор служил в это время на 5-й батарее 12-й Сибирской стрелково-

артиллерийской бригады в составе 7-го Сибирского армейского корпуса, которая стояла сначала в Шумлянах, а позднее в Рудниках. Примечательно, что В.П. Кравков в записях от 25 марта и 11 мая 1917 г. упоминает и самого Ф.А. Степуна, запомнившегося ему выступлениями на революционных митингах.

⁸ Критические стрелы В.П. Кравкова по адресу партии большевиков и ее руководителей затруднили доступ исследователей к его дневнику в советское время, когда он хранился в фондах отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: на обложках трех рукописных тетрадей за апрель — август 1917 г. (НИОР РГБ, Ф.140, к. 7, ед. 13—15) имеется датированная 20 октября 1955 г. карандашная надпись: «Выдается по разрешению зав. отделом».

⁹ Рейнгольд А.С. Восприятие Первой мировой войны в военных дневниках: сравнительный анализ отечественных и западноевропейских источников: дис. канд. филологич. наук: 10.01.03., М., 2011. С. 69.

¹⁰ См., в частности: *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.

¹¹ *Образцов И.В.* «Неизвестный анализ Первой мировой» // Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. С. 417.

¹² Все даты в дневнике указаны по старому стилю.

¹³ Холм — губернский город Холмской губернии (с 1912 г.), ныне Хелм, город на правах повята в Люблинском воеводстве (Польша).

¹⁴ В.П. Кравков принимал участие в Русско-японской войне 1904 — 1905 гг. Ее событиям посвящен первый военный дневник автора. Его значительный фрагмент, повествующий о Ляоянском сражении (1904), был опубликован в альманахе «Время и судьбы» (Свет милосердия. Дневник участника Русско-японской войны (1904—1905) дивизионного врача В.П. Кравкова // *Время и судьбы.* «Военные мемуары». Вып. 1. М., 1991. С. 259—286.).

¹⁵ Федяй Леонид Васильевич (1859 — после 1922) — генерал-майор (1907), начальник штаба 25-го армейского корпуса в феврале — августе 1914 г. С октября 1914 по октябрь 1915 г. командовал бригадой 61-й пехотной дивизии, с октября 1915 по апрель 1917 г. — 31-й пехотной дивизией. Генерал-лейтенант (1916). 18 апреля 1917 г. вследствие контузии был отчислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа. Летом — осенью 1917 года возглавлял Комиссии по «украинизации» войск Юго-Западного фронта. С начала апреля 1918 г. состоял в армии Украинской Державы: был генеральным значковым, с июня 1918 г. — начальником 14-й пехотной дивизии, с сентября 1918 г. — 7-й пехотной дивизии. В де-

кабре 1918 г. выехал на Дон. Состоял в резерве Вооруженных сил Юга России и Русской армии генерала П. Н. Врангеля. Умер в эмиграции.

¹⁶ Жданне (Жданное) — деревня в Холмской губернии, ныне в Красноставском повяте Люблинского воеводства (Польша).

¹⁷ Зуев Дмитрий Петрович (1854—1917) — генерал от инфантерии (1911). В 1863—1903 гг. был начальником штаба Отдельного корпуса жандармов. С июня 1910 г. командовал 25-м армейским корпусом. В сентябре 1914 г. принял командование над 29-м армейским корпусом 11-й армии. В апреле 1915 г. корпус был передан в состав 3-й, а в июне 1915 г. — 13-й армии. В сентябре 1915 г. был назначен главным начальником Двинского военного округа. После Февральской революции был отстранен от должности и 25 апреля 1917 г. зачислен в резерв при штабе Петроградского округа. Умер в Петрограде.

¹⁸ Имеется в виду Ф. Н. Добрышин (см. ниже). Добрышин Филипп Николаевич (1855—1920) — генерал-лейтенант (1907). Начальник 3-й гренадерской дивизии с мая по август 1914 г. Был отстранен от должности распоряжением командующего 5-й армией генерала П. А. Плеве после боя дивизии 13—14 августа 1914 г. на фронте Замостье — Плоске-Завады.

¹⁹ Куда я сейчас переселился из Жданне, спасаясь от мириада мух и страшной пыли. — *(Примеч. автора.)*

²⁰ Сморчевский Ян Юстиниан (1858—1938) — граф (1892), владелец Жданне и Вежховины.

²¹ Войславице — деревня в Холмской губернии, ныне в Хелмском повяте Люблинского воеводства (Польша).

²² Чесники, Грабовец — деревни в Холмской губернии, ныне в Замойском повяте Люблинского воеводства (Польша).

²³ Жуков — деревня в Холмской губернии, ныне Жукув в Замойском повяте Люблинского воеводства (Польша).

²⁴ Фон Ренненкампф Павел Карлович (1854—1918) — генерал от кавалерии (1910). С июля по ноябрь 1914 г. был командующим 1-й армией, руководил ей во время похода в Восточную Пруссию. После боев под Лодзью в ноябре 1914 г. был отстранен по настоянию главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Н. В. Рузского.

²⁵ Шемуа Блазиус (1856—1920) — австро-венгерский генерал-майор (1905). С апреля по сентябрь 1914 г. командовал 2-м корпусом 4-й армии генерала М. фон Ауффенберга. С марта 1915 г. в отставке.

²⁶ Скербешов — деревня в Холмской губернии, ныне Скербешув в Замойском повяте Люблинского воеводства (Польша).

²⁷ Замостье — уездный город Холмской губернии, ныне Замосць, город на правах повята в Люблинском воеводстве (Польша).

²⁸ Лопатин Алексей Иванович (1862—?) — генерал-майор (1906). С февраля 1909 г. занимал должность военного судьи Московского военно-окружного суда.

²⁹ Кавалеристы, лошади их завязли в болоте, а сами они застигнуты спавшими. — *(Примеч. автора.)*

³⁰ Избица — деревня в Красноставском уезде Люблинской губернии, ныне в Красноставском повяте Люблинского воеводства (Польша).

³¹ Плеве Павел Адамович (1850—1916) — генерал от кавалерии (1907). С марта 1909 г. командовал войсками Московского военного округа. При мобилизации в июле 1914 г. был назначен командующим 5-й армии, во главе которой оставался до января 1915 г. В ноябре 1914 г. руководил всеми русскими войсками в ходе Лодзинской операции. В январе 1915 г. был назначен командующим 12-й армией, в мае 1915 г. переименованной в 5-ю армию. 6 декабря 1915 г. сменил генерала Н.В. Рузского на посту главнокомандующего армиями Северного фронта, но по состоянию здоровья 10 февраля 1916 г. был освобожден от командования, а 5 февраля 1916 г. был назначен членом Государственного совета. Умер в Москве.

³² Фрамполь — местечко в Люблинской губернии, ныне город в Билгорайском повяте Люблинского воеводства (Польша).

³³ Группами собираются и таинственно перешептываются и ниж[ние] чины, и офиц[ер]ы. Говорят, что разбиты вдребезги наши 2 полка; отхождение артилл[ерийской] бригады 46-й див[изии] всех озадачивает. — *(Примеч. автора.)*

³⁴ Быстро перевезли еще 11-й корпус, к[ото]рый у нас не входил в расчет. — *(Примеч. автора.)*

³⁵ Парский Дмитрий Павлович (1866—1921) — генерал-майор (1910). Командовал 2-й бригадой 46-й пехотной дивизии в 1910—1915 гг. Генерал-лейтенант (1915).

³⁶ Бодачев — деревня в Люблинской губернии, ныне в Замойском повяте Люблинского воеводства (Польша).

³⁷ 12-й гренадерский Астраханский полк.

³⁸ 11-й гренадерский Фанагорийский полк.

³⁹ Воскресли мрачные маньчжурские картины взаимного расстреливания. — *(Примеч. автора.)*

⁴⁰ Красностав — уездный город Люблинской губернии, ныне Красностав, административный центр Красноставского повята Люблинского воеводства (Польша).

⁴¹ Коханов Николай Васильевич (1854—?) — генерал-лейтенант (1908). Инспектор 25-го армейского корпуса в 1910—1916 гг.

⁴² Примкнув к судейским, более всех готовым скорее удирать из грязных историй. — *(Примеч. автора.)*

⁴³ 184-й пехотный Варшавский полк.

⁴⁴ «От чего, — говорят, — вы к[а]к следует не напираете?» Уверяют, что нас выдают еврейские шпионы. — *(Примеч. автора.)*

⁴⁵ Действуют снаряды — отлично. — *(Примеч. автора.)*

⁴⁶ Такой неподготовленности, несорганизованности, неразберихи вообще я не видел в минувшую кампанию. — *(Примеч. автора.)*

⁴⁷ Раевский Петр Михайлович (1883—1970) — отставной поручик Лейб-гвардии Гусарского полка (1908), церемониймейстер (1912), общественный деятель.

⁴⁸ Горчаков Михаил Константинович (1880—1961) — светлейший князь, камер-юнкер, общественный деятель. В 1914 г. был помощником уполномоченного Киевского передового отряда Красного Креста.

⁴⁹ Граф Бобринский *(примеч. автора)*. Видимо, речь идет об Андрее Александровиче Бобринском (1859—1930), действительном статском советнике (1904), камергере (1901), члене Государственного совета по выборам от землевладельцев Киевской губернии.

⁵⁰ Рейовец — деревня в Холмской губернии, ныне Реёвец в Хелмском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁵¹ Телин — город в Северо-Восточном Китае.

⁵² Горжков — посад Красноставского уезда Люблинской губернии, ныне деревня Гожкув в Красноставском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁵³ Брест (Брест-Литовск) — уездный город Гродненской губернии, ныне административный центр Брестской области (Белоруссия).

⁵⁴ Имеется в виду Николай Николаевич (младший) (1856—1929) — великий князь, генерал от кавалерии (1900), генерал-адъютант (1904), Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи с августа 1914 г., с августа 1915 г. до марта 1917 г. был наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказским фронтом.

⁵⁵ С полным комфортом (все время до этого жил в салон-вагоне; вся наша начальствующая камарилья ужасно любит комфорт, о к[ото]ром прежде всего и заботится). — *(Примеч. автора.)*

⁵⁶ Дорохуск — деревня в Холмской губернии, ныне в Хелмском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁵⁷ Травники — деревня Люблинской губернии, ныне в Швидницком повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁵⁸ Люблин — губернский город Люблинской губернии, ныне административный центр Люблинского воеводства (Польша).

⁵⁹ Львов (Лемберг) — столица Королевства Галиции и Лодомерии в составе Австро-Венгрии, ныне административный центр Львовской области (Украина).

⁶⁰ Бобринский Георгий Александрович (1863—1928) — граф, генерал-лейтенант (1910). 25 августа 1914 г. был назначен временно-исполняющим обязанности военного генерал-губернатора Галиции. В октябре 1914 г. был утвержден в этой должности, которую занимал до марта 1916 г.

⁶¹ Мищенко Павел Иванович (1853—1918) — генерал от артиллерии (1911), в 1914 г. некоторое время командовал частями 2-го Кавказского армейского корпуса, с марта 1915 г. командовал 31-м армейским корпусом. После Февральской революции 1917 г. был снят с поста и уволен от службы.

⁶² Мрозовский Иосиф Иванович (1857 — 1934) — генерал от артиллерии (1913), в 1912—1915 гг. командовал Гренадерским корпусом, в 1915—1917 гг. занимал должность командующего Московским военным округом и Московского генерал-губернатора. Умер в эмиграции во Франции.

⁶³ Угер — фольварк в Холмской губернии, ныне Ухер в Хелмском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁶⁴ Сургов — деревня Красновоставского уезда Люблинской губернии, ныне в Красновоставском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁶⁵ Фогель Александр Александрович (1868—?) — генерал-майор (1912), командир 46-й артиллерийской бригады в 1912—1915 гг.

⁶⁶ Сенница Крулевска Дужа, Сенница Крулевска Мала — деревни в Холмской губернии, ныне в Красновоставском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁶⁷ Имеется в виду Жданче (Жданное), владение графа Я.Ю. Сморчевского.

⁶⁸ Мост разрушен, проезжал по понтону. — *(Примеч. автора.)*

⁶⁹ Имеется в виду Жданне (Жданное).

⁷⁰ Рябушинский Владимир Павлович (1873—1955) — русский промышленник и банкир, представитель династии хлопчатобумажных фабрикантов Рябушинских. В 1914 г. добровольцем отправился на фронт, организовал подвижной автоотряд. Был ранен, за участие в боевых действиях был награжден солдатским Георгиевским крестом 4-й степени и произведен в офицерский чин.

⁷¹ Обряженного в форму рядового, козыряющего, выпятивши глаза, каждому офицеру. — *(Примеч. автора.)*

⁷² Самсонов Александр Васильевич (1859—1914) — генерал от кавалерии (1910), командовал 2-й армией, в августе 1914 г. попавшей в окружение в Восточной Пруссии. Застрелился.

⁷³ Все предметы (линейки, повозки и проч.) отличаются перед нашими лучшей конструкцией и работой. — *(Примеч. автора.)*

⁷⁴ Сегодня ротмистр развязно рассказывал, как он перед пленным врачом-австрийцем, заявившим о своих правах на покровительство Же-

невской конвенции, показал нагайку с целью символизировать перед врачом, как он смотрит на разные наставл[ен]ия конвенций!!! Еще картина: во время движения обозов балда Рассадкин увлекся битьем спаривавшихся собак — общее гоготание... — (*Примеч. автора.*)

⁷⁵ Жолкевка — местечко в Красноставском уезде Люблинской губернии, ныне в Красноставском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁷⁶ Майдан Верховский — деревня в Красноставском уезде Люблинской губернии, ныне Майдан Вежховинский в Красноставском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁷⁷ Бзовец — ныне не существует. Деревня Мосциска находится на территории Красноставского повята Люблинского воеводства (Польша).

⁷⁸ 279-й пехотный Лохвицкий полк.

⁷⁹ Галич — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне административный центр Галицкого района Ивано-Франковской области (Украина).

⁸⁰ Щебрешин — деревня Замостского уезда Холмской губернии, ныне Щебжешин в Красноставском повяте Люблинского воеводства.

⁸¹ Дорога гористая, покрытая перелесками (*примеч. автора*). Вержховина — деревня в Холмской губернии, ныне в Красноставском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁸² Туробин — местечко в Красноставском уезде Люблинской губернии, ныне в Билгорайском повете Люблинского воеводства (Польша).

⁸³ Горбатовский Владимир Николаевич (1851—1924) — генерал от инфантерии (1914), в 1914—1915 гг. командовал 19-м армейским корпусом, с июня по август 1915 г. — 13-й армией Северо-Западного фронта, с августа 1915 по март 1916 г. — 12-й армией Северного фронта, с марта по декабрь 1916 г. — 6-й армией Северного фронта, с декабря 1916 по апрель 1917 г. — 10-й армией. С апреля 1917 г. в резерве. Умер в эмиграции в Ревеле (Эстония).

⁸⁴ Рузский Николай Владимирович (1854—1918) — генерал от инфантерии (1909), генерал-адъютант (1914). С июля по сентябрь 1914 г. командовал 3-й армией, с сентября 1914 по март 1915 г. был главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. С 1915 г. входил в состав Государственного и Военного советов. С июня по август 1915 г. командовал 6-й армией, занимал должность главнокомандующего армиями Северного фронта с августа по декабрь 1915 г. и с августа 1916 по апрель 1917 г. Погиб в Пятигорске.

⁸⁵ Грудки — деревня в Люблинской губернии, ныне Грудки Перwsze в Билгорайском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁸⁶ Горай — местечко Красноставского уезда Люблинской губернии, ныне в Билгорайском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁸⁷ Янов — посад, административный центр Константиновского уезда Холмской губернии, ныне город Янув-Любельский в Янувском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁸⁸ Жабно — деревня Красноставского уезда Люблинской губернии, ныне в Билгорайском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁸⁹ Богословский Борис Петрович (1885—1920) — капитан (1911), с июля 1914 по октябрь 1915 г. занимал должность старшего адъютанта штаба 25-го армейского корпуса.

⁹⁰ Мартос Николай Николаевич (1858—1933) — генерал от инфантерии (1913), командир 15-го армейского корпуса в 1911—1914 гг. В ходе боев в Восточной Пруссии в августе 1914 г. был взят в плен, где оставался до начала 1918 г.

⁹¹ Гедвижин — деревня в Люблинской губернии, ныне Хедвижин в Билгорайском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁹² Перемышль — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Пшемысль, город на правах повята в Подкарпатском воеводстве (Польша).

⁹³ А начальники наши не могут никогда поступиться своими удобствами — умывальниками, теплыми клозетами и проч. — *(Примеч. автора.)*

⁹⁴ Мартынов Анатолий Петрович (1872—1920) — полковник (1913), с 1912 г. занимал должность интенданта 25-го армейского корпуса. Впоследствии — участник Белого движения в составе ВСЮР и Русской армии. При эвакуации войск П.Н. Врангеля остался в Крыму, был расстрелян в Ялте.

⁹⁵ Хмелек — деревня Белгорайского уезда Холмской губернии, имение графов Замоиских, ныне в Билгорайском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁹⁶ Белограй — уездный город Холмской губернии, ныне Билгорай, центр одноименного повята Люблинского воеводства (Польша).

⁹⁷ Княжполь — деревня Белгорайского уезда Холмской губернии, ныне Ксенжполь в Билгорайском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁹⁸ Раковка — деревня Люблинской губернии, ныне в Билгорайском повяте Люблинского воеводства (Польша).

⁹⁹ Замоиский Маврикий Фомич (1871—1939) — граф, крупный землевладелец, член 1 Государственной думы (1906).

¹⁰⁰ Мощаницы — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Мощаница в Любачовском повяте Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁰¹ Бабице и Воля-Общанска — деревни Белгорайского уезда Холмской губернии, ныне обе в Билгорайском повяте Люблинского воеводства (Польша).

¹⁰² Сенява — город в Галиции (Австро-Венгрия), майорат князей Чарторыйских. Ныне в Пшеворском повяте Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁰³ Ярослав — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Любачовском повяте Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁰⁴ Имеется в виду Н. В. Рузский.

¹⁰⁵ Цешанув — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Любачовском повяте Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁰⁶ Парский отказывается... Неприязненное отношение к нему Плеве по поводу казармен[ного] строительства. — *(Примеч. автора.)*

¹⁰⁷ Рагоза Александр Францевич (1858—1919) — генерал-лейтенант (1908), в 1909—1914 гг. командовал 19-й пехотной дивизией. Командир 25-го армейского корпуса в 1914—1915 гг. Генерал от инфантерии (1914). С августа 1915 г. командовал 4-й армией. В марте—апреле 1917 г. временно командовал армиями Румынского фронта. С 1917 г. в отставке. С мая по ноябрь 1918 г. занимал пост военного министра Украинской Державы. Расстрелян в Одессе.

¹⁰⁸ Радава — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Ярославском повяте Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁰⁹ Галкин Михаил Сергеевич (1866—1920) — полковник (1909). С сентября 1912 по ноябрь 1914 г. был начальником штаба 46-й пехотной дивизии. В августе-сентябре 1914 г. занимал должность и. д. начальника штаба 25-го армейского корпуса. С декабря 1914 г. командовал 71-м пехотным Белевским полком.

¹¹⁰ Продолжаем стоять в *Майдане*. — *(Примеч. автора.)*

¹¹¹ Добры — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Добра в Пшеворском повяте Подкарпатского воеводства (Польша).

¹¹² Красне — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Пшеворском повяте Подкарпатского воеводства (Польша).

¹¹³ Ковале — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне приселок деревни Добча в Пшеворском повяте Подкарпатского воеводства (Польша).

¹¹⁴ Земля плохая; многие эмигрируют в Пруссию и Америку. — *(Примеч. автора.)*

¹¹⁵ Чарторыйский Адам Людвик (1872—1937) — князь, владелец майората Сенява. С 1914 г. служил в австрийской армии.

¹¹⁶ Множество четырехспальных кроватей. — *(Примеч. автора.)*

¹¹⁷ Питаются солдаты тоже хуже, чем в прошлую кампанию; многого им недодают — сахара, каши и др., и это увеличивает мародерство. Корпусного интенданта Мартынова я считаю за правильно вертящийся винтик, как равно и не к[ото]рых других, но что эти единицы в общей

прогнившей, поистертой, неправильно налаженной машине? Невольно добром помянешь Куропаткина, много обращавшего внимания на питание солдата и его здоровье. — (Примеч. автора.)

¹¹⁸ Франц-Иосиф I (1830—1916) — император Австрии и король Венгрии в 1848—1916 гг.

¹¹⁹ Понтифик, папа (лат.).

¹²⁰ 137-й пехотный Нежинский полк.

¹²¹ Кабинетная глупость какого-н[и]б[удь] фантазера-дурака, пожелавшего облагодетельствов[ать]. — (Примеч. автора.)

¹²² На стоимость бут[ылки] вина увеличьте паек сахару, чаю, белого хлеба и пр., и никакого вина не надо! — (Примеч. автора.)

¹²³ Комета Делавала, открытая 27 октября 1913 г., наблюдалась в течение нескольких месяцев 1914 г., получив название «комета войны».

¹²⁴ Гродзиска — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Гродзиско-Мястечко в Лежайском повяте Подкарпатского воеводства (Польша).

¹²⁵ Краков (Кракау) — город в западной Галиции (Австро-Венгрия), ныне административный центр Малопольского воеводства (Польша).

¹²⁶ Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925) — генерал от инфантерии (1900), военный министр в 1898—1904 гг., главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами в Русско-японской войне в 1904—1905 гг., командующий 1-й Маньчжурской армией в 1905—1906 гг. Член Государственного совета в 1906—1915 гг. В 1915 — 1916 гг. командовал Гренадерским корпусом, затем 5-й армией Северного фронта, с февраля по июль 1916 г. занимал пост главнокомандующего армиями Северного фронта. Туркестанский генерал-губернатор в 1916—1917 гг. После Октябрьской революции 1917 г. проживал в своем бывшем имении в Псковской губернии, работал учителем в сельской школе.

¹²⁷ Малеев Дмитрий Павлович (1866—1938) — полковник (1904), в 1909—1914 гг. командовал 183-м пехотным Пултусским полком. В августе 1914 г. в ходе Томашевского сражения попал в плен, где находился до 1918 г.

¹²⁸ Герцик Николай Антонович (1862—1914) — полковник (1905), в 1911—1914 гг. командовал 4-м гренадерским Несвижским полком. Застрелился.

¹²⁹ Небо уж осенью дышит... Холодно... — (Примеч. автора.)

¹³⁰ Жолыня — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Ланьчутском повяте Подкарпатского воеводства (Польша).

¹³¹ «Польша (лат.), Конституция 3 мая 1791 года» (польск.).

¹³² Стоберня — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Стоберня в Жешувском повяте Подкарпатского воеводства (Польша).

¹³³ Ракшава — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Ланьчутском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹³⁴ Веглиске — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Венглиска в Ланьчутском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹³⁵ Залесье — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Ланьчутском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹³⁶ Медынь — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Медыня Ланьчуцка в Ланьчутском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹³⁷ Ранишув — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Ранижув в Кольбушовском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹³⁸ Подлесье — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Тшебош-Подяс в Жешувском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹³⁹ Соколув — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Соколув-Малопольски в Жешувском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁴⁰ Станы — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), имение помещиков Комаровских, ныне в Сталёвольском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁴¹ Розвадув — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне район города Сталёва Воля, административного центра Сталёвовольского повета Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁴² Брандвица — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Салёвовольском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁴³ Вилька Туребска — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Сталёвовольском повете Подкарпатского воеводства.

¹⁴⁴ Чекай — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Чекай-Пнёвски в Сталёвовольском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁴⁵ Сандомир — уездный город Радомской губернии, ныне административный центр Сандомирского повета Свентокшиского воеводства (Польша).

¹⁴⁶ Радомысль-на-Сане — местечко в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Сталёвовольском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁴⁷ Липа — деревня Яновского уезда Люблинской губернии, ныне в Сталёвовольском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁴⁸ Горжице — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Тарнобжегском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁴⁹ Так же, как и памятники «*Grunwald 1410 – 1910*». — (Примеч. автора.)

¹⁵⁰ Новогрудок — уездный город Минской губернии, ныне административный центр Новогрудского района Гродненской области (Белоруссия).

¹⁵¹ Как хорош Мицкевич — выражение лица его так полно мысли, вызова, гордости, достоинства и энергии! Вот истинный король, из тех королей, к[ото]рые свою жизнь отождествляют с жизнью народов!

¹⁵² Жабно — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Сталёвовольском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁵³ Домброва — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Домброва-Жечица в Сталёвовольском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁵⁴ Закликов — местечко Яновского уезда Люблинской губернии, ныне город в Сталёвовольском повете Подкарпатского воеводства (Польша).

¹⁵⁵ Вчера жители и сам он слышали глухую артиллер[ийскую] стрельбу со стороны Сандомира. — *(Примеч. автора.)*

¹⁵⁶ Красник — безуездный город Яновского уезда Люблинской губернии, ныне административный центр Красницкого повета Люблинского воеводства (Польша).

¹⁵⁷ Белосток — уездный город Гродненской губернии, ныне административный центр Подляского воеводства (Польша).

¹⁵⁸ Гродно — губернский город Гродненской губернии, ныне административный центр Гродненской области (Белоруссия).

¹⁵⁹ Рейнбот (Резвой) Анатолий Анатольевич (1868—?) — генерал-майор (1906), Московский градоначальник в 1906—1907 гг. По результатам сенатской ревизии Московского градоначальства в 1907 г. был отчислен от должности, в 1908 г. был уволен со службы. В 1911—1912 гг. отбывал тюремное заключение. В 1914 г. был возвращен на службу с чином генерал-майора. В 1914—1915 гг. занимал должность начальника санитарной части армий Северо-Западного фронта. В 1916—1917 гг. командовал 40-й пехотной дивизией. Точное время и обстоятельства смерти неизвестны (1918 или 1920 гг.).

¹⁶⁰ Евдокимов Александр Яковлевич (1854—?) — почетный лейб-медик двора Его Императорского Величества, в 1906—1917 гг. занимал должность начальника Главного военно-санитарного управления.

¹⁶¹ Вчера на ночь принесли мне укрыться от холода огромную перину; я пришел в ужас, отказался, поблагодаривши их. — *(Примеч. автора.)*

¹⁶² Собещаны — деревня Люблинского уезда и губернии, ныне в Люблинском повете Люблинского воеводства (Польша).

¹⁶³ Лейб-гвардии 3-й Стрелковый Его Величества полк.

¹⁶⁴ 10-й пехотный Новоингерманландский полк.

¹⁶⁵ Яковлев Петр Петрович (1852—?) — генерал от инфантерии (1910), в 1909 — 1914 гг. командовал 17-м армейским корпусом, с августа 1914 г. — южной группой корпусов 5-й армии.

¹⁶⁶ Ильин Иван Васильевич (1866 — после 1933) — генерал-майор (1913), в 1906—1916 гг. занимал должность корпусного интенданта 17-го

армейского корпуса. Впоследствии — участник Белого движения. Умер в эмиграции.

¹⁶⁷ Радом — губернский город Радомской губернии, ныне город на правах повята в Мазовецком воеводстве (Польша).

¹⁶⁸ Потоцкий Петр Платонович (1855—?) — генерал-лейтенант, в 1913—1914 гг. командовал 35-й пехотной дивизией.

¹⁶⁹ Всех прочих (*ит.*).

¹⁷⁰ Здесь не ощущается тревога войны, ее дыхание. — (*Примеч. автора.*)

¹⁷¹ Будящий у меня всегда радостные воспоминания детства, родины и думы о тщете всего земного — мира сего, к[ото]рого я бежал бы... — (*Примеч. автора.*)

¹⁷² К этой категории директив Плеве относится и та, к[ото]рая была дана Горбатовскому, продвинувшемуся было своим корпусом до Лощова, но еле не был охвачен и окружен более сильным численностью противником и сумел отступить... — (*Примеч. автора.*)

¹⁷³ За храбрость, проявленную в чем? За поспешное удирание разве в 20-х числа августа в *Дорохуск*?? Так силен у нас непотизм, в данный момент особенно шокирующий внутреннее чувство справедливости, ставшее теперь чрезвычайно острым и чутким... — (*Примеч. автора.*)

¹⁷⁴ Варшава — губернский город Варшавской губернии, ныне столица Польши.

¹⁷⁵ Красносток — местечко Сокольского уезда Гродненской губернии, ныне деревня Ружанысток в Сокольском повяте Подляского воеводства (Польша).

¹⁷⁶ «Паллада» — крейсер Балтийского флота, в октябре 1914 г. торпедированный германской подводной лодкой U-26 в Финском заливе. Первый русский боевой корабль, погибший в Первой мировой войне.

¹⁷⁷ Седлец — уездный город Люблинской губернии (с 1912 г.), ныне Седльце, город на правах повята в Мазовецком воеводстве (Польша).

¹⁷⁸ Резко мне выразившим свое недовольство за то, что я в 9 часов утра нарушил его сладкий сон... — (*Примеч. автора.*)

¹⁷⁹ «Напрасно вы теперь едете в штаб 10-й армии, туда уже мной назначен д-р Прусс...» — (*Примеч. автора.*)

¹⁸⁰ Беяны — деревня Августовского уезда Сувалкской губернии, ныне в Гродненском районе Гродненской области (Белоруссия).

¹⁸¹ Православный Красностокский Рождество-Богородицкий женский монастырь. В 1901—1915 гг. располагался в здании бывшего доминиканского монастыря в Красностоке.

¹⁸² Августов — уездный город Сувалкской губернии, ныне административный центр Августовского повята Подляского воеводства (Польша).

¹⁸³ Государство — это я (*фр.*).

¹⁸⁴ Сиверс Фаддей Васильевич (1853—?) — генерал от инфантерии (1912), с сентября 1914 по март 1915 г. командовал 10-й армией, с апреля 1915 г. в отставке.

¹⁸⁵ Одишелидзе Илья Зурабович (1865—?) — генерал-лейтенант (1914), в октябре—ноябре 1914 г. занимал должность начальника штаба 10-й армии, с декабря 1914 по декабрь 1916 г. находился на той же должности в 1-й армии. В январе—сентябре 1917 г. командовал 15-м армейским корпусом, позднее — Кавказской армией. В 1919—1921 гг. занимал высшие командные посты в грузинской армии. После советизации Грузии эмигрировал в Турцию.

¹⁸⁶ Эггерт (Викторов) Виктор Викторович (1867—?) — генерал-майор (1912), в августе—декабре 1914 г. занимал должность дежурного генерала при штабе 10-й армии, в 1914—1915 гг. начальник штаба 3-го армейского корпуса. С июля 1915 г. командовал 12-й стрелковой дивизией (в составе 7-го Сибирского армейского корпуса). В 1916 г. сменил фамилию на «Викторов». В октябре 1916 г. был отчислен от должности вследствие отказа частей дивизии подняться в назначенную атаку. С января 1917 г. командовал 186-й пехотной дивизией.

¹⁸⁷ Фон Будберг Алексей Павлович (1869—1945) — барон, генерал-майор (1910), с августа по декабрь 1914 г. занимал должность генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии, с декабря 1914 по февраль 1915 г. — начальника штаба 10-й армии. В августе—октябре 1915 г. командовал 40-й пехотной дивизией, с октября 1915 по апрель 1917 г. — 70-й пехотной дивизией. Генерал-лейтенант (1916). С апреля 1917 г. командовал 14-м армейским корпусом. Видный участник Белого движения, после 1920 г. в эмиграции. Автор мемуаров. Умер в Сан-Франциско (США).

¹⁸⁸ Фон Таубе Александр Александрович (1864—1919) — барон, генерал-майор (1907), в сентябре—октябре 1914 г. занимал должность начальника этапно-хозяйственного отдела штаба 10-й армии. Генерал-лейтенант (1915). С января по март 1915 г. командовал 121-й пехотной дивизией. С марта 1916 г. и.о. начальника штаба Омского военного округа.

¹⁸⁹ Граево — местечко Щучинского уезда Ломжинской губернии, ныне город, административный центр Граевского повята Подляского воеводства (Польша).

¹⁹⁰ Торн — город и крепость в Пруссии (Германия), ныне Торунь, город на правах повята в Куявско-Поморском воеводстве (Польша).

¹⁹¹ Ивангород — крепость в Новоалександрийском уезде Люблинской губернии, ныне город Демблин в Рыцком повяте Люблинского воеводства (Польша).

¹⁹² Сувалки — губернский город Сувалкской губернии, ныне город на правах повята в Подляском воеводстве (Польша).

¹⁹³ Остроленка — уездный город Ломжинской губернии, ныне город на правах повята в Мазовецком воеводстве (Польша).

¹⁹⁴ Лык — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Элк в Варминско-Мазурском воеводстве (Польша).

¹⁹⁵ Бендерев Анастас Федорович (1859—1946) — генерал-майор (1910), с августа по октябрь 1914 г. занимал должность начальника штаба 1-го Туркестанского корпуса, с октября по декабрь 1914 г. — начальника штаба 3-го армейского корпуса. В 1914—1916 гг. командовал 1-й отдельной кавалерийской бригадой, с марта 1916 по июль 1917 г. — 121-й пехотной дивизией. Генерал-лейтенант (1916). Ок. 1920 г. вернулся на родину в Болгарию. Умер в Софии.

¹⁹⁶ Осовец — крепость на границе Ломжинской и Гродненской губерний, ныне город Осовец-Твердза в Монькском повяте Подляского воеводства (Польша).

¹⁹⁷ Краевский Юлий-Франц Людвигович (1867—1914) — полковник (1909), до декабря 1914 г. занимал должность интенданта штаба 10-й армии. Застрелился.

¹⁹⁸ Гучков Александр Иванович (1862—1936) — лидер партии «Союз 17 октября», председатель III Государственной думы (1910—1911), член Государственного совета в 1907 и 1915—1917 гг. С марта по май 1917 г. — военный и морской министр Временного правительства. Умер в эмиграции в Париже (Франция).

¹⁹⁹ Куракин Александр Борисович (1875—1941) — князь, церемоний-мейстер двора (1911), действительный статский советник (1916), общественный деятель. Член II Государственной думы (1906). В 1914— гг. — орловский губернский предводитель дворянства. С началом Первой мировой войны занял пост председателя Комитета помощи беженцам и главноуполномоченного Российского общества красного Креста. После 1933 г. в эмиграции. Умер в Ницце (Франция).

²⁰⁰ Физически поотдохнул, и спина моя теперь не так чувствуется. — *(Примеч. автора.)*

²⁰¹ Боршиммен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Боржимы в Семятыченском повяте Подляского воеводства (Польша).

²⁰² Дуткен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Дудки в Семятыченском повяте Подляского воеводства (Польша).

²⁰³ Да и не ее одной! — *(Примеч. автора.)*

²⁰⁴ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870—1920) — политический деятель, один из лидеров монархической организации «Союз русского народа», создатель «Союза Михаила Архангела», член II, III и IV Государственной думы в 1906—1917 гг.

²⁰⁵ Зволень — местечко в Козеницком уезде Радомской губернии, ныне город, административный центр Зволенского повята Мазовецкого воеводства (Польша).

²⁰⁶ Ново-Александрия — уездный город Люблинской губернии, ныне Пулавы, административный центр Пулавского повята Люблинского воеводства (Польша).

²⁰⁷ Пруссаки лезут в атаку как осатанелые. — (Примеч. автора.)

²⁰⁸ Флуг Василий Егорович (1860—1955) — генерал от инфантерии (1914), в 1913—1914 гг. служил помощником Туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа. В августе—сентябре 1914 г. командовал 10-й армией.

²⁰⁹ Имеется в виду Завитневич Анатолий Осипович (1869—?) — полковник (1911), в 1911—1914 гг. начальник г. Ташкента, с октября 1914 по январь 1915 г. занимал должность начальника санитарного отдела штаба 10-й армии.

²¹⁰ Янов Георгий Дмитриевич (1864—1931) — генерал-майор (1914), в июле—октябре 1914 г. занимал должность начальника этапно-хозяйственного отдела штаба 1-й армии, с октября 1914 по начало 1917 г. — начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 10-й армии.

²¹¹ Ольшанка — деревня в Августовском уезде Сувалкской губернии, ныне в Августовском повяте Подляского воеводства (Польша).

²¹² Гопадзе Илья Зурабович (1853—1932) — действительный статский советник (1913), корпусной врач 2-го Кавказского корпуса.

²¹³ Мартынов Алексей Васильевич (1868—1934) — хирург, в 1910—1926 гг. был ординарным профессором кафедры госпитальной хирургической клиники Московского университета.

²¹⁴ Трепов Федор Федорович (1854—1938) — генерал от кавалерии (1909), генерал-адъютант (1909), в сентябре—декабре 1914 г. являлся помощником Верховного начальника санитарной и эвакуационной части в войсках принца А.П. Ольденбургского.

²¹⁵ Вреден Роман Романович (1867—1933) — хирург, один из основоположников отечественной ортопедии. С 1906 г. возглавлял Ортопедический институт в Санкт-Петербурге, с 1911 г. был профессором ортопедии Психоневрологического института. В годы Первой мировой войны — главный хирург Юго-Западного фронта.

²¹⁶ Бакаларжево — местечко Сувалкского уезда и губернии, ныне деревня в Сувалкском повяте Подляского воеводства (Польша).

²¹⁷ «Ядрам пролетать мешала гора кровавых тел...». — (Примеч. автора.)

²¹⁸ Жилинский Яков Григорьевич (1853—1918) — генерал от кавалерии (1910), в 1911—1914 гг. занимал должность начальника Генерального штаба,

с марта по июль 1914 г. — командующий войсками Варшавского военного округа и Варшавский генерал-губернатор. В июле 1914 г. был назначен главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. По итогам боев в Восточной Пруссии в сентябре 1914 г. был снят со всех постов.

²¹⁹ Андрей Владимирович (1879—1956) — великий князь, полковник (1910), флигель-адъютант (1899).

²²⁰ Кёнигсберг — главный город Восточной Пруссии (Германия), ныне Калининград, административный центр Калининградской области.

²²¹ Лык — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Элк в Вармино-Мазурском воеводстве (Польша).

²²² Лодзь же и Плоцк — наши, а также Петроков, Опочка и Радом (?) — *(Примеч. автора.)*

²²³ Будем строить новую, не полицейскую Россию! — *(Примеч. автора.)*

²²⁴ Говорят, что от истощения — как и у нас — снарядов! — *(Примеч. автора.)*

²²⁵ Кравков Николай Павлович (1865—1924) — брат В.П. Кравкова, действительный статский советник (1910), профессор Императорской Военно-медицинской академии (1904). Выдающийся отечественный ученый, основоположник советской школы фармакологии. Первый лауреат Ленинской премии (1926 г., посмертно).

²²⁶ Имеется в виду Кравков Сергей Павлович (1873—1938) — брат В.П. Кравкова, коллежский советник (1912), профессор агрономии Санкт-Петербургского университета.

²²⁷ Да и к одним ли врачам?! — *(Примеч. автора.)*

²²⁸ Вержболово — безуездный город во Владиславском Сувальской губернии, ныне Вирбалис в Мариямпольском уезде (Литва).

²²⁹ Ломжа — губернский город Ломжинской губернии, ныне город на правах повята в Подляском воеводстве (Польша).

²³⁰ Райгород — посад Щучинского уезда Ломжинской губернии, ныне город Райгруд в Граевском повяте Подляского воеводства (Польша).

²³¹ Щучин — уездный город Ломжинской губернии, ныне в Граевском повяте Подляского воеводства (Польша).

²³² На Ломжу *(примеч. автора)* Стависки — посад Кольненского уезда Ломжинской губернии, ныне в Кольненском повяте Подляского воеводства (Польша).

²³³ Фон Геннингс Оскар Александрович (1855—?) — генерал-лейтенант (1913), в 1913—1914 гг. командовал 6-й Сибирской стрелковой дивизией. В ходе боев под Березинами в ноябре 1914 г. утратил управление дивизией и, бросив подчиненные части, уехал в тыл. Был найден в Скерневицком госпитале в числе нервнорасстроенных.

²³⁴ Бяла — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Бяла-Писка в Пишском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²³⁵ Хойно — деревня Щучинского уезда Ломжинской губернии, ныне Хойново в Граевском повяте Подляского воеводства (Польша).

²³⁶ Швиддерн — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Швидры в Пишском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²³⁷ Ролькен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Рольки в Пишском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²³⁸ Оказалось не Козухино, а Козухен — подобно проч., напр[имер] Соколен, Раковен и т.д. (*примеч. автора*). Козухен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Кожухи в Пишском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²³⁹ Быков Леонид Николаевич (1865—?) — генерал-майор (1914), в 1913—1914 гг. командовал 1-й бригадой 6-й Сибирской стрелковой дивизии. В ноябре 1914 г. под Березанами попал в плен.

²⁴⁰ Иоганисбург — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Пиш, административный центр Пишского повята Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²⁴¹ Чарновек — деревня Щучинского уезда Ломжинской губернии, ныне Чарнувек в Граевском повяте Подляского воеводства (Польша).

²⁴² Быков Леонид Николаевич (1865—?) — генерал-майор (1914), в 1913—1914 гг. командовал 1-й бригадой 6-й Сибирской стрелковой дивизии. В ноябре 1914 г. под Березанами попал в плен.

²⁴³ Жизнь замерла, к[а]к в сказке «Спящая красавица». — (*Примеч. автора.*)

²⁴⁴ Возрастая (*ит.*).

²⁴⁵ По части «перевязки и операций под градом пуль и шрапнелей»!! — (*Примеч. автора.*)

²⁴⁶ Марграбово (Маргграбова) — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Олецко, административный центр Олецкого повята Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²⁴⁷ Симно — посад Кальварийского уезда Сувалкской губернии, ныне город Симнас в Алитусском уезде (Литва).

²⁴⁸ Лодзее — посад в Сейнском уезде Сувалкской губернии, ныне город Лаздияй в Алитусском уезде (Литва).

²⁴⁹ Рачки — посад Августовского уезда Сувалкской губернии, ныне деревня Рачки Велькие в Олецком повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²⁵⁰ Летцен — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Гжицко, административный центр одноименного повята Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²⁵¹ Филипово — посад Сувалкского уезда и губернии, ныне деревня Филипув в Сувалкском повяте Подляского воеводства (Польша).

²⁵² Вильковышки — уездный город Сувалкской губернии, ныне Вилькавишкис в Мариямпольском уезде (Литва).

²⁵³ Кибарты — посад Волковысского уезда Сувалкской губернии, ныне город Кибартай в Мариямпольском уезде (Литва).

²⁵⁴ Тильзит — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Советск, административный центр городского округа «Советский» в Калининградской области (Россия).

²⁵⁵ Покойся с миром! (нем.)

²⁵⁶ До свидания! (нем.)

²⁵⁷ — 7,5 °С.

²⁵⁸ И какой прекрасный случай был упущен, ч[то]б[ы] разыграть дело с трезвоном! Протанцевали от печки! Привычка действовать силой массы, а не маневром!! — (Примеч. автора.)

²⁵⁹ Ковален — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Ковале Олецкие в Олецком повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²⁶⁰ Гольдап — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Гольдап, административный центр Гольдапского повята Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²⁶¹ Стоит в местечке *Liegetrocken* («не мочись под себя»?) (примеч. автора). Лигетрокен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Лободы в Гольдапском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²⁶² Роминтенская пуца! — (Примеч. автора.)

²⁶³ Гернгросс Александр Алексеевич (1851—1925) — генерал от инфантерии (1910), в 1914—1916 гг. командовал 26-м армейским корпусом.

²⁶⁴ N.V. Картина использования в одном из госпиталей ночных горшков для роли мисок... — (Примеч. автора.)

²⁶⁵ Острогорский Сергей Алексеевич (1867—1934) — почетный лейб-медик двора Его Императорского Величества (1907), действительный статский советник, профессор Императорской Военно-медицинской академии.

²⁶⁶ Имеется в виду Н. П. Кравков.

²⁶⁷ Нек[ото]рые главные врачи с большим чувством облегчения сплавляют своих сестер милосердия за «маньчжурское» поведение. — (Примеч. автора.)

²⁶⁸ 0 °С.

²⁶⁹ Литвинов Александр Иванович (1853—1932) — генерал от кавалерии (1911), в 1911—1914 гг. командовал 5-м армейским корпусом, в ноябре 1914 г. был назначен командующим 1-й армией.

²⁷⁰ Чем возмещено будет содеянное им зло? — *(Примеч. автора.)*

²⁷¹ Сохачев — уездный город Варшавской губернии, ныне административный центр Сохачевского повета Мазовецкого воеводства (Польша).

²⁷² +1,25 °С.

²⁷³ Фальборк Генрих Адольфович (1864—1942) — деятель народного образования и библиотечного дела, публицист.

²⁷⁴ Шейдеман Сергей Михайлович (1857—1922) — генерал от кавалерии (1913), с августа по декабрь 1914 г. командовал 2-й армией.

²⁷⁵ Передается о нем в штабе тайком. — *(Примеч. автора.)*

²⁷⁶ Прасныш — уездный город Плоцкой губернии, ныне Пшасныш, административный центр Пшаснышского повета Мазовецкого воеводства (Польша).

²⁷⁷ Смирнов Владимир Васильевич (1849—1918) — генерал от инфантерии (1908), в 1908—1914 гг. командовал 20-м армейским корпусом, с ноября 1914 г. занимал должность командующего 2-й армией.

²⁷⁸ Тактические приемы полководца и врача, предпринимаемые и тем и другим в угоду публике, также сходны... — *(Примеч. автора.)*

²⁷⁹ Веттер-Розенталь Генрих Генрихович (1864—?) — полковник (1907), командир 3-го драгунского Новороссийского полка в 1912—1915 гг.

²⁸⁰ Скоропадский Павел Петрович (1873—1945) — генерал-майор (1912), с октября 1914 г. командовал 1-й бригадой 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Осенью 1914 г. был назначен командиром Сводной кавалерийской дивизии. Гетман Украины (1918).

²⁸¹ А эти революционеры вроде Зуева и Федяя?! — *(Примеч. автора.)*

²⁸² Данилов Николай Александрович (1867—1934) — генерал от инфантерии (1914), с июля 1914 г. занимал должность главного начальника снабжений армий Северо-Западного фронта.

²⁸³ Янов рассказал, между прочим, как при отступлении из-под Инстербурга командир 72-го полка добежал до самой Москвы... *(примеч. автора.)* Имеется в виду 72-й пехотный Тульский полк. Инстербург — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Черняховск, административный центр Черняховского района Калининградской области (Россия).

²⁸⁴ «Бог из машины» *(лат.)*.

²⁸⁵ На потребу движущему его аппарату. — *(Примеч. автора.)*

²⁸⁶ С полудня — мокропогодица. — *(Примеч. автора.)*

²⁸⁷ Симуляция *(лат. ирон.)*.

²⁸⁸ Каульбарс Александр Васильевич (1844—1929) — барон, генерал от кавалерии (1901), член Военного совета (1909), в 1914—1915 гг. являлся заведующим организацией авиационного дела в армиях Северо-Западного фронта.

²⁸⁹ Имеется в виду полковник А. О. Завитневич.

²⁹⁰ Сильное впечатление на него произвела на позициях потрясающая картина нужды солдатской... — *(Примеч. автора.)*

²⁹¹ После этого — значит по причине этого (*лат.*).

²⁹² Шиткемен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Житкеймы в Голдапском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²⁹³ Курлов Павел Григорьевич (1860—1923) — генерал-лейтенант (1910), в 1909—1911 гг. командовал Отдельным корпусом жандармов, был уволен после убийства П. А. Столыпина. В 1914 г. был возвращен на службу, состоял при главном начальнике снабжения армий Северо-Западного фронта, был назначен генерал-губернатором Восточной Пруссии, но не вступил в должность из-за отступления русских войск.

²⁹⁴ Так неудачливый муж вымещает свою злобу на жене!! — *(Примеч. автора.)*

²⁹⁵ Видминен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Видмины в Гижицком повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²⁹⁶ Арис — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Ожиш в Пишкском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

²⁹⁷ Всякие наши предприятия здесь на войне, да и вообще наше государственное строительство в мирное время мне всегда представляются в широком лишь масштабе такой же процедурой кладки печи, которую у меня ставили в доме: рабочий на одном углу печки не знал, что делает товарищ на другом... Делали, ч[то]б[ы] только делать... — *(Примеч. автора.)*

²⁹⁸ 26-й Сибирский стрелковый полк.

²⁹⁹ Стараются только побивать рекорд на быстроту без рационального полезного ее практического применения... — *(Примеч. автора.)*

³⁰⁰ Грабник — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне в Элкском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

³⁰¹ Росткен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Ростки Байтковские в Элкском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

³⁰² Талькен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Тальки в Элкском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

³⁰³ Гурко (Мартынова) Эмилия Николаевна (1860—1918) — первая жена генерала В. И. Гурко, дочь убийцы М. Ю. Лермонтова.

³⁰⁴ Клаусен — местечко в Восточной Пруссии (Германия), ныне Клусы в Пишкском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

³⁰⁵ Пиенткен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Пентки в Элкском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

³⁰⁶ Дроздовен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Дроздово в Пишском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

³⁰⁷ Гура — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне в Пишском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

³⁰⁸ Трофимов Владимир Онуфриевич (1860—1924) — генерал-лейтенант (1914), с августа 1914 по апрель 1915 г. командовал 7-й Сибирской стрелковой дивизией, в 1915—1917 гг. — 3-м Сибирским армейским корпусом.

³⁰⁹ Не навреди (*лат.*).

³¹⁰ Начальник дивизии признавался по душе, что не может спать покойно по ночам, ожидая прорыва немцев через редкую паутину расставленных на широком фронте (до 25 верст!) сильно растаявших частей дивизии, в к[ото]рой не наберется теперь и 10 тысяч штыков! — (*Примеч. автора.*)

³¹¹ Экерсберг — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Окартово в Пишском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

³¹² Домбровкен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Домбрувка в Пишском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

³¹³ С угрозами всякими скэрпионами врачам. — (*Примеч. автора.*)

³¹⁴ Клапан для излития военачальнической злобы на врачей-стрелочников. — (*Примеч. автора.*)

³¹⁵ Караффа-Корбут Казимир Викентьевич (1878—1935) — приват-доцент Императорской Военно-медицинской академии, впоследствии известный польский гигиенист.

³¹⁶ Георгий Михайлович (1863—1919) — великий князь, генерал-лейтенант (1909), генерал-адъютант (1909).

³¹⁷ Вильгельм II (1859—1941) — германский император и король Пруссии в 1888—1918 гг.

³¹⁸ Тракишкен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне зона российско-польской границы.

³¹⁹ Макунишкен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Токаревка в Нестеровском районе Калининградской области (Россия).

³²⁰ Тольмингкемен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне поселок Чистые Пруды в Нестеровском районе Калининградской области (Россия).

³²¹ Ваббельн — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Чапаево в Нестеровском районе Калининградской области (Россия).

³²² Кассубен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне поселок Ильинское в Нестеровском районе Калининградской области (Россия).

³²³ Пиллупёнен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Невское в Нестеровском районе Калининградской области (Россия).

³²⁴ Шталлупенен — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Нестеров, административный центр Нестеровского района Калининградской области (Россия).

³²⁵ Большой пролаза и хитрец, собирает всякие вещицы, фотографирует... Проболтался, но в испуге спохватился: будто вместо нашего государя будет скоро царствовать Ник[олай] Николаевич, и на сцену явится еще Михаил Александрович... — *(Примеч. автора.)*

³²⁶ Епанчин Николай Алексеевич (1857—1941) — генерал от инфантерии (1913), в 1913—1915 гг. командовал 3-м армейским корпусом. По итогам боев в Восточной Пруссии в феврале 1915 г. был смещен с должности и зачислен в резерв.

³²⁷ Как сволочь *(фр.)*.

³²⁸ Петрикачен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне поселок Пригородное в Нестеровском районе Калининградской области (Россия).

³²⁹ Эйдткунен — приграничный поселок и железнодорожная станция в Восточной Пруссии (Германия), ныне поселок Чернышевское в Нестеровском районе Калининградской области (Россия).

³³⁰ Имеется в виду Крессон Фортунат Евстафьевич (1874—1945) — хирург и общественный деятель, директор Французской больницы в Санкт-Петербурге в 1905—1916 гг.

³³¹ Сарыкамыш — город на северо-востоке Турции.

³³² 10-й же разбит. — *(Примеч. автора.)*

³³³ Сердце в будущем живет — настоящее уныло... — *(Примеч. автора.)*

³³⁴ Фон ден Бринкен Александр-Павел Фридрихович (1859—1917) — барон, генерал-лейтенант (1908), в 1912—1917 гг. командовал 22-м армейским корпусом.

³³⁵ 0 °С.

³³⁶ Имеется в виду Кравков Сергей Васильевич (1893—1951) — сын В. П. Кравкова, студент Императорского Московского университета в 1911—1916 гг., впоследствии известный психолог и психофизиолог, член-корреспондент АН и АМН СССР (1946).

³³⁷ Угрожающие в санитарном отношении факторы — большая загрязненность корпусных и тыловых районов; во многих местах с оседанием почвы из земли вылезают покойники! — *(Примеч. автора.)*

³³⁸ Ухач-Огорович Николай Александрович (1860—?) — генерал-майор (1904), во время службы по интендантскому ведомству в 1-й Маньчжурской армии в годы Русско-японской войны совершал многочисленные крупные хищения, за которые в 1912 г. был предан военному суду и приговорен к разжалованию, ссылке на 3 года в арестантские роты и штрафу в 157 тыс. рублей.

³³⁹ Губерт Владислав Осипович (1862—1941) — приват-доцент Императорской Военно-медицинской академии, председатель Петроградской санитарной комиссии, общественный деятель.

³⁴⁰ Ольденбургский Александр Петрович (1844—1932) — принц, генерал от инфантерии (1895), член Государственного совета (1896), сенатор (1914), в 1914—1917 гг. занимал должность верховного начальника санитарной и эвакуационной части.

³⁴¹ — 10 °С.

³⁴² Евстафьев Вячеслав Павлович (1865—1937) — полковник (1910), в 1912—1914 гг. командовал 110-м пехотным Камским полком. В 1915—1917 гг. занимал должность начальника санитарного отдела штаба 10-й армии. Впоследствии — участник Белого движения на юге России. Умер в эмиграции в Загребе (Югославия).

³⁴³ Так проходит [мирская слава...] (*лат.*).

³⁴⁴ Пилькален — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Добровольск в Краснознаменном районе Калининградской области (Россия).

³⁴⁵ Гумбиннен — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Гусев, административный центр Гусевского района Калининградской области (Россия).

³⁴⁶ За столом о медицинских вопросах говорил не со мной, а с полковником!! — (*Примеч. автора.*)

³⁴⁷ Огородников Федор Евлампиевич (1867—1939) — генерал-майор (1911), с ноября 1914 по март 1915 г. состоял генералом для поручений при командующем 10-й армией.

³⁴⁸ Гросс-Медунишкен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Медунишки Велькие в Голдапском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

³⁴⁹ Имеется в виду Елизавета Маврикиевна (1865—1927) — великая княгиня, супруга великого князя Константина Константиновича, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская.

³⁵⁰ Лазденен — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Краснознаменск, административный центр Краснознаменского района Калининградской области (Россия).

³⁵¹ — 6,2 °С.

³⁵² Вдобавок (*фр.*).

³⁵³ Кольно — уездный город Ломжинской губернии, ныне административный центр Кольненского повята Подляского воеводства (Польша).

³⁵⁴ А не сражаться лишь с врачами да с... «жидами»! — (*Примеч. автора.*)

³⁵⁵ Жнов Александр Иванович (1865—1946) — генерал-майор (1914), с января 1915 по ноябрь 1916 г. занимал должность дежурного генерала штаба 10-й армии. В 1916—1917 гг. командовал 132-й пехотной дивизией. В 1918 г. служил в армии Украинской Державы, позднее участвовал в Белом движении в составе ВСЮР и Русской армии П.Н. Врангеля. Генерал-лейтенант (1920). Умер в эмиграции в Софии (Болгария).

³⁵⁶ Ужасно напоминали своим выражением и мимикой купцов из «Садко»... — (*Примеч. автора.*)

³⁵⁷ Пильвишки — посад Мариампольского уезда Сувалкской губернии, ныне деревня Пильвишкияй в Мариампольском уезде (Литва).

³⁵⁸ Дригаллен — деревня в Восточной Пруссии (Германия), ныне Дрыгалы в Пишском повяте Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

³⁵⁹ Юзефович Яков Давыдович (1872—1929) — генерал-майор (1915), начальник штаба Кавказской туземной конной («Дикой») дивизии в 1914—1916 гг.

³⁶⁰ Макаев Илья Захарович (1857—?) — князь, генерал-майор (1914). В составе 3-го армейского корпуса принимал участие в боевых действиях во время Августовской операции и отхода частей корпуса в Ковно.

³⁶¹ Ковно — губернский город Ковенской губернии, ныне Каунас, административный центр Каунасского уезда (Литва).

³⁶² Мариамполь — уездный город Сувалкской губернии, ныне Мариамполе, административный центр Мариампольского уезда (Литва).

³⁶³ Кальвария — уездный город Сувалкской губернии, ныне Калвария в Мариампольском уезде (Литва).

³⁶⁴ Имеется в виду А.П. фон Будберг.

³⁶⁵ Заставляя переть стеной, в лоб, без всяких маневров! — (*Примеч. автора.*)

³⁶⁶ Выше 0 °С.

³⁶⁷ Ливен Павел Павлович (1875—1963) — князь, уполномоченный Красного Креста. С января по август 1915 г. находился в немецком плену.

³⁶⁸ Имеется в виду Ф.Е. Крессон.

³⁶⁹ Сопецкин — посад Августовского уезда Сувалкской губернии, ныне город в Гродненском районе Гродненской области (Белоруссия).

³⁷⁰ Кайгородов Михаил Никифорович (1853—1918) — генерал от инфантерии (1913), комендант Гродненской крепости в 1913—1915 гг.

³⁷¹ Ч[то]б[ы] не увеличивать общую суету. — (*Примеч. автора.*)

³⁷² Булгаков Павел Ильич (1856—1932) — генерал от артиллерии (1914), с декабря 1914 по февраль 1915 г. командовал 20-м армейским корпусом. При окружении корпуса в феврале 1915 г. попал в плен.

³⁷³ Переехал в помещение, занятое нашим санитарным отделом в здании Контрольной палаты. — *(Примеч. автора.)*

³⁷⁴ Вильно — губернский город Виленской губернии, ныне Вильнюс, столица Латвии.

³⁷⁵ Волковыск — уездный город Гродненской губернии, ныне административный центр Волковысского района Гродненской области (Белоруссия).

³⁷⁶ Официально — «нервным и сердечным расстройством». Заболеть теперь ему, пожалуй, — наилучший выход из пакостного положения. — *(Примеч. автора.)*

³⁷⁷ Фон Гинденбург Пауль (1847—1934) — генерал-фельдмаршал (1914), с ноября 1914 г. — главнокомандующий германскими войсками на Восточном фронте. Рейхспрезидент Германии (1925—1934).

³⁷⁸ Может быть, он и пробивается еще, ожидая поддержки. — *(Примеч. автора.)*

³⁷⁹ Мосты — местечко Гродненского уезда и губернии, ныне административный центр Мостовского района Гродненской области (Белоруссия).

³⁸⁰ Липск — посад Августовского уезда Сувалкской губернии, ныне город в Августовском повяте Подляского воеводства (Польша).

³⁸¹ Сидры — местечко Сокольского уезда Гродненской губернии, ныне деревня Сидра в Сокольском повяте Подляского воеводства (Польша).

³⁸² Грабово — деревня Августовского уезда Сувалкской губернии, ныне в Кольненском повяте Подляского воеводства (Польша).

³⁸³ 110-й пехотный Камский полк.

³⁸⁴ Леонтович Евгений Александрович (1862—1937) — генерал-лейтенант (1914), командовал 3-й кавалерийской дивизией в 1914—1917 гг.

³⁸⁵ Лашкевич Николай Алексеевич (1856—?) — генерал-лейтенант (1906), командовал 28-й пехотной дивизией в 1913—1915 гг. После Августовской операции в марте 1915 г. отчислен от должности по несоответствию.

³⁸⁶ Радкевич Евгений Александрович (1851—1930) — генерал от инфантерии (1912), командир 3-го Сибирского армейского корпуса с августа 1914 по апрель 1915 г. Командующий 10-й армией в 1915—1916 гг. С 1916 г. был членом Военного совета. В апреле 1917 г. был назначен помощником главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала Л.Г. Корнилова, в апреле—мае фактически исполнял обязанности главно-

командующего. В мае 1917 г. возвращен в Военный совет. С ноября 1918 г. на пенсии. В 1918—1923 гг. служил в РККА. В 1923 г. был демобилизован «за престарелостью».

³⁸⁷ Всех прочих (*ит.*).

³⁸⁸ Курьянка — деревня Августовского уезда Сувалкской губернии, ныне в Августовском повяте Подляского воеводства (Польша).

³⁸⁹ Гожа — деревня Гродненского уезда и губернии, ныне в Гродненском районе Гродненской области (Белоруссия).

³⁹⁰ Российский Евгений Александрович (1865—1933) — генерал-майор (1913), в феврале 1915 г. командовал сводной бригадой, состоявшей из частей 20-го армейского корпуса, направленной на поддержку 3-го Сибирского армейского корпуса, прикрывавшего левый фланг 10-й армии. В 1916—1917 гг. командовал 56-й пехотной дивизией.

³⁹¹ Сирелиус Леонид-Отто Оттович (1859—1920) — генерал от инфантерии (1914), с декабря 1914 г. по апрель 1915 г. находился в распоряжении главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта.

³⁹² Соколка — уездный город Гродненской губернии, ныне административный центр Сокольского повята Подляского воеводства (Польша).

³⁹³ Попов Иван Иванович (1866—1918) — генерал-майор (1912), с марта 1915 по октябрь 1916 г. занимал должность и.д. начальника штаба 10-й армии. Генерал-лейтенант (1916). В 1916—1917 гг. командовал 32-й пехотной дивизией.

³⁹⁴ 113-й пехотный Старорусский полк.

³⁹⁵ 114-й пехотный Новоторжский полк.

³⁹⁶ Кропоткин Николай Дмитриевич (1872—1937) — князь, Лифляндский вице-губернатор в 1912—1915 гг.

³⁹⁷ Все построено на шулерском проворстве рук! — (*Примеч. автора.*)

³⁹⁸ Сражающиеся не понимают, что жертвуют жизнями своими по прихоти правящей кучки *ad majorem ee gloriam* /к вящей ее славе (*лат.*)/ — (*Примеч. автора.*)

³⁹⁹ Шокоров Владимир Николаевич (1868—1940) — генерал-майор (1915), с января 1915 по октябрь 1916 г. занимал должность и.д. генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии.

⁴⁰⁰ К[ото]рой прикрывается самая отвратительная внутренняя гниль! — (*Примеч. автора.*)

⁴⁰¹ А им так приятно постоять и поглядеть перед витринками магазинов и пр. — (*Примеч. автора.*)

⁴⁰² Нейденбург — город в Восточной Пруссии (Германия), ныне Нидзица, административный центр Нидзицкого повята Варминско-Мазурского воеводства (Польша).

⁴⁰³ По дороге на *Сопоцин* и *Скрынники*. — (Примеч. автора.)

⁴⁰⁴ Леонтович Евгений Александрович (1862—1937) — генерал-лейтенант (1914), командовал 3-й кавалерийской дивизией в 1914—1917 гг.

⁴⁰⁵ Цирус-Соболевский Яков Яковлевич (1865—?) — священник 110-го пехотного Камского полка и благочинный 28-й пехотной дивизии в 1912—1917 гг. В начальный период войны попал в плен, откуда вернулся в январе 1915 г.

⁴⁰⁶ Дорошевич Влас Михайлович (1865—1922) — публицист, театральный критик, один из наиболее известных фельетонистов начала XX в. Редактор газеты «Русское слово» в 1902—1918 гг.

⁴⁰⁷ Кондзеровский Петр Константинович (1869—1929) — генерал-лейтенант (1914), в 1914—1917 гг. занимал должность дежурного генерала при Верховном главнокомандующем.

⁴⁰⁸ — 7,5 °С.

⁴⁰⁹ Штабин — посад Августовского уезда Сувалкской губернии, ныне деревня в Августовском повяте Подляского воеводства (Польша).

⁴¹⁰ 29-й пехотный Черниговский полк.

⁴¹¹ Ступин Иоасаф Иоасафович (1870—?) — полковник (1911), в 1914—1915 гг. командовал 29-м пехотным Черниговским полком.

⁴¹² Так-то все у нас в сравнении с немецким выходит аляповато и лубочно... — (Примеч. автора.)

⁴¹³ Данзас Юлия Николаевна (1879—1942) — фрейлина императрицы Александры Федоровны (1907), историк религии, католический теолог. В 1915 г. заведовала полевым подвижным складом Красного Креста при 10-й армии.

⁴¹⁴ Бернацкий Николай Николаевич (1860—1941) — генерал-майор (1908), в 1908—1916 гг. занимал должность военного судьи Виленского военно-окружного суда.

⁴¹⁵ — 10 °С.

⁴¹⁶ Фон Дрейер Владимир Николаевич (1876—1967) — полковник (1911), с ноября 1914 г. занимал должность и.д. начальника штаба 27-й пехотной дивизии. Руководил арьергардом 20-го армейского корпуса при его окружении в Августовских лесах в феврале 1915 г.

⁴¹⁷ С нек[ото]рыми еще офицерами. — (Примеч. автора.)

⁴¹⁸ 112-й пехотный Уральский полк.

⁴¹⁹ О себе, о своих делах, букв. «о своем доме» (лат.).

⁴²⁰ — 15 °С.

⁴²¹ — 13,75 °С.

⁴²² Новокаменная — деревня в Сокольском уезде Гродненской губернии, ныне Каменна-Нова в Сокольском повяте Подляского воеводства (Польша).

⁴²³ Адариди Август-Карл-Михаил Михайлович (1859–1940) — генерал-лейтенант (1914), с апреля 1914 по февраль 1915 г. командовал 27-й пехотной дивизией. В феврале 1915 г. был уволен от службы без мундира.

⁴²⁴ А этого надо ожидать ввиду неизвестности: «Где немец?» — «Немец пропал». — *(Примеч. автора.)*

⁴²⁵ Муромцев Семен Эммануилович (1872–?) — племянник председателя I Государственной думы С.А. Муромцева. Полковник (1908), в 1910–1915 гг. состоял в постоянном составе правления Гвардейского экономического общества.

⁴²⁶ Главный врач — Европин. — *(Примеч. автора.)*

⁴²⁷ Никитин Алексей Иванович (?–?) — действительный статский советник (1914), до 1914 г. занимал пост заведующего медицинской частью двора великой княгини Елизаветы Федоровны. Корпусной врач 7-го Сибирского корпуса в 1915–1916 гг., в начале 1917 г. стал московским окружным военно-санитарным инспектором.

⁴²⁸ Елизавета Федоровна (1864–1918) — урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская, сестра императрицы Александры Федоровны. Великая княгиня, вдова великого князя Сергея Александровича (1857–1905).

⁴²⁹ Светской беседы *(фр.)*.

⁴³⁰ Да и вообще — что такое данная история? Существует лишь история по такому-то (имярек). — *(Примеч. автора.)*

⁴³¹ Каждому — свое *(лат.)*.

⁴³² Яхонтов Виктор Александрович (1881–1978) — подполковник (1913), с декабря 1914 по октябрь 1916 г. занимал должность старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии. Впоследствии — генерал-майор (1917), товарищ военного министра (до октября 1917 г.), видный деятель русской эмиграции.

⁴³³ Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) — генерал от кавалерии (1906), генерал-адъютант (1912), в 1909–1915 гг. занимал должность военного министра.

⁴³⁴ –3,75 °С.

⁴³⁵ Седлец — уездный город Люблинской губернии (с 1912 г.), ныне Седльце, город на правах повята в Мазовецком воеводстве (Польша).

⁴³⁶ Фон Гюббенет Виктор Борисович (1862 — после 1930) — тайный советник (1914), в начале 1915 г. — начальник военно-санитарной части Северо-Западного фронта.

⁴³⁷ Сейны — уездный город Сувалкской губернии, ныне административный центр Сейнского повята Подляского воеводства (Польша).

⁴³⁸ Барановичи — уездный город Минской губернии, в котором с августа 1914 по август 1915 г. располагалась Ставка Верховного главнокомандующего, ныне административный центр Барановичского района Брестской области (Белоруссия).

⁴³⁹ Минск — губернский город Минской губернии, ныне столица Белоруссии.

⁴⁴⁰ Смоленск — губернский город Смоленской губернии, ныне административный центр Смоленской области.

⁴⁴¹ Можайск — уездный город Московской губернии, ныне административный центр Можайского района Московской области.

⁴⁴² Мясоедов Сергей Николаевич (1865—1915) — полковник Отдельного корпуса жандармов, прикомандированный с 1911 г. к военному министру В.А. Сухомлинову. Был казнен в марте 1915 г. по ложному обвинению в шпионаже.

⁴⁴³ Вебель Фердинанд Маврикиевич (1855—1919) — генерал от инфантерии (1915), с апреля 1915 по февраль 1916 г. командовал 34-м армейским корпусом.

⁴⁴⁴ Имеется в виду Воронежский Владимир Владимирович (1886—1916) — генерал-майор (1915), с мая 1915 по февраль 1916 г. занимавший должность начальника штаба 37-го армейского корпуса.

⁴⁴⁵ Ради собственной выгоды (*лат.*).

⁴⁴⁶ Поднялась большая стрельба и вообще суматоха, я же — крепко спал и ничего не слышал; так незаметно и легко можно было отправиться в место вечного упокоения. — (*Примеч. автора.*)

⁴⁴⁷ Для этого (*лат.*).

⁴⁴⁸ Енгальчев Павел Николаевич (1864—1944) — князь, генерал-лейтенант (1914), Варшавский генерал-губернатор в 1914—1917 гг.

⁴⁴⁹ Где отлично чуть не на всех языках говорят, но весьма скверно лишь на русском! — (*Примеч. автора.*)

⁴⁵⁰ Рига — губернский город Лифляндской губернии, ныне столица Латвии.

⁴⁵¹ Либава — портовый город в Гробинском уезде Курляндской губернии, ныне Лиепая, город республиканского подчинения в Латвии.

⁴⁵² Михаил /Ермаков/ (1862—1929) — архиепископ Гродненский и Брестский в 1905—1921 гг.

⁴⁵³ Да «отражаем успешно его атаки, нанося неисчислимые потери» (конечно все ему же!) — (*Примеч. автора.*)

⁴⁵⁴ Отсутствие новостей... хорошей новостью (*фр.*).

⁴⁵⁵ И отступаем-то мы все не потому, что заставляет нас к этому противник, а лишь вследствие приказаний «в целях производства новой группировки войск». — (*Примеч. автора.*)

⁴⁵⁶ Сердечное согласие (*фр.*).

⁴⁵⁷ Широкогоров Иван Иванович (1869—1946) — патологоанатом, доктор медицины (1907), приват-доцент кафедры патологической анатомии Юрьевского университета в 1908—1915 гг., впоследствии — академик АМН СССР (1944).

⁴⁵⁸ Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920) — генерал от инфантерии (1911), с 1912 г. был членом Государственного совета. В 1914—1915 гг. был помощником Верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца П.А. Ольденбургского. Военный министр в 1915—1916 гг.

⁴⁵⁹ Дон-Штрубо Василий Семенович (1864—?) — полковник (1910), и.д. начальника санитарного отдела штаба 1-й армии в 1914—1917 гг. Генерал-майор (1917).

⁴⁶⁰ Так как все одинаково усердно работали. — (*Примеч. автора.*)

⁴⁶¹ И воспитываются «маленькие люди» в понятиях о законности. — (*Примеч. автора.*)

⁴⁶² Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (1859—1918) — генерал-лейтенант болгарской службы, в 1914 г. состоял болгарским посланником в Санкт-Петербурге. После вступления Болгарии в Первую мировую войну на стороне Германии принял русское подданство. В августе — сентябре 1914 г. командовал 8-м армейским корпусом. Генерал от инфантерии (1914). С сентября 1914 по май 1915 т. командовал 3-й армией. С июня 1915 г. командовал 2-м, с сентября 1915 г. — 7-м Сибирскими армейскими корпусами. С марта 1916 по июль 1917 г. командовал 12-й армией Северного фронта. С января 1918 г. в отставке. Погиб в Пятигорске.

⁴⁶³ Искусственно созданные герои и таланты — генералы Рузский и Селиванов — вовремя успели сойти со сцены! История их обязательно идеализирует настолько, что создаст о них целые легенды и сложит о них красивые пасторали для подрастающего юношества и институток. Искусственное создание героев при малейших успехах — явление обыкновенное во всех войнах (в Русско-турецкую войну и капитан Штоквич, комендант Баязета, был беатифицирован!!). «То был век богатырей». Да был ли такой в действительности? Не простыми ли выдумками летописцев представляются все события «в историческом разрезе»? Не баснописцами ли являются историки, сквозь призму времени рисуя давно прошедшее в мифических прикрасах? Людям необходимы сказки! «*Mundus vult decipi!*...» «Мир жаждет подвигов!» «Земля скучает по великим зрелищам». [...] — (*Примеч. автора.*)

⁴⁶⁴ Незнамов Александр Александрович (1872—1928) — в 1904—1905 гг. занимал должность старшего адъютанта штаба 35-й пехотной дивизии, в которой служил В.П. Кравков. Генерал-майор (1915), командир 102-го пехотного Вятского полка, в 1916—1917 гг. занимал должность

генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии, с мая по август 1917 г. — и.д. начальника штаба 7-й армии. В советское время — профессор Академии Генштаба РККА.

⁴⁶⁵ «Так кончится пир наш бедою...» — (Примеч. автора.)

⁴⁶⁶ А то вот в «Огоньке» № 21 «Герои и жертвы Отечественной войны» представлен портрет и нашего подполковника Комаревского — «контуженного» из категории шантанных рыцарей! — (Примеч. автора.)

⁴⁶⁷ Не будь у меня ребят — зачем мне и ордена, и чины?! — (Примеч. автора.)

⁴⁶⁸ Охотничья собака неохотно бежит за незадачливым охотником!.. — (Примеч. автора.)

⁴⁶⁹ Олита — местечко Кальварийского уезда Сувалкской губернии, ныне город Алитус, административный центр Алитусского уезда (Литва).

⁴⁷⁰ Станция Шестаково (у Сейн) эвакуирована; более тысячи раненых транспорт[ировано] на Олиту. — (Примеч. автора.) Прены — город в Мариампольском уезде Сувалкской губернии, ныне Пренай в Каунасском уезде (Литва). Шестаково (Шестаков) — деревня Кальварийского уезда Сувалкской губернии, ныне Шяштокай в Алитусском уезде (Литва).

⁴⁷¹ Селиванов Андрей Николаевич (1847—1917) — генерал от инфантерии (1907), с 1910 г. был членом Государственного совета. С октября 1914 по апрель 1915 г. командовал 11-й армией, взявшей австрийскую крепость Перемышль.

⁴⁷² Ева — деревня в Августовском уезде Сувалкской губернии, ныне Евы в Августовском повяте Подляского воеводства (Польша).

⁴⁷³ 116-й пехотный Малоярославский полк.

⁴⁷⁴ Иевреинов Александр Иоасафович (1851—1929) — генерал от инфантерии (1913), с марта по апрель 1917 г. командовал 20-м армейским корпусом.

⁴⁷⁵ Девянишки — местечко в Ошмянском уезде Виленской губернии, ныне Девянишкес в Вильнюсском уезде (Литва).

⁴⁷⁶ Краснополь — деревня в Сейнском уезде Сувалкской губернии, ныне в Сейнском повяте Подляского воеводства (Польша).

⁴⁷⁷ Устроила у себя «Эльдорадо» по Гернгроссу... — (Примеч. автора.)

⁴⁷⁸ Махарце — деревня в Сейнском уезде Сувалкской губернии, ныне в Сейнском повяте Подляского воеводства (Польша).

⁴⁷⁹ Серский Ляс — деревня в Сейнском уезде Сувалкской губернии, ныне в Августовском повяте Подляского воеводства (Польша).

⁴⁸⁰ Черны Брод — деревня в Августовском уезде Сувалкской губернии, ныне в Чарны Бруд в Августовском повяте Подляского воеводства (Польша).

⁴⁸¹ Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) — действительный тайный советник (1896), председатель Совета министров в 1906 и 1914–1916 гг. Действительный тайный советник 1-го класса (1916).

⁴⁸² Пушки поизносились, требуют замены новыми. — (*Примеч. автора.*)

⁴⁸³ Чтобы что-нибудь делать (*лат.*).

⁴⁸⁴ Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) — действительный статский советник (1904), гофмейстер (1908), министр внутренних дел в 1906–1911 гг., председатель Совета министров в 1906–1911 гг.

⁴⁸⁵ Обозрение (*фр.*).

⁴⁸⁶ Копцево — деревня Сейнского уезда Сувалкской губернии, ныне город Капчяместис в Алитусском уезде (Литва).

⁴⁸⁷ Лейпуны — местечко в Сейнском уезде Сувалкской губернии, ныне Лейпалингис в Алитусском уезде (Литва).

⁴⁸⁸ Серее — местечко в Сейнском уезде Сувалкской губернии, ныне Серий в Алитусском уезде (Литва).

⁴⁸⁹ Звения бесконечной трелью в небесах. — (*Примеч. автора.*)

⁴⁹⁰ Ковель — уездный город Волынской губернии, ныне город областного подчинения Волынской области (Украина).

⁴⁹¹ Бирштаны — местечко в Трокском уезде Виленской губернии, ныне курортный город Бирштонас в Каунасском уезде (Литва).

⁴⁹² Красна — деревня Кальварийского уезда Сувалкской губернии, ныне Кросна в Алитусском уезде (Литва).

⁴⁹³ Сабашников Михаил Васильевич (1871–1943) — известный московский книгоиздатель, член ЦК партии кадетов (1905).

⁴⁹⁴ Всеми прочими (*ит.*).

⁴⁹⁵ Гааз Федор Петрович (1780–1853) — московский врач, известный филантроп.

⁴⁹⁶ Де Роберти Александр Валентинович (1851–?) — генерал-майор (1907), начальник санитарного отдела штаба 2-й армии в 1914 — 1917 гг. Генерал-лейтенант (1917).

⁴⁹⁷ Дрожательный паралич (*лат.*).

⁴⁹⁸ Губер Константин Петрович (1854–1916) — генерал-лейтенант (1911), и.д. начальника санитарного отдела штаба 12-й армии с марта по декабрь 1915 г.

⁴⁹⁹ Старческое слабоумие (*лат.*).

⁵⁰⁰ Чистяков Александр Степанович (1855–?) — генерал-майор (1913), начальник санитарного отдела штаба 5-й армии в 1914–1916 гг.

⁵⁰¹ Один вместо другого (*лат.*).

⁵⁰² Цеханов — уездный город Плоцкой губернии, ныне административный центр Цехановского повята Мазовецкого воеводства (Польша).

⁵⁰³ Прогноз (лат.).

⁵⁰⁴ Воевать мы можем с немцем лишь при организованной общественности и гражданственности, да и под другим водительством — нужны варяги, но... пока солнышко взойдет — роса очи выест. Действие измором — орудие обоюдоострое. Для Франции с Англией союзная Россия, вероятно, играет ту же роль, как для Австро-Германии — Турция... Как бы это назвать?.. — (Примеч. автора.)

⁵⁰⁵ Болдырев Василий Николаевич (1872—1946) — физиолог и гастроэнтеролог, ученик И.П. Павлова. С 1912 г. был профессором кафедры фармакологии Казанского университета. В годы Первой мировой войны работал консультантом по защите от отравляющих газов в Российском отделении Красного Креста.

⁵⁰⁶ Шебеко Вадим Николаевич (1864—1943) — генерал-майор (1913), Гродненский губернатор в 1913—1916 гг., в 1916—1917 гг. занимал должность московского градоначальника.

⁵⁰⁷ Покотило Василий Иванович (1856—?) — генерал от кавалерии (1913), с 1912 г. был наказным войсковым атаманом войска Донского. С марта по сентябрь 1915 г. занимал должность походного атамана при Верховном главнокомандующем.

⁵⁰⁸ Новогеоргиевск (Модлин) — крепость в Плонском уезде Варшавской губернии, ныне часть города Новы Двур Мазовецкий, административного центра Новодворского повята Мазовецкого воеводства (Польша).

⁵⁰⁹ Сделано в Германии (англ.).

⁵¹⁰ Разумное основание (фр.).

⁵¹¹ Двинск — уездный город Витебской губернии, ныне Даугавпилс, город республиканского подчинения в Латвии.

⁵¹² Пройдут «славные дни Аранжуеца» для наших штабных ферлакуров... — (Примеч. автора.) Лида — уездный город Виленской губернии, ныне административный центр Лидского района Гродненской области (Белоруссия).

⁵¹³ Привязной аэростат (фр.).

⁵¹⁴ 37-й пехотный Екатеринбургский полк.

⁵¹⁵ Поневеж — уездный город Ковенской губернии, ныне Паневежис, административный центр Паневежского уезда (Литва).

⁵¹⁶ Шавли — уездный город Ковенской губернии, ныне город Шяуляй, административный центр Шяуляйского уезда (Литва).

⁵¹⁷ Правдинский. — (Примеч. автора.)

⁵¹⁸ «Made in Germany» я считаю для нас непреодолимым. — (Примеч. автора.)

⁵¹⁹ Слоним — уездный город Гродненской губернии, ныне административный центр Слонимского района Гродненской области (Белоруссия).

⁵²⁰ Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924) — лидер партии октябристов, действительный статский советник (1906), гофмейстер (1899), председатель III и IV Государственной думы (1907—1917).

⁵²¹ Вилькомир — уездный город Ковенской губернии, ныне Укмерге в Вильнюсском уезде (Литва).

⁵²² Мейшагола — местечко Виленского уезда и губернии, ныне Майшягола в Вильнюсском уезде (Литва).

⁵²³ Ширвинты — местечко Виленского уезда и губернии, ныне Ширвинтос в Вильнюсском уезде (Литва).

⁵²⁴ Пошелины — местечко Виленского уезда и губернии, ныне Пашиле в Шяуляйском уезде (Литва).

⁵²⁵ Тюлин Михаил Степанович (1862—1935) — генерал-лейтенант (1912), с ноября 1914 по сентябрь 1915 г. занимал должность начальника 2-й Кубанской казачьей дивизии.

⁵²⁶ Кублицкий-Пиотух Франц Феликсович (1860—1920) — генерал-майор (1911), в 1915—1917 гг. командовал 2-й Финляндской стрелковой дивизией. Отчим поэта А.А. Блока.

⁵²⁷ Бобринский Алексей Александрович (1852—1927) — граф, сенатор в 1896—1917 гг., член Государственного совета по назначению в 1912—1917 гг.

⁵²⁸ Пусть недостает сил, следует все-таки похвалить за добрую волю (*лат.*) — цитата из Овидия.

⁵²⁹ Луков — уездный город Седлецкой губернии, ныне Луков, административный центр Луковского повята Люблинского воеводства.

⁵³⁰ Владимир-Волынский — уездный город Волынской губернии, ныне административный центр Владимир-Волынского района Волынской области (Украина).

⁵³¹ Кошедары — деревня в Троковском уезде Виленской губернии, ныне город Кайшядорис в Каунасском уезде (Литва).

⁵³² Комендант кр[епошти] *Ковно* прислал телеграмму отчаянного характера... — (*Примеч. автора.*)

⁵³³ 104-й пехотный Устюжский полк.

⁵³⁴ 102-й пехотный Пермский полк.

⁵³⁵ Тиханович Петр Андреевич (1858—1917) — генерал-майор (1910), с января по август 1915 г. командовал 26-й пехотной дивизией.

⁵³⁶ Григорьев (*примеч. автора.*) Григорьев Владимир Николаевич (1851—?) — генерал от кавалерии (1912), комендант Ковенской крепости в 1909—1915 гг. За бездействие при ее сдаче в августе 1915 г. был предан суду, приговорившему его к каторжным работам на 15 лет. До Февральской революции 1917 г. находился в заключении.

⁵³⁷ Бельск — уездный город Гродненской губернии, ныне Бельск-Подляски, административный центр Бельского повята Подляского воеводства (Польша).

⁵³⁸ Пернов — уездный город Лифляндской губернии, ныне Пярну, административный центр уезда Пярнумаа (Эстония).

⁵³⁹ Колосовский Дмитрий Павлович (1862—1930) — генерал-майор (1912), начальник инженеров Гродненской крепости в 1914—1915 гг.

⁵⁴⁰ Орша — уездный город Могилевской губернии, ныне административный центр Оршанского района Витебской области (Белоруссия).

⁵⁴¹ Могилев — губернский город Могилевской губернии, ныне административный центр Могилевской области (Белоруссия).

⁵⁴² Имеется в виду А.И. Иевреинов.

⁵⁴³ Плющевский-Плющик Юрий Николаевич (1877—1926) — полковник (1914), с декабря 1914 по декабрь 1915 г. занимал должность старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 10-й армии.

⁵⁴⁴ Сделано в России (*англ.*).

⁵⁴⁵ Ландварово — владельческое имение и железнодорожная станция в Трокском уезде Виленской губернии, ныне город Лентварис в Вилнюсском уезде (Литва).

⁵⁴⁶ Молодечно — местечко Вилейского уезда Виленской губернии, ныне город, административный центр Молодечненского района Минской области (Белоруссия).

⁵⁴⁷ Вилейка — уездный город Виленской губернии, ныне административный центр Вилейского района Минской области (Белоруссия).

⁵⁴⁸ Молодечно — местечко Вилейского уезда Виленской губернии, ныне город, административный центр Молодечненского района Минской области (Белоруссия).

⁵⁴⁹ Лейб-гвардии Семеновский полк.

⁵⁵⁰ При их силе воли, к[ото]рой они несомненно владеют, да дать еще им необходимое развитие и просвещение — какие бы из них были люди *comme il faut!* — (*Примеч. автора.*)

⁵⁵¹ Так к постели тяжелобольного к явному вреду для него, в помеху лечащему его врачу съезжаются в бомонд уймы тетенок, кузенов и пр. родственников и «сердобольных» знакомых!.. — (*Примеч. автора.*)

⁵⁵² Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916) — крестьянин Тобольской губернии, фаворит императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

⁵⁵³ Янушкевич Николай Николаевич (1868—1918) — генерал от инфантерии (1914), начальник Генерального штаба в 1914—1915 гг. После назначения великого князя Николая Николаевича наместником на Кавказе в августе 1915 г. стал его помощником по военным вопросам.

⁵⁵⁴ Эверт Алексей Ермолович (1857—1926) — генерал от инфантерии (1911). С 1912 г. командовал войсками Иркутского военного округа, был войсковым наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. С 11 августа 1914 г. командовал 10-й армией, с 22 августа 1914 г. командовал 4-й армией. С августа 1915 по март 1917 г. — главнокомандующий армиями Западного фронта. Генерал-адъютант (1915). После Февральской революции 1917 г. был уволен со службы с мундиром и пенсией. В советское время жил в Смоленске и Верее, занимался пчеловодством.

⁵⁵⁵ Разумеется — артиллерия. — *(Примеч. автора.)*

⁵⁵⁶ Свенцяны — уездный город Виленской губернии, ныне Швенчёнис в Вильнюсском уезде (Литва).

⁵⁵⁷ Поброды — местечко в Свенцяном уезде Виленской губернии, ныне город Пабраде в Вильнюсском уезде (Литва).

⁵⁵⁸ Полоцк — уездный город Витебской губернии, ныне административный центр Полоцкого района Витебской области (Белоруссия).

⁵⁵⁹ Сделано в Германии *(англ.)*.

⁵⁶⁰ Или: «В общем, мы продолжаем выполнять свой план, и с каждым днем улучшаются положения наших армий». — *(Примеч. автора.)*

⁵⁶¹ Кривичи — местечко Вилейского уезда Виленской губернии, ныне городской поселок в Мядельском районе Минской области (Белоруссия).

⁵⁶² Потапов Алексей Степанович (1872—?) — генерал-майор (1912), в ходе Свенцянской операции 1915 г. командовал кавалерийским отрядом из двух казачьих полков, с которым действовал на правом фланге 10-й армии.

⁵⁶³ Шарковщина (Шарковщизна) — местечко Дисненского уезда Виленской губернии, ныне городской поселок, административный центр Шарковщинского района Витебской области (Белоруссия).

⁵⁶⁴ Сморгонь — безуездный город Ошмянского уезда Виленской губернии, ныне административный центр Сморгонского района Гродненской области (Белоруссия).

⁵⁶⁵ Залесье — железнодорожная станция в Ошмянском уезде Виленской губернии, ныне поселок Сморгонского района Гродненской области (Белоруссия).

⁵⁶⁶ Пруды — железнодорожная станция в Вилейском уезде Виленской губернии, ныне поселок Пруды в Молодечненском районе Минской области (Белоруссия).

⁵⁶⁷ Полная безалаберность: в *Молодечно* понаехали квартирьеры от всех этих армий, и на каждом помещении пишутся пометки: «1-й», «3-й», «10-й армии». — *(Примеч. автора.)*

⁵⁶⁸ Уша — железнодорожная станция в Вилейском уезде Виленской губернии, ныне в поселке Красное Молодечненского района Минской области (Белоруссия).

⁵⁶⁹ Хорошо вышло, что удалось им в *Молодечно* погрузиться в вагоны, а то при походном порядке следования они обязательно погибли бы. — (Примеч. автора.)

⁵⁷⁰ Что же? И здесь причиной оказался недостаток в снарядах?! — (Примеч. автора.)

⁵⁷¹ Ошмяны — уездный город Виленской губернии, ныне административный центр Ошмянского района Гродненской области (Белоруссия).

⁵⁷² Коханово — местечко Оршанского уезда Могилевской губернии, ныне городской поселок в Толочинском районе Витебской области (Белоруссия).

⁵⁷³ Славени — деревня в Сенненском уезде Могилевской губернии, ныне в Толочинском районе Витебской области (Белоруссия).

⁵⁷⁴ Изяславль — местечко Минского уезда и губернии, ныне Заславль, город областного подчинения в Минской области (Белоруссия).

⁵⁷⁵ В к[ото]ром так приятно шуршать ногами. — (Примеч. автора.)

⁵⁷⁶ Татьяна Николаевна (1897—1918) — великая княжна, дочь императора Николая II.

⁵⁷⁷ С боевым «Владимиром» на груди. — (Примеч. автора.)

⁵⁷⁸ Вилькицкий Борис Андреевич (1885—1961) — капитан 2-го ранга, флигель-адъютант (1914), гидрограф-геодезист и исследователь Арктики.

⁵⁷⁹ По преимуществу (*фр.*).

⁵⁸⁰ 334-й пехотный Ирбитский полк.

⁵⁸¹ Никитников Анатолий Михайлович (1868—?) — полковник (1911), в 1914—1916 гг. командовал 334-м пехотным Ирбитским полком.

⁵⁸² Козлов Владимир Аполлонович (1856—1931) — генерал-лейтенант (1915), в 1914—1917 гг. командовал 84-й пехотной дивизией.

⁵⁸³ Белый хлеб — 35 к[опеек] фунт, черный — 10—12 коп[еек]. — (Примеч. автора.)

⁵⁸⁴ Букв. «ради прусского короля» (*фр.*).

⁵⁸⁵ Иванова Римма Михайловна (1894—1915) — фельдшер 105-го пехотного Оренбургского полка, во время боев в период Свенянского прорыва немцев повела в атаку оставшуюся без офицеров роту. В ходе атаки была смертельно ранена.

⁵⁸⁶ В фондах НИОР РГБ не обнаружена.

⁵⁸⁷ Быстреевский Сергей Дмитриевич (1866—1926) — генерал-майор (1907), директор 2-го Московского императора Николая I кадетского корпуса в 1914—1917 гг.

⁵⁸⁸ Чтобы не портили они благообразия города, их гонят отсюда, как какой скот, они бегут в лес и живут там по-звериному! — *(Примеч. автора.)*

⁵⁸⁹ Глубокое — местечко Дисненского уезда Виленской губернии, ныне город, административный центр Глубокского района Витебской области (Белоруссия).

⁵⁹⁰ Сахаров Владимир Викторович (1853—1920) — генерал-лейтенант (1900), начальник полевого штаба Маньчжурской армии с апреля по октябрь 1904 г., начальник штаба А. Н. Куропаткина с октября 1904 по март 1905 г. Генерал от кавалерии (1908), участник Первой мировой войны.

⁵⁹¹ Воейков Владимир Николаевич (1868—1947) — генерал-майор (1909), в 1913—1917 гг. занимал должность дворцового коменданта, пользовался доверием Николая II.

⁵⁹² Истомин Николай Михайлович (1855—?) — полковник (1894), в 1901—1904 гг. командовал 137-м пехотным Нежинским полком. Генерал-лейтенант (1913), в 1915—1916 гг. командовал 5-м Кавказским армейским корпусом.

⁵⁹³ Гомункулусов! — *(Примеч. автора.)*

⁵⁹⁴ Еще Осовецкий. — *(Примеч. автора.)*

⁵⁹⁵ Сделано в Германии *(англ.)*.

⁵⁹⁶ Видимо, речь идет о супруге генерал-майора Д. М. фон Зигеля.

⁵⁹⁷ Шуваев Дмитрий Савельевич (1854—1937) — генерал от инфантерии (1911), в 1915—1916 гг. занимал должность главного полевого интенданта, одновременно возглавлял созданное Управление главного полевого интенданта Ставки Верховного главнокомандующего. Военный министр с марта 1916 по январь 1917 г.

⁵⁹⁸ Грецов Сергей Сергеевич (1881—?) — капитан (1915), старший адъютант штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии в 1915—1916 гг.

⁵⁹⁹ Почтенный коллега выразил мне уже свое раскаяние, что начальником санитарного отдела 12-й армии назначен врач Беккаревич, к[ото]рый своими-де интригами успел вызвать общее к нему нерасположение в штабе; я высказал подозрение, не интриги ли здесь со стороны г[оспо]д военных, желающих посадить на его место своего человека. — *(Примеч. автора.)*

⁶⁰⁰ Артериосклероз, деформирующий артрит, тяжелая неврастения *(лат.)*.

⁶⁰¹ «Ворон ворону — глаз не выклюет!» «А судьи — кто?!» — *(Примеч. автора.)*

⁶⁰² Орша — уездный город Могилевской губернии, ныне административный центр Оршанского района Витебской области (Белоруссия).

⁶⁰³ Нет у нас офицеров, рвущихся в бой, — есть лишь рвущиеся к наградам и укрытиям. — *(Примеч. автора.)*

⁶⁰⁴ Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) — общественный деятель, член II, III и IV Государственной думы, в 1907—1918 гг. входил в состав ЦК кадетской партии.

⁶⁰⁵ Миртов Василий Петрович (1857—1916) — военный врач, в 1913—1916 гг. занимал должность окружного военно-санитарного инспектора Московского военного округа.

⁶⁰⁶ Головин Сергей Селиванович (1866—1931) — офтальмолог, профессор Московского университета (1903).

⁶⁰⁷ 5-й гренадерский Киевский Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полк.

⁶⁰⁸ Барона Иксуль. — (Примеч. автора.)

⁶⁰⁹ Бржозовский Николай Александрович (1857—?) — генерал-лейтенант (1915), комендант Осовецкой крепости с апреля 1915 г., командир 44-го армейского корпуса в 1916—1917 гг.

⁶¹⁰ Койданово — местечко Минского уезда и губернии, ныне Дзержинск, город областного подчинения в Минской области (Белоруссия).

⁶¹¹ Ивенец — село Минского уезда и губернии, ныне городской поселок в Воложинском районе Минской области (Белоруссия).

⁶¹² Путаница, букв. «то за это» (лат.).

⁶¹³ Трепов Александр Федорович (1862—1923) — действительный статский советник (1902), егермейстер (1905), сенатор (1906), член Государственного совета в 1914—1917 гг., министр путей сообщения с ноября 1915 по декабрь 1916 г., председатель Совета министров с ноября 1916 по январь 1917 г.

⁶¹⁴ Бобырь Николай Павлович (1854—1920) — генерал от кавалерии (1911), комендант Новогеоргиевской крепости в 1907—1915 гг.

⁶¹⁵ Крепости необходимы и при современной войне, только их, значит, надо уметь оборонять! И при совершенстве техники все-таки на первом плане — человек. *Homo sapiens!* — (Примеч. автора.)

⁶¹⁶ Черновицы — город в Буковине (Австро-Венгрия), ныне Черновцы, административный центр Черновицкой области (Украина).

⁶¹⁷ Видимо, имеется в виду Лифляндия.

⁶¹⁸ Свечников Михаил Степанович (1882—1938) — подполковник (1916), старший адъютант штаба Осовецкой крепости (1913—1916), в начале 1916 г. — и.д. штаб-офицера для поручений при штабе 44-го армейского корпуса. Полковник (1917).

⁶¹⁹ Венден — уездный город Лифляндской губернии, ныне Цесис в регионе Видземе (Латвия).

⁶²⁰ Мясников Василий Емельянович (1861—?) — генерал-майор (1911), командир 1-й бригады 7-й Сибирской стрелковой дивизии в 1914—1916 гг.

⁶²¹ Невель — уездный город Витебской губернии, ныне административный центр Невельского района Псковской области.

⁶²² Дно — село и железнодорожная станция в Порховском уезде Псковской губернии, ныне город, административный центр Дновского района Псковской области.

⁶²³ Псков — губернский город Псковской губернии, ныне административный центр Псковской области.

⁶²⁴ Валк — уездный город Могилевской губернии, ныне административный центр Оршанского района Витебской области (Белоруссия).

⁶²⁵ Вольмар — уездный город Лифляндской губернии, ныне Валмиера, город республиканского подчинения в Латвии.

⁶²⁶ О себе, о своих делах; букв. «в защиту своего дома» (*лат.*).

⁶²⁷ В рукописи ошибочно «1914».

⁶²⁸ В 1905—1906 гг. бывший Черноморск[им] губернатор[ом]! — (*Примеч. автора.*)

⁶²⁹ Найдены ими были и виновники-«стрелочники»! — (*Примеч. автора.*)

⁶³⁰ Эрзерум — город на северо-востоке Турции, с апреля 1916 до лета 1917 г. был занят русскими войсками.

⁶³¹ Долгов Дмитрий Александрович (1860—1939) — генерал-лейтенант (1910). С июля 1910 г. являлся начальником 46-й пехотной дивизии, во главе которой вступил в войну. С июня 1915 г. командовал 19-м армейским корпусом. В ноябре 1915 г. был переведен в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа. С января 1916 г. командовал 37-м армейским корпусом, с марта 1916 г. — 7-м Сибирским армейским корпусом 12-й армии Северного фронта. Позже корпус был переброшен на Юго-Западный фронт. В сентябре 1916 г. был переведен в резерв чинов при штабе Киевского, в ноябре 1916 г. — Петроградского, в декабре 1916 г. — Московского военных округов. В июне 1917 г. был произведен в чин генерала от инфантерии с увольнением от службы по прошению с мундиром и пенсией. В 1918 г. добровольно вступил в РККА. В 1919—1920 гг. состоял в Генштабе РККА. Позже добился разрешения на выезд из страны и уехал в эмиграцию. Умер в Брюсселе (Бельгия).

⁶³² Иллукуст — местечко, административный центр Иллукустского уезда Курляндской губернии, ныне город Илуксте в регионе Селия (Латвия).

⁶³³ И ты, Брут! (*лат.*).

⁶³⁴ Гришинский Алексей Самойлович (1872—?) — полковник (1907), командир 11-го гренадерского Фанагорийского полка в 1913—1915 гг.

⁶³⁵ Из «храбрых», сто, конечно, раз «контуженных, раненых» (*примеч. автора.*) Арнольд Михаил Александрович (1867—1916) — полковник

(1910), и.д. начальника санитарного отдела штаба 12-й армии с января по август 1916 г.

⁶³⁶ Васильев Михаил Николаевич (1872—1941) — генерал-майор (1915), начальник штаба 37-го армейского корпуса с февраля 1916 по февраль 1917 г. В 1890-х гг. служил в Лейб-гвардии Семеновском полку.

⁶³⁷ Из подлого тыла поближе к неприятелю — пункту центробежных устремлений для многих из «храбрых» вояк! — (Примеч. автора.)

⁶³⁸ Две меры и два веса! — (Примеч. автора.)

⁶³⁹ Митава — губернский город Курляндской губернии, ныне Елгава, город республиканского подчинения в Латвии.

⁶⁴⁰ Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — один из лидеров кадетской партии, председатель ее ЦК с 1907 г., член I, III и IV Государственной думы в 1906—1917 гг., в марте-мае 1917 г. занимал пост министра иностранных дел Временного правительства.

⁶⁴¹ Жутко подумать, что такие-то «патриоты» типа графов мусиных-пушкиных-«сахарных», офросимовых-«кожевенных», воейковых-«кувачных» окружают трон и являются его инспираторами!! — (Примеч. автора.)

⁶⁴² В рукописи ошибочно — «29 февраля».

⁶⁴³ Марков 2-й Николай Евгеньевич (1866—1945) — член III и IV Государственной думы (1907—1917), монархист, один из лидеров «Союза русского народа». Замысловский Георгий Георгиевич (1872—1920) — член III и IV Государственной думы (1907—1917), активный участник право-монархического движения, член «Союза русского народа».

⁶⁴⁴ Будучи пропитан идеологией «дворянина Павлова». — (Примеч. автора.)

⁶⁴⁵ С глазу на глаз (фр.).

⁶⁴⁶ Иоанн/Смирнов/(1844—1919) — архиепископ Рижский и Митавский в 1910—1917 гг. В 1875—1883 гг. был инспектором, в 1883—1901 гг. — ректором Рязанской духовной семинарии.

⁶⁴⁷ О том, как все у них слажено, координировано, — каждый ребенок несет свою долю участия в войне... — (Примеч. автора.)

⁶⁴⁸ Дитц Отто Германович (1876—1957) — подполковник (1915), и.д. штаб-офицера для поручений при штабе 37-го армейского корпуса в январе—августе 1916 г.

⁶⁴⁹ Плаунок — селение Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне Плявниеки, микрорайон города Риги (Латвия).

⁶⁵⁰ Колянковский Эдуард Аркадьевич (1857—?) — генерал-лейтенант (1914), начальник 120-й пехотной дивизии в 1916—1917 гг.

⁶⁵¹ Зундبلاد Александр Оскарович (1872—1937) — генерал-майор (1915), начальник штаба 120-й пехотной дивизии в 1915—1916 гг.

⁶⁵² Фигаро — здесь, Фигаро — там (*фр.*).

⁶⁵³ Пумпер, Биттен — деревни Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне в черте города Риги (Латвия).

⁶⁵⁴ 478-й пехотный Торжокский полк.

⁶⁵⁵ Нейгоф — деревня Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне в черте города Риги (Латвия).

⁶⁵⁶ Дамалт — деревня Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне территория района Алейяс на окраине города Риги (Латвия).

⁶⁵⁷ —12,5 °С.

⁶⁵⁸ Плаканен — деревня Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне Плакансиемс в регионе Видземе (Латвия).

⁶⁵⁹ Милый человек: зная — говорил он — что вы любите духовное пение, я купил одну хорошую пластинку. Но оказалась слишком для меня в мажорном стиле: из архиерейского служения — «такое да просветится свет Твой пред челов...» — (*Примеч. автора.*)

⁶⁶⁰ Как я убедился, для наших военачальников наилучшей аттестацией и крупным козырем их блестящих действий очень часто является возможно большее количество на брани живот свой положивших! Много убитых — значит, командир не лежебок, энергичный, мало же — значит, бездельник и лентяй! — (*Примеч. автора.*)

⁶⁶¹ Симан, Леп — деревни Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне территория Кекавского края региона Видземе (Латвия).

⁶⁶² Тимрот Александр Григорьевич (1865—1944) — действительный статский советник (1905), гофмейстер (1913), особоуполномоченный Российского общества Красного Креста при 12-й армии. Сенатор (1916).

⁶⁶³ Беляев Владимир Васильевич (1868—1939) — генерал-лейтенант (1915), начальник штаба 12-й армии в 1915—1917 гг.

⁶⁶⁴ Третьяков Николай Александрович (1854—1917) — генерал-лейтенант (1910), командир 37-го армейского корпуса с марта 1916 г. Инженер-генерал (1916).

⁶⁶⁵ Иванов Николай Иудович (1851—1919) — генерал от артиллерии (1908), главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта в 1914—1916 гг. Член Государственного совета (1916).

⁶⁶⁶ Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918) — генерал от инфантерии (1914), главнокомандующий армиями Северо-Западного (в марте-апреле 1915 г.) и Западного (в августе 1915 г.) фронтов. Начальник штаба Верховного главнокомандующего в 1915—1917 гг. Верховный главнокомандующий в апреле—мае 1917 г. В годы Гражданской войны — участник Белого движения, один из основателей Добровольческой армии. Умер в Екатеринодаре.

⁶⁶⁷ Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926) — генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915), главнокомандующий армиями

Юго-Западного фронта в 1916—1917 гг. Верховный главнокомандующий в мае—июле 1917 г.

⁶⁶⁸ Икскюль — селение Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне город Икшкиле в регионе Видземе (Латвия).

⁶⁶⁹ Куртенгоф — железнодорожная станция в Рижском уезде Лифляндской губернии, ныне часть города Саласпилс в регионе Видземе (Латвия).

⁶⁷⁰ Лидак — деревня Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне район частных домов Дарзини, окраина города Риги (Латвия).

⁶⁷¹ Эзель — крупнейший остров Моонзундского архипелага, ныне о. Сааремаа (Эстония).

⁶⁷² Часов в 9 вечера сразу потухли в городе огни и зашарили по небу прожекторы: ожидают налета цеппелинов. — *(Примеч. автора.)*

⁶⁷³ Трапезунд — город на северо-востоке Турции, был занят русскими войсками с апреля 1916 по март 1918 г.

⁶⁷⁴ См. вклейку с иллюстрациями.

⁶⁷⁵ И отдохновение от них. — *(Примеч. автора.)*

⁶⁷⁶ Федоров Петр Никонович (1857—?) — генерал-майор (1913), и.д. инспектора артиллерии 7-го Сибирского армейского корпуса в 1916—1917 гг.

⁶⁷⁷ Нарочь — озеро в современной Белоруссии, место проведения Нарочской наступательной операции в марте 1916 г.

⁶⁷⁸ Кальницкий Михаил Николаевич (1870—1961) — генерал-майор (1914), начальник штаба 7-го Сибирского армейского корпуса в 1915—1916 гг.

⁶⁷⁹ Через Тапс, Гатчину *(примеч. автора)*. Тапс — железнодорожная станция в Ревельском уезде Эстляндской губернии, ныне город в уезде Ляне-Вирумаа (Эстония). Гатчина — безуездный город в Царскосельском уезде Санкт-Петербургской губернии, ныне административный центр Гатчинского района Ленинградской области.

⁶⁸⁰ Тома Альбер (1878—1932) — французский социалист, министр вооружений в 1916—1917 гг.

⁶⁸¹ Вивиани Рене (1863—1925) — французский государственный деятель, премьер-министр в 1914—1915 гг., министр юстиции в 1915—1917 гг.

⁶⁸² Грессер Александр Петрович (?—?) — сын петербургского градоначальника П.А. Грессера, в годы Первой мировой войны — организатор автомобильного санитарного отряда.

⁶⁸³ Кеккау — село Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне Кекава в регионе Видземе (Латвия).

⁶⁸⁴ Савельев Николай Антонович (1866—1934) — генерал-майор (1914), командир бригады 13-й Сибирской стрелковой дивизии в 1916—1917 гг.,

начальник 13-й Сибирской стрелковой дивизии в апреле—сентябре 1917 г. Генерал-лейтенант (1917).

⁶⁸⁵ Берземюнде — мыза в Рижском уезде Лифляндской губернии, ныне деревня Берзменте в регионе Видземе (Латвия).

⁶⁸⁶ Оренбург — губернский город Оренбургской губернии, ныне административный центр Оренбургской области.

⁶⁸⁷ Один кавалерийский полковник из «храбрых» рассказал, захлебываясь от восторга, как отлично подействовал на весь батальон примерный расстрел 3 человек из бегунцов: когда нужно-де действительно уже по приказу отступать всему батальону — он побоялся это сделать и крепко держался позиций! Мясники! — *(Примеч. автора.)*

⁶⁸⁸ Сент-Илер Константин Карлович (1866—1941) — биолог, профессор Юрьевского университета (1903).

⁶⁸⁹ Рождественский Зиновий Петрович (1848—1909) — вице-адмирал (1904), генерал-адъютант (1904), командовал 2-й Тихоокеанской эскадрой в начале Цусимского сражения (1905).

⁶⁹⁰ Вдобавок *(фр.)*.

⁶⁹¹ Спиридович Александр Иванович (1873—1952) — генерал-майор Отдельного корпуса жандармов (1915), начальник дворцовой охраны в 1906—1916 гг.

⁶⁹² Омск — административный центр Акмолинской области, ныне административный центр Омской области.

⁶⁹³ Двукраев Александр Арсеньевич (1859—?) — действительный статский советник (1913), почетный лейб-медик двора Его Императорского Величества, в 1916 г. занимал должность начальника санитарной части Северного фронта.

⁶⁹⁴ А война может еще и продлиться, и Бог весть сколько! — *(Примеч. автора.)*

⁶⁹⁵ Жребий брошен! *(лат.)*.

⁶⁹⁶ Есть у нас орлиные крылья и взмах, но лишь по части... себяустройства! — *(Примеч. автора.)*

⁶⁹⁷ Других навыков, другой культуры — более мягкой, тонкой и деликатной, чем требуется здесь... — *(Примеч. автора.)*

⁶⁹⁸ Луцк — уездный город Волынской губернии, ныне административный центр Волынской области (Украина).

⁶⁹⁹ Но первым словом обращения его было удивление, как я сильно постарел... — *(Примеч. автора.)*

⁷⁰⁰ Режица — уездный город Витебской губернии, ныне Резкене в регионе Латгалия (Латвия).

⁷⁰¹ Своего рода *(лат.)*.

⁷⁰² У лисицы только одна идеология: как бы сцапать курочку... — (Примеч. автора.)

⁷⁰³ В карьерном смысле. — (Примеч. автора.)

⁷⁰⁴ Возрастая (ит.).

⁷⁰⁵ 48-й Сибирский стрелковый полк.

⁷⁰⁶ Степанов Федор Васильевич (1871—1917) — генерал-майор (1914), начальник штаба 7-го Сибирского армейского корпуса с мая 1916 по апрель 1917 г. Весной 1917 г. был назначен комендантом Выборгской крепости. В августе 1917 г. после подавления выступления Л.Г. Корнилова был арестован постановлением Выборгского Совета рабочих и солдатских депутатов по подозрению в сочувствии последнему. Вскоре после ареста был выведен из гауптвахты толпой солдат, подвергнут издевательствам и убит (брошен в залив).

⁷⁰⁷ Флорет (Флоренгоф) — мыза в Рижском уезде Лифляндской губернии, ныне территория поселка Аугшкалнс в регионе Видземе (Латвия).

⁷⁰⁸ Шлок — безуездный город Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне Слока, часть города Юрмала в регионе Видземе (Латвия).

⁷⁰⁹ Кто только из командного состава не эксплуатирует солдат для достижения своих личных выгод? — (Примеч. автора.)

⁷¹⁰ Васильев Федор Николаевич (1858—1923) — генерал от инфантерии (1915), командир 6-го Сибирского армейского корпуса в 1914—1917 гг.

⁷¹¹ Первое прочитал, второе — не мог: уж очень скучно! — (Примеч. автора.)

⁷¹² 49-й Сибирский стрелковый полк.

⁷¹³ В условиях российской действительности всякие мало-мальски пышные всходы обречены на увядание. — (Примеч. автора.)

⁷¹⁴ Лечицкий Платон Алексеевич (1856—1921) — генерал от инфантерии (1913), командующий 9-й армией в 1914—1917 гг.

⁷¹⁵ Коломея — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Коломыя, административный центр Коломыйского района Ивано-Франковской области (Украина).

⁷¹⁶ Келлер Федор Артурович (1857—1918) — граф, генерал-лейтенант (1913), командир 3-го кавалерийского корпуса в 1915—1917 гг. Генерал от кавалерии (1917).

⁷¹⁷ Доливо-Добровольский-Евдокимов Виктор Викторович (1861—1932) — граф, генерал-лейтенант (1914), инспектор артиллерии 12-й армии в 1916—1917 гг. Генерал от артиллерии (1917).

⁷¹⁸ Предсердечная тоска (лат.).

⁷¹⁹ Катериненгоф — деревня Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне Катринмуиза в регионе Видземе (Латвия).

⁷²⁰ Стаке — деревня Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне территория региона Видземе (Латвия).

⁷²¹ Владимир-Волынский — уездный город Волынской губернии, ныне административный центр Владимир-Волынского района Волынской области (Украина).

⁷²² Триковский Николай Семенович (1864—1926) — генерал-майор (1914), начальник 3-й Сибирской стрелковой дивизии в 1915—1917 гг. Генерал-лейтенант (1917).

⁷²³ Гросс-Экау — село Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне Иецава в регионе Видземе (Латвия).

⁷²⁴ Нейгут — село и железнодорожная станция в Рижском уезде Лифляндской губернии, ныне поселок Вецумниеки в регионе Видземе (Латвия).

⁷²⁵ Пулькарн — мыза Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне Пулкарне в регионе Видземе (Латвия).

⁷²⁶ Лельварт — деревня Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне Лиельварзи в регионе Видземе (Латвия).

⁷²⁷ Арайс, Струут, Земель, Пульпе — деревни Рижского уезда Лифляндской губернии, ныне территория южных пригородов города Риги (Латвия).

⁷²⁸ Ва-банк, рискованная игра (*фр.*).

⁷²⁹ По данным лишь распределит[ельного] бюро на Моск[овской] улице; часть же раненых вывозится еще по декавилке на Митавское шоссе. — (*Примеч. автора.*)

⁷³⁰ 47-й Сибирский стрелковый полк.

⁷³¹ Вяземский Дмитрий Леонидович (1884—1917) — князь, камер-юнкер, с 1914 г. возглавлял передовой санитарный отряд Петроградского бегового общества.

⁷³² 46-й Сибирский стрелковый полк.

⁷³³ 50-й Сибирский стрелковый полк.

⁷³⁴ Оказалось, впрочем, их около семи человек; смотрят на нас горделиво, высокомерно, как победители!! /По достоверным сведениям — лишь один! Остальные — из 6-го корпуса./ — (*Примеч. автора.*)

⁷³⁵ Восхищаются идеальной организацией немцев. — (*Примеч. автора.*)

⁷³⁶ По личному с ними его знакомству. — (*Примеч. автора.*)

⁷³⁷ Долженствующие за проделанную операцию остаться без наград. — (*Примеч. автора.*)

⁷³⁸ Оппель Владимир Андреевич (1872—1932) — хирург, действительный статский советник, профессор Императорской Военно-медицинской академии (1908).

⁷³⁹ Родзевич Николай Игнатьевич (1847—1921) — действительный статский советник, городской голова Рязани в 1906—1912 гг., член IV Государственной думы в 1912—1917 гг.

⁷⁴⁰ Заднюю часть (*фр.*).

⁷⁴¹ Где не личное достоинство создает человеку авторитет, а его иерархическое положение. Чины и отличия, при всем к ним презрении, нужны для самообороны, ч[то]б[ы] люди лучше к тебе относились... — (*Примеч. автора.*)

⁷⁴² Эфилов Иван Иванович (1862—?) — генерал-майор (1915), начальник 13-й Сибирской стрелковой дивизии в 1915—1916 гг. Был отчислен от должности в октябре 1916 г. после отказа частей дивизии подняться в атаку.

⁷⁴³ Васильчикова Лидия Леонидовна (1886—1948) — княгиня, сестра князя Д.Л. Вяземского. Сотрудница Красного Креста и благотворительница.

⁷⁴⁴ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927) — дипломат, министр иностранных дел в 1910—1916 гг.

⁷⁴⁵ 481-й пехотный Мещовский полк.

⁷⁴⁶ Туккум — уездный город Курляндской губернии, ныне Тукумс в регионе Земгале.

⁷⁴⁷ Ромейко-Гурко Василий Иосифович (1864—1937) — генерал от кавалерии (1916), командующий 5-й армией в феврале—августе 1916 г.

⁷⁴⁸ «Болгарский соловей!» — (*Примеч. автора.*)

⁷⁴⁹ В назначении одного воина на подходящую ему должность. — (*Примеч. автора.*)

⁷⁵⁰ 483-й пехотный Обдорский полк.

⁷⁵¹ 481-й Мещовский и 484-й Бирский пехотные полки.

⁷⁵² Скуйнек — лесничество в Рижском уезде Лифляндской губернии, ныне не существует.

⁷⁵³ Броды — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне административный центр Бродовского района Львовской области (Украина).

⁷⁵⁴ Ракинт Владимир Александрович (1855—?) — генерал-майор (1908), командир 8-го Сибирского саперного батальона в 1915—1916 гг.

⁷⁵⁵ Кременец — уездный город Волынской губернии, ныне административный центр Кременецкого района Тернопольской области (Украина).

⁷⁵⁶ Верро — уездный город Лифляндской губернии, ныне Выру, административный центр уезда Вырумаа (Эстония).

⁷⁵⁷ Жлобин — местечко Рогачёвского уезда Могилевской губернии, ныне город, административный центр Жлобинского района Гомельской области (Белоруссия).

⁷⁵⁸ Полоцк — уездный город Витебской губернии, ныне административный центр Полоцкого района Витебской области (Белоруссия).

⁷⁵⁹ Рогачёв — уездный город Могилевской губернии, ныне административный центр Рогачёвского района Гомельской области (Белоруссия).

⁷⁶⁰ Сарны — посёлок Ровенского уезда Волынской губернии, ныне город, административный центр Сарненского района Ровенской области (Украина).

⁷⁶¹ Ровно — уездный город Волынской губернии, ныне административный центр Ровенской области (Украина).

⁷⁶² Каменка — железнодорожный разъезд, ныне станция Каменца-Волынская.

⁷⁶³ Бучач — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне административный центр Бучачского района Тернопольской области (Украина).

⁷⁶⁴ Гнездишно — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Гнездычно в Збаражском районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁶⁵ Игровица — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Збаражском районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁶⁶ Тернополь — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Тернополь, административный центр Тернопольской области (Украина).

⁷⁶⁷ Фердинанд I (1865—1927) — король Румынии в 1914—1927 гг.

⁷⁶⁸ Подгайцы — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне административный центр Подгаецкого района Тернопольской области (Украина).

⁷⁶⁹ Увсе — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Вився в Козовском районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁷⁰ Кальне — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Кальное в Козовском районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁷¹ Мужилов — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Подгаецком районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁷² Ухринув — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Угринов в Подгаецком районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁷³ Вежбув — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Вербов в Подгаецком районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁷⁴ Мондзелиовка — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Мозолева в Подгаецком районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁷⁵ Соснув — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Соснов в Тербовлянском районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁷⁶ Рыбники — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Бережанском районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁷⁷ Куропатники — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Бережанском районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁷⁸ Подшумлянце — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Галичском районе Ивано-Франковской области (Украина).

⁷⁷⁹ Бржезаны — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне город Бережаны, административный центр Бережанского района Тернопольской области (Украина).

⁷⁸⁰ Рогатин — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне административный центр Рогатинского района Ивано-Франковской области (Украина).

⁷⁸¹ Большеовце — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне поселок городского типа Большеовцы в Галичском районе Ивано-Франковской области (Украина).

⁷⁸² Завалув — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Завалов в Подгаецком районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁸³ Гнильче — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне село в Подгаецком районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁸⁴ Носув — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Подгаецком районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁸⁵ Артамонов Леонид Константинович (1859—1932) — генерал от инфантерии (1913), командир 16-го армейского корпуса в 1911—1914 гг. За крайне неудачные действия корпуса в Восточной Пруссии в августе 1914 г. был отчислен от должности.

⁷⁸⁶ Безобразов Владимир Михайлович (1857—1932) — генерал от кавалерии (1913), генерал-адъютант (1914), командир Гвардейского корпуса в 1912—1915 гг., командовал Гвардейским отрядом и войсками гвардии в 1915—1916 гг. Был отчислен от должности в августе 1916 г.

⁷⁸⁷ Гулевич Арсений Анатольевич (1866—1947) — генерал-лейтенант (1914), командир 42-го армейского корпуса в 1916—1917 гг.

⁷⁸⁸ Кто палку взял — тот и капрал! — *(Примеч. автора.)*

⁷⁸⁹ Ворпаховский. — *(Примеч. автора.)*

⁷⁹⁰ Свистельники — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в составе села Свитанок в Галичском районе Ивано-Франковской области (Украина).

⁷⁹¹ Сарники, Дольне — деревни в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в составе села Сарники в Рогатинском районе Ивано-Франковской области (Украина).

⁷⁹² Бокув — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Боков в Подгаецком районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁹³ Рудники — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне село в Подгаецком районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁹⁴ Дыгтяин — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Подгаецком районе Тернопольской области (Украина).

⁷⁹⁵ Романовский Михаил Всеволодович (1863—?) — полковник (1915), командир 45-го Сибирского стрелкового полка в 1915—1916 гг.

⁷⁹⁶ «Эггертова болезнь» стала нарицательной фразой. — (Примеч. автора.)

⁷⁹⁷ Фиалковский Алексей Флегонтович (1859—?) — генерал-майор (1915), командир 12-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады в 1914—1916 гг.

⁷⁹⁸ Видимо, имеется в виду усыпальница Клеменса Рачинского (1839—1886), владельца замка в Завалове в 1847—1886 гг.

⁷⁹⁹ Жолновка (совр. Жовновка), Потуторы — деревни в Галиции (Австро-Венгрия), ныне села в Бережанском районе Тернопольской области (Украина).

⁸⁰⁰ Контрданс (фр.).

⁸⁰¹ Николаев — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Николаев, административный центр Николаевского района Львовской области (Украина).

⁸⁰² В лоб да стеной! — (Примеч. автора.)

⁸⁰³ Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857—1932) — генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1915), командующий 7-й армией в 1915—1917 гг.

⁸⁰⁴ Головин Николай Николаевич (1875—1944) — генерал-майор (1915), и.д. начальника штаба 7-й армии в 1915—1917 гг. Генерал-лейтенант (1917).

⁸⁰⁵ Славентын — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Славятин в Бережанском районе Тернопольской области (Украина).

⁸⁰⁶ В совокупности (лат.).

⁸⁰⁷ Изолгались мы и исподличались до невероятия! — (Примеч. автора.)

⁸⁰⁸ Пусть консулы будут бдительны! (лат.)

⁸⁰⁹ «Благоденствующая — растленная — победоносная», но лишь над другой — подлинной, народной, страдающей и угнетенной, покоренной Русью («мы» и «они»!). — (Примеч. автора.)

⁸¹⁰ Мейбомит (лат.) — острое гнойное воспаление железы хряща века.

⁸¹¹ Уже верх павианского цинизма: начальник 13-й дивизии генерал «Шулер» из *Бокува* выслал при непроездности дорог за своей «кузиной» автомобиль, впряженный в несколько пар лошадей!! И это — при тех успехах дивизии, оказанных ей в последних боях и при общей страде

солдат!! Вот истинные плодители «революционеров-мстителей»! — (Примеч. автора.)

⁸¹² Монастержиска — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Монастыриска, административный центр Монастырисского района Тернопольской области (Украина).

⁸¹³ Весь путь представлял печальную картину истерзанной снарядами земли и обращенных в каменную кашу и труху человеческих жилищ. — (Примеч. автора.)

⁸¹⁴ Хорошей миной при плохой игре (фр.).

⁸¹⁵ Продолжают поступать рапорты, что лошади за неотпуском фуража голодают и перестают работать. — (Примеч. автора.)

⁸¹⁶ Делаю что могу! (лат.).

⁸¹⁷ Даже о захвате у противника таких трофеев, как суспензории, — ни слова! — (Примеч. автора.)

⁸¹⁸ Ступин Георгий Владимирович (1860—?) — генерал-лейтенант (1916), командир 7-го Сибирского корпуса в октябре 1916 — апреле 1917 г. В апреле—августе 1917 г. командовал 9-й армией, был уволен от службы в октябре 1917 г. В 1918 г. служил в армии Украинской Державы.

⁸¹⁹ Один из них улизнул в тыл, минуя перевязочн[ый] отряд и лазареты! — (Примеч. автора.)

⁸²⁰ Чувства личного достоинства они в солдате не признают. — (Примеч. автора.)

⁸²¹ Сухомлин Семен Андреевич (1867—1928) — генерал-лейтенант (1916), начальник штаба Юго-Западного фронта в 1916—1917 гг.

⁸²² «Корнет Ашинов»! — (Примеч. автора.)

⁸²³ В ее глазах только те хорошие и честные служаки, к[ото]рые умеют угождать всяким ее бабьим капризам... — (Примеч. автора.)

⁸²⁴ Из областей, «исторгнутых из-под власти России». — (Примеч. автора.)

⁸²⁵ Козова — местечко в Галиции (Австро-Венгрия), ныне поселок городского типа, административный центр Козовского района Тернопольской области (Украина).

⁸²⁶ Штюрмер Борис Владимирович (1848—1917) — действительный статский советник (1891), обер-камергер (1916), министр внутренних дел с марта по июль 1915 г., председатель Совета Министров с января по ноябрь 1916 г.

⁸²⁷ На основании германской радиотелеграммы. — (Примеч. автора.)

⁸²⁸ Наивен и способен еще болезненно чувствовать и разочаровываться. — (Примеч. автора.)

⁸²⁹ Дмитрий Павлович (1891—1942) — великий князь, флигель-адъютант (1912), штабс-ротмистр Лейб-гвардии Конного полка (1914). Участник убийства Г.Е. Распутина.

⁸³⁰ Юсупов Феликс Феликсович (1887–1967) — князь, граф Сумароков-Эльстон. Участник убийства Г.Е. Распутина.

⁸³¹ Жмеринка — безуездный город Винницкого уезда Подольской губернии, ныне административный центр Жмеринского района Винницкой области (Украина).

⁸³² Фастов — местечко Васильковского уезда Киевской губернии, ныне город, административный центр Фастовского района Киевской области (Украина).

⁸³³ Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869–1918) — один из секретарей Г.Е. Распутина (с 1914 г.), чиновник для особых поручений при Штюрмере (1916). В августк 1916 г. был арестован по обвинению в вымогательстве и уволен со службы.

⁸³⁴ Имеется в виду С.П. Кравков.

⁸³⁵ Александр I Обренович (1876–1903) — король Сербии в 1889–1903 гг.; Драга (1861–1903) — королева-консорт Сербии. Были убиты группой офицеров-заговорщиков в ходе Майского переворота 1903 г.

⁸³⁶ Николай Михайлович (1859–1919) — великий князь, генерал от инфантерии (1913), генерал-адъютант (1903).

⁸³⁷ Фредерикс Борис Владимирович (1838–1927) — граф (1913), генерал от инфантерии (1913), генерал-адъютант (1896), министр императорского двора в 1897–1917 гг.

⁸³⁸ Питирим /Окнов/ (1858–1920) — митрополит Петроградский и Ладожский в 1915–1917 гг.

⁸³⁹ Имеется ввиду императрица Александра Федоровна.

⁸⁴⁰ Царя (лат.).

⁸⁴¹ Тишины (лат.).

⁸⁴² Александр Михайлович (1866–1933) — великий князь, адмирал (1915), генерал-адъютант (1909).

⁸⁴³ Следовательно (лат.).

⁸⁴⁴ Проскуров — уездный город Подольской губернии, ныне Хмельницкий, административный центр Хмельницкой области (Украина).

⁸⁴⁵ На ответственные должности назначаются по соображениям каким угодно, кроме интересов дела. — (Примеч. автора.)

⁸⁴⁶ Выглядят какими-то теньями — хриплые, безголосые... — (Примеч. автора.)

⁸⁴⁷ Оссовский Петр Степанович (1860–?) — генерал-майор (1915), начальник 13-й Сибирской стрелковой дивизии в 1916–1917 гг.

⁸⁴⁸ Видимо, имеется в виду фрейлина А.А. Вырубова (1884–1964).

⁸⁴⁹ Ивашинцев Николай Васильевич (1872–1933) — генерал-лейтенант (1916), с февраля 1917 г. занимал должность инспектора артиллерии 7-го Сибирского армейского корпуса.

⁸⁵⁰ Как органическое звено в общей заржавленной цепи! — (Примеч. автора.)

⁸⁵¹ Литвинов — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Литвинов в Подгаецком районе Тернопольской области (Украина).

⁸⁵² Сёлко — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне не существует.

⁸⁵³ Кордюков Павел Алексеевич (1862—1930) — генерал-лейтенант (1915), начальник 23-й пехотной дивизии в 1915—1917 гг.

⁸⁵⁴ Будучи по формуляру женатым! Сей бутафорский генерал слывет под удачной кличкой «Муде». — (Примеч. автора.)

⁸⁵⁵ Шумляны — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Подгаецком районе Тернопольской области (Украина).

⁸⁵⁶ Архипович Николай Георгиевич (1869—?) — генерал-майор (1915), начальник 12-й Сибирской стрелковой дивизии в 1916 — 1917 гг.

⁸⁵⁷ Осужденные на смерть (лат.).

⁸⁵⁸ Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — юрист и государственный деятель, действительный тайный советник, обер-прокурор Святейшего синода в 1880—1904 гг.

⁸⁵⁹ Александр III (1845—1894) — император Всероссийский в 1881—1894 гг.

⁸⁶⁰ Реноме, репутация (фр.).

⁸⁶¹ Кого Бог хочет обмануть — лишает разума! (лат.).

⁸⁶² В курсе дела стоит, между прочим, [офицер] штаба — серьезный господин прапорщик Парщевский. — (Примеч. автора.)

⁸⁶³ Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924) — лидер партии октябристов, действительный статский советник (1906), гофмейстер (1899), председатель III и IV Государственной думы (1907—1917).

⁸⁶⁴ Царь (лат.).

⁸⁶⁵ Государственном перевороте (фр.).

⁸⁶⁶ Царя (лат.).

⁸⁶⁷ Видимо, имеются в виду князь Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) — член I Государственной думы (1906), министр-председатель Временного правительства в марте—июле 1917 г., и Львов Николай Николаевич (1867—1944) член I, III и IV Государственной думы в 1906 и 1907—1917 гг.

⁸⁶⁸ Керенский Александр Федорович (1881—1970) — член IV Государственной думы в 1912—1917 гг., лидер фракции «трудовиков», в марте-апреле 1917 г. — министр юстиции, в апреле-сентябре 1917 г. — военный и морской министр, в июле-октябре 1917 г. — министр-председатель Временного правительства.

⁸⁶⁹ Мануйлов Александр Аполлонович (1861—1929) — ученый-экономист, член ЦК кадетской партии в 1907—1914 гг., министр народного просвещения Временного правительства в марте-июле 1917 г.

⁸⁷⁰ Терещенко Михаил Иванович (1886—1956) — крупный предприниматель, общественный деятель. Министр финансов (в марте—мае 1917 г.), министр иностранных дел (в мае—октябре 1917 г.) Временного правительства.

⁸⁷¹ Годнев Иван Васильевич (1854—1919) — член I, III и IV Государственной думы в 1906 и 1907—1917 гг., Государственный контролер в марте—июле 1917 г.

⁸⁷² Коновалов Александр Иванович (1875—1949) — член IV Государственной думы в 1912—1917 гг., министр торговли и промышленности Временного правительства в марте—мае и в сентябре—октябре 1917 г.

⁸⁷³ Некрасов Николай Виссарионович (1879—1940) — член ЦК кадетской партии в 1909—1915 гг., член III и IV Государственной думы в 1907—1917 гг. Министр путей сообщения (с марта по июль 1917 г.) и финансов (с августа по сентябрь 1917 г.) Временного правительства.

⁸⁷⁴ Царя (*лат.*).

⁸⁷⁵ Протопопов Александр Дмитриевич (1866—1918) — действительный статский советник (1912), министр внутренних дел в 1918—1917 гг.

⁸⁷⁶ Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918) — министр юстиции в 1906—1915 гг., председатель Государственного совета в январе-феврале 1917 г.

⁸⁷⁷ Выпущены шлиссельбуржцы, дана свобода «во глубине сибирских руд хранящим гордое терпенье»... — (*Примеч. автора.*)

⁸⁷⁸ Имеется в виду император Николай II.

⁸⁷⁹ *noblesse oblige* (*фр.*) — положение обязывает.

⁸⁸⁰ Людовик XVI (1754—1793) и Мария-Антуанетта (1755—1793) — король и королева Франции в 1774—1792 гг., после Великой французской революции были казнены на гильотине.

⁸⁸¹ А тем более «дать в морду»! — (*Примеч. автора.*)

⁸⁸² Я сразу почувствовал, что мы с ним ведь из плебеев! — (*Примеч. автора.*)

⁸⁸³ Взаимоотношения, воспитанные царским правительством!! — (*Примеч. автора.*)

⁸⁸⁴ Михаил Александрович (1878—1918) — великий князь, младший брат императора Николая II, генерал-лейтенант (1916), генерал-адъютант (1916), член Государственного совета в 1901—1917 гг.

⁸⁸⁵ И многих пробестий — ванек каинов! — (*Примеч. автора.*)

⁸⁸⁶ После сделанного (*лат.*).

⁸⁸⁷ Владимир I Святой (ок. 960—1015) — великий князь Киевский в 978—1015 гг., креститель Руси (988 г.).

⁸⁸⁸ Геймовский Вадим Александрович (?—?) — штабс-капитан (1917), офицер штаба 7-го Сибирского армейского корпуса.

⁸⁸⁹ Всякие обиды друг другу предали забвению! — (*Примеч. автора.*)

⁸⁹⁰ Под орудийный грохот на позициях. — (*Примеч. автора.*)

⁸⁹¹ Яблонувка — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне село Яблоновка в Подгаецком районе Танопольской области (Украина).

⁸⁹² От 13 марта. — (*Примеч. автора.*)

⁸⁹³ Чаговец Всеволод Андреевич (1877—1950) — публицист, украинский театровед и театральный критик.

⁸⁹⁴ Этих, в сущности, злых дьяволов организован[ного] разврата и разбоя! — (*Примеч. автора.*)

⁸⁹⁵ Царя (*лат.*).

⁸⁹⁶ Бурденко Николай Нилович (1876—1946) — хирург, приват-доцент Юрьевского университета (1910). В марте—мае 1917 г. занимал должность и.д. Главного военно-санитарного инспектора. Основоположник советской нейрохирургии, генерал-полковник медицинской службы (1944), академик и первый президент АМН СССР (1944—1946).

⁸⁹⁷ Алмазов Василий Иванович (1857—?) — член IV Государственной думы в 1912—1917 гг., в марте 1917 г. был назначен комиссаром Временного комитета Государственной думы и Временного правительства по Управлению верховного начальника санитарной и эвакуационной части.

⁸⁹⁸ Степун Федор Августович (1884—1965) — философ, социолог, историк, литератор.

⁸⁹⁹ Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844—1934) — деятель революционного движения, одна из основателей партии эсеров.

⁹⁰⁰ 74-й пехотный Ставропольский полк.

⁹⁰¹ Гронский Павел Павлович (1883—1937) — член IV Государственной думы в 1912—1917 гг., в 1916 г. вступил в кадетскую партию, входил в состав ее ЦК.

⁹⁰² Демидов Игорь Платонович (1873—1946) — член IV Государственной думы в 1912—1917 гг., член ЦК кадетской партии с мая 1917 г.

⁹⁰³ Дуров Алексей Алексеевич (1880—?) — член IV Государственной думы в 1912—1917 гг., входил в состав кадетской фракции.

⁹⁰⁴ 73-й пехотный Крымский полк.

⁹⁰⁵ Осужденные на смерть (*лат.*).

⁹⁰⁶ Незамедлительно, без подготовки (*лат.*).

⁹⁰⁷ Необходимо теперь скорейшее «заключение мира во что бы то ни стало», ценой хоть большой контрибуции, чтобы только спасти нашу молодую свободу. — (*Примеч. автора.*)

⁹⁰⁸ Из двух зол надо выбрать меньшее (*лат.*).

⁹⁰⁹ Чхеидзе Николай Семенович (1864—1926) — член III и IV Государственной думы в 1907—1917 гг., глава фракции меньшевиков. Председатель Петроградского Совета рабочих депутатов в феврале-сентябре 1917 г.

⁹¹⁰ Свечин Владимир Владимирович (1871—1944) — полковник (1913), флигель-адъютант (1905).

⁹¹¹ Полная разнuzданность эгоистических вожделений, также классовых, национальных, групповых, партийных и пр. Кажется — вот-вот разорвут на кусочки матушку-Россию при увлечении доктринерскими теориями... — (*Примеч. автора.*)

⁹¹² Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924) — русский революционер, основатель коммунистической партии и советского государства. В апреле 1917 г. прибыл в Петроград из эмиграции.

⁹¹³ Старому режиму (*фр.*).

⁹¹⁴ Ганнибал у ворот (*лат.*).

⁹¹⁵ И совершенно беспрепятственно по своей незрелости ломали бы головы и себе, и другим. — (*Примеч. автора.*)

⁹¹⁶ Два месяца, как мы объявились (не сделали еще) гражданами! — (*Примеч. автора.*)

⁹¹⁷ Шульгин Василий Витальевич (1878—1976) — член II, III и IV Государственной думы в 1907—1917 гг.

⁹¹⁸ Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1959) — лидер меньшевиков, член II Государственной думы (1906). В 1907—1917 гг. отбывал каторгу. В марте—сентябре 1917 г. входил в состав исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов. Министр почт и телеграфов в мае—июле 1917 г., министр внутренних дел в июле 1917 г.

⁹¹⁹ Родичев Федор Измайлович (1854—1976) — член I, II, III и IV Государственной думы (1906—1917), один из лучших думских ораторов.

⁹²⁰ Одержимых неизлечимым сужением поля психического зрения — духовных дальтони́стов, не владеющих искусством тонкого психологического обхождения с людьми! — (*Примеч. автора.*)

⁹²¹ И близорукого провокаторства из-за красных бантов!! — (*Примеч. автора.*)

⁹²² Миллер Евгений-Людвиг Карлович (1867—1939) — генерал-лейтенант (1914), командир 26-го армейского корпуса в 1916—1917 гг.

⁹²³ «Жалею, что не умер я 2 месяца назад!» — воскликнул в отчаянии он. Слушатели же ему на это аплодировали!!! — (*Примеч. автора.*)

⁹²⁴ Миклашевский Михаил Петрович (1866—?) — литературный критик и публицист, писавший под псевдонимом «Неведомский».

⁹²⁵ Человек человеку — волк (*лат.*).

⁹²⁶ С агитацией ко всеобщей революции, поставивши в ближайшую задачу дня созыв международной социалистич[еской] конференции. — (Примеч. автора.)

⁹²⁷ И ты, Брут! (лат.).

⁹²⁸ Ради собственной выгоды (лат.).

⁹²⁹ Особенно же — революционного футуризма!! — (Примеч. автора.)

⁹³⁰ Царицын — уездный город Саратовской губернии, ныне Волгоград, административный центр Волгоградской области.

⁹³¹ Лавдовский Владимир Александрович (1864—1932) — генерал-лейтенант (1917), с апреля 1917 по январь 1918 г. занимал должность командира 7-го Сибирского армейского корпуса.

⁹³² Барнаул — уездный город Томской губернии, ныне административный центр Алтайского края.

⁹³³ Енисейск — губернский город Енисейской губернии, ныне административный центр Енисейского района Красноярского края.

⁹³⁴ Своего рода (лат.).

⁹³⁵ Идиотские, ставшие шаблонными требования «взять свои слова обратно»! Дело-то ведь не в словах! А в убеждениях и мыслях, к[ото]рых уж никак не возьмешь обратно по одному только приказу! — (Примеч. автора.)

⁹³⁶ «Правда», «Дело народа» и им подобные футуристические газеты подстрекают народ к насилию... Ленины и все вылезшее исчадие ада из подполья беспрепятственно творят свое злое дело. «День» приводит слова какого-то жирондиста, что революция подобна Сатурну, пожирающему своих детей, и боится, как бы наша прекрасная революция, наоборот, не была бы съедена своими собственными детьми! — (Примеч. автора.)

⁹³⁷ Савинков Борис Викторович (1879—1926) — один из лидеров партии эсеров, руководитель ее боевой организации. Комиссар Временного правительства в 7-й армии в мае-июне 1917 г., комиссар Юго-Западного фронта в июне-июле 1917 г.

⁹³⁸ 52-й Сибирский стрелковый полк.

⁹³⁹ Без подготовки, спешно (лат.).

⁹⁴⁰ Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) — государственный деятель, действительный тайный советник (1899), министр внутренних дел в 1902—1904 гг. Погиб в результате теракта.

⁹⁴¹ Сергей Александрович (1857—1905) — великий князь, генерал-лейтенант (1896), Московский генерал-губернатор в 1891—1905 гг. Убит эсером-террористом.

⁹⁴² Карл I (1887—1922) — император Австрии и король Венгрии в 1916—1918 гг.

⁹⁴³ Не можем (*лат.*).

⁹⁴⁴ Гутор Алексей Евгеньевич (1868—1938) — генерал-лейтенант (1914), главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта в мае—июле 1917 г.

⁹⁴⁵ А будет ли еще оно? Не откроем ли мы сами свой фронт германцам, чтобы они нас поостепенили и водворили свой порядок без Учредительного собрания? — (*Примеч. автора.*)

⁹⁴⁶ Не можем... (*лат.*)

⁹⁴⁷ С непременно «постольку-поскольку»! — (*Примеч. автора.*)

⁹⁴⁸ Макензен Август (1849—1945) — германский военачальник, генерал-фельдмаршал (1915).

⁹⁴⁹ Константин I (1868—1923) — король Греции в 1913—1917 и 1920—1922 гг.

⁹⁵⁰ Не навреди (*лат.*).

⁹⁵¹ Белькович Леонид Николаевич (1859—?) — генерал-лейтенант (1914), командующий 7-й армией в апреле—июне 1917 г. Генерал от инфантерии (1917).

⁹⁵² Как не верил в успех нашего оружия с самого начала кампании; на бывшие же quasi-успехи смотрел и смотрю как на случайные: ведь и дураки нечаянно могут иногда умное слово сказать! — (*Примеч. автора.*)

⁹⁶³ Ольховец — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Бережанском районе Тернопольской области (Украина).

⁹⁶⁴ Посухов — деревня в Галиции (Австро-Венгрия), ныне село в Бережанском районе Тернопольской области (Украина).

⁹⁵⁵ Лигнау Александр Георгиевич (1875—1938) — генерал-майор (1917), начальник штаба 7-го Сибирского армейского корпуса в апреле—августе 1917 г. Впоследствии служил в армиях гетмана Скоропадского и А.В. Колчака. С 1920 г. в РККА. Комбриг (1936). Репрессирован, реабилитирован в 1956 г.

⁹⁵⁶ И подчас внушающих им *bona fide*. — (*Примеч. автора.*) *Bona fide* (*лат.*) — доверие.

⁹⁵⁷ Между прочим, большой соблазн для солдат вносит 54 ст. — «недостаток зубов». — (*Примеч. автора.*)

⁹⁵⁸ Отбила несколько немецких контратак. (*примеч. автора*)

⁹⁵⁹ Гнев тевтонский (*лат.*).

⁹⁶⁰ Языкоблудия, лентяйства, разгильдяйства и бесчинства! — (*Примеч. автора.*)

⁹⁶¹ С большой охотой принял бы подданство германское, но не хотелось бы быть германским военнопленным! — (*Примеч. автора.*)

⁹⁶² К одному из «самоопределившихся» хамов, стоявшему перед министром в вызывающе небрежной позе, Керенский обратился с вопро-

сом: «Скажите, товарищ, а перед Сухомлиновым вы так бы стояли бы и критиковали его деятельность? Осмелились ли бы вы на это? Нет, потому что вы — рабы и трусы!» — *(Примеч. автора.)*

⁹⁶³ «Увы, сомненья нет», что мы теперь воюем с более негодными средствами, чем при царском режиме!! — *(Примеч. автора.)*

⁹⁶⁴ Заслуживает быть отмеченным как общий факт, что зараза разложения почти совсем не коснулась кавалерийских частей. — *(Примеч. автора.)*

⁹⁶⁵ Калуш — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне административный центр Калушского района Ивано-Франковской области (Украина).

⁹⁶⁶ чертежей *(лат.)*.

⁹⁶⁷ Старого режима *(фр.)*.

⁹⁶⁸ Вследствие самовольного отхода с позиций целой дивизии! Немцы чуть ли не забрали уже *Езерно!* — *(Примеч. автора.)*

⁹⁶⁹ Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — генерал от инфантерии (1917), главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта в июле 1917 г., Верховный главнокомандующий в июле—августе 1917 г. Видный деятель Белого движения.

⁹⁷⁰ Черемисов Владимир Андреевич (1871—1937) — генерал-лейтенант (1917), командующий 8-й армией в июле 1917 г. Генерал от инфантерии (1917).

⁹⁷¹ Каторги же не боятся: говорят, что и на каторге живут люди!! Еще говорят: «Дали нам свободу, а заставляют идти на смерть!!» — *(Примеч. автора.)*

⁹⁷² Бялокерница — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Белокриница в Подгаецком районе Тернопольской области (Украина).

⁹⁷³ Доброводы — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне в Монастырискском районе Тернопольской области (Украина).

⁹⁷⁴ Медведовце — село в Галиции (Австро-Венгрия), ныне Медведовцы в Бучачском районе Тернопольской области (Украина).

⁹⁷⁵ Колчак Александр Васильевич (1874—1920) — вице-адмирал (1916), командующий Черноморским флотом в 1916—1917 гг. Видный деятель Белого движения.

⁹⁷⁶ Низвергли у дикарей богов; теперь эти дикари приятно предвкушают их возвращение!

⁹⁷⁷ Рассчитываю все, что до Киева путем отступательного марша я скорее доберусь, чем если поеду эвакуированным!! — *(Примеч. автора.)*

⁹⁷⁸ На основании опыта *(лат.)*.

⁹⁷⁹ Бердичев — уездный город Киевской губернии, ныне административный центр Бердичевского района Житомирской области (Украина).

⁹⁸⁰ Гусятин — город в Галиции (Австро-Венгрия), ныне поселок городского типа, административный центр Гусятинского района Тернопольской области (Украина).

⁹⁸¹ Житомир — уездный город Волынской губернии, ныне административный центр Житомирской области (Украина).

⁹⁸² Проскуров — уездный город Подольской губернии, ныне Хмельницкий, административный центр Хмельницкой области (Украина).

⁹⁸³ Ермолинцы — местечко Проскуровского уезда Подольской губернии, ныне поселок городского типа Ярмолинцы, административный центр Ярмолинского района Хмельницкой области (Украина).

⁹⁸⁴ Волочиск — местечко в Староконстантиновском уезде Волынской губернии, ныне город, административный центр Волочисского района Хмельницкой области (Украина).

⁹⁸⁵ Винница — уездный город Подольской губернии, ныне административный центр Винницкой области (Украина).

⁹⁸⁶ Казатин — безуездный город Бердичевского уезда Киевской губернии, ныне административный центр Казатинского района Винницкой области (Украина).

⁹⁸⁷ Цветаев Александр Алексеевич (1886—1938) — земский врач, член партии эсеров с 1905 г. В 1917 г. занимал должность начальника санитарного управления Юго-Западного фронта.

⁹⁸⁸ Юань Шикай (1859—1916) — президент Китайской Республики в 1912—1915 гг., император Китая в 1915—1916 гг.

⁹⁸⁹ Бахмач — местечко Конотопского уезда Черниговской губернии, ныне город, административный центр Бахмачского района Черниговской области (Украина).

⁹⁹⁰ Тихонова Пустынь — железнодорожная станция в Калужской губернии, ныне на территории Московского района г. Калуги.

⁹⁹¹ Солотча — село Рязанского уезда и губернии, популярная дачная местность, ныне городской район Рязани.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е.С. СИНЯВСКАЯ</i>	3
<i>М.А. РОССИЙСКИЙ</i> ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ КРАВКОВ И ЕГО ВЗГЛЯД НА ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ	4
ДНЕВНИК В.П. КРАВКОВА	24
1914	24
1915	108
1916	192
1917	282
ПРИМЕЧАНИЯ	354

Научно-популярное издание

Военные мемуары

Кравков Василий Павлович

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА БЕЗ РЕТУШИ

Записки корпусного врача

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *Л.Г. Тумян*

Верстка *И.В. Резникова*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доб. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 20.08.2014. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Петербург».

Печ. л. 13. Тираж 1500 экз. Заказ № 2387.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru